

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

№1/2022

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО
SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

2022 г. Том 13. № 1

2022. Vol. 13. No. 1

Московский государственный
психолого-педагогический университет

Moscow State University
of Psychology and Education

«СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО»

**Включен в перечень ВАК. Включен в РИНЦ.
Включен в базу Web of Science. Включен в базу SCOPUS.**

Главный редактор
Наталия Толстых

Ответственный секретарь
Елена Виноградова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
О.А. Гулевич, Е.М. Дубовская, В.А. Лабунская,
А.В. Махнач, Н.К. Радина, О.Е. Хухлаев, Л.А. Цветкова,
Т.И. Шульга (Россия), М. Линч (США), Х. Паласиос (Испания),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь), И.Д. Плотка (Латвия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель
Александр Донцов

Заместитель председателя
Наталия Толстых

Заместитель председателя
Вера Лабунская

Члены редакционного совета
Л.А. Цветкова, Т.И. Шульга (Россия), Ф. Зимбардо (США),
М. Линч (США), И. Маркова (Великобритания), Х. Паласиос (Испания),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь), И.Д. Плотка (Латвия),
А.А. Файзуллаев (Узбекистан), К. Хелкама (Финляндия)

УЧРЕДИТЕЛЬ
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический
университет»

Все права защищены. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций
возможны только с письменного разрешения редакции.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.
Тираж 500 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Миронова А.А.* Использование информационно-коммуникационных технологий и социальный капитал: природа взаимосвязи 5
- Семенова Н.Б.* Современные представления о роли социальных факторов в развитии интернет-зависимого поведения у детей и подростков (по материалам зарубежных исследований) 22

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Синявская Я.Э.* Онлайн-коммуникация в социальных медиа: как опыт утраты приватности отражается на поведении пользователей 33
- Улыбина Е.В., Антонова А.А.* Связь веры в справедливость с типичностью комплементарных стереотипов богатых и бедных 51
- Пищик В.И., Лобачева А.О.* Особенности религиозности и веры представителей «Информационного» и «Нового» поколений 70
- Постникова М.И., Микляева А.В., Сиврикова Н.В., Регуш Л.А.* Изменения жизнестойкости представителей разных поколений россиян в начале XXI века 87
- Муминова А.М., Титов А.С., Батхина А.А., Григорьев Д.С.* Профили политической идентичности россиян: роль моральных оснований, оправдания системы и сопротивления изменениям 104
- Шамионов Р.М., Бочарова Е.Е., Невский Е.В.* Роль ценностей в приверженности молодежи различным видам социальной активности 124
- Григорьева М.В., Шаров А.А., Заграничный А.И.* Структура и мотивация социальной активности и ее соотношение с гражданским самосознанием молодежи 142
- Тылец В.Г., Краснянская Т.М., Иохвидов В.В.* Сценарии личной безопасности субъекта конфликтного взаимодействия 159
- Эрдогду М.Ю.* Роль достижений, контроля импульсивности, гендерной принадлежности и демократического стиля воспитания как предикторов качества дружбы среди учащихся (на английском языке) 174
- Ермолаев В.В., Воронцова Ю., Четверикова А.И., Насонова Д.К.* Вектор управления организационной культурой органов внутренних дел: психические состояния и «картина мира» сотрудников в динамике социальных страхов пандемии COVID-19 189

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА

- Семья Г.В., Станилевский В.В., Газарян А.А., Некрасов А.С.* Доказательный подход в управлении: доказательный менеджмент и доказательная политика 209

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- Толстых Н.Н.* Хронотоп человека без определенного места жительства 224

CONTENTS

THEORETICAL RESEARCH

- Mironova A.A.* The Use of Information and Communication Technologies and Social Capital: the Nature of the Correlation 5
- Semenova N.B.* Advanced Concepts of the Role of Social Factors in the Development of Internet Addiction Behavior in Children and Adolescents (Based on Foreign Studies) 22

EMPIRICAL RESEARCH

- Sinyavskaya Y.E.* Online Social Media Communication: the Effect of Having Privacy Violation Experience on Online Behavior 33
- Ulybina E.V., Antonova A.A.* Relation of Belief in Justice to the Typicality of Complementary Stereotypes of the Rich and the Poor 51
- Pishchik V.I., Lobacheva A.O.* Features of Religiosity and Faith of Representatives of the “Information” and “New” Generations 70
- Postnikova M.I., Miklyaeva A.V., Sivrikova N.V., Regush L.A.* Changes in the Hardiness of Generations’ Representatives of Russians at the Beginning of the XXI Century 87
- Muminova A., Titov A., Batkhina A., Grigoryev D.* Russian Political Identity Profiles: The Role of Moral Foundations, System Justification, and Resistance to Change 104
- Shamionov R.M., Bocharova E.E., Nevsky E.V.* The Role of Values in the Commitment of Young People to Various Types of Social Activity 124
- Grigoryeva M.V., Sharov A.A., Zagranichniy A.I.* The Structure of Social Activity and its Correlation with the Civic Consciousness of Young People 142
- Tylets V.G., Krasnyanskaya T.M., Iokhvidov V.V.* Personal Security Scenarios of Subject of Conflict Interaction 159
- Erdogdu M.Yu.* Roles of Achievement, Impulse Control, Gender, and Democratic Parenting as Predictors of Friendship Quality Among Students 174
- Ermolaev V.V., Voroncova J., Chetverikova A.I., Nasonova D.K.* The Vector of Managing the Organizational Culture of the Internal Affairs Bodies: Mental States and the “Picture of the World” of Employees in the Dynamics of Social Fears of the COVID-19 Pandemic 189

APPLIED RESEARCH AND PRACTICE

- Semya G.V., Stanilevsky V.V., Gazaryan A.A., Nekrasov A.S.* Evidence-Based Approach in Management: Evidence-Based Management and Policy 209

DISCUSSIONS AND DISPUTATIONS

- Tolstykh N.N.* Chronotope of a Person without a Fixed Place of Residence 224

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ THEORETICAL RESEARCH

Использование информационно-коммуникационных технологий и социальный капитал: природа взаимосвязи

Миронова А.А.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7182-4643>, e-mail: nusa13@rambler.ru

Цель. Критический анализ опыта имеющихся исследований о взаимосвязи между вовлеченностью в использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и социальным капиталом; формулировка авторского представления о существующих ограничениях имеющихся исследований о связи ИКТ и социального капитала.

Контекст и актуальность. Развитие ИКТ создает новую социальную реальность и выступает основой для развития новых социальных практик. В связи с распространением ИКТ и, в частности, интернета в последнее время происходят глобальные изменения в технологическом контексте коммуникаций. Социальный капитал как важнейший продукт социального взаимодействия может определяться развитием ИКТ и в то же время сам влиять на развитие ИКТ. Какова природа этой взаимосвязи, как будет меняться социальный капитал в условиях развития ИКТ, как социальный капитал влияет на включенность в использование ИКТ — вот основные вопросы, которым посвящено данное исследование.

Основные выводы. Существующие исследования признают наличие взаимосвязи между социальным капиталом и развитием ИКТ. При этом как социальный капитал определяет характер и интенсивность использования ИКТ, так и ИКТ влияет на создание и поддержание социального капитала. Это взаимное влияние проявляется себя не только на индивидуальном, но и на коллективном уровне. В то же время имеющиеся исследования о связи ИКТ и социального капитала имеют ряд ограничений, среди которых: несбалансированность уровней анализа при изучении связи ИКТ и социального капитала; недостаток теоретических объяснений механизма влияния ИКТ на социальный капитал; недостаток исследований, обобщающих имеющиеся на сегодняшний день знания о связи ИКТ и социального капитала.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, социальный капитал, интернет, коммуникация.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 19-18-00169.

Для цитаты: Миронова А.А. Использование информационно-коммуникационных технологий и социальный капитал: природа взаимосвязи // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 1. С. 5–21. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130101>

The Use of Information and Communication Technologies and Social Capital: the Nature of the Correlation

Anna A. Mironova

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7182-4643>, e-mail: nusa13@rambler.ru

Objective. *Critical analysis of existing research about the correlation between involvement in the use of information and communication technologies (ICT) and social capital; formulation of the author's point of view on limitations of existing research about the correlation between ICT and social capital.*

Background. *The development of ICT creates a new social reality and appearance of new social practices. Spreading of ICT and, in particular, the Internet, defines global changes in the technological context of communications. Social capital as one of the most important products of social interaction can be determined by the development of ICT, and at the same time social capital can influence the development of ICT. What is the nature of this relationship, how social capital will change in the context of ICT's development, and how social capital affects the inclusion people in ICT's using — these are the main questions that this study focuses on.*

Conclusions. *Existing studies prove the correlation between social capital and developing of ICT. In doing so, both social capital influences the nature and intensity of ICT's using, and ICT influence the creation and maintenance of social capital. This link can be analyzed not only on the individual, but also on the collective level. At the same time, the existing studies on the relationship between ICT and social capital have some limitations. Among the main limitations: imbalance in the levels of analysis (individual and collective levels) in studies on the relationship between ICT and social capital; lack of theoretical explanations of link mechanism between ICT and social capital; lack of studies that summarize the current knowledge about the relationship between ICT and social capital.*

Keywords: *information and communication technologies, social capital, Internet, communication.*

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 19-18-00169.

For citation: Mironova A.A. The Use of Information and Communication Technologies and Social Capital: the Nature of the Correlation. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 1, pp. 5–21. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130101> (In Russ.).

Введение

Развитие информационно-коммуникационных технологий конструирует новую социальную реальность и выступает основой для новых социальных практик. Некоторые исследователи сравнивают масштаб влияния ИКТ на жизнь общества с переворотом, связанным с изобретением колеса и паруса [7]. Социальные переменные довольно часто ассоциируются с развитием технологий [22]. В некоторых случаях такие понятия, как «информатизация», «коммуникация»,

«культура», рассматриваются в рамках единой парадигмы как взаимосвязанные в своем развитии понятия [2; 9].

Коммуникация — это социально обусловленный процесс, подразумевающий передачу и восприятие информации в условиях межличностного и массового общения через посредство различных каналов и коммуникативных средств [1]. В свою очередь, ИКТ «представляют собой широкий спектр цифровых технологий, используемых для создания, передачи и распространения информации и оказания услуг, среди которых выделяются

компьютерное оборудование, программное обеспечение, телефонные линии, сотовая связь, электронная почта, сотовые и спутниковые технологии, сети беспроводной и кабельной связи, мультимедийные средства, а также интернет» [12, с. 1].

В последнее время произошли глобальные изменения в технологическом контексте коммуникаций за счет распространения ИКТ и, в частности, интернета. Благодаря развитию ИКТ у людей появились дополнительные возможности для объединения по интересам, для профессионального общения и развития профессиональных контактов, для поддержания связи с близкими и друзьями, кто находится далеко. Все большую роль в процессе коммуникации начинают играть социальные интернет-сети. Наряду с этим наблюдается рост мобильности коммуникаций за счет массового внедрения мобильных ИКТ-устройств: смартфонов, планшетов и других гаджетов. Таким образом, развитие ИКТ значительно расширило возможности обмена информацией и социальных взаимодействий.

Одним из важнейших продуктов социального взаимодействия выступает социальный капитал. Согласно Бурдьё, социальный капитал представляет собой «агрегацию действительных или потенциальных ресурсов, связанных с включением в прочные сетевые или более-менее институционализированные отношения взаимных обязательств или признаний» [21, с. 248]. Именно в процессе объединения действий нескольких людей создается социальный капитал. При этом информация является важнейшим элементом в процессе формирования социального капитала. Социальный капитал могут создать только люди, которые заполняют коммуникационные каналы информацией, имеющей значение и единые смыслы [11].

Основной вопрос, которому посвящено данное исследование: как связано развитие ИКТ с формированием социального капитала?

Классификация исследований

Взаимосвязь между социальным капиталом и развитием информационных технологий признается исследователями [59], однако зачастую механизм этой взаимосвязи остается «расплывчатым», а направление связи — неоднозначным [16].

Несмотря на то, что вопрос о направлении связи между переменными практически всегда остается открытым, условно исследования о связи социального капитала и ИКТ можно разделить на те, где социальный капитал выступает в качестве зависимой переменной, и те, где социальный капитал — это независимая переменная [59]. Кроме этого, социальный капитал в таких исследованиях может рассматриваться на индивидуальном или коллективном уровне. Основная часть работ, посвященных исследованию связи ИКТ и социального капитала, фокусируется на таких видах ИКТ, как интернет и телевидение, поэтому и в данном исследовании в основном рассматриваются именно эти виды ИКТ.

1. Социальный капитал на коллективном уровне (зависимая переменная). Влияние использования ИКТ на социальный капитал на коллективном уровне оказалось неоднозначным. В некоторых исследованиях [42] было обнаружено, что, с одной стороны, количество времени, проведенного возле телевизора, отрицательно связано с участием в политике. С другой стороны, просмотр новостей и передач, где обсуждаются актуальные общественные события, может оказывать положительное влияние на «демократическое здоровье

государства» [59]. С этой точки зрения не только телевидение, но и интернет-пространство может выступать ресурсом публичной сферы и играть роль платформы для мобилизации социального капитала.

Современные ИКТ дают возможность для включения практически каждого члена общества в демократические процессы управления [7]. Гражданское взаимодействие через посредство ИКТ (например, онлайн-митинги) может выступать альтернативой традиционных способов объединения граждан для выражения своей гражданской позиции, таких как уличные пикеты, шествия, митинги и демонстрации. Да и в организации офлайн-собраний могут быть использованы ИКТ как инструмент, снижающий временные и экономические затраты на организацию. Так, если раньше для привлечения граждан на митинг политическим партиям требовались значительные ресурсы, то теперь в большинстве онлайн-социальных сетей (например, в «Facebook»¹, в «ВКонтакте») есть возможность приглашать пользователей на мероприятия и организовывать массовые рассылки. ИКТ являются важным инструментом для гражданского контроля за деятельностью органов государственной власти (например, онлайн-экспертизы, онлайн-оценки, онлайн-опросы) [4]. Также было отмечено, что ИКТ способствует нейтрализации негативных для социума проявлений социального капитала. Так, активное использование интернета среди населения способствует более открытой демократической дискуссии, что снижает риски узурпации власти среди узкой группы и распространения коррупции. В то же время отмечается, что сами по себе информационные технологии без

накопленного социального капитала не способны стать опорой демократии [51].

Некоторые правительственные и международные организации подчеркивают важность исследований о влиянии ИКТ на социальный капитал в обществе, предполагая, что ИКТ сокращает потребность в обеспечении личной безопасности и повышает эффективность труда на рабочих местах [54]. Ожидается, что ИКТ будут способствовать взаимодействию между людьми, что потенциально повысит интенсивность социальных взаимодействий и расширит участие в общественно важных делах [25; 28]. И в некоторых исследованиях действительно подтверждается подобная взаимосвязь. Так, было показано, что использование интернета оказывает положительное влияние на тесноту связей между соседями. Доступность и использование ИКТ способствуют укреплению и расширению добрососедских отношений [33]. Несмотря на то, что использование интернета зачастую ассоциируется с усилением социальной изоляции, было обнаружено, что вовлеченность в интернет-пространство способствовала более частым и тесным соседским контактам и более высокой гражданской активности.

Кроме этого, использование ИКТ дает возможность быстро мобилизовываться и совершать коллективные действия даже в условиях слабых социальных связей между членами общества [33; 34]. ИКТ могут быть полезным инструментом для представителей малых групп, объединенных общими интересами и целями [38]. ИКТ также могут способствовать укреплению и расширению социальных сетей, обеспечивая доступ к ресурсам, которые могут быть мобилизованы для действий, укрепляя солидарность в социальных группах [45].

¹ С 21 марта 2022 года официально запрещен на территории России.

Была обнаружена связь между ИКТ и социальным капиталом в образовательной сфере [17]. Внедрение новых ИКТ в образовательный процесс связано с глобализацией рынка образовательных услуг. В связи с этим использование ИКТ способствует расширению международной академической кооперации, что укрепляет академический социальный капитал.

2. *Социальный капитал на индивидуальном уровне (зависимая переменная)*. Часть исследований указывает на *положительное влияние* использования индивидом ИКТ на его социальный капитал. Было показано, что ИКТ могут увеличивать социальный капитал за счет облегчения доступа индивидов к новой информации [38; 57] и создания сетевой инфраструктуры [23]. Благодаря ИКТ расширяется доступ к референтным группам и увеличивается возможность присоединения к ним [10]. Кроме этого, ИКТ могут способствовать приумножению социального капитала в связи с тем, что повышается доступность социального взаимодействия [24]. Так, появление интернета сделало общение между людьми свободным от ограничения, обусловленного территориальной удаленностью. В настоящее время интернет зачастую является более доступным средством общения, чем общение в режиме офлайн. Поэтому люди нередко используют ИКТ для общения с родственниками, друзьями, знакомыми [57]. На основе данных по России и некоторым европейским странам было показано, что активность использования интернета положительно влияет на социальный капитал [13].

В исследовании о связи между использованием социальных сетей, в частности Facebook², и социальным капиталом была установлена положительная связь [27]. Использование Facebook² может представлять

особую важность для людей с низкой самооценкой и низким уровнем удовлетворенности жизнью. Социальная сеть опосредует общение между людьми и позволяет им создавать новую форму социального капитала — «виртуальный социальный капитал», который дополняет социальный капитал, созданный в режиме офлайн. Виртуальный социальный капитал «можно определить как ресурс, определяющий прочность коммуникативных связей в условиях виртуального социального пространства, заключающийся, прежде всего, в потенциале нормативного регулирования социально-коммуникативной системы и выражающийся в уровне взаимного доверия между коммуникантом и реципиентом» [8].

Социальная активность индивида через посредство ИКТ может выступать способом социальной компенсации для тех, кто не удовлетворен своими социальными отношениями в реальной жизни [56], испытывает стресс и находится в конфликте с кем-то из своего ближайшего окружения [37]. Отмечается, что при снижении эмоциональной глубины реального общения люди начинают отдавать предпочтение опосредованным формам взаимодействия, например, через посредство ИКТ [5].

ИКТ, как правило, способствует развитию социальных взаимодействий там, где уже есть ядро социальных связей [39]. Например, интернет чаще всего благоприятствует поддержанию социальных связей с теми, кто уже знаком, но «труднодоступаем» физически (по крайней мере поддерживающая функция ИКТ в данном случае более выражена, чем для знакомых, с которыми индивид видится часто или вообще никогда не виделся). Таким образом, нельзя сказать, что интернет является самоподдерживающейся и самодостаточ-

² С 21 марта 2022 года официально запрещен на территории России.

ной социальной системой. Скорее можно говорить о том, что хорошо функционирующие социальные группы используют интернет для облегчения коммуникаций. Безусловно, бывают случаи, когда виртуальные знакомства перерождаются в сильные и устойчивые социальные связи, такие как дружба, брак. Однако это бывает относительно редко [39].

В то же время влияние ИКТ на социальный капитал может зависеть от формы социальной активности в интернете [44]. Можно условно выделить две формы: 1) поддержание или усиление существующих социальных связей, например, с друзьями, родственниками, знакомыми (инвестиции в «сильные связи»); 2) создание новых социальных связей (инвестиции в «слабые связи»). Другими словами, ИКТ могут использоваться для усиления «сильных связей» и развития «слабых связей» [48; 49]. В зависимости от того, на какой из видов социальных связей интернет будет воздействовать больше, может меняться соотношение компонентов социального капитала у отдельных индивидов за счет расширения возможности получить эмоциональную поддержку от близких людей («сильные связи») или усиления доступа к новым возможностям благодаря развитию «слабых связей» [31; 32].

Преумножение социального капитала за счет использования ИКТ особенно актуально в первую очередь для «слабых социальных связей» [34]. Исследование о влиянии ИКТ на социальные связи молодежи [3] свидетельствует о том, что активное использование ИКТ среди молодежи ведет к трансформации силы «слабых» и «сильных социальных связей». Направление этой трансформации связано с развитием и укреплением «слабых связей», что можно отнести к положительным эффектам, так как именно «слабые связи» являются основой наращивания социаль-

ного капитала. В свою очередь «сильные связи» в условиях активного использования ИКТ, наоборот, ослабевают. За счет использования ИКТ происходит рост интенсивности социальных связей, обусловленный увеличением частоты взаимодействий между индивидами. Также под влиянием ИКТ происходят ролевые подвижки, которые обусловлены тем, что для среды ИКТ характерна значительно более низкая степень формализованности коммуникаций, чем в реальном мире [3].

В то же время другие исследования [40] свидетельствуют об *отрицательном влиянии* ИКТ на социальный капитал. Они показывают, что распространение ИКТ может подрывать социальный капитал и способствовать «деиндивидуализации» (de-individuation) общения. При этом «деиндивидуализация» описывается как чувство отчужденности, оторванности от общества. В данном случае важным дифференцирующим фактором выступает цель использования ИКТ. Например, если ИКТ используется для поиска информации или общения, то это способствует укреплению и преумножению социального капитала. В то время как если ИКТ используется для развлечения, например, для игр, то это может способствовать отстранению человека от реального мира и разрушению его социального капитала [39; 52].

В связи с этим одно из основных опасений, связанных с распространением интернета, состоит в том, что развитие ИКТ приведет к тому, что обособленные индивиды будут взаимодействовать друг с другом на уровне крупных объединений и государства. В то время как сообщества среднего уровня (например, соседское сообщество), которые обеспечивают своим членам чувство принадлежности и поддержку, перестанут существовать [58].

Другое негативное влияние ИКТ на социальный капитал связано с тем, что

использование ИКТ сокращает время, которое люди тратят на личные встречи [46]. Это может привести к ослаблению частных межличностных коммуникаций, выражающемуся в сокращении контактов с родственниками, друзьями, коллегами, соседями, а также к сокращению вовлеченности в общение с людьми, которые территориально близко расположены [33]. Кроме того, связи, которые формируются посредством общения через интернет, могут по своей природе значительно отличаться от традиционных (офлайн) социальных связей [51].

Среди других потенциально опасных последствий распространения ИКТ выделяют развитие у людей зависимости от использования ИКТ, например, интернет-зависимости, которая грозит социальной изоляцией и разрывом социальных связей вне информационного пространства [3]. Также на фоне все большего внедрения ИКТ появляется риск отчуждения индивидов друг от друга, обусловленный нарушением коммуникации. Это связано с изменениями в языке коммуникаций, который является регулятором социальных связей. В среде общения посредством ИКТ широко используется специфическая лексика, сокращения, а также различные символы (смайлы, эмодзи и др.). Это создает риск деградации навыка вербальной коммуникации, что грозит отсутствием взаимопонимания среди индивидов [3].

В связи с распространением ИКТ появляется такое понятие, как «фаббинг» (phubbing), подразумевающее под собой «проявление пренебрежения к другому индивиду посредством отвлечения на гаджет во время реального общения» [6, с. 61]. Активное использование гаджетов в повседневной жизни негативно отражается на интимности и тесноте личных взаимоотношений. В то время как близкие отношения играют ключевую роль в удовлетворении

таких базовых потребностей, как потребности в принятии, любви, близости и заботе. Исследования показывают, что использование ИКТ не в состоянии полностью удовлетворить эти потребности [6].

Ряд исследователей приходят к *неоднозначным* выводам относительно связи между ИКТ и социальным капиталом. Было показано, что ИКТ могут быть по-разному связаны с разными формами социального капитала. Так, ИКТ может способствовать усилению соединяющего социального капитала и сокращению связывающего [57; 58]. Б. Велман с коллегами [57; 58] выделяют три формы социального капитала: сетевой капитал (неформальные отношения с друзьями, соседями и коллегами), партисипативный капитал (участие в политических и общественных организациях) и включенность в сообщества (доверие и участие в организациях). На основе данных по США авторы показали, что использование интернета дополняет сетевой капитал, усиливает партисипативный капитал и в то же время снижает социальный капитал, связанный с включенностью в сообщества.

В некоторых исследованиях утверждается, что ИКТ не оказывает существенного влияния ни на усиление, ни на ослабление социального капитала, а просто заменяет традиционную деятельность, связанную с формированием и развитием социального капитала [36]. С этой точки зрения ИКТ (например, интернет) выполняет роль зеркала, которое отражает повседневную жизнь человека. То, что люди делают в интернете, в значительной степени представляет собой то, чем они занимаются в реальной жизни [55].

3. Социальный капитал как независимая переменная. В исследованиях, где социальный капитал выступает в качестве независимой переменной, изучается влияние социального капитала на развитие

и использование ИКТ. Социальный капитал может рассматриваться как ресурс, способный повлиять на участие индивида в использовании ИКТ. Обнаружено, что в обществах с высоким социальным капиталом создается благоприятная среда для развития и укрепления социальных сетей на основе использования ИКТ [20]. Также высокий социальный капитал способствует более позитивному отношению к технологическим изменениям в целом [20]. Социальный капитал является хоть и не достаточным, но необходимым условием для эффективного сотрудничества по вопросам технологических инноваций [29]. Социальный капитал оказывает положительное влияние на развитие технологических инноваций [53].

Кроме этого, было отмечено, что в случае «сильных» социальных связей индивиды могут оказывать влияние друг на друга, чтобы адаптировать и расширить использование ИКТ для поддержки социальных связей. А в случае «слабых» социальных связей использование ИКТ среди членов социальной сети в большей степени определяется общими сложившимися в данном сообществе установками относительно использования ИКТ [35]. То, как люди взаимодействуют друг с другом с помощью ИКТ, во многом определяется именно характером социальных связей между ними [43].

Социальный капитал выступает важным фактором, влияющим на получение доступа к ИКТ. Это связано с тем, что получение доступа к ИКТ подразумевает реализацию определенных действий. В частности, необходимо принять решение о том, стоит ли покупать компьютер, какой именно компьютер выбрать, как его настроить, какое программное обеспечение предпочесть и так далее. Зачастую в решении этих вопросов люди используют свои социальные связи, прибегая к

помощи друзей и знакомых. Например, индивид может обратиться к коллегам за помощью в установке программного обеспечения, перенять опыт использования той или иной программы, посоветоваться о том, стоит ли приобретать гаджеты ребенку и т.д. [15]. Исследования показывают, что наличие опытных «юзеров» среди знакомых является одним из решающих условий для включенности индивида в пользование ИКТ [26].

Социальный капитал может рассматриваться как основа стабильности функционирования виртуальных социальных систем. В этом случае используется понятие «виртуального социального капитала», который играет роль ресурса «прочности и долговечности социально-коммуникативной связи между агентами в системе виртуальной социальной коммуникации, в ситуации коммуникации, опосредованной ИКТ» [8]. При этом отмечается, что фундаментальной основой виртуального социального капитала, так же как и реального социального капитала, выступает доверие. В свою очередь, доверие характеризуется как возникающее в рамках определенного сообщества ожидание того, что все его члены будут вести себя честно, проявляя готовность к взаимопомощи в соответствии с общепринятыми нормами, культурными традициями, обычаями и этическими ценностями [14].

Ограничения имеющихся исследований о связи ИКТ и социального капитала

Проведенный анализ исследований о связи ИКТ и социального капитала свидетельствует о том, что в научном дискурсе пока не сформировано единое представление о характере связи между ИКТ и социальным капиталом. Эмпирические

исследования данной связи получают отличающиеся, а зачастую и противоречивые результаты. Несмотря на то, что, как было показано ранее, существует немало исследований, посвященных взаимосвязи ИКТ и социального капитала, некоторые области остаются слабо разработанными. Среди основных «пробелов» в сфере исследования связи ИКТ и социального капитала можно выделить [59]: 1) несбалансированность уровней анализа при изучении связи ИКТ и социального капитала; 2) недостаток теоретических объяснений механизма связи ИКТ и социального капитала; 3) недостаток исследований, обобщающих имеющиеся на сегодняшний день знания о связи ИКТ и социального капитала. Указанные пробелы не являются изолированными, а, напротив, неразрывно связаны друг с другом. Рассмотрим каждую из выделенных проблем отдельно.

1. Несбалансированность уровней анализа при изучении связи ИКТ и социального капитала. Большая часть исследований, посвященных рассмотрению зависимости между ИКТ и социальным капиталом, анализирует социальный капитал на коллективном уровне, в то время как индивидуальный уровень изучен меньше. Частично это может быть связано со спецификой самой концепции социального капитала, в рамках которой большой акцент делается именно на коллективных аспектах социального капитала [59]. В то же время в некоторых исследованиях [41] отмечается, что смещение уровней анализа при изучении связи ИКТ и социального капитала может быть полезно с исследовательской точки зрения, так как деление уровней анализа на макро и микро является условным. Взаимодействие между социальным капиталом и ИКТ происходит как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Однако эти изменения

не являются синхронными по времени. Сначала ИКТ начинают внедряться и использоваться отдельными индивидами, а через какое-то время получают распространение среди широких масс, что создает коллективный эффект [50].

В связи с этим рассмотрение связи ИКТ и социального капитала отдельно на индивидуальном или коллективном уровне представляется неполным с точки зрения понимания механизма, лежащего в основе связи между индивидуальным и коллективным уровнями [59]. Оценки эффектов внедрения и распространения ИКТ на социальный капитал на уровне индивидов могут служить основой для прогнозов влияния ИКТ на социальный капитал на уровне всего социума. До тех пор, пока не будут прояснены ключевые вопросы о связи между ИКТ и социальным капиталом на индивидуальном уровне, вряд ли появится понимание того, какой эффект ИКТ имеет для социального капитала на уровне общества [59].

2. Недостаток теоретических объяснений механизма связи ИКТ и социального капитала. В имеющихся исследованиях о связи ИКТ и социального капитала чаще всего констатируется связь между ИКТ и социальным капиталом, обсуждается характер и направление этой связи. В то же время практически отсутствует объяснение того, почему потребление ИКТ приводит к изменению в социальном капитале, или почему разному уровню социального капитала соответствует разная степень включенности в ИКТ [59]. Р.Д. Патнэмом было предложено следующее объяснение причинно-следственной связи между временем, проведенным у экранов, и снижением социального капитала: «Просмотр вещей (особенно электронных экранов) отнимает все больше и больше нашего времени, в то время как другим делам (особенно общению с людьми

ми) мы отводим все меньше времени» [47, с. 9]. Однако это объяснение нельзя назвать универсальным и исчерпывающим для понимания связи между ИКТ в целом и социальным капиталом.

3. Недостаток исследований, обобщающих знания о связи ИКТ и социального капитала. В исследованиях, посвященных анализу связи ИКТ и социального капитала, как правило, рассматривается одна конкретная ИКТ — например, телевидение или интернет. В зависимости от того, какая именно ИКТ попадает в фокус анализа, выводы о связи ИКТ и социального капитала могут кардинально отличаться. В предыдущих исследованиях основное внимание уделялось такому виду ИКТ, как телевидение, в более новых исследованиях больший акцент делается на интернете. Если речь идет о такой ИКТ, как телевидение, то было отмечено, что просмотр телевизора негативно сказывается на социальной активности и способствует снижению социального капитала [46]. В то же время большое количество современных исследований, которые сфокусированы на анализе других ИКТ, в том числе интернета, говорят о положительном влиянии ИКТ на формирование социального капитала за счет появления возможностей для онлайн-коммуникаций [33; 57].

Таким образом, выводы о связи ИКТ с социальным капиталом в значительной степени определяются типом анализируемой ИКТ, а значит результаты, основанные на исследованиях одной конкретной технологии, не могут быть распространены на другие технологии без определенных оговорок. Это затрудняет возможность обобщения получаемых эмпирических результатов и создания универсальной объясняющей теории [59]. Именно универсальность является важной характеристикой теории, определяющей ее объ-

ясняющую способность. Чем шире круг явлений, которые способна объяснить теория, тем выше ее ценность [19].

Создание универсальной теории особенно актуально именно в случае с ИКТ еще и потому, что новые ИКТ появляются и развиваются быстрее, чем когда-либо. При этом развитии новых ИКТ происходит в условиях технологической конвергенции, которая проявляется в том, что информационные и коммуникационные технологии смешиваются между собой и создаются более сложные комплексные средства распространения информации [18]. Примером технологической конвергенции является современный смартфон, который объединяет в себе функции телефона, фотоаппарата, персонального компьютера, электронной книги и других устройств.

Заключение

В данной работе были проанализированы существующие исследования о связи ИКТ и социального капитала. Для классификации исследований о данной связи мы использовали два критерия: уровень анализа социального капитала (коллективный и индивидуальный уровни) и условное направление связи между социальным капиталом и ИКТ (социальный капитал как зависимая и как независимая переменная).

Проведенное исследование позволило обозначить три основных «пробела» в области исследования связи ИКТ и социального капитала: 1) несбалансированность уровней анализа при изучении связи ИКТ и социального капитала; 2) недостаток теоретических объяснений механизма связи ИКТ и социального капитала; 3) недостаток исследований, обобщающих имеющиеся на сегодняш-

ний день знания о связи ИКТ и социального капитала. Дальнейшие исследования в области связи ИКТ и социального капитала было бы целесообразно фокусировать на преодолении обозначенных пробелов. Также к числу важных задач для дальнейших исследований относится разработка путей решения проблем, выявленных в области исследований о связи ИКТ и социального капитала.

Подводя итог, важно отметить, что исследования о связи между ИКТ и социальным капиталом имеют ключевое значение на современном этапе развития общества. Влияние внедрения ИКТ на современную жизнь отдельного человека и общества

в целом является глобальным и требует участия государства как агента, устанавливающего «правила игры» в данной сфере. Результаты исследований о связи между ИКТ и социальным капиталом могут быть полезны при разработке и совершенствовании информационного права на государственном уровне. Основная задача регулирующих органов в данном контексте сводится к созданию условий для минимизации негативных последствий диджитализации для жизни общества в целом и для жизни отдельных индивидов в частности, в том числе с точки зрения создания благоприятной среды для формирования и развития социального капитала.

Литература

1. *Бориснёв С.В.* Социология коммуникации: учеб. пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 270 с.
2. *Жеребин В.М., Махрова О.Н.* Информатизация общества и развитие новых форм социальных отношений // Народонаселение. 2015. № 1(67). С. 27–35.
3. *Козырева Л.Д., Зверькова С.А.* Трансформация социальных связей молодежи в информационном обществе // Социодинамика. 2017. № 4. С. 94–104.
4. *Колесников В.Н.* Сетевые структуры политической активности в современном российском обществе [Электронный ресурс] // Управленческое консультирование. 2013. № 1(49). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/setevye-struktury-politicheskoy-aktivnosti-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve> (дата обращения: 09.07.2020).
5. *Крайнюков С.В.* Влияние современных информационных технологий на картину мира человека // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 4. С. 23–41. DOI:10.17759/sps.2019100403
6. *Крюкова Т.Л., Екимчик О.А.* Фаббинг как угроза благополучию близких отношений // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3. С. 61–76. DOI:10.17759/spp.2019270305
7. *Левашов В.К., Сарьян В.К., Назаренко А.П., Новоженина О.П., Тощенко И.Ж., Шуштанова И.С., Саломатина Е.В.* Развитие информационно-коммуникационных технологий и перспективы гражданского общества // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 13–20.
8. *Леушкин Р.В.* Виртуальный социальный капитал как условие становления информационного общества [Электронный ресурс] // Философия и культура. 2017. № 3. С. 70–80. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=18206 (дата обращения: 04.05.2020).
9. *Маклюэн М.* Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Канон-Пресс-Ц, 2003. 464 с.
10. *Марарица Л.В., Антонова Н.А., Ерицян К.Ю.* Общение в интернете: потенциальная угроза или ресурс для личности [Электронный ресурс] // Петербургский психологический журнал. 2013. № 5. С. 1–15. URL: <http://ppj.spbu.ru/index.php/psy/article/view/47/23> (дата обращения: 14.08.2021).
11. *Почебут Л.Г., Чикер В.А., Волкова Н.В.* Социально-психологическая модель когнитивного социального капитала организации: факторы формирования и объективация // Организационная психология. 2018. Т. 8. № 3. С. 29–59.

12. Сулейманов М.Д. Технические и программные средства информационно-коммуникационных технологий. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://rosnou.ru/uploads/file/3/a/c/Засе4268fссе1ad62ea67166fb0000с2.pdf> (дата обращения: 04.08.2021).
13. Татарко А.Н. Ценности, социальный капитал и активность использования интернета: сопоставление России и европейских стран // Материалы X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Устойчивое развитие территорий: теория и практика» (г. Сибай, 14–16 ноября 2019 г.). Сибай: Издательский дом «Республика Башкортостан», 2019. С. 248–249.
14. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: Издательство АСТ, 2004. 730 с.
15. Agre P.E. Building community networks / In P.E. Agre, D. Schuler (eds.) // Reinventing technology, rediscovering community: critical explorations of computing as a social practice. Greenwich: Ablex Publishing, 1997. 272 p.
16. Ahmed Z., Alzahrani A. Social capital and ICT intervention: a search for contextual relation // In Proceedings of the 25th European Conference on Information Systems (ECIS), Guimarães, Portugal, June 5-10, 2017. P. 2000–2016. URL: http://aisel.aisnet.org/ecis2017_rp/128 (дата обращения: 10.05.2020).
17. Aleksic-Maslac K., Magzan M. ICT as a tool for building social capital in higher education // Campus-Wide Information Systems. 2012. Vol. 29. № 4. P. 272–280.
18. Allen Consulting Group. Australian Mobile Telecommunications Industry Research commissioned by the Australian Mobile Telecommunication Association (AMTA) [Электронный ресурс]. 2004. URL: <https://docplayer.net/12683172-Australian-mobile-telecommunications-industry.html> (дата обращения: 12.03.2020).
19. Babbie E. Survey Research Methods 2nd Ed. Belmont, Calif: Wadsworth, 1990. 395 p.
20. Borgida E., Sullivan J.L., Oxendine A., Jackson M.S., Riedel E., Gangl A. Civic culture meets the digital divide: The role of community electronic networks // Journal of Social Issues. 2002. Vol. 58. № 1. P. 125–141.
21. Bourdieu P. The forms of capital // Handbook of theory and research for the sociology of education / In J.G. Richardson (ed.). N.Y.: Greenwood, 1985. P. 241–258.
22. Castells M. Toward a sociology of the network society // Contemporary sociology. 2000. Vol. 29. № 5. P. 693–699.
23. Clark L.S. Challenges of social good in the world of Grand Theft Auto and Barbie: A case study of a community computer center for youth // New Media & Society. 2003. Vol. 5. № 1. P. 95–116.
24. Collier P. Social capital and poverty. World Bank, Washington [Электронный ресурс]. 1998. URL: <https://docplayer.net/20818557-Social-capital-and-poverty.html> (дата обращения: 03.04.2020).
25. Department of Communication Information Technology and the Arts. The Role of ICT in Building Communities and Social Capital [Электронный ресурс]. 2005. URL: http://social-capital.net/docs/The_Role_of_ICT_in_Building_Communities_and_Social_Capital.pdf (дата обращения: 30.03.2020).
26. Dowling M. Mapping a future for digital connections: a study of the digital divide in San Diego County [Электронный ресурс]. 2001. URL: https://ia800208.us.archive.org/26/items/ERIC_ED463391/ERIC_ED463391.pdf (дата обращения: 25.03.2020).
27. Ellison N.B., Steinfield C., Lampe C. The benefits of Facebook “friends”: Social capital and college students’ use of online social network sites // Journal of computer-mediated communication. 2007. Vol. 12. № 4. P. 1143–1168.
28. Field J. Social capital. London: Routledge, 2003. 176 p.
29. Fountain J.E. Social Capital: A Key Enabler of Innovation in Science and Technology / In L.M. Branscomb, J. Keller (eds.) // Investing in Innovation: Toward A Consensus Strategy for Federal Technology Policy. Cambridge: MIT Press, 1997.

30. *Franzen A.* Social capital and the Internet: Evidence from Swiss panel data // *Kyklos*. 2003. Vol. 56. № 3. P. 341–360.
31. *Friedkin N.E.* Information flow through strong and weak ties in intraorganizational social networks // *Social networks*. 1982. Vol. 3. № 4. P. 273–285.
32. *Granovetter M.* The Strength of Weak Ties: A Network Theory Revisited // *Sociological Theory*. 1983. Vol. 1. P. 201–233.
33. *Hampton K., Wellman B.* Neighboring in Netville: How the Internet supports community and social capital in a wired suburb // *City & Community*. 2003. Vol. 2. № 4. P. 277–311.
34. *Hampton K.H.* Living the wired life in the wired suburb: Netville, globalization and civil society. Dissertation, University of Toronto [Электронный ресурс]. 2001. URL: https://www.researchgate.net/profile/Keith_Hampton2/publication/35725433_Living_the_wired_life_in_the_wired_suburb_microform_netville_globalization_and_civil_society/links/565459ca08ae1ef929769558.pdf (дата обращения: 13.02.2020).
35. *Haythornthwaite C.* Strong, weak, and latent ties and the impact of new media // *The information society*. 2002. Vol. 18. № 5. P. 385–401.
36. *Kavanaugh A.L., Patterson S.J.* The impact of community computer networks on social capital and community involvement // *American Behavioral Scientist*. 2001. Vol. 45. № 3. P. 496–509.
37. *Lam L.T., Peng Z.W., Mai J.C., Jing J.* Factors associated with Internet addiction among adolescents // *Cyberpsychology & behavior*. 2009. Vol. 12. № 5. P. 551–555.
38. *Lin N.* Social capital: a theory of social structure and action. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 278 p.
39. *Ling R., Yttri B., Anderson B., De Duchia D.* Mobile communication and social capital in Europe / In K. Nyri (ed.) // *Mobile democracy: Essays on society, self, and politics*. Vienna, Austria: Passagen Verlag, 2003. P. 405–419.
40. *Loch K.D., Conger S.* Evaluating ethical decision making and computer use // *Communications of the ACM*. 1996. Vol. 39. № 7. P. 74–83.
41. *Markus M.L., Robey D.* Information technology and organizational change: causal structure in theory and research // *Management science*. 1988. Vol. 34. № 5. P. 583–598.
42. *Norris P.* Does television erode social capital? A reply to Putnam // *PS: Political Science and Politics*. 1996. Vol. 29. № 3. P. 474–480.
43. *Papakyriazis N.V., Boudourides M.A.* Electronic Weak Ties in Network Organisations [Электронный ресурс]. 2001. URL: https://pdfs.semanticscholar.org/7b03/2f006ff5dae3c66a1aa36614137479b49b4a.pdf?_ga=2.1515449.901014859.1596193221-1525981189.1586979185 (дата обращения: 28.03.2020).
44. *Pénard T., Poussing N.* Internet use and social capital: The strength of virtual ties // *Journal of Economic Issues*. 2010. Vol. 44. № 3. P. 569–595.
45. *Pigg K.E., Crank L.D.* Building community social capital: The potential and promise of information and communications technologies // *The Journal of Community Informatics*. 2004. Vol. 1. № 1. P. 58–73.
46. *Putnam R.D.* Bowling Alone: America's Declining Social Capital // *Journal of Democracy*. 1995. Vol. 6. № 1. P. 65–78.
47. *Putnam R.D.* Bowling Slone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon and Schuster, 2000. 541 p.
48. *Resnick P.* Beyond Bowling Together: Sociotechnical Capital / In J. Carroll (ed.) // *HCI in the New Millenium*. Boston MA: Addison-Wesley, 2001. P. 247–272.
49. *Riphagen J., Kanfer A.* How Does E-mail Affect Our Lives? // *Champaign-Urbana, IL: National Center for Supercomputing Applications*. 1997. URL: <http://www.ncsa.uiuc.edu/edu/trg/e-mail/index.html> (дата обращения: 03.06.2020).
50. *Rogers E.M.* Diffusion of innovations (5th ed.). New York: Free Press, 2003.
51. *Shim D.C., Eom T.H.* Anticorruption effects of information communication and technology (ICT) and social capital // *International review of administrative sciences*. 2009. Vol. 75. № 1. P. 99–116.

52. *Srivastava L.* Mobile phones and the evolution of social behaviour // Behaviour & information technology. 2005. Vol. 24. № 2. P. 111–129.
53. *Steinfeld C.* Explaining the Underutilization of Business-to-Business E-Commerce in Geographically Defined Business Clusters: The Role of Social Capital / In M. Huysman, V. Wulf (eds.) // Social Capital and Information Technology. Cambridge: MIT Press, 2004. P. 209–229.
54. The Role of ICT in Building communities and Social Capital Department of Communications [Электронный ресурс] // Information Economy Division. 2005. URL: http://social-capital.net/docs/The_Role_of_ICT_in_Building_Communities_and_Social_Capital.pdf (дата обращения: 12.03.2020).
55. *Uslaner E.M.* Social capital and the net // Communications of the ACM. 2000. Vol. 43. № 12. P. 60–64.
56. *Valkenburg P.M., Peter J.* Online communication and adolescent well-being: Testing the stimulation versus displacement hypothesis // Journal of Computer-Mediated Communication. 2007. № 12. P. 1169–1182.
57. *Wellman B.* Computer networks as social networks // Science. 2001. Vol. 293. № 5537. P. 2031–2034.
58. *Wellman B., Leighton B.* Networks, Neighborhoods and Communities // Urban Affairs Quarterly. 1979. Vol. 14. P. 363–390.
59. *Yang S., Lee H., Kurnia S.* Social capital in information and communications technology research: Past, present, and future // Communications of the Association for Information Systems. 2009. Vol. 25. № 23. P. 183–220.

References

1. Borisnev S.V. Sotsiologiya kommunikatsii: ucheb. posobie [Sociology of communication]. Moscow: UNITY-DANA, 2003. 270 p. (In Russ.).
2. Zherebin V.M., Makhrova O.N. Informatizatsiya obshchestva i razvitie novykh form sotsial'nykh otnoshenii [Informatization of society and development of new forms of social relations]. *Narodonaselenie = Population*, 2015, no. 1(67), pp. 27–35. (In Russ.).
3. Kozyreva L.D., Zver'kova S.A. Transformatsiya sotsial'nykh svyazei molodezhi v informatsionnom obshchestve [Transformation of social ties of youth in the information society]. *Sotsiodinamika = Sociodynamics*, 2017, no. 4, pp. 94–104. (In Russ.).
4. Kolesnikov V.N. Setevye struktury politicheskoi aktivnosti v sovremennom rossiiskom obshchestve [Network structures of political activity in modern Russian Society]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Management consulting*, 2013, no. 1(49). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/setevye-struktury-politicheskoy-aktivnosti-v-sovremennom-rossiyskom-obshchestve> (Accessed 09.07.2020). (In Russ.).
5. Krajnyukov S.V. Vliyanie sovremennykh informatsionnykh tekhnologij na kartinu mira cheloveka [The influence of modern information technologies on the picture of the human world]. *Social'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2019. Vol. 10, no. 4, pp. 23–41. DOI:10.17759/sps.2019100403 (In Russ.).
6. Kryukova T.L., Ekimchik O.A. Fabbing kak ugroza blagopoluchiyu blizkikh otnoshenii [Fabbing as a threat to the well-being of close relationships]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling psychology and psychotherapy*, 2019. Vol. 27, no. 3, pp. 61–76. DOI:10.17759/cpp.2019270305 (In Russ.).
7. Levashov V.K., Sar'yan V.K., Nazarenko A.P., Novozhenina O.P., Toshchenko I.Zh., Shushpanova I.S., Salomatina E.V. Razvitie informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii i perspektivy grazhdanskogo obshchestva [Development of information and communication technologies and prospects of civil society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*, 2016, no. 9, pp. 13–20. (In Russ.).
8. Leushkin R.V. Virtual'nyi sotsial'nyi kapital kak uslovie stanovleniya informatsionnogo obshchestva [Elektronnyi resurs] [Virtual social capital as a condition for the formation of an

- information society]. *Filosofiya i kul'tura = Philosophy and culture*, 2017, no. 3, pp. 70–80. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=18206 (Accessed 04.05.2020). (In Russ.).
9. Maklyuen M. Ponimanie media: Vneshnie rasshireniya cheloveka [Understanding Media: The External Extensions of a Person]. Moscow: Canon-Press-Ts, 2003. 469 p. (In Russ.).
 10. Mararica L.V., Antonova N.A., Ericyan K.YU. Obschenie v internete: potencial'naya ugroza ili resurs dlya lichnosti [Communication on the Internet: a potential threat or resource for the individual]. *Peterburgskii psihologicheskii zhurnal = Petersburg psychological journal*, 2013, no. 5, pp. 1–15. Available at: <http://ppj.spbu.ru/index.php/psy/article/view/47/23> (Accessed 14.08.2021). (In Russ.).
 11. Pochebut L.G., CHiker V.A., Volkova N.V. Social'no-psihologicheskaya model' kognitivnogo social'nogo kapitala organizacii: faktory formirovaniya i ob'ektivaciya [Socio-psychological model of cognitive social capital of an organization: factors of formation and objectification]. *Organizacionnaya psihologiya = Organizational psychology*, 2018. Vol. 8, no. 3, pp. 29–59. (In Russ.).
 12. Sulejmanov M.D. Tekhnicheskie i programnye sredstva informacionno-kommunikacionnykh tekhnologij [Technical and software tools of information and communication technologies]. 2020. Available at: <https://rosnou.ru/uploads/file/3/a/c/3ace4268fccc1ad62ea67166fb0000c2.pdf> (Accessed 04.08.2021). (In Russ.).
 13. Tatarko A.N. Cennosti, social'nyj kapital i aktivnost' ispol'zovaniya interneta: sopostavlenie Rossii i evropejskikh stran [Values, social capital and Internet usage activity: comparison of Russia and European countries]. Materialy X Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem «Ustojchivoe razvitie territorij: teoriya i praktika» (Sibay, November 14–16, 2019 g.) [Materials of the X All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation “Sustainable development of territories: theory and practice”]. Sibay: Publishing House “Republic of Bashkortostan”, 2019, pp. 248–249. (In Russ.).
 14. Fukuyama F. Doverie: social'nye dobrodeteli i put' k procvetaniyu [Trust: social virtues and the path to prosperity]. Moscow: ACT Publishing House, 2004. 730 p. (In Russ.).
 15. Agre P.E. Building community networks. In P.E. Agre, D. Schuler (eds.). *Reinventing technology, rediscovering community: critical explorations of computing as a social practice*. Greenwich: Ablex Publishing, 1997. 272 p.
 16. Ahmed Z., Alzahrani A. Social capital and ICT intervention: a search for contextual relation. In *Proceedings of the 25th European Conference on Information Systems (ECIS)*, Guimarães, Portugal, June 5-10, 2017. P. 2000–2016. Available at: http://aisel.aisnet.org/ecis2017_rp/128 (Accessed 10.05.2020).
 17. Aleksic-Maslac K., Magzan M. ICT as a tool for building social capital in higher education. *Campus-Wide Information Systems*, 2012. Vol. 29, no. 4, pp. 272–280.
 18. Allen Consulting Group. Australian Mobile Telecommunications Industry Research commissioned by the Australian Mobile Telecommunication Association (AMTA). 2004. Available at: <https://docplayer.net/12683172-Australian-mobile-telecommunications-industry.html> (Accessed 12.03.2020).
 19. Babbie E. *Survey Research Methods* 2nd Ed. Belmont, Calif: Wadsworth, 1990. 395 p.
 20. Borgida E., Sullivan J.L., Oxendine A., Jackson M.S., Riedel E., Gangl A. Civic culture meets the digital divide: The role of community electronic networks. *Journal of Social Issues*, 2002. Vol. 58, no. 1, pp. 125–141.
 21. Bourdieu P. The forms of capital. In J.G. Richardson (ed.). *Handbook of theory and research for the sociology of education*. N.Y.: Greenwood, 1985, pp. 241–258.
 22. Castells M. Toward a sociology of the network society. *Contemporary sociology*, 2000. Vol. 29, no. 5, pp. 693–699.
 23. Clark L.S. Challenges of social good in the world of Grand Theft Auto and Barbie: A case study of a community computer center for youth. *New Media & Society*, 2003. Vol. 5, no. 1, pp. 95–116.
 24. Collier P. Social capital and poverty. World Bank, Washington. 1998. Available at: <https://docplayer.net/20818557-Social-capital-and-poverty.html> (Accessed 03.04.2020).

25. Department of Communication Information Technology and the Arts. The Role of ICT in Building Communities and Social Capital. 2005. Available at: http://social-capital.net/docs/The_Role_of_ICT_in_Building_Communities_and_Social_Capital.pdf (Accessed 30.03.2020).
26. Dowling M. Mapping a future for digital connections: a study of the digital divide in San Diego County. 2001. Available at: https://ia800208.us.archive.org/26/items/ERIC_ED463391/ERIC_ED463391.pdf (Accessed 25.03.2020).
27. Ellison N.B., Steinfield C., Lampe C. The benefits of Facebook “friends”: Social capital and college students’ use of online social network sites. *Journal of computer-mediated communication*, 2007. Vol. 12, no. 4, pp. 1143–1168.
28. Field J. Social capital. London: Routledge, 2003. 176 p.
29. Fountain J.E. Social Capital: A Key Enabler of Innovation in Science and Technology. In L.M. Branscomb, J. Keller (eds.). Investing in Innovation: Toward A Consensus Strategy for Federal Technology Policy. Cambridge: MIT Press, 1997.
30. Franzen A. Social capital and the Internet: Evidence from Swiss panel data. *Kyklos*, 2003. Vol. 56, no. 3, pp. 341–360.
31. Friedkin N.E. Information flow through strong and weak ties in intraorganizational social networks. *Social networks*, 1982. Vol. 3, no. 4, pp. 273–285.
32. Granovetter M. The Strength of Weak Ties: A Network Theory Revisited. *Sociological Theory*, 1983. Vol. 1, pp. 201–233.
33. Hampton K., Wellman B. Neighboring in Netville: How the Internet supports community and social capital in a wired suburb. *City & Community*, 2003. Vol. 2, no. 4, pp. 277–311.
34. Hampton K.H. Living the wired life in the wired suburb: Netville, glocalization and civil society. Dissertation, University of Toronto. [Elektronnyi resurs]. 2001. Available at: https://www.researchgate.net/profile/Keith_Hampton2/publication/35725433_Living_the_wired_life_in_the_wired_suburb_microform_netville_glocalization_and_civil_society/links/565459ca08ae1ef929769558.pdf (Accessed 13.02.2020).
35. Haythornthwaite C. Strong, weak, and latent ties and the impact of new media. *The information society*, 2002. Vol. 18, no. 5, pp. 385–401.
36. Kavanaugh A.L., Patterson S.J. The impact of community computer networks on social capital and community involvement. *American Behavioral Scientist*, 2001. Vol. 45, no. 3, pp. 496–509.
37. Lam L.T., Peng Z.W., Mai J.C., Jing J. Factors associated with Internet addiction among adolescents. *Cyberpsychology & behavior*, 2009. Vol. 12, no. 5, pp. 551–555.
38. Lin N. Social capital: a theory of social structure and action. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 278 p.
39. Ling R., Yttri B., Anderson B., De Duchia D. Mobile communication and social capital in Europe. In K. Nyri (ed.). Mobile democracy: Essays on society, self, and politics. Vienna, Austria: Passagen Verlag, 2003, pp. 405–419.
40. Loch K.D., Conger S. Evaluating ethical decision making and computer use. *Communications of the ACM*, 1996. Vol. 39, no. 7, pp. 74–83.
41. Markus M.L., Robey D. Information technology and organizational change: causal structure in theory and research. *Management science*, 1988. Vol. 34, no. 5, pp. 583–598.
42. Norris P. Does television erode social capital? A reply to Putnam. *PS: Political Science and Politics*, 1996. Vol. 29, no. 3, pp. 474–480.
43. Papakyriazis N.V., Boudourides M.A. Electronic Weak Ties in Network Organisations. 2001. Available at: https://pdfs.semanticscholar.org/7b03/2f006ff5dae3c66a1aa36614137479b49b4a.pdf?_ga=2.1515449.901014859.1596193221-1525981189.1586979185 (Accessed 28.03.2020).
44. Pénard T., Poussing N. Internet use and social capital: The strength of virtual ties. *Journal of Economic Issues*, 2010. Vol. 44, no. 3, pp. 569–595.

45. Pigg K.E., Crank L.D. Building community social capital: The potential and promise of information and communications technologies. *The Journal of Community Informatics*, 2004. Vol. 1, no. 1, pp. 58–73.
46. Putnam R.D. Bowling Alone: America's Declining Social Capital. *Journal of Democracy*, 1995. Vol. 6, no. 1, pp. 65–78.
47. Putnam R.D. Bowling Slone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon and Schuster, 2000. 541 p.
48. Resnick P. Beyond Bowling Together: Sociotechnical Capital. In J. Carroll (ed.). HCI in the New Millenium. Boston MA: Addison-Wesley, 2001. P. 247–272.
49. Riphagen J., Kanfer A. How Does E-mail Affect Our Lives? *Champaign-Urbana, IL: National Center for Supercomputing Applications*, 1997. Available at: <http://www.ncsa.uiuc.edu/edu/trg/e-mail/index.html> (Accessed 03.06.2020).
50. Rogers E.M. Diffusion of innovations (5th ed.). New York: Free Press, 2003.
51. Shim D.C., Eom T.H. Anticorruption effects of information communication and technology (ICT) and social capital. *International review of administrative sciences*, 2009. Vol. 75, no. 1, pp. 99–116.
52. Srivastava L. Mobile phones and the evolution of social behaviour. *Behaviour & information technology*, 2005. Vol. 24, no. 2, pp. 111–129.
53. Steinfeld C. Explaining the Underutilization of Business-to-Business E-Commerce in Geographically Defined Business Clusters: The Role of Social Capital. In M. Huysman, V. Wulf (eds.). *Social Capital and Information Technology*. Cambridge: MIT Press, 2004. P. 209–229.
54. The Role of ICT in Building communities and Social Capital Department of Communications. *Information Economy Division*, 2005. Available at: http://social-capital.net/docs/The_Role_of_ICT_in_Building_Communities_and_Social_Capital.pdf (Accessed 12.03.2020).
55. Uslander E.M. Social capital and the net. *Communications of the ACM*, 2000. Vol. 43, no. 12, pp. 60–64.
56. Valkenburg P.M., Peter J. Online communication and adolescent well-being: Testing the stimulation versus displacement hypothesis. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 2007, no. 12, pp. 1169–1182.
57. Wellman B. Computer networks as social networks. *Science*, 2001. Vol. 293, no. 5537, pp. 2031–2034.
58. Wellman B., Leighton B. Networks, Neighborhoods and Communities. *Urban Affairs Quarterly*, 1979. Vol. 14, pp. 363–390.
59. Yang S., Lee H., Kurnia S. Social capital in information and communications technology research: Past, present, and future. *Communications of the Association for Information Systems*, 2009. Vol. 25, no. 23, pp. 183–220.

Информация об авторах

Миронова Анна Алексеевна, кандидат социологических наук, научный сотрудник, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7182-4643>, e-mail: nusa13@rambler.ru

Information about the authors

Anna A. Mironova, PhD in Sociology, Research Fellow, National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7182-4643>, e-mail: nusa13@rambler.ru

Получена 07.05.2021

Принята в печать 28.01.2022

Received 07.05.2021

Accepted 28.01.2022

Современные представления о роли социальных факторов в развитии интернет-зависимого поведения у детей и подростков (по материалам зарубежных исследований)

Семенова Н.Б.

*Научно-исследовательский институт медицинских проблем Севера –
обособленное подразделение ФИЦ КНЦ СО РАН (НИИ МПС),
г. Красноярск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6120-7860>, e-mail: snb237@gmail.com*

Цель. Проанализировать имеющиеся к настоящему времени данные о социальных факторах риска и их влиянии на формирование интернет-зависимости (ИЗ). Определить возможные перспективы дальнейших исследований в области интернет-зависимого поведения у детей и подростков.

Контекст и актуальность. Чрезмерное использование интернета среди детей и подростков представляет серьезную проблему для общественного здравоохранения, однако факторы влияния и механизмы формирования ИЗ остаются в значительной степени неизвестными. Значение социальных факторов в формировании зависимого поведения бесспорно, однако на сегодняшний день отмечается крайняя ограниченность данного рода исследований. До сих пор не выявлены многие механизмы, объясняющие вклад семейных и школьных факторов в развитие ИЗ. Остается открытым вопрос, почему при наличии одинаковых условий воспитания у одних подростков развивается ИЗ, а у других – нет.

Основные выводы. Качество семейных отношений и школьное окружение оказывают существенное влияние на формирование ИЗ у молодых людей. Это влияние опосредуется через развитие определенных черт характера, которые либо способствуют усвоению социальных норм и правил, либо провоцируют зависимое поведение. В то же время социальные факторы влияния нельзя назвать абсолютными. Наличие у подростков таких качеств, как высокий уровень самоконтроля и волевая саморегуляция, обеспечивает устойчивость к развитию ИЗ. Феномен устойчивости является чрезвычайно актуальной, но малоизученной областью, что определяет перспективы дальнейших научных поисков, в том числе и для проблематики интернет-зависимого поведения у детей и подростков.

Ключевые слова: интернет-зависимость, дети, подростки, факторы риска, семья, школа.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 18-29-22032\20.

Для цитаты: Семенова Н.Б. Современные представления о роли социальных факторов в развитии интернет-зависимого поведения у детей и подростков (по материалам зарубежных исследований) // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 1. С. 22–32. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130102>

Advanced Concepts of the Role of Social Factors in the Development of Internet Addiction Behavior in Children and Adolescents (Based on Foreign Studies)

Nadezhda B. Semenova

Scientific Research Institute of Medical Problems of the North FRC KSC SB RAS,
Krasnoyarsk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6120-7860>, e-mail: snb237@gmail.com

Objective. *To analyze the currently available data on social risk factors and their influence on the IA development process and to evaluate possible prospects for further research in the field of Internet addiction behavior in children and adolescents.*

Background. *The excessive Internet use among children and adolescents is known to be a serious public health problem, however, the influence factors and the mechanisms of Internet addiction (IA) remain largely unknown. The importance of social factors in the formation of addictive behavior is undeniable, and currently there seems to be an extremely little information of this kind of research. So far many mechanisms explaining the contribution of family and school factors to the development of IA have not been identified. The question remains open why, with the same conditions of upbringing, some adolescents develop IA, while others do not.*

Conclusions. *The quality of family relationships and the school environment have a significant impact on the IA development process in young people, which is mediated through the development of certain character traits that either facilitate for social norms and rules to be acquired or encourage the addictive behavior. However, social factors of influence cannot be considered to be absolute. The presence in adolescents of such qualities as a high level of self-control and volitional self-regulation provide the resilience to the IA development process. The phenomenon of resilience is an extremely urgent but poorly studied area, which determines the prospects for further scientific research, including the problem of Internet addiction behavior in children and adolescents.*

Keywords: *Internet addiction, children, adolescents, risk factors, family, school.*

Funding. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 18-29-22032\20.

For citation: Semenova N.B. Advanced Concepts of the Role of Social Factors in the Development of Internet Addiction Behavior in Children and Adolescents (Based on Foreign Studies). *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 1, pp. 22–32. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130102> (In Russ.).

Введение

Чрезмерное использование интернета среди детей и подростков представляет серьезную проблему для общественного здравоохранения, однако факторы влияния и механизмы формирования интернет-зависимости (ИЗ) остаются в значительной степени неизвестными. До

сих пор не существует формализованной номенклатуры для обозначения ИЗ [38], хотя большинство исследователей сходятся во мнении, что данное расстройство относится к сфере поведенческих нарушений и характеризуется «чрезмерной озабоченностью или плохо контролируемым поведением, направленным на возможность использования интернета,

приводящим к ухудшению общего состояния или дистрессу» [29, с. 353].

На сегодняшний день существует несколько теоретических моделей, объясняющих формирование патологического использования интернета. Социально-когнитивная модель использования и удовлетворения Р. ЛаРоуз (R. LaRose) объясняет ИЗ как удовлетворение личной потребности в самопрезентации на фоне бегства от реальности [28; 29]. Когнитивно-поведенческая модель Р. Дэвиса [12] рассматривает ИЗ как следствие оперантной обусловленности (или влияния случайно полученного стимула на изменение дальнейшего поведения), при которой зависимое поведение развивается в ответ на положительное подкрепление. Компонентная модель М. Гриффитса [16; 25] трактует ИЗ как расстройство привыкания, механизм которого включает шесть основных компонентов: значимость стимула, изменение настроения, толерантность, симптомы абстиненции, конфликты и рецидивы.

С точки зрения вышеперечисленных моделей чрезмерное использование интернета рассматривается преимущественно в контексте индивидуальных факторов риска. Однако механизмы формирования ИЗ более сложны и разнообразны. Поэтому в настоящее время общепризнанной считается биопсихосоциальная модель, которая рассматривает патологическое использование интернета как расстройство привыкания и объясняет его развитие как следствие сочетанного взаимодействия биологических [1; 33; 43; 46], психологических [2; 22; 26; 37] и социальных [24; 49] факторов.

Значение социальных факторов в формировании зависимого поведения у детей и подростков бесспорно, однако подчеркивается крайняя ограниченность данного рода исследований [6; 8]. До сих

пор не выявлены многие механизмы, объясняющие вклад семейных и школьных факторов в развитие ИЗ. Остается открытым вопрос о том, почему при наличии одинаковых условий воспитания у одних подростков развивается ИЗ, а у других — нет. Поэтому изучение социальных факторов, их роли в формировании ИЗ является актуальной проблемой и привлекает все большее внимание исследователей [54].

Цель исследования. Проанализировать имеющиеся к настоящему времени данные о социальных факторах риска и их влиянии на формирование интернет-зависимого поведения у подростков. Определить возможные перспективы дальнейших исследований в этой области.

Роль семейных факторов

Семья считается одним из главных социальных факторов, участвующих в формировании психического здоровья детей и определяющих их дальнейшую модель поведения. Что касается роли семейных факторов, то в настоящее время доказано влияние на формирование ИЗ низкого социально-экономического статуса семьи, в том числе бедности [7; 9; 40], низкого образовательного уровня родителей [45], проживания в бедном районе [5]. Отмечено, что в бедных районах имеются широкий доступ к компьютерным кафе и агрессивное воздействие рекламы, которые провоцируют и поддерживают интерес к разнообразному онлайн-контенту [10].

Важное значение в формировании ИЗ играет состояние здоровья семьи. Показано, что наличие в семье близких родственников, страдающих психическими заболеваниями, такими как аффективные расстройства или депрессия [27], алкогольная или наркотическая зависи-

мость, существенно увеличивает риск ИЗ у детей и подростков [24].

Большое влияние на формирование зависимого поведения оказывает психологическое неблагополучие семьи и такие его составляющие, как состав и численность семьи, качество семейных отношений. В целом ряде исследований показано, что чрезмерное использование интернета чаще встречается у подростков, воспитывающихся в неполных семьях, в семьях с наличием внутрисемейных конфликтов и низкой сплоченностью [6; 9; 27; 40; 49; 50]. Среди семейных факторов наиболее важными являются качество детско-родительских отношений и степень эмоционального контакта [4; 17; 41]. В благополучных семьях формирование психического здоровья определяется балансом между эмоциональной теплотой, любовью и заботой и адекватным родительским контролем, обеспечивающим усвоение социальных норм и правил социального взаимодействия [15]. В неблагополучных семьях, где присутствуют жестокость и насилие, отсутствует эмоциональная поддержка, риск формирования ИЗ у детей довольно высок. Это происходит как при эмоциональном отвержении (непринятие, игнорирование), так и при индифферентном отношении (равнодушие, холодное отношение, отсутствие сопереживания).

Выявлено, что дефицит эмоциональных контактов приводит к нарушению распознавания, вербализации и регуляции эмоций [20]. У детей, испытывающих эмоциональное отвержение, нарушается восприятие окружающего мира, появляется негативно-настороженное отношение к окружающим людям, что приводит к трудностям социальной адаптации и является предиктором ИЗ [19; 50].

В настоящее время активно изучаются механизмы влияния неблагоприятных

семейных факторов на формирование ИЗ у детей и подростков, таких как жестокое обращение, чрезмерный родительский контроль, физическое или психологическое насилие и других. Так, при изучении взаимосвязи между жестоким обращением в детстве и зависимостью от мобильных телефонов выявлено, что у подростков, испытавших насилие со стороны родителей, появляется чувство одиночества, которое опосредует формирование зависимого поведения [35]. Эффект влияния одиночества на формирование зависимости сильнее выражен у подростков с низким самоконтролем, то есть самоконтроль в данном случае рассматривается как модератор.

Другие авторы [8; 51] объясняют причину влияния жестокого обращения в детстве на предрасположенность к ИЗ тем фактом, что у детей и подростков, переживших насилие, в ответ на психотравму появляются нарушения со стороны психического здоровья, в частности, депрессивные расстройства, которые являются связующим звеном между перенесенным насилием и ИЗ. Эта связь была показана при изучении семейного анамнеза у подростков, страдающих зависимостью от интернет-контента [8], в том числе от онлайн-игр [51].

Изучено влияние стиля семейного воспитания на чрезмерное использование интернета у подростков. Так, в одном из недавних исследований, проведенных Hwang с соавт. [17], была выявлена ассоциация между зависимостью от онлайн-игр у подростков и отсутствием системы родительского вознаграждения. Также показана роль родительского контроля как фактора, влияющего на формирование зависимости от интернета [14] и от онлайн-игр [32]. Механизм возникновения зависимого поведения в обоих случаях был одинаков и объяснялся девиантной

принадлежностью к сверстникам, которая развивалась вследствие недостаточного или избыточного родительского контроля и оказывала опосредованное влияние на формирование игровой зависимости. С. Лин с соавт. (S. Lin et al.) показали, что воздействие эффекта не было линейным, так как механизм влияния включал также психологические параметры, такие как самоконтроль [32]. У подростков с достаточным уровнем самоконтроля не происходила интеграция в девиантные группы даже при отсутствии контроля со стороны родителей. В то время как молодые люди с низким уровнем самоконтроля нуждались в надзоре со стороны взрослых, отсутствие которого предсказывало девиантную принадлежность.

В ряде исследований, проведенных в Южной Корее [18; 21; 44], изучена роль отца в механизме развития зависимости от онлайн-игр у подростков. Выявлено, что негативный стиль общения отца с ребенком (унижение, агрессия) вызывает ответное агрессивное поведение у подростка, приводит к нарушению социализации и опосредует развитие игровой зависимости [21]. То есть механизм формирования ИЗ в данном случае включает несколько звеньев одной цепочки. Анализ отношений «мать—ребенок» не показал такого воздействия.

Другие исследователи продемонстрировали, что недостаточное участие отца в воспитательном процессе представляет собой не единственную проблему, а является одним из компонентов общего семейного неблагополучия. Так, М. Трувала с соавт. (M. Throuvala et al.) обнаружили в таких семьях общий дефицит эмоционального тепла [44], а Х. Чон с соавт. (H. Jeong et al.) выявили наличие частых конфлик-

тов [18]. И в том, и в другом случаях присутствовало эмоциональное отвержение ребенка собственным отцом либо недостаточное участие отца в процессе воспитания. Как следствие игнорирования у детей формировалась низкая самооценка, которая была одним из звеньев в механизме формирования зависимого поведения. Авторы пришли к единому мнению о том, что отцам следует прилагать больше усилий для улучшения навыков открытого и позитивного общения со своими детьми.

По мере взросления эффект воздействия семейного окружения на зависимое поведение детей и подростков снижается, и на первый план выходит влияние подростковой среды. Это было подтверждено в одном из исследований, проведенном в Испании Л. Баденес-Риберой (L. Badenes-Ribera et al.) при изучении ассоциации зависимости от социальных сетей (Facebook¹) с родительской привязанностью у подростков 11–17 лет [3]. В младшем подростковом возрасте отношения с родителями играют значительную роль, и нарушения детско-родительских отношений (игнорирование, неприятие, конфликт) увеличивают риск зависимости от социальных сетей. В то время как для старших подростков на первый план выходят отношения со сверстниками, и нарушение именно этого вида отношений увеличивает риск формирования зависимости. Данное исследование демонстрирует, что в соответствии с законами возрастной психологии влияние родителей и сверстников приобретает разную силу в младших и старших возрастных группах подростков.

Влияние семьи может выступать как в роли фактора риска, так и защитного фактора. Установлено, что семейная спло-

¹ С 21 марта 2022 года официально запрещен на территории России.

ченность, позитивные внутрисемейные отношения, хорошие отношения подростка с родителями, отсутствие семейных конфликтов и адекватный родительский контроль обеспечивают защиту от формирования онлайн-зависимости [17; 47]. В одном из последних исследований, проведенном в Китае [54], на примере влияния виктимизации на формирование ИЗ была доказана защитная функция семьи. Авторы раскрыли двойной механизм этой связи, показав, что связь между виктимизацией и ИЗ частично опосредуется девиантным поведением подростка. При этом у подростков из благополучных семей эта связь была слабее, вследствие чего авторы пришли к выводу о том, что поддержка со стороны близкого семейного окружения является модератором между виктимизацией и девиантным поведением.

Таким образом, качество семейных отношений, сплоченность семьи и эмоциональный контакт оказывают существенное влияние на частоту использования интернета у детей и подростков.

Влияние школьных факторов

Влияние школьных факторов в появлении ИЗ у подростков изучено в меньшей степени. Известно, что к основным школьным факторам, влияющим на формирование здоровья детей и подростков, относится школьный климат, который складывается из многих составляющих — сплоченности или разобщенности классного коллектива, доброжелательности или враждебности педагогического состава и так далее. Позитивный школьный климат включает нормы и ценности, которые создают и поддерживают чувство физической, эмоциональной и социальной безопасности, способствуют личностному развитию учащихся.

Недавние проспективные исследования, проведенные Ю. Лью с соавт. (Y. Liu et al.), показали, что благоприятный школьный климат способствует групповой сплоченности и развивает чувство принадлежности к сверстникам [34]. Это играет важную роль в формировании психологической безопасности и в конечном итоге снижает риск ИЗ у подростков.

Негативный школьный климат приводит к противоположным результатам и часто ассоциирован с патологическим использованием интернета у учащихся [55]. Механизм данной ассоциации Б. Чжай с соавт. (B. Zhai et al.) объясняют появлением симптомов депрессии вследствие групповой разобщенности школьного коллектива, что потенцирует риск формирования ИЗ [55]. Также обнаружена связь негативного школьного климата [53] и буллинга [51] с зависимостью от компьютерных игр. С. Ю с соавт. (C. Yu et al.) обосновывают эту связь развитием чувства одиночества у учащихся [53]. Стремление к компьютерным играм в данном случае более выражено у подростков с низкой волевой саморегуляцией. Полученные результаты подчеркивают, что развитие эмоциональных нарушений — чувства одиночества или депрессии — является потенциальным связующим звеном между неблагоприятным школьным климатом и патологическим увлечением подростков интернетом.

Еще один механизм, объясняющий связь между разобщенностью школьного коллектива и проблемным использованием интернета, был раскрыт Д. Ли с соавт. (D. Li et al.). В их работах было показано, что низкая включенность подростков в школьное сообщество способствует интеграции в другую социальную среду, которая часто бывает девиантной [31]. Тенденция принадлежности к девиантной среде выше у подростков с низким самоконтролем.

Дж. Тан с соавт. (J. Tang et al.) считают, что влияние неблагоприятного школьного климата на развитие ИЗ может быть опосредовано неадаптивным стилем совладающего поведения, который потенцирует эффект стрессовых школьных событий, увеличивая риск формирования зависимости [42].

Изучена роль враждебного отношения со стороны педагогов на увеличение риска патологического использования интернета [13] и игровой зависимости [51]. Механизм этой связи был раскрыт группой ученых из Испании [13], которые обнаружили, что враждебное отношение педагога способствует формированию у подростка неадаптивной временной перспективы и фаталистического отношения к будущему. В то же время доброжелательное отношение со стороны педагогов в сочетании с поддержкой автономии у учащихся являются важными защитными факторами от игровой зависимости, а удовлетворение основных психологических потребностей и участие школы являются основными посредниками в этой ассоциации [52]. Авторы пришли к выводу, что для предотвращения ИЗ необходимо повышать самооценку и уверенность подростка в личном потенциале путем позитивного взаимодействия с учителями и признания достижений учащегося в учебном процессе.

Низкая академическая успеваемость также ассоциирована с ИЗ, в частности, с зависимостью от компьютерных игр. Однако низкая успеваемость — это не единственная проблема у зависимых подростков. В исследованиях, проведенных европейскими учеными [6; 48], было выявлено, что у таких подростков также отмечаются проблемы в семье, они несут бремя психопатологических проблем, у них формируются такие особенности характера, как сенситивность и неуверен-

ность, отмечаются нарушения в сфере межличностных взаимоотношений, отсутствие друзей. Все это свидетельствует о множественных факторах риска, которые приводят к зависимости от интернета у подростков, и многочисленных проблемах, которые ее сопровождают.

Заключение

Таким образом, семья и школа являются важными факторами, определяющими психическое здоровье и успешность социализации детей и подростков. Социальная среда, качество семейных отношений и школьное окружение оказывают существенное влияние на формирование ИЗ у молодых людей. Это влияние опосредуется через развитие определенных черт характера, которые либо способствуют усвоению социальных норм и правил, либо провоцируют зависимое поведение. Дальнейшее изучение механизмов влияния семейных и школьных факторов является актуальным направлением с точки зрения разработки мер профилактики интернет-зависимого поведения и своевременного вмешательства.

В то же время социальные факторы влияния нельзя назвать абсолютными. Наличие у подростков таких качеств, как высокий уровень самоконтроля и волевая саморегуляция, обеспечивает устойчивость к развитию ИЗ. Данные характеристики, скорее всего, имеют биологическую природу, что подтверждает биопсихосоциальную модель интернет-зависимости. Феномен устойчивости является чрезвычайно актуальной, но малоизученной областью [11; 36], что определяет перспективы дальнейших научных поисков, в том числе и для проблематики интернет-зависимого поведения у детей и подростков.

Литература/References

1. Терещенко С.Ю., Смольникова М.В. Нейробиологические факторы риска формирования интернет-зависимости у подростков: актуальные гипотезы и ближайшие перспективы // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 1. С. 55–71. DOI:10.17759/sps.2020110104
Tereshchenko S.Yu., Smol'nikova M.V. Neurobiologicheskie factory riska formirovaniya internet-zavisimosti u podrostkov: aktual'nye gipotezy i blizhaishie perspektivy [Neurobiological risk factors in the formation of internet addiction in adolescence: vital hypotheses and the nearest perspectives]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 1, pp. 55–71. DOI:10.17759/sps.2020110104 (In Russ.).
2. Ayas T., Horzum M. Relation between depression, loneliness, self-esteem and internet addiction // *Education*. 2013. Vol. 133. № 3. P. 283–290.
3. Badenes-Ribera L., Fabris M.A., Gastaldi F.G.M. et al. Parent and peer attachment as predictors of facebook addiction symptoms in different developmental stages (early adolescents and adolescents) // *Addict Behav.* 2019. Vol. 95. P. 226–232. DOI:10.1016/j.addbeh.2019.05.009
4. Ballarotto G., Volpi B., Marzilli E. et al. Adolescent Internet Abuse: A Study on the Role of Attachment to Parents and Peers in a Large Community Sample // *Biomed Res Int.* 2018. Vol. 8:5769250. DOI:10.1155/2018/5769250
5. Blinka L., Šablaticová N., Ševčíková A. et al. Social constraints associated with excessive internet use in adolescents: the role of family, school, peers, and neighbourhood // *Int J Public Health.* 2020. Vol. 65. № 8. P. 1279–1287. DOI:10.1007/s00038-020-01462-8
6. Bonnaire C., Phan O. Negative perceptions of the risks associated with gaming in young adolescents: An exploratory study to help thinking about a prevention program // *Arch. Pediatr.* 2017. Vol. 24. № 7. P. 607–617. DOI:10.1016/j.arcped.2017.04.006
7. Bonnaire C., Phan O. Relationships between parental attitudes, family functioning and Internet gaming disorder in adolescents attending school // *Psychiatry Res.* 2017. Vol. 255. P. 104–110. DOI:10.1016/j.psychres.2017.05.030
8. Bussone S., Trentini C., Tambelli R. et al. Early-Life Interpersonal and Affective Risk Factors for Pathological Gaming // *Front Psychiatry.* 2020. Vol. 15. № 11. P. 423. DOI:10.3389/fpsy.2020.00423
9. Chen H.C., Wang J.Y., Lin Y.L. et al. Association of Internet Addiction with Family Functionality, Depression, Self-Efficacy and Self-Esteem among Early Adolescents // *Int J Environ Res Public Health.* 2020. Vol. 17. № 23. P. 8820. DOI:10.3390/ijerph17238820
10. Chung S., Lee J., Lee H.K. Personal Factors, Internet Characteristics, and Environmental Factors Contributing to Adolescent Internet Addiction: A Public Health Perspective // *Int J Environ Res Public Health.* 2019. Vol. 16. № 23. P. 4635. DOI:10.3390/ijerph16234635
11. Cousijn J., Maartje L., Feldstein S. Adolescent resilience to addiction: a social plasticity hypothesis // *Lancet Child Adolesc Health.* 2018. Vol. 2. № 1. P. 69–78. DOI:10.1016/S2352-4642(17)30148-7
12. Davis R.A., Flett G.L., Besser A. Validation of a new scale for measuring problematic internet use: implications for pre-employment screening // *Cyberpsychol Behav.* 2002. Vol. 5. № 4. P. 331–345.
13. Diaz-Aguado M.J., Martín-Babarro J., Falcón L. Problematic internet use, maladaptive future time perspective and school context // *Psicothema.* 2018. Vol. 30. № 2. P. 195–200. DOI:10.7334/psicothema2017.282
14. Ding Q., Li D., Zhou Y. et al. Perceived parental monitoring and adolescent internet addiction: A moderated mediation model // *Addict Behav.* 2017. Vol. 74. P. 48–54. DOI:10.1016/j.addbeh.2017.05.033
15. Faltýnková A., Blinka L., Ševčíková A. et al. The Associations between Family-Related Factors and Excessive Internet Use in Adolescents // *Int J Environ Res Public Health.* 2020. Vol. 17. № 5. P. 1754. DOI:10.3390/ijerph17051754

16. *Griffiths M.* A “components” model of addiction within a biopsychosocial framework // *Journal of Substance Use*. 2005. Vol. 10. № 4. P. 191–197. DOI:10.1080/14659890500114359
17. *Hwang H., Hong J., Kim S.M. et al.* The correlation between family relationships and brain activity within the reward circuit in adolescents with Internet gaming disorder // *Sci Rep*. 2020. Vol. 10. № 1. P. 9951. DOI:10.1038/s41598-020-66535-3
18. *Jeong H., Yim H.W., Lee S.-Y. et al.* A partial mediation effect of father-child attachment and self-esteem between parental marital conflict and subsequent features of internet gaming disorder in children: a 12-month follow-up study // *BMC Public Health*. 2020. Vol. 20. № 1. P. 484. DOI:10.1186/s12889-020-08615-7
19. *Kalaitzaki A.E., Birtchnell J.* The impact of early parenting bonding on young adults’ internet addiction, through the mediation effects of negative relating to others and sadness // *Addict Behav*. 2014. Vol. 39. № 3. P. 733–736. DOI:10.1016/j.addbeh.2013.12.002
20. *Karaer Y., Akdemir D.* Parenting styles, perceived social support and emotion regulation in adolescents with internet addiction // *Compr Psychiatry*. 2019. Vol. 92. P. 22–27. DOI:10.1016/j.comppsy.2019.03.003
21. *Kim E., Yim H.W., Jeong H. et al.* The association between aggression and risk of Internet gaming disorder in Korean adolescents: the mediation effect of father-adolescent communication style // *Epidemiol Health*. 2018. Vol. 40. e2018039. DOI:10.4178/epih.e2018039
22. *Kim J., LaRose R., Peng W.* Loneliness as the Cause and the Effect of Problematic Internet Use: The Relationship between Internet Use and Psychological Well-Being // *Cyberpsych & Behaviour*. 2009. Vol. 12. № 4. P. 451–455
23. *Kircaburun K., Griffiths M., Billieux J.* Psychosocial factors mediating the relationship between childhood emotional trauma and internet gaming disorder: a pilot study // *Eur J Psychotraumatol*. 2019. Vol. 10. № 1. 1565031. DOI:10.1080/20008198.2018.1565031
24. *Ko C.H., Wang P.W., Liu T.L. et al.* Bidirectional associations between family factors and Internet addiction among adolescents in a prospective investigation // *Psychiatry Clin Neurosci*. 2015. Vol. 69. № 4. P. 192–200.
25. *Kuss D.J., Shorter G.W., Rooij A.J. et al.* Assessing internet addiction using the parsimonious internet addiction components model – A preliminary study // *International Journal of Mental Health and Addiction*. 2014. Vol. 12. № 3. P. 351–366. DOI:10.1007/s11469-013-9459-9
26. *Kuss D.J., Shorter G.W., Van Rooij A.J. et al.* The Internet addiction components model and personality: establishing construct validity via a nomological network // *Computers in human behaviour*. 2014. Vol. 39. P. 312–321.
27. *Lam L.T.* Parental mental health and Internet Addiction in adolescents // *Addict Behav*. 2015. Vol. 42. P. 20–23. DOI:10.1016/j.addbeh.2014.10.033
28. *LaRose R., Eastin M.S.* A social cognitive theory of Internet uses and gratifications: Toward a new model of media attendance // *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 2004. Vol. 48. № 3. P. 358–377.
29. *LaRose R., Mastro D., Eastin M.S.* Understanding internet usage – A social-cognitive approach to uses and gratifications // *Social Science Computer Review*. 2001. Vol. 19. № 4. P. 395–413.
30. *Lee Y.S., Han D.H., Kim S.M. et al.* Substance abuse precedes internet addiction // *Addict Behav*. 2013. Vol. 38. № 4. P. 2022–2025.
31. *Li D., Li X., Wang Y. et al.* School connectedness and problematic internet use in adolescents: a moderated mediation model of deviant peer affiliation and self-control // *J Abnorm Child Psychol*. 2013. Vol. 41. № 8. P. 1231–1242. DOI:10.1007/s10802-013-9761-9
32. *Lin S., Yu C., Chen J. et al.* The Association between Parental Psychological Control, Deviant Peer Affiliation, and Internet Gaming Disorder among Chinese Adolescents: A Two-Year Longitudinal Study // *Int J Environ Res Public Health*. 2020. Vol. 17. № 21. P. 8197. DOI:10.3390/ijerph17218197

33. *Liu M., Luo J.* Relationship between peripheral blood dopamine level and internet addiction disorder in adolescents: a pilot study // International journal of clinical and experimental medicine. 2015. Vol. 8. № 6. P. 9943–9948.
34. *Liu Y., Li D., Jia J. et al.* Perceived school climate and problematic internet use among Chinese adolescents: Psychological insecurity and negative peer affiliation as mediators // Psychol Addict Behav. 2020. Vol. 5. DOI:10.1037/adb0000684
35. *Ma S., Huang Y., Ma Y.* Childhood Maltreatment and Mobile Phone Addiction Among Chinese Adolescents: Loneliness as a Mediator and Self-Control as a Moderator // Front Psychol. 2020. Vol. 12. № 11. P. 813. DOI:10.3389/fpsyg.2020.00813
36. *Masten A.S., Barnes A.J.* Resilience in Children: Developmental Perspectives // Children. 2018. Vol. 5. № 7. P. 98. DOI:10.3390/children5070098
37. *Müller K.W., Koch A., Dickenhorst U. et al.* Addressing the question of disorder-specific risk factors of internet addiction: a comparison of personality traits in patients with addictive behaviours and comorbid internet addiction // Biomed. Res. Int. 2013. 546342. DOI:10.1155/2013/546342
38. *Pontes H.M., Kuss D., Griffiths M.* Clinical psychology of Internet addiction: a review of its conceptualization, prevalence, neuronal processes, and implications for treatment // Neuroscience and Neuroeconomics. 2015. Vol. 4. P. 11–23. DOI:10.2147/nan.s60982
39. *Shaw M., Black D.W.* Internet addiction: definition, assessment, epidemiology and clinical management // CNS Drugs. 2008. Vol. 22. № 5. P. 353–365.
40. *Snyder S., Li W., O'Brien J. et al.* University Students' Problematic Internet Use on Family Relationships: A Mixed-Methods Investigation // PLoS One. 2015. Vol. 10. № 12. e0144005. DOI:10.1371/journal.pone.0144005
41. *Sugaya N., Shirasaka T., Takahashi K. et al.* Bio-psychosocial factors of children and adolescents with internet gaming disorder: a systematic review // Biopsychosoc Med. 2019. Vol. 14. № 13. P. 3. DOI:10.1186/s13030-019-0144-5
42. *Tang J., Yu Y., Du Y. et al.* Prevalence of internet addiction and its association with stressful life events and psychological symptoms among adolescent internet users // Addict Behav. 2014. Vol. 39. № 3. P. 744–747. DOI:10.1016/j.addbeh.2013.12.010
43. *Tereshchenko S., Kasparov E.* Neurobiological Risk Factors for the Development of Internet Addiction in Adolescents // Behav Sciences. 2019. Vol. 9. № 6. P. 62.
44. *Throwala M., Janikian M., Griffiths M. et al.* The role of family and personality traits in Internet gaming disorder: A mediation model combining cognitive and attachment perspectives // J Behav Addict. 2019. Vol. 8. № 1. P. 48–62. DOI:10.1556/2006.8.2019.05
45. *Tian Y., Yu C., Lin S. et al.* Sensation Seeking, Deviant Peer Affiliation, and Internet Gaming Addiction Among Chinese Adolescents: The Moderating Effect of Parental Knowledge // Front Psychol. 2019. Vol. 11. № 9. P. 2727. DOI:10.3389/fpsyg.2018.02727
46. *Vink J.M., Beijsterveldt T.C., Huppertz C. et al.* Heritability of compulsive Internet use in adolescents // Addiction biology. 2016. Vol. 21. № 2. P. 460–8. DOI:10.1111/adb.12218
47. *Wartberg L., Aden A., Thomsen M. et al.* Relationships between family interactions and pathological internet use in adolescents: an review // Z Kinder Jugendpsychiatr Psychother. 2015. Vol. 43. № 1. P. 9–17. DOI:10.1024/1422-4917/a000328
48. *Wartberg L., Ziegmeier M., Kammerl R.* Accordance of Adolescent and Parental Ratings of Internet Gaming Disorder and Their Associations with Psychosocial Aspects // Cyberpsychol Behav Soc Netw. 2019. Vol. 22. № 4. P. 264–270. DOI:10.1089/cyber.2018.0456
49. *Wu C.S.T., Wong H.T., Yu K.F. et al.* Parenting approaches, family functionality, and internet addiction among Hong Kong adolescents // BMC Pediatr. 2016. Vol. 16. № 1. P. 130. DOI:10.1186/s12887-016-0666-y
50. *Yan W., Li Y., Sui N.* The relationship between recent stressful life events, personality traits, perceived family functioning and internet addiction among college students // Stress Health. 2014. Vol. 30. № 1. P. 3–11. DOI:10.1002/smi.2490

51. Yang X., Jiang X., Mo P.K.-H. et al. Prevalence and Interpersonal Correlates of Internet Gaming Disorders among Chinese Adolescents // Int J Environ Res Public Health. 2020. Vol. 17. № 2. P. 579. DOI:10.3390/ijerph17020579
52. Yu C., Li W., Liang Q. et al. School Climate, Loneliness, and Problematic Online Game Use Among Chinese Adolescents: The Moderating Effect of Intentional Self-Regulation // Front Public Health. 2019. Vol. 30. № 7. P. 90. DOI:10.3389/fpubh.2019.00090
53. Yu C., Li X., Zhang W. Predicting adolescent problematic online game use from teacher autonomy support, basic psychological needs satisfaction, and school engagement: a 2-year longitudinal study // Cyberpsychol Behav Soc Netw. 2015. Vol. 18. № 4. P. 228–233. DOI:10.1089/cyber.2014.0385
54. Zhai B., Li D., Jia J. et al. Peer victimization and problematic internet use in adolescents: The mediating role of deviant peer affiliation and the moderating role of family functioning // Addict Behav. 2019. Vol. 96. P. 43–49. DOI:10.1016/j.addbeh.2019.04.016
55. Zhai B., Li D., Li X. et al. Perceived school climate and problematic internet use among adolescents: Mediating roles of school belonging and depressive symptoms // Addict Behav. 2020. Vol. 110:106501. DOI:10.1016/j.addbeh.2020.106501

Информация об авторах

Семенова Надежда Борисовна, доктор медицинских наук, главный научный сотрудник клинического отделения соматического и психического здоровья детей, Научно-исследовательский институт медицинских проблем Севера – обособленное подразделение ФИЦ КНЦ СО РАН (НИИ МПС), г. Красноярск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6120-7860>, e-mail: snb237@gmail.com

Information about the authors

Nadezhda B. Semenova, Doctor of Medicine, Professor, Chief Researcher of Clinical Department of Somatic and Mental Health of Children, Scientific Research Institute of Medical Problems of the North FRC KSC SB RAS, Krasnoyarsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6120-7860>, e-mail: snb237@gmail.com

Получена 24.02.2021

Received 24.02.2021

Принята в печать 28.01.2022

Accepted 28.01.2022

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL RESEARCH

Онлайн-коммуникация в социальных медиа: как опыт утраты приватности отражается на поведении пользователей

Синявская Я.Э.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2385-3295>, e-mail: ysinyaw@skaya@hse.ru

Цель. Анализ связи между опытом утраты приватности в интернете и поведением пользователей по защите персональных данных.

Контекст и актуальность. В эпоху стремительного развития интернет-технологий вопросы безопасности пребывания в онлайн-пространстве требуют научного осмысления. Понимание факторов регуляции онлайн-поведения пользователей может способствовать выработке адекватной политики в области приватности.

Дизайн исследования. С помощью регрессионного анализа производится параметрическая оценка эффекта воздействия утраты приватности на использование пользователями настроек приватности. Предварительно с помощью метода мэтчинга происходит балансирование контрольной группы ($N=215$) и группы воздействия ($N=160$) по ключевым ковариатам.

Участники. Пользователи крупнейшей российской социальной сети «ВКонтакте», являющиеся жителями Вологды. Размер выборки – 375 человек (55% женщин) от 16 до 83 лет ($Ср.=32,5$; $Мед.=31$; $SD=12,9$).

Методы (инструменты). Используются опросные данные о наличии опыта утраты приватности и поведенческие данные о настройках приватности, полученные из аккаунтов пользователей через API автоматическими методами. Используются русскоязычные версии шкал «Склонность устанавливать социальные связи» П. Тоттерделла (и др.) и Шкала самооценки М. Розенберга.

Результаты. Предыдущий опыт утраты приватности не приводит к более осторожному поведению в социальной сети: пользователи уделяют внимание регулированию только одного аспекта приватности – доступа к публичным записям аккаунта. Важным фактором оказывается компетентность пользователей в области использования настроек приватности.

Выводы. Полученные данные свидетельствуют в пользу гипотезы о «парадоксе приватности». Поскольку наличие конкретных навыков регулирования приватности онлайн способствует более осторожному поведению в Сети, интервенции в области цифровой грамотности могут повысить безопасность пребывания на сайтах социальных сетей.

Ключевые слова: социальные сети, приватность, онлайн-поведение, парадокс приватности, эффект воздействия, мэтчинг.

Финансирование. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитаты: Синявская Я.Э. Онлайн-коммуникация в социальных медиа: как опыт утраты приватности отражается на поведении пользователей // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 1. С. 33–50. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2022130103>

Online Social Media Communication: the Effect of Having Privacy Violation Experience on Online Behavior

Yadviga E. Sinyavskaya

National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2385-3295>, e-mail: ysinyavskaya@hse.ru

Objective. To analyze the effect of privacy violation experience on privacy-protective behaviors

Background. In the era of rapid development of Internet technologies, privacy issues call for scientific reflection. Understanding the factors that regulate online user behavior might assist in elaborating the adequate privacy policy.

Study design. Regression analysis provides a parametric evaluation of the effect of privacy experience on usage of privacy settings. Various matching technics were applied for preliminary balancing of the control (N=215) and treatment groups (N=160) by a set of key covariates.

Participants. Users of the largest Russian online social network VKontakte from the Russian city Vologda. The sample size is 375 respondents (55% female) from 16 to 83 age (Mean=32,5; Med.=31; SD=12,9).

Measurements. Both survey data on privacy experience and observed behavioral data on privacy settings from users' online accounts were used. Additionally, the scale of P. Totterdell & D. Holman on propensity to make social connection and M. Rosenberg's self-esteem scale were adopted in the study

Results. The experience of privacy violation does not lead to the cautious behavior online: the users tend to regulate only the access to the public posts on profile due to past bad experience. The privacy settings literacy turns significantly affect the usage of privacy settings.

Conclusions. The findings support the "privacy paradox" hypothesis. As having specific online privacy management skills encourages more cautious behavior online, digital literacy interventions can improve the safety of social networking sites.

Keywords: online social networks, privacy, online behavior, privacy paradox.

Funding. The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at the HSE University.

For citation: Sinyavskaya Y.E. Online Social Media Communication: the Effect of Having Privacy Violation Experience on Online Behavior. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 1, pp. 33–50. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2022130103> (In Russ.).

Введение

Социальные медиа предоставляют широкие возможности для «нетворкинга» и коммуникации и рассматриваются как платформа для развития особой формы социального капитала [31].

Поскольку обмен информацией и раскрытие личных данных составляют

основу коммуникации на сайтах социальных сетей [27], остро встает вопрос безопасности и сохранения приватности пользователей. Недавние прецеденты утечки персональных данных [19] и негативная динамика роста киберпреступлений последних лет [5] указывают на уязвимую позицию пользователей социальных сетей.

Опросы населения как в России [1]¹, так и за рубежом [18] показывают, что пользователи выражают обеспокоенность проблемой безопасности личных данных в интернете. Однако признание важности рисков не приводит к снижению уровня онлайн-активности [7].

Сохранение безопасности и приватности тесно связано с благополучием человека [35]. Понимание факторов, регулирующих поведение пользователей социальных сетей в отношении защиты собственной приватности, может способствовать разработке адекватной политики приватности.

Наиболее разработанный подход, представленный в исследованиях, исходит из предпосылки, что восприятие риска утраты приватности (*perceived risk*) или обеспокоенность вопросами приватности (*privacy concerns*) сподвигают людей к защитным действиям («*privacy protective behavior*»).

Однако эмпирические исследования указывают на неоднозначность данной взаимосвязи. Так, С. Барнс был описан феномен «парадокса приватности» — противоречия между декларируемыми пользователями установками относительно важности сохранения приватности и «открытым» поведением в Сети [8].

На сегодняшний день исследователи расходятся во мнении относительно существования и природы данного феномена [15; 29]. Некоторые исследователи относят данный феномен к методологическому артефакту, указывая, что различия в концептуализации и измерении ключевых понятий приводят к существенным расхождениям в результатах [29].

Тот факт, что установки пользователей в отношении приватности не-

стабильно предсказывают «защитное» поведение, отнюдь не уникален для рассматриваемой предметной области. В социально-психологической литературе данная проблема была сформулирована еще в начале 20-го века и получила название «*attitude-behavior gap*» [30].

Альтернативный подход для объяснения и предсказания приватного поведения апеллирует к так называемой «*experience-behavior*» гипотезе, в рамках которой изучается влияние предыдущего опыта на последующее поведение [51].

Изучение опыта жертв природных катастроф показало, что подобные события мотивируют людей снижать вовлеченность в практики риска и стимулируют к соблюдению превентивных мер безопасности — «*precautionary behavior*» [36]. На сегодняшний день были обнаружены немногочисленные попытки воспроизвести данный результат в контексте изучения онлайн-приватности [14; 50].

Цель данного исследования — рассмотреть, как связь между опытом утраты приватности и приватным поведением пользователей в социальных сетях проявляется в российском контексте. Принимая во внимание многомерность данного конструкта [11], в исследовании рассматривается конкретный аспект — социальная приватность, подразумевающая регулирование режима коммуникации с другими людьми, в том числе возможность не быть втянутым в нежелательную коммуникацию.

Основная гипотеза исследования состоит в том, что наличие опыта утраты приватности в Сети будет повышать вероятность использования пользователем настроек приватности.

¹ Данные из исследования, проведенного «Левада-Центр». С 05.09.2016 «Левада-Центр» включен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента

В исследовании используются наблюдаемые поведенческие данные о настройках приватности, полученные из аккаунтов пользователей социальной сети «ВКонтакте», что позволяет преодолеть ограничения самоотчетных данных, отмеченных в предыдущих исследованиях [29].

Организация и методы исследования

Выборка и данные. Представленное в статье исследование является частью проекта Лаборатории социальной и когнитивной информатики НИУ ВШЭ СПб². Дизайн исследовательского проекта был одобрен этической комиссией НИУ ВШЭ. В фокусе внимания исследования находится выборка пользователей крупнейшей российской социальной сети «ВКонтакте» [7], репрезентирующая жителей Вологды как среднестатистического по уровню социально-экономического развития [6]³ и уровню проникновения интернета города России [4].

Размер генеральной совокупности составил 196000 человек [45], размер итоговой выборочной совокупности — 375 человек (доверительный интервал — 95%, ошибка выборки — 5,3%). Часть данных была получена в ходе онлайн-опроса, часть — с помощью автоматизированной зачатки серверных данных (через API запросы).

Переменные.

1) Воздействующая переменная — наличие опыта утраты приватности в соци-

альной сети «ВКонтакте». В ходе онлайн-опроса респонденты сообщали о наличии или отсутствии опыта нарушения их приватности в Сети, выбирая из предложенного перечня различных рисков приватности [47]. В дальнейшем полученные данные были агрегированы в одну переменную, которая принимала значение «1» в случае, если респондент отметил, что хотя бы один аспект его приватности был нарушен в прошлом, и значение «0» — если данный опыт отсутствует. Таким образом, в группе воздействия (есть опыт) оказалось 160 чел., в контрольной группе (нет опыта) — 215 чел.

2) Зависимые переменные — использование настроек приватности в социальной сети «ВКонтакте». Оценивалось, как пользователь контролирует возможность других пользователей, не входящих в список онлайн-друзей, вступать с ним в коммуникацию или иметь доступ к информации на его странице (бинарные переменные, 0 — позволяет, 1 — не позволяет):

— видеть публичные посты, размещенные в профиле (36% не ограничивают данную возможность);

— оставлять публичные записи в профиле (только 10,6% респондентов предоставили данную возможность);

— комментировать публичные посты (81,6% респондентов не ограничивают данную возможность);

— отправлять запрос на добавление в друзья (89% респондентов не ограничивают данную возможность);

— вступать в личную переписку (77,8% респондентов не ограничивают данную возможность);

² Исследовательский проект Лаборатории СКИЛА НИУ ВШЭ, «Социальный капитал и приватность онлайн: городское сообщество в социальной сети». С материалами проекта можно ознакомиться по адресу: scila.hse.ru/subproject1-2017

³ 26 место из 85 по уровню ВРП среди регионов России [6, с. 30].

— отображать онлайн-страницу в онлайн-поисковых системах (Яндекс, Гугл и др.) (37,6% не заблокировали для незнакомых людей возможность найти их персональную страницу в «ВКонтакте»);
— видеть информацию профиля (57% респондентов закрыли доступ к информации профиля).

3) Контрольные переменные:

Использование социальной сети

«ВКонтакте» для коммерческих целей

Поведение пользователей, использующих личный аккаунт для коммерческих целей, может характеризоваться большей «открытостью» по сравнению с типичными пользователями социальных сетей. Респондентам было предложено оценить степень согласия со следующим утверждением: «Я использую “ВКонтакте” для продажи товаров или услуг, развития онлайн-сообществ, для коммерческих целей или продвижения себя как специалиста» (где «1» — абсолютно не согласен, «5» — полностью согласен). Далее данная переменная была дихотомизирована по медианному значению. Оказалось, что 37% респондентов используют аккаунт для личного продвижения.

Уровень цифровой грамотности

Одним из объяснений парадокса приватности, предложенным в литературе, является некомпетентность пользователей в области менеджмента настроек приватности в социальных сетях [37]. В данном исследовании респонденты отвечали на вопрос «Меняли ли Вы когда-нибудь настройки приватности в социальной сети “ВКонтакте”?». Респонденты, указавшие, что не знают про настройки приватности либо не умеют ими пользоваться, попали в группу «низкая компетенция в области использования настроек приватности» (23%).

Самооценка

В предыдущих исследованиях было показано, что низкий уровень самооценки может быть связан с низким контролем приватности онлайн [13].

В качестве контроля в рамках измерения склонности индивида оценивать себя негативно респондентам было предложено оценить по шкале Р. Лайкерта степень согласия со следующим утверждением, адаптированным из шкалы М. Розенберга [41]: «Временами я чувствую себя ничемным». Ранее в исследовании Р. Робинс и коллег [40] было показано, что такой психологический конструкт, как самооценка [41], может быть аппроксимирован с помощью одного вопроса с удовлетворительными показателями качества.

Склонность устанавливать связи с другими людьми

В предыдущих исследованиях было показано, что уровень экстраверсии связан со степенью самораскрытия индивидов онлайн [12]. В исследовании была адаптирована методика П. Тоттерделла и др. [49], оценивающая стремление индивида устанавливать новые социальные связи.

Согласно результатам подтверждающего факторного анализа отражающая теоретические представления о факторной структуре инструмента трехфакторная модель демонстрирует приемлемые показатели соответствия по всем индексам [10] ($\chi^2=964,32$; $p=0,00$; CFI=0,996; TLI=0,991; RMSEA=0,039). Надежность субшкал варьируется в пределах от 0.65 до 0.78, что находится в рамках установленной нормы [46]. Графический анализ кривой ответов (Category response curves, CRC) [37] показал, что вопросы осмысленно предсказывают, какую категорию ответов выберет индивид с определенным уровнем выраженности фактора Склонность устанавливать социальные связи.

Социально-демографические данные

Респондентам задавался ряд вопросов об их социально-демографическом статусе: возрасте, поле, уровне образования и роде занятий. Оказалось, что выборка на 55% состоит из женщин, средний возраст респондентов — 32,5 года (мин.=14, макс.=83, медиана=31, станд. откл.=12,9). Около трети респондентов имеют незаконченное высшее образование (30,7%), 9% имеют законченное высшее образование. Большинство респондентов работают в коммерческом секторе или являются самозанятыми (32,8%), 11,2% задействованы в государственном секторе, а 17,9% выбрали опцию «Другое».

Методика анализа данных

Выводы исследования основываются на параметрической оценке среднего эффекта воздействия опыта, связанного с утратой приватности, на использование индивидом настроек приватности (estimation of average treatment effect). Идея оценки среднего эффекта развита в трудах Д. Рубина [43] и восходит к теории контрфактуального вывода и оценки возможных/потенциальных исходов (potential/counterfactual outcomes). Формальное описание данного подхода представлено ниже.

Пусть для всех индивидов в выборке $i=1, N$ определено множество двух возможных исходов $\{Y_i(0)Y_i(1)\}$ вследствие воздействия T , где исход $Y_i(1)$ наступит, если индивид i использует настройки приватности, исход $Y_i(0)$ указывает на неиспользование пользователем настроек приватности:

$$Y_i = Y_i(T_i) = \begin{cases} Y_i(0), & \text{если } T_i = 0 \\ Y_i(1), & \text{если } T_i = 1 \end{cases}$$

Таким образом, каждого индивида в выборке можно отнести либо к группе воздействия, либо к контрольной группе в зависимости от типа воздействия и наблюдаемого исхода.

Идея контрфактуальных исходов предлагает рассматривать наряду с наблюдаемыми исходами, представленными в выборке, и так называемые контрфактуальные (потенциальные) исходы, которые описывают некий альтернативный для индивида исход в гипотетической ситуации, если бы воздействие на него не было (или было) оказано в зависимости от наблюдаемого исхода [23]. Таким образом, если предполагается одновременное рассмотрение обоих исходов для индивида, когда он подвергся (исход $Y_i(1)$) и не подвергся воздействию (исход $Y_i(0)$), то индивидуальный эффект воздействия представляет собой разность этих исходов $Y_i(1) - Y_i(0)$.

Средний эффект воздействия (Sample Average Treatment Effect) представляет собой сумму разностей всех индивидуальных исходов:

$$SATE = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n [Y_i(1) - Y_i(0)],$$

где i — число наблюдений, для которых $T_i=1$.

Чтобы воссоздать ненаблюдаемый исход для каждого индивида (counterfactual outcome) и устранить дисбаланс в значении ковариат в контрольной и экспериментальной группах, используются техники так называемого мэтчинга — специального метода сопоставления наблюдений в выборке [44].

Несмотря на отдельные попытки сформулировать общие рекомендации по выбору подходящего метода мэтчинга [46], перебор и тестирова-

ние различных методов предлагаются в качестве универсальной рекомендации [21]. Тем не менее при выборе методов мэтчинга кажется важным принять во внимание дискуссию, существующую между представителями двух конкурирующих подходов — доминирующего в литературе подхода Equal percent bias reducing (EPBR) [43] и нового класса методов «Monotonic Imbalance Bounding» (MIB) [25]. Ключевые различия между данными подходами заключаются, во-первых, в принципах сопоставления наблюдений в выборке и объединения их в мэтчинг-пару и, во-вторых, в алгоритмах, с помощью которых достигается баланс данных.

Подробный анализ и тестирование существующих техник мэтчинга находятся за рамками данного исследования, однако кажется важным обеспечить некоторую сравнительную перспективу при выборе методов мэтчинга, сопоставив результаты нескольких наиболее разработанных методов в рамках конкурирующих подходов.

Из спектра методов первого подхода была выбрана наиболее популярная в социальных науках техника мэтчинга [52], оценивающая «расстояния» между наблюдениями по методу «ближайшего соседа» (nearest neighborhood, NN). В качестве критерия для определения степени близости двух наблюдений на пространстве ковариат использовалось расстояние Махаланобиса [42], в соответствии с которым расстояние (D) между наблюдениями определяется как:

$$D_{ij} = -(x_i - x_j)' \Sigma^{-1} (x_i - x_j),$$

где Σ — ковариационная матрица ковариат [3].

Особенностью данной метрики является ее независимость от используемых единиц измерения переменных [3], что является преимуществом для работы с имеющимся набором данных, в котором переменные измерены в разных шкалах. Важным параметром также является количество наблюдений из противоположной группы, которое ставится в соответствие объекту. Согласно [3], универсальных рекомендаций в данном отношении не выработано, и зачастую один объект для соответствия считается достаточным.

Из пула стратификационных методов был рассмотрен метод Coarsened exact мэтчинг [26], который является модификацией наиболее простого и мощного мэтчинг метода — exact matching [21], адаптированного для работы с континуальными переменными. В основе данного метода лежит работа по формированию страт, репрезентирующих всевозможные комбинации значений рассматриваемых ковариат, и отнесение наблюдения к той или иной страте.

Исходя из специфики работы выбранных методов можно предположить, что первый метод приведет к меньшим потерям данных при более низких показателях итоговой сбалансированности и к обратной ситуации в случае второго метода.

Предварительная подготовка и диагностика данных для мэтчинга

Предварительная диагностика данных показала, что распределение переменной *уровень образования* сильно отклоняется от нормального, что осложняет ее использование для мэтчинга с расстоянием Махаланобиса, который является чувствительным к распределению переменных [22]. Номинальная переменная *род деятельности* трудно

поддается редукции до более простых категорий, что осложняет ее использование для Coarsened exact мэтчинга. Дальнейшая проверка показала, что данные переменные не оказывают влияние на целевую переменную. Поскольку относительно данных переменных не было выдвинуто теоретических ожиданий, было принято решение исключить их из перечня переменных.

Анализ данных

С помощью метода логистической регрессии производится параметрическая оценка эффекта воздействия опыта утраты приватности на использование пользователями настроек приватности. Для оценки адекватности полученных моделей данным (goodness-of-fit statistics) используется ряд показателей pseudo R2 [34] (Nagelkerke, McFadden, Cox and Snell). Дополнительно для оценки качества модели использовался тест Хосмера-Лемешова, значимость которого ($p < 0,05$) указывает на низкое качество модели [24]. Наконец, информационный критерий АИК (Akaike's Information Criteria) рассматривается как основа для сравнения моделей между собой, где более низкие значения указывают на лучшее качество модели [9]. Обработка и анализ данных были проведены с помощью языка программирования R (в среде Rstudio, версия 3.6.1.) с использованием пакетов MatchIt, Sem, rcompanion, generalhoslem, psych, mirt, lavaan.

Результаты

Предварительная диагностика исходных данных показала, что по всем пере-

менным, кроме возраста и склонности устанавливать связи, разница в средних значениях между группой воздействия и контрольной группой является незначимой и не превышает 0,08, что указывает на удовлетворительную сбалансированность исходных данных (табл. 1). Балансировка данных позволила устранить различия в средних значениях между всеми переменными.

Полученные регрессионные модели демонстрируют удовлетворительное качество [33], показатели псевдо-R2 варьируются в диапазоне 0,1-0,5 (табл. 2). Однако как показатели псевдо-R2, так и информационные критерии АИК показывают, что модели, построенные на сбалансированных данных, демонстрируют более высокое качество, чем модель с исходными данными. Тесты Хосмера-Лемешова оказываются незначимыми, что позволяет отвергнуть нулевую гипотезу о неудовлетворительном качестве моделей. Как и ожидалось, наивысшее качество демонстрирует СЕМ-модель, однако она же характеризуется большей потерей данных.

В ходе регрессионного моделирования удалось выявить средний эффект воздействия переменной «Опыт утраты приватности» только на один тип поведения по поддержанию приватности — ограничение доступа к входящим постам на стене. Созвучно исследованию [37], вторым фактором, демонстрирующим устойчивую взаимосвязь с данной зависимой переменной, оказывается цифровая грамотность пользователя в вопросах защиты приватности.

Обсуждение результатов

Вопросы защиты личной приватности и безопасности в интернете оказываются

Таблица 1

Разница в средних значениях показателей в контрольной группе и группе воздействия при использовании различных техник мэтчинга данных

Переменные	Исходный дисбаланс		Мэтчинг по методу «ближайшего соседа» (nearest neighborhood, NN) с применением расстояния Махаланобиса		Мэтчинг по методу поиска приближенно-точных соответствий (Coarsened exact, SEM)	
	В	К	В	К	В	К
Возраст	-3,07**		-1.7		0,01	
Пол	0,04		0,01		0,00	
Использование социальной сети для профессиональных целей	0,06		0,006		0,00	
Склонность устанавливать связи	0,21*		0,11		0,00	
Цифровая грамотность	0,02		0,006		0,00	
Самооценка	0,08		0,09		0,00	
Дистанция	0,03		-		-0,002	
N (В=группа воздействия; К=контрольная группа)	В=215	К=160	В=160	К=160	В=150	К=122

Примечания: * – $p < 0.05$, ** – $p < 0.01$, *** – $p < 0.001$.

релевантны для респондентов – приватность практически половины респондентов (43%) была нарушена ранее в том или ином аспекте.

Несмотря на данную статистику, регулирование только одного аспекта приватности определяется предыдущим опытом – доступ других людей к записям, размещенным на стене в профиле пользователя в социальной сети «ВКонтакте», что в некоторой степени совпадает с результатами предыдущих исследований (приложение 1).

Полученные результаты до некоторой степени согласуются с «experience-behavior» гипотезой [51], рассматривающей предыдущий опыт как основу для последующего поведения. Получается, что именно возможность просмотра постов, оставленных другими людьми на стене, ассоциируется у пользователей с рисками для приватности и требует регу-

лирования (в то время как комментирование и написание постов на стене таковым не является).

В целом «стена» является важным каналом для публичной коммуникации пользователя с аудиторией своих подписчиков [31], где пользователи общаются и получают обратную связь друг от друга. В то же самое время посты, оставленные другими пользователями публично, могут стать источником риска приватности по нескольким причинам. Во-первых, в одном виртуальном пространстве смешивается множество различных социальных контекстов индивида, что приводит к так называемому «контекстуальному коллапсу» [17]. Данный феномен описывается как ситуация, в которой индивид вынужден учитывать присутствие в одном виртуальном пространстве совершенно разных «аудиторий»

(коллеги, родственники, друзья и т.д.), с каждой из которых могут быть различные по степени близости отношения. В дополнение, в отсутствие ограничений настроек приватности у пользователей отсутствует возможность контролировать содержание и момент появления входящей информации на стене, которая потенциально может повлечь для человека репутационные или иные риски.

Следует отметить, что нерегулирование других рассмотренных аспектов приватности может быть связано с их большей значимостью для нетворкинга и целей построения социального капитала. Теория «privacy calculus» предлагает рассматривать решения индивидов в отношении поддержания личной приватности онлайн с экономических позиций: пользователи взвешивают возможные выгоды и последствия, следующие за раскрытием какой-либо информации, и выбирают вариант, при котором выгоды превышают «потери» [16]. В контексте данной теории выгода от нерегулирования рассмотренных аспектов приватности может перевешивать возможные риски. Прояснение значимости данных аспектов онлайн-поведения для выстраивания стратегий онлайн-презентации и нетворкинга пользователей кажется интересной перспективой для дальнейших исследований.

Текущее исследование не выявило значимой связи между открытостью постов на стене пользователя и стремлением развивать социальные связи. Можно предположить, что посты других пользователей на стене воспринимаются менее продуктивной основой для раз-

вития социального капитала, нежели личная информация. Кроме того, различия в результатах могут следовать из концептуальной разницы в измерении социальной активности индивида. В текущем исследовании данный конструкт рассматривался больше как поведенческая ориентация, нежели чем личностная черта [28].

В одной из моделей обнаруживаются гендерные различия, созвучные с полученными на выборках пользователей социальной сети «Фейсбук»⁴: женщины оказываются менее склонны регулировать доступ к публичным записям профиля [20]. Данные различия могут интерпретироваться в терминах «цифрового разрыва», который возникает в связи с различиями в гендерной социализации и влияет на степень владения техническими навыками, в том числе в области защиты цифровых персональных данных [38].

Ограничения исследования

Одно из ограничений связано с методикой построения выборки в онлайн-исследованиях, надежность которых активно обсуждается в научном сообществе [2]. Несмотря на оптимистические оценки метода поточной выборки, данная техника, как и традиционные, не освобождает от смещений, связанных с самоотбором (self-selection bias). Размер данного смещения невозможно оценить, поскольку отсутствует техническая возможность получить сведения о тех людях, которые увидели, но не совершили переход по ссылке рекламного объявления.

⁴ С 21 марта 2022 года официально запрещен на территории России.

Данные об используемых настройках приватности и наличии у пользователя негативного опыта утраты приватности принадлежат к одному временному периоду. Кроме того, рассматривалось естественное, а не контролируемое влияние воздействующей переменной на возможные поведенческие исходы. Несмотря на использование методов псевдорандомизации, до некоторой степени позволяющих отделить эффект негативного опыта на поведение пользователей от эффектов других переменных, полученные результаты следует интерпретировать в терминах взаимосвязи, а не каузальности.

Дополнительно следует отметить, что шкала склонности устанавливать социальные связи ранее не была адаптирована на русский язык и нуждается в более детальном изучении и валидации. Переменная «Самооценка» измерялась одним вопросом, что также ограничивает возможности интерпретации связанного с ней эффекта. Дополнительная проверка показала устойчивость полученных эффектов при исключении из анализа данных измерений, что позволяет исключить негативное влияние их неустоявленного статуса валидности на итоговый результат.

Наконец, в фокусе внимания исследования находятся пользователи конкретной социальной сети, являющиеся жителями определенного города России, что также ограничивает потенциал для генерализации полученных результатов.

Выводы

Полученные результаты можно обобщить в следующих выводах:

1. Наличие у пользователя опыта, связанного с нарушением его приватности в социальной сети, практически не приводит к более «бдительному» поведению. Единственный аспект приватности, который является значимым для пользователей — доступ к публичным записям, размещенным в аккаунте пользователя. Таким образом, наблюдается выборочное действие так называемого «парадокса приватности», когда негативный опыт приводит к частичному регулированию собственной безопасности онлайн.

2. Использование настроек приватности пользователем связано с его информированностью о возможностях поддержания приватности, предоставляемых социальной сетью. Таким образом, различные интервенции в области повышения цифровой грамотности пользователей могут оказаться эффективным способом повышения безопасности пребывания в Сети.

3. В исследовании применялись различные техники мэтчинга, позволяющие сбалансировать существующие данные и выявить эффект воздействия негативного опыта на поведение в области приватности. Методологические различия рассмотренных техник мэтчинга проявились только на уровне качества полученных моделей, однако не привели к содержательным различиям в результатах исследования.

Таблица 2
Модели логистической регрессии, описывающие эффект воздействия негативного опыта опыта приватности на доступ к записям на стене пользователя

Переменные	Модель 1 без контрольных переменных (не- сбаланс. данные)			Модель 2 с контрольными переменными (не- сбаланс. данные)			Модель 3 мэтчинг по методу «ближайшего соседа» (nearest neighborhood, NN) с применением рас- стояния Махаланабиса			Модель 4 мэтчинг по методу поиска приближен- но-точных соответ- ствий (Coarsened exact, CEM)		
	Est	SE	OR	Est	SE	OR	Est	SE	OR	Est	SE	OR
Значение свободного члена регрессии	0,4***	0,11	0,55	0,5***	0,12	1,61	0,5**	0,14	1,64	0,7***	0,17	1,98
Опыт утраты приватности (нет)	-0,11*	0,04	0,89	-0,11*	0,05	0,89	-0,11(.)	0,05	0,9	-0,11*	0,05	0,9
Возраст				0,00	0,02	1,00	0,001	0,05	1,00	0,001	0,05	1,00
Пол (муж.)				-0,0	0,05	0,93	-0,05	0,05	1,05	-0,12*	0,05	0,88
Использование социальной сети для профессиональных целей (нет)				0,04	0,05	1,05	-0,08	0,05	0,92	0,01	0,06	1,01
Склонность устанавливать соци- альные связи				0,03	0,02	1,03	0,02	0,02	1,02	0,05	0,06	1,06
Цифровая грамотность (низкая)				-0,18**	0,07	0,82	-0,18*	0,07	0,83	-0,34**	0,11	0,7
Самооценка				0,01	0,01	1,01	0,001	0,02	1,01	0,15(.)	0,09	1,17
Размер выборки		375			375			320		272		
Псевдо-R2 Нагелькерке (Nagelkerke pseudo-R2)		0,014			0,05			0,31		0,5		
Псевдо-R2 МакФаддена (McFadden pseudo-R2)		0,009			0,036			0,25		0,31		
Псевдо-R2 Кокса и Снелла (Cox and Snell pseudo-R2)		0,013			0,049			0,18		0,45		
Результаты теста Хосмера– Лемешова (Hosmer-Lemeshov test)		p=1			p=0,67			p=0,35		p=0,36		
Информационный критерий Акаике (AIC)		513			511			435		366		

Примечания. * – p<0,05, ** – p<0,01, *** – p<0,001.

Сравнительный анализ результатов исследований о связи между опытом утраты онлайн-приватности и поведением пользователей социальных сетей

Поведение: практики регулирования приватности	Результаты предыдущих исследований	Результаты текущего исследования
Состав друзей	Отрицательная взаимосвязь [33]	Не обнаружено взаимосвязи
Информация профиля	<ul style="list-style-type: none"> • Отрицательная взаимосвязь [33] • Не обнаружено взаимосвязи [34] 	Не обнаружено взаимосвязи
Публичные записи (комментирование)	Не обнаружено взаимосвязи [34]	Не обнаружено взаимосвязи
Публичные записи (написание)	Не обнаружено взаимосвязи [34]	Не обнаружено взаимосвязи
Публичные записи (просмотр)	-	Отрицательная взаимосвязь
Личные сообщения («direct communication»)	-	Не обнаружено взаимосвязи
Отображение профиля в поисковых системах	-	Не обнаружено взаимосвязи

Литература

1. Безопасность личных данных. Левада-центр [Электронный ресурс]. URL: www.levada.ru/2017/05/25/bezopasnost-personalnyh-dannyh/ (дата обращения: 21.09.2020).
2. Девятко И.Ф., Экономки В.Ш. Онлайн-исследования и методология социальных наук: новые горизонты, новые (и не столь новые) трудности // *Онлайн-исследования в России 2.0.: сб. статей / Под ред. Шашкина А.В., Девятко И.Ф., Давыдова С.Г. М.: РИЦ «Северо-Восток», 2010. С. 17–30.*
3. Енколопов Р. Оценивание эффекта воздействия // *Квантиль. 2009. № 6. С. 3–15.*
4. Интернет в России: динамика проникновения. Зима 2017–2018 [Электронный ресурс]. Фонд общественного мнения. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/13999> (дата обращения: 20.09.2020).
5. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития [Электронный ресурс] / Ю.М. Антонян [и др.]. URL: https://mvd.ru/upload/site163/document_text/Kompleksnyy_analiz__original-maket_24_04.pdf (дата обращения: 21.09.2020).
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. Федеральная служба государственной статистики. Москва: Росстат. 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2019.pdf (дата обращения: 21.09.2020).
7. Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2019. Brand Analytics [Электронный ресурс]. URL: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2019/> (дата обращения: 21.09.2020).
8. Barnes S.B. A Privacy Paradox: Social Networking in the Unites States [Электронный ресурс] // *First Monday. 2006. Vol. 11(9).* URL: <https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/1394> (дата обращения: 09.08.2020).

9. *Bozdogan H.* Model selection and Akaike's information criterion (AIC): The general theory and its analytical extensions // *Psychometrika*. 1987. Vol. 52(3). P. 345–370.
10. *Brown T.A.* Confirmatory Factor Analysis for Applied Research. NY: Guilford, 1st.ed., 2008. 462 p.
11. *Burgoon J.K.* Privacy and Communication // *Communication Yearbook / In Burgoon M. (Ed.). CA.: Sage, 1982. P. 206–249.*
12. *Chen B., Marcus J.* Students' self-presentation on Facebook: An examination of personality and self-construal factors // *Computers in Human Behavior*. 2012. Vol. 28(6). P. 2091–2099.
13. *Christofides E., Muise A., Desmarais S.* Hey mom, what's on your Facebook? Comparing Facebook disclosure and privacy in adolescents and adults // *Social Psychological and Personality Science*. 2012. Vol. 3(1). P. 48–54.
14. *Christofides E., Muise A., Desmarais S.* Risky disclosures on Facebook: The effect of having a bad experience on online behavior // *Journal of adolescent research*. 2012. Vol. 27(6). P. 714–731.
15. *Dienlin T., Trepte S.* Is the privacy paradox a relic of the past? An in-depth analysis of privacy attitudes and privacy behaviors // *European journal of social psychology*. 2015. Vol. 45(3). P. 285–297.
16. *Dienlin T., Metzger M.J.* An extended privacy calculus model for SNSs: Analyzing self-disclosure and self-withdrawal in a representative US sample // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2016. Vol. 21(5). P. 368–383.
17. *Donath J.S., Boyd D.* Public displays of connection // *BT technology Journal*. 2004. Vol. 22(4). P. 71–82.
18. Eurobarometer. Attitudes on Data Protection and Electronic Identity in the European Union. Brussels: European Commission. 2010 [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_335_en.pdf (дата обращения: 21.09.2020).
19. Federal Trade Commission. FTC Imposes \$5 Billion Penalty and Sweeping New Privacy Restrictions on Facebook [Электронный ресурс]. URL: www.ftc.gov/news-events/press-releases/2019/07/ftc-imposes-5-billion-penalty-sweeping-new-privacy-restrictions (дата обращения: 20.09.2020).
20. *Gerber N., Gerber P., Volkamer M.* Explaining the privacy paradox: A systematic review of literature investigating privacy attitude and behavior // *Computers and Security*. 2018. Vol. 77. P. 226–261. DOI:10.1016/j.cose.2018.04.002
21. *Greifer N.* Matching methods. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://cran.r-project.org/web/packages/MatchIt/vignettes/matching-methods.html#choosing-a-matching-method/> (дата обращения: 02.02.2021).
22. *Gu X.S., Rosenbaum P.R.* Comparison of multivariate matching methods: Structures, distances, and algorithms // *Journal of Computational and Graphical Statistics*. 1993. Vol. 2(4). P. 405–420.
23. *Hernán M.A., Robins J.M.* Causal Inference: What if. Boca Raton: Chapman and Hall/CRC, 1 st.ed., 2020. 302 p.
24. *Hosmer D.W., Lemeshow S.* Applied Logistic Regression. New York: Wiley, 3 st.ed., 2013. 528 p.
25. *Iacus S.M., King G., Porro G.* Multivariate matching methods that are monotonic imbalance bounding // *Journal of the American Statistical Association*. 2011. Vol. 106(493). P. 345–361.
26. *Iacus S.M., King G., Porro G.* Causal inference without balance checking: Coarsened exact matching // *Political analysis*. 2012. P. 1–24.
27. *Ibrahim Y.* The new risk communities: Social networking sites and risk // *International Journal of Media and Cultural Politics*. 2008. Vol. 4(2). P. 245–253. DOI:10.1386/macp.4.2.245_
28. *Kalish Y., Robins G.* Psychological predispositions and network structure: The relationship between individual predispositions, structural holes and network closure // *Social Networks*. 2006. Vol. 28. P. 56–84. DOI:10.1016/j.socnet.2005.04.004
29. *Kokolakis S.* Privacy attitudes and privacy behaviour: A review of current research on the privacy paradox phenomenon // *Computers and Security*. 2017. Vol. 64. P. 122–134. DOI:10.1016/j.cose.2015.07.002

30. *LaPiere R.T.* Attitudes vs. actions // *Social forces*. 1934. Vol. 13(2). P. 230–237.
31. *Lee E., Kim Y.J., Ahn J.* How do people use Facebook features to manage social capital? // *Computers in Human Behavior*. 2014. Vol. 36. P. 440–445.
32. *Liu D., Ainsworth S.E., Baumeister R.F.* A meta-analysis of social networking online and social capital // *Review of general psychology*. 2016. Vol. 20(4). P. 369–391. DOI:10.1037/gpr0000091
33. *Louviere J.J., Hensher D.A., Swait J.D.* Stated choice methods: analysis and applications. Cambridge University press, 1 st. ed., 2000. 402 p.
34. *Nagelkerke N.* A note on a general definition of the coefficient of determination // *Biometrika*, 1991. Vol. 78. P. 691–692.
35. *Newell P.B.* Perspectives on Privacy // *Journal of Environmental Psychology*. 1995. Vol. 15. P. 87–104.
36. *Norris F.H., Smith T., Kaniasty K.* Revisiting the Experience–Behavior Hypothesis: The Effects of Hurricane Hugo on Hazard Preparedness and Other Self-Protective Acts // *Basic and Applied Social Psychology*. 1999. Vol. 21(1). P. 37–47. DOI:10.1207/s15324834basps2101_4
37. *Park Y.J.* Digital literacy and privacy behavior online // *Communication Research*. 2013. Vol. 40(2). P. 215–236.
38. *Park Y.J.* Do men and women differ in privacy? Gendered privacy and (in)equality in the Internet // *Computers in Human Behavior*. 2015. Vol. 50. P. 252–258. DOI:10.1016/j.chb.2015.04.011
39. *Reeve B.B., Fayers P.* Applying item response theory modeling for evaluating questionnaire item and scale properties // *Assessing quality of life in clinical trials: methods of practice*. 2005. Vol. 2. P. 55–73.
40. *Robins R.W., Hendin H.M., Trzesniewski K.H.* Measuring global self-esteem: Construct validation of a single-item measure and the Rosenberg Self-Esteem Scale // *Personality and social psychology bulletin*. 2001. Vol. 27(2). P. 151–161.
41. *Rosenberg M.* Society and the adolescent self-image. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1965. 338 p.
42. *Rubin D.B.* Bias Reduction Using Mahalanobis-Metric Matching // *Biometrics*. 1980. Vol. 36(2). P. 293–298. DOI:10.2307/2529981
43. *Rubin D.B.* Estimating causal effects of treatments in randomized and nonrandomized studies // *Journal of Educational Psychology*. 1974. Vol. 66. P. 688–701.
44. *Rubin D.B.* Matching to remove bias in observational studies // *Biometrics*. 1973. Vol. 29. P. 159–183.
45. *Rykov Y., Koltsova O., Sinyavskaya Y.* Effects of user behaviors on accumulation of social capital in an online social network // *Plos one*. 2020. Vol. 15(4). DOI:e0231837
46. *Stuart E.A.* Matching methods for causal inference: A review and a look forward // *Statistical science: a review journal of the Institute of Mathematical Statistics*. 2010. Vol. 25(1). P. 1–21.
47. *Stutzman F., Vitak J., Ellison N.B., Gray R., Lampe C.* Privacy in interaction: Exploring disclosure and social capital in Facebook // In *Sixth international AAAI conference on weblogs and social media* (Dublin, Ireland, June 4–7, 2012). Palo Alto: AAAI Press. Vol. 6(1).
48. *Tavakol M., Dennick R.* Making sense of Cronbach's alpha // *International Journal of Medical Education*. 2011. Vol. 2. P. 53–55. DOI:10.5116/ijme.4dfb.8dfd
49. *Totterdell P., Holman D., Hukin A.* Social networkers: Measuring and examining individual differences in propensity to connect with others // *Social Networks*. 2008. Vol. 30. P. 283–296. DOI:10.1016/j.socnet.2008.04.003
50. *Trepte S., Dienlin T., Reinecke L.* Risky behaviors: How online experiences influence privacy behaviors // *From the Gutenberg galaxy to the Google galaxy / In Stark B., Quiring O., Jackob N.* (Ed.). Germany: UVK Verlag, 2014. 370 p.
51. *Weinstein N.* Effects of personal experience on self-protective behavior // *Psychological Bulletin*. 1989. Vol. 105. P. 31–50.
52. *Zakrisson T.L., Austin P.C., McCredie V.A.* A systematic review of propensity score methods in the acute care surgery literature: avoiding the pitfalls and proposing a set of reporting guidelines // *European Journal of Trauma and Emergency Surgery*. 2018. Vol. 44(3). P. 385–395.

References

1. Bezopasnost' lichnykh dannykh [Elektronnyi resurs] [Security of personal data]. Levada-tsentr [Levada Center]. URL: www.levada.ru/2017/05/25/bezopasnost-personalnyh-dannyh/ (Accessed 21.09.2020). (In Russ.).
2. Devyatko I.F. Onlain issledovaniya i metodologiya sotsial'nykh nauk: novye gorizonty, novye (i ne stol' novye) trudnosti [Online Research and Social Science Methodology: New Horizons, New (and Not So New) Challenges]. In Shashkina A.V. (eds.) Onlain issledovaniya v Rossi 2.0: sb. statei [Online research in Russia 2.0.]. Moscow: Publ. Severo-Vostok, 2010, pp. 17–30. (In Russ.).
3. Enikolopov R. Otsenivanie efekta vozdeistviya [The estimation of average treatment effect]. *Kvantil' = Quantile*, 2009, no. 6, pp. 3–15. (In Russ.).
4. Internet v Rossii: dinamika proniknoveniya. Zima 2017–2018 [Elektronnyi resurs] [Internet in Russia: dynamics of penetration. Winter 2017-2018]. Fond obshchestvennogo mneniya [Public Opinion Fund]. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/13999> (Accessed 20.09.2020). (In Russ.).
5. Kompleksnyi analiz sostoyaniya prestupnosti v Rossiiskoi Federatsii i raschetnye varianty ee razvitiya [Elektronnyi resurs] [Comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation and estimated options for its development]. Yu.M. Antonyan [i dr.]. URL: https://mvd.ru/upload/site163/document_text/Kompleksnyy_analiz__original-maket_24_04.pdf (Accessed 21.09.2020). (In Russ.).
6. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli [Regions of Russia. Socio-economic indicators]. Moscow: Federal State Statistics Service, 2017, no. 32, p. 1402. (In Russ.).
7. Sotsial'nye seti v Rossii: tsifry i trendy, osen' 2019 [Elektronnyi resurs] [Social networks in Russia: numbers and trends, Fall 2019]. Brand Analytics. URL: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2019/> (Accessed 21.09.2020). (In Russ.).
8. Barnes S.B. A Privacy Paradox: Social Networking in the Unites States [Elektronnyi resurs]. *First Monday*, 2006. Vol. 11(9). URL: <https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/1394> (Accessed 09.08.2020).
9. Bozdogan H. Model selection and Akaike's information criterion (AIC): The general theory and its analytical extensions. *Psychometrika*, 1987. Vol. 52(3), pp. 345–370.
10. Brown T.A. Confirmatory Factor Analysis for Applied Research. NY: Guilford, 1 st.ed., 2008. 462 p.
11. Burgoon J.K. Privacy and Communication. In: *Communication Yearbook*. Burgoon M. (Ed.). CA.: Sage, 1982, pp. 206–249.
12. Chen B., Marcus J. Students' self-presentation on Facebook: An examination of personality and self-construal factors. *Computers in Human Behavior*, 2012. Vol. 28(6), pp. 2091–2099.
13. Christofides E., Muise A., Desmarais S. Hey mom, what's on your Facebook? Comparing Facebook disclosure and privacy in adolescents and adults. *Social Psychological and Personality Science*, 2012. Vol. 3(1), pp. 48–54.
14. Christofides E., Muise A., Desmarais S. Risky disclosures on Facebook: The effect of having a bad experience on online behavior. *Journal of adolescent research*, 2012. Vol. 27(6), pp. 714–731.
15. Dienlin T., Trepte S. Is the privacy paradox a relic of the past? An in-depth analysis of privacy attitudes and privacy behaviors. *European journal of social psychology*, 2015. Vol. 45(3), pp. 285–297.
16. Dienlin T., Metzger M.J. An extended privacy calculus model for SNSs: Analyzing self-disclosure and self-withdrawal in a representative US sample. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 2016. Vol. 21(5), p. 368–383.
17. Donath J.S., Boyd D. Public displays of connection. *BT technology Journa*, 2004. Vol. 22(4), pp. 71–82.
18. Eurobarometer. Attitudes on Data Protection and Electronic Identity in the European Union. Brussels: European Commission. 2010 [Elektronnyi resurs]. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_335_en.pdf (Accessed 21.09.2020).

19. Federal Trade Commission. FTC Imposes \$5 Billion Penalty and Sweeping New Privacy Restrictions on Facebook [Elektronnyi resurs]. URL: www.ftc.gov/news-events/press-releases/2019/07/ftc-imposes-5-billion-penalty-sweeping-new-privacy-restrictions (Accessed 20.09.2020).
20. Gerber N., Gerber P., Volkamer M. Explaining the privacy paradox: A systematic review of literature investigating privacy attitude and behavior. *Computers and Security*, 2018. Vol. 77, pp. 226–261. DOI:10.1016/j.cose.2018.04.002
21. Greifer N. Matching methods. 2020 [Elektronnyi resurs]. URL: <https://cran.r-project.org/web/packages/MatchIt/vignettes/matching-methods.html#choosing-a-matching-method/> (Accessed 02.02.2021).
22. Gu X.S., Rosenbaum P.R. Comparison of multivariate matching methods: Structures, distances, and algorithms. *Journal of Computational and Graphical Statistics*, 1993. Vol. 2(4), pp. 405–420.
23. Hernán M.A., Robins J.M. Causal Inference: What if. Boca Raton: Chapman & Hall/CRC, 1 st.ed., 2020. 302 p.
24. Hosmer D.W., Lemeshow S. Applied Logistic Regression. New York: Wiley, 3 st.ed., 2013. 528 p.
25. Iacus S.M., King G., Porro G. Multivariate matching methods that are monotonic imbalance bounding. *Journal of the American Statistical Association*, 2011. Vol. 106(493), pp. 345–361.
26. Iacus S.M., King G., Porro G. Causal inference without balance checking: Coarsened exact matching. *Political analysis*, 2012, pp. 1–24.
27. Ibrahim Y. The new risk communities: Social networking sites and risk. *International Journal of Media and Cultural Politics*, 2008. Vol. 4(2), pp. 245–253. DOI:10.1386/macp.4.2.245_
28. Kalish Y., Robins G. Psychological predispositions and network structure: The relationship between individual predispositions, structural holes and network closure. *Social Networks*, 2006. Vol. 28, pp. 56–84. DOI:10.1016/j.socnet.2005.04.004
29. Kokolakis S. Privacy attitudes and privacy behaviour: A review of current research on the privacy paradox phenomenon. *Computers and Security*, 2017. Vol. 64, pp. 122–134. DOI:10.1016/j.cose.2015.07.002
30. LaPiere R.T. Attitudes vs. actions. *Social forces*, 1934. Vol. 13(2), pp. 230–237.
31. Lee E., Kim Y.J., Ahn J. How do people use Facebook features to manage social capital? *Computers in Human Behavior*, 2014. Vol. 36, pp. 440–445.
32. Liu D., Ainsworth S.E., Baumeister R.F. A meta-analysis of social networking online and social capital. *Review of general psychology*, 2016. Vol. 20(4), pp. 369–391. DOI:10.1037/gpr0000091
33. Louviere J.J., Hensher D.A., Swait J.D. Stated choice methods: analysis and applications. Cambridge University press, 1 st.ed., 2000. 402 p.
34. Nagelkerke N. A note on a general definition of the coefficient of determination. *Biometrika*, 1991. Vol. 78, pp. 691–692.
35. Newell P.B. Perspectives on Privacy. *Journal of Environmental Psychology*, 1995. Vol. 15, pp. 87–104.
36. Norris F.H., Smith T., Kaniasty K. Revisiting the Experience–Behavior Hypothesis: The Effects of Hurricane Hugo on Hazard Preparedness and Other Self-Protective Acts. *Basic and Applied Social Psychology*, 1999. Vol. 21(1), pp. 37–47. DOI:10.1207/s15324834baspp2101_4
37. Park Y.J. Digital literacy and privacy behavior online. *Communication Research*, 2013. Vol. 40(2), pp. 215–236.
38. Park Y.J. Do men and women differ in privacy? Gendered privacy and (in)equality in the Internet. *Computers in Human Behavior*, 2015. Vol. 50, pp. 252–258. DOI:10.1016/j.chb.2015.04.011
39. Reeve B.B., Fayers P. Applying item response theory modeling for evaluating questionnaire item and scale properties. *Assessing quality of life in clinical trials: methods of practice*, 2005. Vol. 2, pp. 55–73.
40. Robins R.W., Hendin H.M., Trzesniewski K.H. Measuring global self-esteem: Construct validation of a single-item measure and the Rosenberg Self-Esteem Scale. *Personality and social psychology bulletin*, 2001. Vol. 27(2), pp. 151–161.

41. Rosenberg M. Society and the adolescent self-image. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1965. 338 p.
42. Rubin D.B. Bias Reduction Using Mahalanobis-Metric Matching. *Biometrics*, 1980. Vol. 36(2), pp. 293–298. DOI:10.2307/2529981
43. Rubin D.B. Estimating causal effects of treatments in randomized and nonrandomized studies. *Journal of Educational Psychology*, 1974. Vol. 66, pp. 688–701.
44. Rubin D.B. Matching to remove bias in observational studies. *Biometrics*, 1973. Vol. 29, pp. 159–183.
45. Rykov Y., Koltsova O., Sinyavskaya Y. Effects of user behaviors on accumulation of social capital in an online social network. *Plos one*, 2020. Vol. 15(4). DOI:e0231837
46. Stuart E.A. Matching methods for causal inference: A review and a look forward. *Statistical science: a review journal of the Institute of Mathematical Statistics*, 2010. Vol. 25(1), pp. 1–21.
47. Stutzman F., Vitak J., Ellison N.B., Gray R., Lampe C. Privacy in interaction: Exploring disclosure and social capital in Facebook. In: *Sixth international AAAI conference on weblogs and social media* (Dublin, Ireland, June 4–7, 2012). Palo Alto: AAAI Press, 2012. Vol. 6(1).
48. Tavakol M., Dennick R. Making sense of Cronbach's alpha. *International Journal of Medical Education*, 2011. Vol. 2, pp. 53–55. DOI:10.5116/ijme.4dfb.8dfd
49. Totterdell P., Holman D., Hukin A. Social networkers: Measuring and examining individual differences in propensity to connect with others. *Social Networks*, 2008. Vol. 30, pp. 283–296. DOI:10.1016/j.socnet.2008.04.003
50. Trepte S., Dienlin T., Reinecke L. Risky behaviors: How online experiences influence privacy behaviors. From the Gutenberg galaxy to the Google galaxy. In Stark B., Quiring O., Jacob N. (Ed.). Germany: UVK Verlag, 2014. 370 p.
51. Weinstein N. Effects of personal experience on self-protective behavior. *Psychological Bulletin*, 1989. Vol. 105, pp. 31–50.
52. Zakrisson T.L., Austin P.C., McCredie V.A. A systematic review of propensity score methods in the acute care surgery literature: avoiding the pitfalls and proposing a set of reporting guidelines. *European Journal of Trauma and Emergency Surgery*, 2018. Vol. 44(3), pp. 385–395.

Информация об авторах

Синявская Ядвига Эдуардовна, младший научный сотрудник лаборатории социальной и когнитивной информатики, Санкт-Петербургская школа социальных наук и востоковедения, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2385-3295>, e-mail: ysinyavskaya@hse.ru

Information about the authors

Yadviga E. Sinyavskaya, Junior Researcher Fellow, Laboratory for Social and Cognitive Informatics, Saint-Petersburg School of Social Sciences and Area Studies, National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2385-3295>, e-mail: ysinyavskaya@hse.ru

Получена 11.09.2020

Принята в печать 28.01.2022

Received 11.09.2020

Accepted 28.01.2022

Связь веры в справедливость с типичностью комплементарных стереотипов богатых и бедных

Улыбина Е.В.

**ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (ФГБОУ ВО РАНХиГС),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5398-9006>, e-mail: evulbn@gmail.com**

Антонова А.А.

**ООО «МЕГАСПОРТ»,
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3658-6069>, e-mail: anastasiacherbina@gmail.com**

Цель. Анализ вклада комплементарных (КС) и некомплементарных стереотипов (НКС) и оценки их типичности в уровень веры в справедливый мир (ВСМ) у работников коммерческих (КО) и некоммерческих организаций (НКО).

Контекст и актуальность. Увеличивающееся экономическое неравенство делает актуальным изучение связи оценки мира как справедливого с отношением к богатым и бедным. Согласно теории оправдания систем Дж. Джоста люди мотивированы поддерживать статус-кво, в том числе и за счет опоры на КС, объединяющие желательные и нежелательные качества в одном образе. Исследование А. Кея и Дж. Джоста (2003) показало, что актуализация КС несчастных богатых и счастливых бедных повышает уровень оправдания систем. Однако характер воздействия КС и НКС на веру в справедливость в зависимости от начального уровня ВСМ и вклад субъективной оценки типичности КС и НКС в уровень ВСМ остаются слабо исследованными.

Дизайн исследования. Использовался двухфакторный план анализа вкладов актуализации стереотипов и места работы в уровень шкал ВСМ. В работе изучались зависимость уровня шкал ВСМ от места работы респондентов, условий заполнения опросника (после актуализации КС, НКС и без чтения текстов) и относительный вклад в уровень шкал ВСМ условий заполнения опросника и оценки типичности. Методом дисперсионного анализа сравнивался уровень ВСМ у групп работников КО и НКО при разных условиях заполнения. Методом регрессионного анализа оценивался вклад пола, возраста, места работы, оценки типичности КС и НКС в уровень ВСМ.

Участники. 260 человек, из них 130 работников некоммерческих организаций, 130 работников коммерческих организаций, средний возраст — 36 лет.

Методы (инструменты). Визюетки с описанием КС и НКС, опросник ВСМ (С.К. Нартова-Бочавер и др., 2013).

Результаты. У сотрудников НКО уровень обеих шкал ВСМ снижается при актуализации НКС, у сотрудников КО — незначимо повышается при актуализации КС по отношению к фону. Уровень ВСМобщ определяется только оценкой типичности КС. Ни один из рассмотренных предикторов не вносит вклад в ВСМличн.

Основные выводы. ВСМобщ определяется субъективной оценкой типичности КС. Низкий уровень ВСМ увеличивается при актуализации КС, а высокий снижается при актуализации НКС.

Ключевые слова: вера в справедливый мир, комплементарные стереотипы, теория оправдания систем, благотворительность.

Для цитаты: Улыбина Е.В., Антонова А.А. Связь веры в справедливость с типичностью комплементарных стереотипов богатых и бедных // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 1. С. 51–69. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2022130104>

Relation of Belief in Justice to the Typicality of Complementary Stereotypes of the Rich and the Poor

Elena V. Ulybina

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5398-9006>, e-mail: evulbn@gmail.com

Anastasiya A. Antonova

LLC “MEGASPORT”, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3658-6069>, e-mail: anastasiacherbina@gmail.com

Objective. *Analysis of the contribution of complementary and non-complementary stereotypes and assessing their typicality in the level of belief in a just world (BJW) among employees of commercial and non-profit organizations.*

Background. *Increasing economic inequality makes it relevant to study the relationship between the assessment of the world as just and the relationship to the rich and poor. According to the theory of system justification by J. Jost, people are motivated to support the status quo, including by relying on complementary stereotypes that combine desirable and undesirable qualities in one image. Research by A. Kay and J. Jost (2003) has shown that actualizing complementary stereotypes of the unhappy rich and the happy poor increases the level of the acquitting of systems. However, the nature of the impact of complementary stereotypes and non-complementary stereotypes on the belief in justice, depending on the initial just-world belief level, and the contribution of subjective assessment of the typicality of complementary stereotypes and non-complementary stereotypes to the just-world belief level remains poorly studied.*

Study design. *A two-factor plan was used to analyze the contributions of the actualization of stereotypes and the place of work to the level of the just-world belief scales. The paper studied the dependence of the level of the just-world belief scales on the place of work of the respondents, the conditions of filling the questionnaire (after actualization of complementary stereotypes, non-complementary stereotypes, and without reading the texts), and the relative contribution to the level of the just-world belief scales of the conditions of filling the questionnaire and assessing the typicality. The method of analysis of variance was used to compare the just-world belief level in groups of employees of commercial and non-profit organizations under different filling conditions. Regression analysis was used to assess the contribution of gender, age, place of work, and the assessment of the typicality of complementary stereotypes and non-complementary stereotypes to the just-world belief level.*

Participants. *260 people, including 130 employees of non-profit organizations, 130 employees of commercial organizations, the average age was 36 years.*

Measurements. *Vignettes with descriptions of complementary stereotypes and non-complementary stereotypes, the just-world belief questionnaire (S.K. Nartova-Bochaver et al., 2013).*

Results. *For non-profit organizations employees, the level of both just-world belief scales decreases at non-complementary stereotypes actualization; for commercial organizations employees, it increases slightly at complementary stereotypes actualization in relation to the background. The level of BJW-others is determined only by the assessment of the typicality of complementary stereotypes. None of the considered predictors contributes to the BJW-self.*

Conclusions. *The BJW-others is determined by a subjective assessment of the typicality of complementary stereotypes. The low level of BJW increases at complementary stereotypes actualization, and the high level of BJW decreases at non-complementary stereotypes actualization.*

Keywords: *belief in a just world, complementary stereotypes, systems justification theory, charity.*

For citation: Ulybina E.V., Antonova A.A. Relation of Belief in Justice to the Typicality of Complementary Stereotypes of the Rich and the Poor. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 1, pp. 51–69. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2022130104> (In Russ.).

Введение

Социальные системы в подавляющем большинстве случаев имеют иерархическую структуру, предполагающую более или менее выраженное социальное и экономическое неравенство. Эти структуры обладают высокой степенью устойчивости, в том числе и, как утверждает теория оправдания систем Дж. Джоста, за счет потребности людей считать сложившееся положение вещей хорошим даже вопреки своим интересам [24]. Для удовлетворения этой потребности люди используют различные стратегии, состоящие как в преобразовании образа реальности, так и в активном воздействии на реальность.

Стратегии сохранения веры в справедливость в теории М. Лернера

Согласно теории веры в справедливый мир М. Лернера [27; 28; 29] люди стремятся сохранить образ справедливого мира, построенного на правилах, нарушение которых наказывается, а соблюдение — вознаграждается, прибегая как к нерациональным стратегиям, когда страдания невинной жертвы объясняются виной самой жертвы, так и к рациональным, стараясь изменить реальность в лучшую сторону. Обвинение жертв используется в основном по отношению к ситуациям, которые уже нельзя изменить, а рациональные страте-

гии применяются по отношению к тому, что изменить можно — например, усердно трудясь, соблюдая закон и помогая нуждающимся [29]. В результате люди с высоким уровнем ВСМ по единой шкале [34] не только обвиняли тех, кому не повезло, но и с большей вероятностью оказывали помощь жертвам ДТП [13] и, в целом, демонстрировали предрасположенность к участию в волонтерстве [17].

Дальнейшие исследования показали, что двойственность веры в справедливость, проявляющаяся как в обвинении жертв, так и помощи нуждающимся, дает возможность выделить в качестве отдельных факторов веру в справедливость для себя (ВСМ_{личн}) и для всех (ВСМ_{общ}) [30]. Хотя эти факторы имеют высокий уровень прямой связи друг с другом как в англоязычном, так и в русском варианте [32], и оба они прямо связаны с межличностным доверием и религиозностью [10], с политическим доверием для российской выборки [2], однако их функционирование несколько различается. ВСМ_{общ} действительно прямо связана с обвинением жертв [8] и негативным отношением к тем, кому не повезло (см. обзор [23]). Люди, верящие, что мир в целом справедлив, склонны к формированию упрощенной картины мира и простым объяснениям происходящего, что проявляется, например, в поддержке конспирологических теорий [6]. ВСМ_{личн} связана с позитивным взглядом на реальность и веру в будущие достижения [36],

с ощущением субъективного благополучия [30; 31], уровнем добросовестности как диспозициональной черты Большой Пятерки (метаанализ [33]), честностью [36], с постановкой социальных целей, которые требуют отказа от непосредственного личного интереса [9], и участием в благотворительности [11; 12; 23].

Комплементарные стереотипы как механизм поддержки веры в справедливость мира

В теории оправдания систем Дж. Джоста [24] в качестве дополнительного по отношению к теории М. Лернера механизма сохранения образа справедливой социальной реальности рассматриваются комплементарные стереотипы. Согласно модели содержания стереотипов, предложенной С. Фиск и коллегами [22], комплементарные стереотипы выстраиваются на совмещении в одном образе как желательных, так и нежелательных качеств, наделяющих представителей низкостатусных групп позитивными характеристиками, компенсирующими неблагоприятное, а членов высокостатусных — некоторым изъяном, что поддерживает представление о том, что никто не получает всего, смягчает зависть к успешным и повышает достоинство тех, кому не повезло [19; 22]. Комплементарные стереотипы разделяются представителями и высокостатусных, и низкостатусных групп, что способствует консенсусу в обществе, поддерживая сложившуюся социальную систему менее агрессивно и более социально желательно, чем описанный М. Лернером феномен обвинения невинных жертв [25; 26]. КС имеют кросс-культурный характер, их содержание не зависит от оснований иерархии [1; 15; 19; 20; 37].

Экономическое неравенство — это одна из тех ситуаций, которые угрожают

вере в справедливость [21; 37], а распространены в культуре и поддерживаемые искусством стереотипы о том, что богатые страдают, а бедные могут быть счастливы, способствуют, как показали исследования [25; 26], повышению удовлетворенности системой и оценке реальности как справедливой, что согласуется с данными о большей выраженности комплементарных стереотипов богатых и бедных в странах с большим экономическим неравенством [20].

А. Кей и Дж. Джост подчеркивают, что транслируемые культурой примеры КС «бедных, но счастливых» и «богатых, но несчастных» выполняют паллиативную функцию, увеличивая субъективную уверенность в легитимности и справедливости системы независимо от того, насколько такие образы считаются реальными [25; 26]. Представленность КС в культуре обеспечивает их большую когнитивную доступность, позволяя, как предполагается, рассматривать их как типичные и с большей вероятностью опираться на них в построении картины мира. Вместе с тем опосредованность влияния актуализации КС на оценку мира как справедливого субъективной оценкой КС как типичных и начальным уровнем веры в справедливость остается слабо изученной.

И вера в справедливость, и КС представляют собой когнитивные искажения, отражающие общую склонность людей оценивать актуальную социальную реальность более позитивно. Это позволяет предполагать прямую связь между оценкой КС как типичных, с одной стороны, и верой в справедливость как для себя, так и для всех — с другой. В этом случае КС как рациональная стратегия сохранения терпимости к иерархии может сочетаться и с другой рациональной стратегией, включающей в себя активное изменение

реальности, в том числе и за счет участия в благотворительности.

На отечественном материале личностные особенности людей, занимающихся благотворительностью, остаются слабо изученными, но исследования [3; 4; 7] подтверждают, что сотрудники НКО, организаций, не имеющих извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющих прибыль (если она была получена) между участниками, отличаются более сильной выраженностью альтруистических мотивов по сравнению с сотрудниками КО. Разумеется, сотрудники других организаций, в том числе занятые коммерцией, могут принимать участие в благотворительной деятельности в свободное время, оказывать разного рода помощь нуждающимся по собственной инициативе. Но можно предположить, что имеющие большой опыт благотворительности сотрудники НКО должны больше верить в возможность помочь жертвам неблагоприятных обстоятельств и иметь более высокую веру в справедливость мира. Это позволяет предполагать, что сотрудники НКО будут считать КС типичными и вне ситуации актуализации КС, и в этом случае чтение текстов про счастливых бедных и несчастных богатых не будет вносить значимых изменений в сложившуюся у них картину мира и увеличивать веру в справедливость. А у людей, не занятых в благотворительности, будет наблюдаться эффект, описанный А. Кеем и Дж. Джостом, и актуализация КС будет увеличивать у них веру в справедливость мира, но в той степени, в которой они готовы считать такие образы типичными.

Хотя $VCM_{личн}$ и $VCM_{общ}$ различаются по характеру связи с проявлениями альтруизма и сочувствия пострадавшим, оба фактора положительно коррелируют

друг с другом, что позволяет предполагать общий характер связи с типичностью КС и НКС, а также изменений при актуализации КС и НКС.

Общая гипотеза. Комплементарные стереотипы способствуют оценке мира как справедливого в той степени, в которой они оцениваются как типичные.

Гипотезы. 1. У сотрудников некоммерческих организаций в сфере благотворительности уровень $VCM_{личн}$ выше, чем у сотрудников коммерческих организаций. Различия в уровне $VCM_{общ}$ не значимы.

2. Сотрудники НКО оценивают комплементарные стереотипы как более типичные, чем некомплементарные, а сотрудники КО оценивают некомплементарные как более типичные, чем комплементарные.

3. После актуализации комплементарных стереотипов у сотрудников коммерческих организаций уровень обеих шкал VCM повышается относительно уровня без воздействия, а после воздействия некомплементарных остается без изменения. У сотрудников коммерческих организаций уровень обеих шкал VCM снижается после воздействия некомплементарных стереотипов, оставаясь без изменения после воздействия комплементарных.

4. Существуют положительная корреляция между уровнем обеих шкал VCM и оценкой типичности комплементарных стереотипов и отрицательная корреляция между шкалами VCM и оценкой типичности некомплементарных стереотипов.

5. Оценка типичности комплементарных стереотипов вносит прямой вклад в уровень обеих шкал VCM , а оценка типичности некомплементарных — обратный, вклад места работы респондентов не значим.

Методы

Выборку составили 260 человек, из них 130 сотрудников НКО (65 женщин), 130 — КО (65 женщин). Возраст респондентов — от 18 до 57 лет, средний — 35 лет. Все проработали в организациях либо были вовлечены в деятельность, которую осуществляет организация, больше 3-х лет (в случае с НКО — занимались благотворительностью на постоянной основе). Респонденты откликнулись на просьбу помочь в сборе материала для написания магистерской диссертации одного из авторов, вознаграждения не использовались.

И сотрудники НКО, и сотрудники КО были разделены на 3 равные группы, уравненные по полу и возрасту посредством попарного уравнивания. Первая группа перед заполнением опросника на определение уровня ВСМ читала тексты, содержащие КС, вторая — тексты, содержащие НКС, а третья только заполняла опросник.

В качестве зависимой переменной выступал уровень обеих шкал ВСМ, в качестве инструктивной независимой — условия заполнения опросника ВСМ — после чтения текстов и без чтения текстов. В качестве субъектной переменной в эксперименте учитывалось место работы респондентов. Относительный вклад места работы и субъективной оценки типичности образов в выраженность шкал ВСМ оценивался в регрессионном анализе.

Тексты для предъявления респондентам: «Михаил и Александр учились в одном классе. Отец Александра был директором фабрики, потом ее приватизировал, затем успешно продал, вложил деньги в следующий бизнес, и вся семья переехала в Москву. Отец Михаила работал на этой фабрике, но после того, как та была продана, последовало сокращение,

и он вынужден был пойти разнорабочим на стройку. Александр закончил одну из лучших школ Москвы, продолжил образование за границей и, вернувшись, стал работать в фирме отца на должности одного из топ-менеджеров. У Александра большая квартира на Патриарших и дом в Испании, хороший автомобиль с личным водителем, несколько раз в год он отдыхает на самых дорогих курортах». **Текст, содержащий КС:** «Однако Александр чувствует себя одиноким и несчастным. Он женат, но отношения с женой достаточно холодные, он сомневается в ее верности. Детям от него нужны только деньги, и они его не уважают. Отношения с друзьями поверхностные, и он уверен, что если у него возникнут серьезные проблемы, то обратиться будет не к кому». **Текст, содержащий НКС:** «Александр чувствует себя счастливым человеком. У него любящая жена и близкие отношения с детьми, в семье всегда комфортно и спокойно. Друзья знают его как надежного и верного человека, и Александр уверен, что случись с ним какие-нибудь неприятности, друзья тоже обязательно ему помогут».

«Михаил закончил школу в родном городе, но, так как семье нужны были деньги, не стал поступать в институт и сразу пошел работать на автомойку, где работает и сейчас. Он живет в маленькой квартире, доставшейся от бабушки, отдыхает на даче. Его зарплаты едва хватает на закрытие основных потребностей, на крупные покупки ему необходимо копить долгое время или брать кредит, семье приходится постоянно экономить». **Текст, содержащий КС:** «При этом Михаил чувствует себя счастливым человеком. У него любящая жена и близкие отношения с детьми, в семье всегда комфортно и спокойно. Друзья знают его как надежного и верного человека, и Михаил уверен,

что случись с ним какие-нибудь неприятности, друзья тоже обязательно ему помогут». **Текст, содержащий НКС:** «Михаил чувствует себя одиноким и несчастным. Он женат, но отношения с женой достаточно холодные, он сомневается в ее верности. У детей свои интересы, они его не уважают. Отношения с друзьями поверхностные, и он уверен, что если у него возникнут серьезные проблемы, то обратиться будет не к кому».

Виньетки формировались на основе модификации текстов, использованных в статье А. Кея и Дж. Джоста [25], в качестве экспертов выступали 5 человек, имеющих филологическое или психологическое образование, которые оценивали части текстов, описывающих материальное положение персонажей, по шкале «Материальное благополучие» от 1 до 7 баллов и части текстов, содержащих описание персонажей как счастливых или не счастливых, по шкале «Счастье» от 1 до 7 баллов. Средний уровень по шкале «Материальное благополучие» — 6,8 для богатого, 2,6 — для бедного, средний уровень по шкале «Счастье» — 6,6 для счастливого, 2,4 — для несчастного.

Предлагавшаяся инструкция была аналогична инструкции, использованной А. Кеем и Дж. Джостом [25]. Респондентам, читавшим тексты, сообщалось, что они участвуют в исследовании особенностей памяти. Им предстоит прочесть текст, постараться его запомнить для того, чтобы позже ответить на вопросы по тексту о его содержании. Время на чтение текста не регламентировалось и не учитывалось, как и в исходном исследовании А. Кея и Дж. Джоста. Далее респонденты переходили к разделу, содержащему опросник ВСМ, и их просили заполнить его для того, чтобы выдержать паузу перед ответами на вопросы и помочь исследователям собрать статистику

по опроснику. Респондентам из группы, не читавшей текста, сообщалось только о сборе статистики. На следующем этапе после заполнения опросника участникам предлагалось ответить на вопросы, часть из которых имела маскировочный характер и должна была проверить уровень запоминания текста, а последние 2 вопроса позволяли измерить субъективное представление о типичности образов.

1. Почему Александр переехал в Москву?
2. Где работал отец Михаила?
3. Где работает Александр?
4. Где обычно отдыхает Михаил?
5. Какая недвижимость есть у Александра?
6. Где живет Михаил?
7. Насколько то, что написано в тексте про Александра, кажется Вам типичным? (от 1 до 10)
8. Насколько то, что написано в тексте про Михаила, кажется Вам типичным? (от 1 до 10)

Все участники ответили на первые 6 вопросов без ошибок, и их данные были включены в дальнейшую обработку результатов. Общее время участия в исследовании не учитывалось.

Для измерения уровня ВСМ использовалась «Шкала веры в справедливый мир» [5], переведенный и реталидизированный аналог «Belief in a just world scale» [16], включающий в себя 13 утверждений, 7 из них направлены на оценку уровня личной веры в справедливый мир (например: «В моей жизни в целом и целом все происходит справедливо», «В моей жизни несправедливость — скорее исключение, чем правило»), 6 из них направлены на оценку уровня общей веры в справедливый мир (например: «Я считаю, что в целом мир справедлив», «Я убежден, что если человек пережил несправедливость, в будущем это возме-

стится»). В исследовании использовался общий показатель веры в справедливость как сумма баллов по этим двум шкалам. Альфа Кронбаха для шкалы ВСМ по выборке в целом равна 0,95.

Процедура. В исследовании сравнивались уровни ВСМ у двух групп испытуемых, работающих в коммерческих и некоммерческих организациях, при трех условиях: после актуализации КС богатых и бедных, после актуализации НКС и без актуализации и уровня субъективной оценки типичности, затем рассматривался относительный вклад оценки типичности стереотипов, пола, возраста и места работы в выраженность веры в справедливость.

Опрос осуществлялся с помощью платформы Google формы.

Результаты

Результаты обрабатывались в статистической программе Statistica 12.

Для проверки гипотезы о большей выраженности $ВСМ_{лич}$ у сотрудников НКО, чем у сотрудников КО, и отсутствия различий в выраженности $ВСМ_{общ}$ была использована подвыборка респон-

дентов, участвовавших в условиях заполнения опросника без чтения текстов. Результаты сравнения, приведенные в табл. 1, показывают, что гипотеза подтвердилась частично, у сотрудников НКО ВСМ показатели по обоим шкалам ВСМ значимо выше, чем у сотрудников КО, что частично подтверждает гипотезу.

Для проверки гипотезы о различии типичности образов КС и НКС у сотрудников КО и НКО была использована подвыборка, читавшая тексты. Результаты, представленные в табл. 2, показали, что в целом по выборке образ несчастного богатого оценивается как более типичный, чем счастливого богатого, а различия в типичности счастливого и несчастного бедного не значимы. Сотрудниками НКО КС богатого и бедного оцениваются как значимо более типичные, чем образы НКС, а у сотрудников КО различия в образах типичности КС и НКС не значимы.

Для проверки гипотезы о связи оценки типичности комплементарных и некомплементарных стереотипов с уровнем ВСМ был использован корреляционный анализ по критерию Спирмена.

Результаты показали, что в целом по выборке при актуализации комплемен-

Таблица 1

Оценка выраженности $ВСМ_{общ}$ и $ВСМ_{лич}$ у респондентов в условиях без текста

Шкалы веры в справедливый мир	Коммерческие организации		Некоммерческие организации		Различие по критерию Манна-Уитни
	Среднее	Стандартное отклонение	Среднее	Стандартное отклонение	
Вера в справедливый мир общая	40,225	12,462	57,025	10,558	246,0***
Вера в справедливый мир личная	21,700	7,276	28,675	6,364	355,5***

Примечания: *** – $p < 0,001$, ** – $p < 0,01$, * – $p < 0,05$, значения p приведены с поправкой Бонферрони.

Таблица 2

Оценка типичности комплементарных и некомплементарных образов

Респонденты	Образы	Комплементарные стереотипы		Некомплементарные стереотипы		Различие по критерию Манна-Уитни
		Среднее	Стандартное отклонение	Среднее	Стандартное отклонение	
Выборка в целом	Богатый	7,388	2,028	6,175	2,226	3,601***
	Бедный	7,263	2,326	6,575	2,396	1,841
Некоммерческая организация	Богатый	7,775	1,901	6,225	2,213	481,0**
	Бедный	7,750	2,284	6,325	2,358	525,0*
Коммерческая организация	Богатый	7,000	2,100	6,125	2,267	614,5
	Бедный	6,775	2,293	6,825	2,438	791,0

Примечания: *** – $p < 0,001$, ** – $p < 0,01$, * – $p < 0,05$, значения p приведены с поправкой Бонферрони.

тарных стереотипов $ВСМ_{общ}$ значимо связана с типичностью образа богатого ($r=0,519$, $p=0,000$) и образа бедного ($r=0,516$, $p=0,000$). У сотрудников НКО в этой ситуации $ВСМ_{общ}$ прямо связана с типичностью образа бедного ($r=0,444$, $p=0,004$) и образа богатого ($r=0,495$, $p=0,001$), у сотрудников КО – с типичностью образа бедного ($r=0,502$, $p=0,001$) и образа богатого ($r=0,529$, $p=0,000$). Связи с $ВСМ_{лич}$ во всех случаях не значимы, связи типичности некомплементарных стереотипов с верой в справедливость не значимы. Значения приведены с учетом поправки Бонферрони.

Для проверки гипотезы о влиянии условий заполнения опросника $ВСМ$ на уровень веры в справедливость был использован дисперсионный анализ. Тест Левена показал гомогенность групп и корректность дисперсионного анализа по выборке в целом и отдельно для сотрудников НКО и КО для всех использованных вариантов анализа.

В подвыборке, читавшей тексты, без учета вклада места работы респондентов, вклад типа текста оказывает значимое влияние на уровень $ВСМ_{общ}$ ($F=15,293$, $\eta=0,089$, $p < 0,001$) и на уровень $ВСМ_{лич}$

($F=14,206$, $\eta=0,082$, $p < 0,001$). Уровень обеих шкал $ВСМ$ после актуализации КС значимо выше, чем после актуализации НКС, что соответствует результатам, полученным в исследованиях А. Кея и Дж. Джоста [25].

Двухфакторный дисперсионный анализ зависимости уровня $ВСМ_{общ}$ от места работы респондентов и условий заполнения опросника по выборке в целом показал, что вклад места работы значим ($F=20,662$, $\eta=0,081$, $p < 0,001$), вклад условий заполнения значим ($F=8,808$, $\eta=0,070$, $p < 0,001$), взаимодействие факторов значимо ($F=9,470$, $\eta=0,075$, $p < 0,001$). Анализ вкладов условий заполнения и типа организации в уровень $ВСМ_{лич}$ показал, что вклад типа текста значим ($F=8,180$, $\eta=0,065$, $p < 0,001$), типа организации – значим ($F=15,357$, $\eta=0,062$, $p=0,000$, $p < 0,001$), взаимодействие факторов значимо ($F=3,709$, $\eta=0,0340$, $p < 0,05$).

Однако, как можно увидеть на рисунке, актуализация КС и НКС оказывает различное действие на уровень шкал $ВСМ$ у респондентов из разных организаций.

У сотрудников НКО после актуализации КС и уровень $ВСМ_{общ}$ ($F=13,587$,

$\eta=0,148$, $p<0,001$), и уровень $VCM_{личн}$ ($F=14,325$, $\eta=0,155$, $p<0,001$) значимо выше, чем после актуализации некомплементарных стереотипов, а уровень и $VCM_{общ}$ ($F=31,161$, $\eta=0,285$, $p<0,001$), и $VCM_{личн}$ ($F=10,321$, $\eta=0,116$, $p<0,001$) значимо выше после предъявления КС, чем в ситуации заполнения без текста. Но уровни обеих шкал VCM после актуализации КС не отличаются от уровня заполнения опросника без чтения текста.

У сотрудников КО актуализация КС несколько увеличивает уровень $VCM_{общ}$

($F=3,444$, $\eta=0,041$, $p=0,067$) и $VCM_{личн}$ ($F=3,202$, $\eta=0,039$, $p=0,077$), в обоих случаях не достигая уровня значимости. Но после актуализации КС уровень и $VCM_{общ}$ ($F=6,036$, $\eta=0,072$, $p<0,05$), и $VCM_{личн}$ ($F=7,096$, $\eta=0,083$, $p<0,001$) значимо выше, чем в ситуации заполнения опросника без текста. При этом актуализация НКС не изменит уровень обеих шкал VCM по отношению к заполнению без чтения текста.

Результаты дисперсионного анализа показывают, что характер текстов оказы-

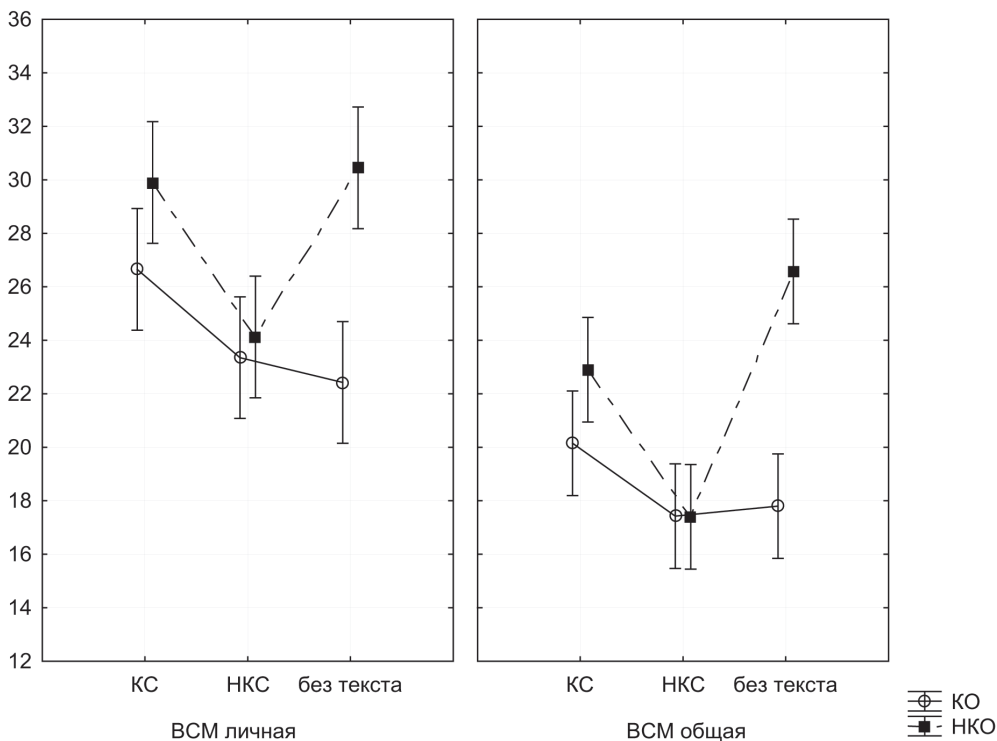

Рис. Уровень веры в справедливый мир личной и веры в справедливый мир общей у сотрудников коммерческих и некоммерческих организаций при разных условиях измерения: $VCM_{личн}$ — вера в справедливый мир личная; $VCM_{общ}$ — вера в справедливый мир общая; КС — после чтения текста, содержащего некомплементарные стереотипы; НКС — после чтения текста, содержащего некомплементарные стереотипы; КО — коммерческие организации; НКО — некоммерческие организации

вает различное влияние на уровень обеих шкал ВСМ у сотрудников КО и НКО по отношению к фоновому уровню, что подерживает 4-ю гипотезу.

Для проверки гипотезы о вкладе оценки типичности образов КС и НКС в уровень $ВСМ_{общ}$ и $ВСМ_{личн}$ был использован регрессионный анализ, в который в качестве предикторов были включены пол, возраст, место работы респондентов, тип текста и оценка типичности образов богатого и бедного персонажей. Номинативные переменные были закодированы через 0-1. Результаты показали, что в целом по выборке в уровень $ВСМ_{общ}$ вносят вклад типичность образа бедного ($\beta=0,260$, $t=3,511$, $p<0,001$) и тип текста ($\beta=-0,259$, $t=-3,512$, $p<0,001$), $R^2=0,172$. В уровень $ВСМ_{личн}$ вклад вносит только тип текста ($\beta=-0,269$, $t=-3,563$, $p<0,001$), $R^2=0,135$. Вклад места работы не значим.

Регрессионный анализ вкладов оценки пола, возраста, места работы и типичности образов богатого и бедного в уровень $ВСМ_{общ}$ и $ВСМ_{личн}$ при актуализации КС и НКС отдельно показал, что при актуализации КС в уровень $ВСМ_{общ}$ значимый вклад вносит типичность образов бедного ($\beta=0,334$, $t=2,782$, $p<0,01$) и богатого ($\beta=0,317$, $t=2,652$, $p<0,01$), что объясняет 35% дисперсии. Вклад места работы, как и предполагалось, не значим. Уровень $ВСМ_{личн}$ при актуализации КС не предсказывается ни одним из рассмотренных предикторов. При актуализации НКС ни один из рассмотренных предикторов не вносит значимого вклада ни в уровень $ВСМ_{личн}$, ни в уровень $ВСМ_{общ}$.

Обсуждение результатов

Анализ полученных результатов показал, что в целом по выборке актуализация КС способствует оценке мира как

справедливого в той степени, в которой эти стереотипы оцениваются как типичные, что соответствует общей гипотезе.

Сотрудники благотворительных организаций обладают большей верой и в справедливость для всех, и в справедливость для себя, чем сотрудники коммерческих организаций, что частично подтверждает первую гипотезу. Люди, верящие в справедливость мира, чаще занимаются благотворительностью на постоянной основе, что соответствует данным о прямой связи $ВСМ_{личн}$ с альтруизмом, но уточняет данные о связи участия в благотворительности с $ВСМ_{общ}$. Полученные результаты не позволяют говорить о направленности связи. Возможно, люди с изначально большей верой в справедливость выбирают в качестве постоянной деятельности благотворительность, а возможно, опыт собственной действенной помощи другим и знакомство с широким кругом лиц, откликающихся на просьбы о помощи, способствуют формированию более высокого уровня веры в справедливость мира для себя и для всех.

Вторая гипотеза подтвердилась тоже частично. В целом по выборке более типичным выглядит образ несчастного, чем счастливого богатого, а типичность счастливого бедного не значимо отличается от типичности несчастного бедного. Люди верят в страдания богатых больше, чем в счастье бедных. Сотрудники НКО оценивают образы КС как значимо более типичные, чем образы НКС, а различия в типичности КС и НКС образов у сотрудников КО не значимы, что позволяет предполагать у них меньшую склонность к идеализации реальности. Можно предположить, что если несчастные богатые знакомы респондентам в большей части по образам массовой культуры, использующей КС, то представление о счастье

или несчастье бедных скорее опирается на реальность, и это не позволяет сотрудникам КО считать, что счастливые бедные — это более типичное явление, чем несчастные бедные.

Третья гипотеза была поддержана также только частично. В целом по выборке различия в уровне обеих шкал ВСМ после актуализации КС значимо выше, чем после актуализации НКС, что соответствует результатам, полученным А. Кеем и Дж. Джостом [25]. У сотрудников НКО различия в уровне обеих шкал ВСМ при разных условиях заполнения значимо выше после актуализации КС, чем после актуализации НКС, но у сотрудников КО различие по обеим шкалам не достигает уровня значимости. В остальном результаты соответствуют четвертой гипотезе. Сотрудники благотворительных организаций считают КС более типичными, чем НКС, и, как можно предположить, комплементарные стереотипы не противоречат сложившемуся у них образу мира, а их актуализация не вносит изменений в оценку его справедливости, но актуализация НКС веру в справедливость снижает. У сотрудников КО восприятие мира более реалистично и актуализация НКС не влияет на их веру в справедливость, однако и для них образы, в которых богатство компенсируется несчастьем, а бедность — счастьем, повышают уровень обеих шкал ВСМ, хотя и не достигая уровня значимости. Это подтверждает положение А. Кея и Дж. Джоста о том, что транслируемые массовой культурой образы счастливых бедных и несчастных богатых поднимают веру в справедливость, даже если не считать их реалистичными.

Не значимое повышение уровня обоих аспектов ВСМ после воздействия КС у сотрудников КО требует дальнейшего изучения. Оно может быть связано как

с небольшим объемом выборки, и при расширении выборки результаты воздействия комплементарных образов на ВСМ будут скорректированы, так и может отражать культурную специфику. Метаанализ исследований, проведенный А. Чихоской и Дж. Джостом, показывает, что для жителей постсоветского пространства Восточной Европы характерен меньший уровень веры в справедливость, чем для жителей Западной Европы и Америки, стран с большим временем существования капитализма [14], и, возможно, большая устойчивость к воздействию КС, что необходимо проверять на больших выборках с учетом большего количества опосредующих переменных.

Четвертая гипотеза подтвердилась частично. В целом по выборке только ВСМ_{общ} прямо связана с типичностью КС. Дополнительные стереотипы поддерживают веру в справедливость для всех, не затрагивая представлений о справедливом для себя лично мире. Иллюзия того, что блага распределены равномерно и никто не получает всего, с меньшей критичностью принимается, когда речь идет о других, а не о собственной жизни. Связь типичности НКС со шкалами ВСМ не значима.

Результаты регрессионного анализа показали, что независимо от места работы респондентов представления о типичности КС и бедного, и богатого вносят прямой вклад только в уровень ВСМ_{общ}, как предполагалось в пятой гипотезе, а вклад типичности НКС во всех случаях не значим, что выдвинутого предположения не подтверждает. Вера в справедливость для всех поддерживается как утешением малоимущих, потому что «не в деньгах счастье», так и в несколько меньшей степени снижением зависти к обладателям материальных благ, так как

«богатые тоже плачут», не затрагивая веру в справедливость для себя лично. Уровень согласия с тем, что обычно богатые счастливы, а бедные несчастны, веру в справедливость не снижает и не увеличивает. Возможно, что так как НКС меньше распространены в культуре, то оценка типичности счастливых богатых и несчастных бедных осуществляется с опорой на собственный бытовой опыт и в меньшей степени связана со склонностью к использованию иллюзий, в том числе и иллюзии справедливости.

Полученные данные позволяют говорить об асимметрии связи оценки типичности дополнительных и дополнительных стереотипов с верой в справедливость. Если ВСМ и оценка типичности КС выступают как работающие в одном направлении когнитивные искажения, поддерживающие иллюзию справедливого мира, то оценка типичности некомплементарных стереотипов происходит независимо от уровня ВСМ.

Полученные результаты требуют проверки на воспроизводимость на больших выборках и с учетом большего количества опосредующих факторов. Различия связей типичности КС бедных и богатых с уровнем ВСМ нуждаются в дополнительном изучении.

Отдельным направлением должно стать изучение представлений о типичности КС и НКС, факторов, связанных с оценкой КС и НКС как типичных, условий формирования и функционирования дополнительных и дополнительных стереотипов.

Заключение

Респонденты, занимающиеся благотворительностью на постоянной основе, демонстрируют более высокий уровень

веры в общую и личную справедливость и оценивают КС как более типичные, чем респонденты, чья деятельность с благотворительностью не связана. Различия в уровне оценки типичности НКС не значимы. Причинно-следственные связи между занятием благотворительностью на постоянной основе и большим уровнем ВСМ и оценкой КС как типичных нуждаются в дополнительном изучении.

Полученные результаты дают возможность говорить о различиях в характере влияния актуализации КС и НКС на уровень обеих шкал ВСМ у сотрудников благотворительных и коммерческих организаций. У людей, занимающихся благотворительностью на постоянной основе, актуализация КС не изменяет уровень обеих шкал ВСМ относительно фонового, но актуализация НКС снижает уровень веры и в общую справедливость, и в справедливость мира для себя. У сотрудников КО актуализация КС повышает уровень обеих шкал ВСМ, а актуализация НКС не вносит изменения в уровень веры в справедливость. Изменение уровня ВСМ происходит, если содержание актуализированных образов противоречит сложившейся картине мира.

Субъективная оценка типичности КС бедного и богатого вносит вклад в уровень $ВСМ_{общ}$ и не вносит вклад в уровень $ВСМ_{лич}$. Результаты соответствуют данным о связи $ВСМ_{общ}$ со склонностью к упрощению представлений о реальности [6] и дополняют представление о функционировании $ВСМ_{общ}$, показывая, что иллюзия справедливого для всех мира может поддерживаться не только унижением жертв, но и представлением о равномерном распределении благ. То, насколько актуализация КС может снижать негативные проявления $ВСМ_{общ}$, препятствуя атрибуции вины жертвам, требует дополнительного изучения. Вме-

сте с тем относительно меньший вклад оценки типичности несчастного богатого, чем счастливого бедного, позволяет предполагать, что вера в справедливость в большей степени связана с надеждой на счастье необеспеченных, чем со злорадством по поводу несчастья богатых.

Оценка типичности НКС происходит независимо от оценки справедливости мира. Анализ этого феномена требует специального изучения. Можно предположить, что по отношению к менее распространенным в культуре стереотипам когнитивные искажения применяются меньше, как это показано в исследовании связи ВСМ с атрибуцией вины типичной и нетипичной жертвы [8].

Ограничения

Небольшой размер выборки требует проверки полученных данных на устойчивость.

В исследовании не учитывалось материальное положение респондентов,

которое, возможно, влияет на оценку типичности предложенных образов и связь оценки их типичности с верой в справедливость. Не учитывались индивидуальные различия в практике благотворительности у сотрудников КО. Дизайн исследования не позволил учесть дифференцированное воздействие КС бедных и богатых на показатели ВСМ, что должно быть предметом следующих исследований.

В исследовании участвовали откликнувшиеся на просьбу одного из авторов добровольцы, не получавшие какого-либо вознаграждения, что, возможно, повлияло на смещенность выборки в сторону большей доброжелательности и эмоциональной отзывчивости участников.

В работе использовались опросниковые методики, в то время как в исходном исследовании А. Кея и Дж. Джоста повышение оценок справедливости мира измерялось тестом неявных ассоциаций, что могло быть причиной незначимого воздействия актуализации КС на показатели ВСМ у сотрудников КО.

Литература

1. Григорьев Д.С. Модель содержания стереотипов и этнические стереотипы в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23. № 2. С. 215–244. DOI:10.31119/jssa.2020.23.2.9
2. Гулевич О.А., Сариева И.Р. Социальные верования, политическое доверие и готовность к политическому поведению: сравнение России и Украины // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 2. С. 74–92. DOI:10.17759/sps.2020110205
3. Иванова Т.Н. Мотивационная основа благотворительности населения: когортные различия // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8. № 1(26). С. 156–160.
4. Кудринская Л.А. Добровольческий труд: сущность, функции, специфика // Социологические исследования. 2006. № 5. С. 15–22.
5. Нартова-Бочавер С.К., Поддипняк М.Б., Хохлова А.Ю. Вера в справедливый мир и психологическое благополучие у глухих и слышащих подростков и взрослых // Клиническая и специальная психология. 2013. № 3. С. 1–14.
6. Нестик Т.А., Дейнека О.С., Максименко А.А. Социально-психологические предпосылки веры в конспирологические теории происхождения COVID-19 и вовлеченность в сетевые коммуникации // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 4. С. 87–104. DOI:10.17759/sps.2020110407

7. Токарева А.А., Николаева А.А. Специфика мотивации персонала в системе государственной службы и некоммерческой организации // Научный журнал дискурс. 2018. № 7. С. 191–206.
8. Улыбина Е.В., Аббасова С.Э. Гендерные различия в атрибуции вины участникам типичного и нетипичного супружеского насилия // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 3. С. 51–69. DOI:10.17759/sps.2020110304
9. Bartholomaeus J., Strelan P. The adaptive, approach-oriented correlates of belief in a just world for the self: A review of the research // Personality and Individual Differences. 2019. Vol. 151. P. 109485. DOI:10.1016/j.paid.2019.06.028
10. Bègue L. Beliefs in justice and faith in people: Just world, religiosity and interpersonal trust // Personality and Individual Differences. 2002. Vol. 32. № 3. P. 375–382. DOI:10.1016/S0191-8869(00)00224-5
11. Bègue L. Do just-world believers practice private charity? // Journal of Applied Social Psychology. 2014. Vol. 44. № 1. P. 71–76. DOI:10.1111/jasp.12201
12. Bègue L., Charoillaux M., Cochet J., Cury C., De Suremain F. Altruistic behavior and the bidimensional just world belief // The American journal of psychology. 2008. Vol. 121. № 1. P. 47–56. DOI:10.2307/20445443
13. Bierhoff H.W., Klein R., Kramp P. Evidence for the altruistic personality from data on accident research // Journal of personality. 1991. Vol. 59. № 2. P. 263–280. DOI:10.1111/j.1467-6494.1991.tb00776.x
14. Cichočka A., Jost J.T. Stripped of illusions? Exploring system justification processes in capitalist and post-communist societies // International Journal of Psychology. 2014. Vol. 49. № 1. P. 6–29. DOI:10.1002/ijop.12011
15. Cuddy A.J., Fiske S.T., Kwan V.S., Glick P., Demoulin S., Leyens J.P. ... & Htun T.T. Stereotype content model across cultures: Towards universal similarities and some differences // British Journal of Social Psychology. 2009. Vol. 48. № 1. P. 1–33. DOI:10.1348/014466608X314935
16. Dalbert C. The world is more just for me than generally: About the personal belief in a just world scale's validity // Social Justice Research. 1999. Vol. 12. № 2. P. 79–98. DOI:10.1023/A:1022091609047
17. DePalma M., Madey S.F., Tillman T.C., Wheeler J. Perceived patient responsibility and belief in a just world affect helping // Basic and Applied Social Psychology. 1999. Vol. 21. № 2. P. 131–137. DOI:10.1207/S15324834BA210205
18. Durante F., Fiske S.T. How social-class stereotypes maintain inequality // Current opinion in psychology. 2017. Vol. 18. P. 43–48. DOI:10.1016/j.copsyc.2017.07.033
19. Durante F., Tablante C.B., Fiske S.T. Poor but warm, rich but cold (and competent): Social classes in the stereotype content model // Journal of Social Issues. 2017. Vol. 73. № 1. P. 138–157.
20. Durante F., Fiske S.T., Gelfand M.J., Crippa F., Suttora C., Stillwell A. ... & Teymoori A. Ambivalent stereotypes link to peace, conflict, and inequality across 38 nations // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2017. Vol. 114. № 4. P. 669–674. DOI:10.1111/josi.12208
21. Fiske S.T., Durante F. Mutual status stereotypes maintain inequality // The Social Psychology of Inequality. Springer, Cham, 2019. P. 335–348. DOI:10.1007/978-3-030-28856-3_21
22. Fiske S.T., Cuddy A., Glick P., Xu J. A model of (often mixed) stereotype content: competence and warmth respectively follow from perceived status and competition // Journal of personality and social psychology. 2002. Vol. 82. № 6. P. 878–902. DOI:10.1037/0022-3514.82.6.878
23. Hafer C.L., Sutton R. Belief in a just world // Handbook of social justice theory and research. Springer, New York, NY, 2016. P. 145–160. DOI:10.1007/978-1-4939-3216-0_8
24. Jost J.T. A quarter century of system justification theory: Questions, answers, criticisms, and societal applications // British Journal of Social Psychology. 2019. Vol. 58. № 2. P. 263–314. DOI:10.1111/bjso.12297

25. Kay A.C., Jost J.T. Complementary justice: effects of "poor but happy" and "poor but honest" stereotype exemplars on system justification and implicit activation of the justice motive // *Journal of personality and social psychology*. 2003. Vol. 85. № 5. P. 823–837. DOI:10.1037/0022-3514.85.5.823
26. Kay A.C., Jost J.T., Young S. Victim derogation and victim enhancement as alternate routes to system justification // *Psychological Science*. 2005. Vol. 16. № 3. P. 240–246. DOI:10.1111/j.0956-7976.2005.00810.x
27. Lerner M.J. The belief in a just world // *The Belief in a just World*. Springer, Boston, MA, 1980. P. 9–30.
28. Lerner M.J. The justice motive: Some hypotheses as to its origins and forms // *Journal of personality*. 1977. Vol. 45. № 1. P. 1–52. DOI:10.1111/j.1467-6494.1977.tb00591.x
29. Lerner M.J., Clayton S. Justice and self-interest: Two fundamental motives. Cambridge University Press, 2011. 280 p.
30. Lipkusa I.M., Dalbert C., Siegler I.C. The importance of distinguishing the belief in a just world for self versus for others: Implications for psychological well-being // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1996. Vol. 22. № 7. P. 666–677. DOI:10.1177/0146167296227002
31. Nartova-Bochaver S., Donat M., Rüprich C. Subjective well-being from a just-world perspective: A multi-dimensional approach in a student sample // *Frontiers in psychology*. 2019. Vol. 10. P. 1739. DOI:10.3389/fpsyg.2019.01739
32. Nartova-Bochaver S., Donat M., Astanina N., Rüprich C. Russian adaptations of General and Personal Belief in a Just World Scales: Validation and psychometric properties // *Social Justice Research*. 2018. Vol. 31. № 1. P. 61–84. DOI:10.1007/s11211-017-0302-5
33. Nudelman G., Otto K. Personal Belief in a Just World and Conscientiousness: A meta-analysis, facet-level examination, and mediation model // *British Journal of Psychology*. 2021. Vol. 112. № 1. P. 92–119. DOI:10.1111/bjop.12438
34. Rubin Z., Peplau A. Belief in a Just World and Reactions to Another's Lot: A Study of Participants in the National Draft Lottery 1 // *Journal of Social Issues*. 1973. Vol. 29. № 4. P. 73–93. DOI:10.1111/j.1540-4560.1973.tb00104.x
35. Schindler S., Wenzel K., Dobiosch S., Reinhard M.A. The role of belief in a just world for (dis) honest behavior // *Personality and Individual Differences*. 2019. Vol. 142. P. 72–78. DOI:10.1016/j.paid.2019.01.037
36. Strelan P., Callisto J. Good outcomes are more likely for me than you – Especially in a just world // *Personality and Individual Differences*. 2020. Vol. 163. P. 110033. DOI:10.1016/j.paid.2020.110033
37. Wu S.J., Bai X., Fiske S.T. Admired rich or resented rich? How two cultures vary in envy // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2018. Vol. 49. № 7. P. 1114–1143. DOI:10.1177/0022022118774943

References

1. Grigor'ev D.S. Model' soderzhaniya stereotipov i etnicheskie stereotipy v Rossii [The stereotype content model and ethnic stereotypes in Russia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii = The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2020. Vol. 23, no. 2, pp. 215–244. DOI:10.31119/jssa.2020.23.2.9 (In Russ.).
2. Gulevich O.A., Sariyeva I.R. Sotsial'nye verovaniya, politicheskoe doverie i gotovnost' k politicheskomu povedeniyu: sravnenie Rossii i Ukrainy [Social beliefs, political trust and readiness to participate in political actions: comparison of Russia and Ukraine]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 2, pp. 74–92. DOI:10.17759/sps.2020110205 (In Russ.).
3. Ivanova T.N. Motivatsionnaya osnova blagotvoritel'nosti naseleniya: kogortnye razlichiya [Motivational basis of population charity: cogort differences]. *Azimuth nauchnykh issledovaniy*:

- ekonomika i upravlenie = Azimuth of scientific research: economics and administration*, 2019. Vol. 8, no. 1(26), pp. 156–160. (In Russ.).
4. Kudrinskaya L.A. Dobrovol'cheskii trud: sushchnost', funktsii, spetsifika [Volunteers' labor: essence, functions, specifics political sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2006, no. 5, pp. 15–22. (In Russ.).
 5. Nartova-Bochaver S.K., Podlipnyak M.B., Khokhlova A.Yu. Vera v spravedlivyi mir i psikhologicheskoe blagopoluchie u glukhikh i slyshashchikh podrostkov i vzroslykh [Belief in a just world and mental well-being in deaf and hearing youth and adults]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical Psychology and Special Education*, 2013, no. 3, pp. 1–14. (In Russ.).
 6. Nestik T.A., Deineka O.S., Maksimenko A.A. Sotsial'no-psikhologicheskie predposylki very v konspirologicheskie teorii proiskhozhdeniya COVID-19 i вовлеченност' v setevye kommunikatsii [Socio-Psychological Predictors of Belief in Conspiracy Theories of the Origin of COVID-19 and Involvement in Social Media]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 4, pp. 87–104. DOI:10.17759/sps.2020110407 (In Russ.).
 7. Tokareva A.A., Nikolaeva A.A. Spetsifika motivatsii personala v sisteme gosudarstvennoi sluzhby i nekommercheskoi organizatsii [The specifics of staff motivation in the civil service and non-profit organization]. *Nauchnyi zhurnal diskurs = Discourse*, 2018, no. 7, pp. 191–206. (In Russ.).
 8. Ulybina E.V., Abbasova S.E. Gendernye razlichiya v atributsii viny uchastnikam tipichnogo i netipichnogo supruzheskogo nasiliya [Gender differences in attribution of guilt to the participants of typical and atypical marital violence scenarios]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 3, pp. 51–69. DOI:10.17759/sps.2020110304 (In Russ.).
 9. Bartholomaeus J., Strelan P. The adaptive, approach-oriented correlates of belief in a just world for the self: A review of the research. *Personality and Individual Differences*, 2019. Vol. 151, pp. 109485. DOI:10.1016/j.paid.2019.06.028
 10. Bègue L. Beliefs in justice and faith in people: Just world, religiosity and interpersonal trust. *Personality and Individual Differences*, 2002. Vol. 32, no. 3, pp. 375–382. DOI:10.1016/S0191-8869(00)00224-5
 11. Bègue L. Do just-world believers practice private charity? *Journal of Applied Social Psychology*, 2014. Vol. 44, no. 1, pp. 71–76. DOI:10.1111/jasp.12201
 12. Bègue L., Charoillaux M., Cochet J., Cury C., De Suremain F. Altruistic behavior and the bidimensional just world belief. *The American journal of psychology*, 2008. Vol. 121, no. 1, pp. 47–56. DOI:10.2307/20445443
 13. Bierhoff H.W., Klein R., Kramp P. Evidence for the altruistic personality from data on accident research. *Journal of personality*, 1991. Vol. 59, no. 2, pp. 263–280. DOI:10.1111/j.1467-6494.1991.tb00776.x
 14. Cichocka A., Jost J.T. Stripped of illusions? Exploring system justification processes in capitalist and post-communist societies. *International Journal of Psychology*, 2014. Vol. 49, no. 1, pp. 6–29. DOI:10.1002/ijop.12011
 15. Cuddy A.J., Fiske S.T., Kwan V.S., Glick P., Demoulin S., Leyens J.P. ... & Htun T.T. Stereotype content model across cultures: Towards universal similarities and some differences. *British Journal of Social Psychology*, 2009. Vol. 48, no. 1, pp. 1–33. DOI:10.1348/014466608X314935
 16. Dalbert C. The world is more just for me than generally: About the personal belief in a just world scale's validity. *Social Justice Research*, 1999. Vol. 12, no. 2, pp. 79–98. DOI:10.1023/A:1022091609047
 17. DePalma M., Madey S.F., Tillman T.C., Wheeler J. Perceived patient responsibility and belief in a just world affect helping. *Basic and Applied Social Psychology*, 1999. Vol. 21, no. 2, pp. 131–137. DOI:10.1207/S15324834BA210205
 18. Durante F., Fiske S.T. How social-class stereotypes maintain inequality. *Current opinion in psychology*, 2017. Vol. 18, pp. 43–48. DOI:10.1016/j.copsyc.2017.07.033

19. Durante F., Tablante C.B., Fiske S.T. Poor but warm, rich but cold (and competent): Social classes in the stereotype content model. *Journal of Social Issues*, 2017. Vol. 73, no. 1, pp. 138–157. DOI:10.1111/josi.12208
20. Durante F., Fiske S.T., Gelfand M.J., Crippa F., Suttora C., Stillwell A. ... & Teymoori A. Ambivalent stereotypes link to peace, conflict, and inequality across 38 nations. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2017. Vol. 114, no. 4, pp. 669–674.
21. Fiske S.T., Durante F. Mutual status stereotypes maintain inequality. *The Social Psychology of Inequality*. Springer, Cham, 2019, pp. 335–348.
22. Fiske S.T., Cuddy A., Glick P., Xu J. A model of (often mixed) stereotype content: competence and warmth respectively follow from perceived status and competition. *Journal of personality and social psychology*, 2002. Vol. 82, no. 6, pp. 878–902. DOI:10.1037/0022-3514.82.6.878
23. Hafer C.L., Sutton R. Belief in a just world. *Handbook of social justice theory and research*. Springer, New York, NY, 2016, pp. 145–160. DOI:10.1007/978-1-4939-3216-0_8
24. Jost J.T. A quarter century of system justification theory: Questions, answers, criticisms, and societal applications. *British Journal of Social Psychology*, 2019. Vol. 58, no. 2, pp. 263–314. DOI:10.1111/bjso.12297
25. Kay A.C., Jost J.T. Complementary justice: effects of “poor but happy” and “poor but honest” stereotype exemplars on system justification and implicit activation of the justice motive. *Journal of personality and social psychology*, 2003. Vol. 85, no. 5, pp. 823–837. DOI:10.1037/0022-3514.85.5.823
26. Kay A.C., Jost J.T., Young S. Victim derogation and victim enhancement as alternate routes to system justification. *Psychological Science*, 2005. Vol. 16, no. 3, pp. 240–246. DOI:10.1111/j.0956-7976.2005.00810.x
27. Lerner M.J. The belief in a just world. *The Belief in a just World*. Springer, Boston, MA, 1980, pp. 9–30.
28. Lerner M.J. The justice motive: Some hypotheses as to its origins and forms. *Journal of personality*, 1977. Vol. 45, no. 1, pp. 1–52. DOI:10.1111/j.1467-6494.1977.tb00591.x
29. Lerner M.J., Clayton S. Justice and self-interest: Two fundamental motives. Cambridge University Press, 2011. 280 p.
30. Lipkusa I.M., Dalbert C., Siegler I.C. The importance of distinguishing the belief in a just world for self versus for others: Implications for psychological well-being. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1996. Vol. 22, no. 7, pp. 666–677. DOI:10.1177/0146167296227002
31. Nartova-Bochaver S., Donat M., Rüprich C. Subjective well-being from a just-world perspective: A multi-dimensional approach in a student sample. *Frontiers in psychology*, 2019. Vol. 10, p. 1739. DOI:10.3389/fpsyg.2019.01739
32. Nartova-Bochaver S., Donat M., Astanina N., Rüprich C. Russian adaptations of General and Personal Belief in a Just World Scales: Validation and psychometric properties. *Social Justice Research*, 2018. Vol. 31, no. 1, pp. 61–84. DOI:10.1007/s11211-017-0302-5
33. Nudelman G., Otto K. Personal Belief in a Just World and Conscientiousness: A meta-analysis, facet-level examination, an. 1d mediation model. *British Journal of Psychology*, 2021. Vol. 112, no. 1, pp. 92–119. DOI:10.1111/bjop.12438
34. Rubin Z., Peplau A. Belief in a Just World and Reactions to Another’s Lot: A Study of Participants in the National Draft Lottery 1. *Journal of Social Issues*, 1973. Vol. 29, no. 4, pp. 73–93. DOI:10.1111/j.1540-4560.1973.tb00104.x
35. Schindler S., Wenzel K., Dobiosch S., Reinhard M.A. The role of belief in a just world for (dis) honest behavior. *Personality and Individual Differences*, 2019. Vol. 142, pp. 72–78. DOI:10.1016/j.paid.2019.01.037
36. Strelan P., Callisto J. Good outcomes are more likely for me than you – Especially in a just world. *Personality and Individual Differences*, 2020. Vol. 163, p. 110033. DOI:10.1016/j.paid.2020.110033

37. Wu S.J., Bai X., Fiske S.T. Admired rich or resented rich? How two cultures vary in envy. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2018. Vol. 49, no. 7, pp. 1114–1143. DOI:10.1177/0022022118774943

Информация об авторах

Улыбина Елена Викторовна, доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (ФГБОУ ВО РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5398-9006>, e-mail: evulbn@gmail.com

Антонова Анастасия Андреевна, ведущий менеджер по обучению, ООО «МЕГАСПОРТ», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3658-6069>, e-mail: anastasiacherbina@gmail.com

Information about the authors

Elena V. Ulybina, Doctor of Psychology, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5398-9006>, e-mail: evulbn@gmail.com

Anastasiya A. Antonova, Lead Training Manager, LLC “MEGASPORT”, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3658-6069>, e-mail: anastasiacherbina@gmail.com

Получена 30.10.2020

Received 30.10.2020

Принята в печать 28.01.2022

Accepted 28.01.2022

Особенности религиозности и веры представителей «Информационного» и «Нового» поколений

Пищик В.И.

**ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» (ФГБОУ ВО ДГТУ);
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (ФГАОУ ВО ЮФУ),
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3909-3895>, e-mail: vladaph@yandex.ru**

Лобачева А.О.

**ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» (ФГБОУ ВО ДГТУ),
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6582-9125>, e-mail: nastyia.lobacheva.18@bk.ru**

Цель. Сравнение ценностных оснований веры, объектов веры, веры в заговоры, уровня религиозности у представителей «Информационного» (Y) и «Нового» (Z) поколений.

Контекст и актуальность. При условии разрушения традиционных ценностей, утраты смыслов, межпоколенческого разрыва, кризиса религиозных институтов возникает проблема религиозной определенности молодых поколений. Отмечается низкая религиозность молодого поколения, разрыв внешней и внутренней религиозности. Поколенческий подход в изучении религиозности мало представлен в исследованиях. Высока актуальность изучения особенностей религиозности и веры представителей поколений в транзитивном обществе.

Дизайн исследования. Исследование проводилось с помощью социально-психологического опроса. Данные были проанализированы факторным анализом, методами определения значимости различий показателей.

Участники. Ученики средней школы (150 чел., 53% девушек и 47% юношей в возрасте от 14 до 17 лет) — «Новое» поколение; студенты первых курсов вузов (140 чел., 50% девушек и 50% юношей в возрасте от 19 до 23 лет) — «Информационное» поколение, г. Ростов-на-Дону.

Методы (инструменты). Методика измерения типов ментальности; методика измерения ценностей через страхи; методика «Вера в заговор»; шкала ранжирования объектов веры; анкета измерения религиозности. Применялся пакет прикладных программ SPSS-20.0 для обработки результатов.

Результаты. У представителей «Информационного» и «Нового» поколений преобладает инновационная ментальность, архетипы находятся в переходной зоне от традиции к инновации; ценность «Мистического» менее выражена у «Информационного» поколения; представители обоих поколений в наибольшей мере верят в чудеса, Бога, рай и жизнь после смерти; в наименьшей степени — в НЛО, привидения и колдовство. Представители обоих поколений верят в заговоры: представители «Информационного» поколения — в политический, фармацевтический заговоры и в тайные организации, а представители «Нового» поколения — в информационный, политический и продуктовый заговоры. Представители «Информационного» поколения считают, что духовность и вера очень важны в жизни, но не придерживаются никакой религиозной веры, считают себя духовными. Религиозность в обеих группах слабая.

Основные выводы. Обнаружено противоречие между объектами веры, духовностью и религиозностью в группах поколений. Это свидетельствует о том, что у представителей исследуемых поколений религиозность имеет незрелые формы.

Ключевые слова: религиозность, архетипы, мистическое, объекты веры, вера в заговоры, ценности, «Информационное» поколение, «Новое» поколение.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-28-00520.

Благодарности. Авторы благодарят за помощь в сборе данных для исследования научного руководителя проекта М.И. Постникову.

Для цитаты: Пищик В.И., Лобачева А.О. Особенности религиозности и веры представителей «Информационного» и «Нового» поколений // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 1. С. 70–86. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2022130105>

Features of Religiosity and Faith of Representatives of the “Information” and “New” Generations

Vlada I. Pishchik

Don State Technical University; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3909-3895>, e-mail: vladaph@yandex.ru

Anastasia O. Lobacheva

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6582-9125>, e-mail: nastyia.lobacheva.18@bk.ru

Objective. *Comparison of the value bases of faith, objects of faith, belief in conspiracies, the level of religiosity among representatives of the “Information” and “New” generations.*

Background. *If traditional values are destroyed, meaning is lost, there is an intergenerational gap, and religious institutions are in crisis, the problem of religious certainty for young generations arises. There is a lack of confidence in the younger generation, a gap between external and internal religiosity. The generational approach to the study of religiosity is poorly represented in research. It is highly relevant to study the features of religiosity and faith of representatives of generations in a transitive society.*

Study design. *The study was conducted using a socio-psychological survey. The data were analyzed by factor analysis, methods for determining the significance of differences in indicators.*

Participants. *Secondary school students (150 people, 53% girls and 47% boys from 14 to 17 years old) are the “New” generation; first-year university students aged 19 to 23 years (140 people, 50% girls and 50% boys) are the “Information” generation of Rostov-on-Don.*

Measurements. *Method of measuring types of mentality; method of measuring values through fears; method of “Belief in a conspiracy”; scale of ranking objects of faith; questionnaire for measuring religiosity. The SPSS-20 application software package was used. to process the results.*

Results. *In both groups, the innovative mentality prevails, archetypes are in the transition zone from tradition to innovation; the value of the “Mystical” is less pronounced in the “Information” generation; representatives of both generations believe more in miracles, God, Paradise and life after death; to a lesser extent – in UFOs, ghosts and witchcraft. Representatives of the “Information” generation believe more in political, food and pharmaceutical conspiracies. Representatives of the “New” generation believe more in information and food conspiracies. The “Information” generation believes that spirituality and faith are very important in life, but they do not adhere to any religious faith, they consider themselves spiritual. The degree of religiosity in both groups is weak, but prevails in the group of the “New” generation.*

Conclusions. *There is a contradiction between the objects of faith, spirituality and religiosity. This indicates that the representatives of the studied generations have immature forms of religiosity.*

Keywords: *religiosity, archetypes, mystical, objects of faith, belief in conspiracies, values, "Information", "New" generation.*

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 22-28-00520.

Acknowledgements. The authors are grateful for assistance in data collection Postnikova M.I.

For citation: Pishchik V.I., Lobacheva A.O. Features of Religiosity and Faith of Representatives of the "Information" and "New" Generations. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 1, pp. 70–86. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2022130105> (In Russ.).

Введение

Сегодня можно наблюдать две противоречивые тенденции в обществе: институты религии находятся в кризисе, при этом религиозность трансформируется в иные формы, актуализирующие ее в обществе [1; 2; 12; 30]. Идет тенденция к снижению значимости нравственно-этических ценностей в различных культурах [14; 28; 35; 51]. Разрушение сообществ приводит к «выдуманной идентичности», мы переходим от эпохи «референтных групп» к эпохе «одиночек» [1]. Если нет сообщества, если для человека важнее индивидуализированные ценности, то он не может принять общие религиозные догматы [7]. В других исследованиях отмечается, что за последние годы не произошло никакого роста религиозности молодежи [19]. Там, где у человека утрачена рамка жизни, он сталкивается с «обществом текучей современности» [1], «транзитивным» обществом [12; 24], миром угрозы небытия [49]. Вместе с тем осмысление жизни, кризисы могут приводить молодых людей к религии, которая возникает из переживания «иррациональности мира» и человеческой жизни [3; 5; 9; 31]. Зрелость внутренней религиозности человека определяется проявлением целостности взглядов, устойчивостью убеждений, осмысленностью жизненных целей [29].

В последние десятилетия доминирующий подход к психологии религии был эмпирическим [22; 26; 36]. Исследуются

религиозный, мистический опыт в связи с возрастом и гендером [20; 34; 37], индивидуальные различия и типологии религиозного опыта [11; 33], связь между психическим здоровьем и религией [45], развитие религиозности детей [40], нейропсихологическая основа религии, связь между религиозными установками и экономическим поведением [39], типами и процессами обращения в религиозную веру и харизматическими явлениями, такими как молитва [4; 43; 53], особенности религиозного сознания молодежи [10; 18], развитие духовности [46; 48] и др.

Религия меняет свою функцию в обществе. «Видимые и невидимые религии» [3], официально признанные конфессии борются с сектами [27]. Наблюдается распространение радикальных религиозных течений [17]. В интернете активно продвигаются представления неверующих (игнорирование притязаний и проблем, связанных с Богом) и атеистов (отрицание концепции Бога или богов) [36]. Избегая стен церкви, молодые люди участвуют в различных тренингах, группах встреч, в сетевых сообществах, в которых они ищут смыслы жизни. В этом может выражаться «невидимая религия» [6]. Следовательно, сегодня религия приобретает новые формы. Происходит секуляризация религии в кризисе, отмечается новый подъем влияния религии на развитие общества [19; 23; 36; 44].

Религиозность может оказывать как положительное, так и отрицательное воз-

действие на жизнь людей, в зависимости от того, как она утверждается [32; 42]. Религиозные люди отличаются от нерелигиозных людей тем, что придерживаются более строгих моральных установок и тратят больше времени на добровольную и неформальную помощь [39].

Существует проблема поиска оснований укоренения религии среди людей разных стран, культур, возрастов и пола, но мало представлен поколенческий подход, в котором акцентируются вопросы преемственности религиозности. В данной работе авторы придерживаются предложенной ими ранее типологии поколений: «Традиционное» — 1947–1964 гг. рождения (аналог американского «baby boom» поколения); «Переходное» — 1965–1982 гг. р. (X поколение); «Информационное» — 1983–1999 гг. р. (Y поколение); «Новое» — 2000–2017 гг. р. (Z, или iGen поколение) [14].

Было показано, что представители поколения Z (молодые американцы) малорелигиозны [52]. Отмечаются разрыв и утрата связи культурных ценностей между представителями поколений Y и Z американцев и китайцев [47]. Выявлено, что членство в церкви и религиозность гораздо менее распространены у молодых голландцев (Y поколение), чем в поколении их родителей (X поколение) [39]. Было также зафиксировано, что в России доля тех, кто регулярно посещает религиозные службы, уменьшается, начиная с поколения миллениалов (1982–2000 г.р.) [16].

Позиционирование религиозных организаций в интернете растет. Можно отслеживать преемственность отношения к религии посредством изучения составляющих ментальности.

Подростковый возраст представителей «Информационного» — Y (1983–1999 гг. рождения) поколения пришелся на перестройку, когда наблюдалось воз-

рождение религиозности в России, восстанавливались храмы, но при этом росло число реакционных, протестных, отвергающих любую духовность сообществ. Родители представителей Y поколения не могли открыто предъявлять свои религиозные предпочтения и декларировали атеизм. Поэтому представители Y поколения не всегда ориентировались в религиозном культе. Далее «Новое» — Z поколение еще больше утрачивало, как мы предполагаем, религиозную традицию.

Подростковый возраст представителей Z поколения (2000–2017 гг. рождения) сопровождался следующими событиями: прошла Олимпиада, был присоединен Крым, на Украине произошла смена власти, начались санкции против России, развернулся финансовый кризис, сегодня пришел COVID-19. В этот период обнародовались скандалы вокруг Ватикана (2010–2011 гг.) о непристойном поведении многих священников, велись расследования убийства журналистов во Франции (2012 г.), представивших карикатуры на исламские ценности, и др. Тревожность населения возрастает. Предполагаем, что данные события не повышают стремление к религиозности молодых.

Представляет научный интерес исследование особенностей религиозности и веры представителей Y, Z российских поколений. Актуальность определила **цель исследования** — сравнение ценностных оснований веры, объектов веры, веры в заговоры, уровня религиозности у представителей Y и Z поколений (Ростовская область).

Метод

Схема проведения исследования. Исследование проводилось с помощью

социально-психологического опроса. **Гипотезы исследования:** Н1. Ценностные основания веры и религиозности статистически значимо различаются у представителей Y и Z поколений; Н2. Объекты веры статистически значимо отличаются у представителей Y поколения от представителей Z поколения; Н3. Виды веры в заговоры статистически значимо отличаются у представителей Y поколения от представителей Z поколения; Н4. Степень религиозности у представителей Y поколения выше, чем у представителей Z поколения.

Выборка исследования. 1 группа — Y поколение: студенты, 140 чел. — 50% девушек и 50% юношей в возрасте от 19 до 23 лет, отдельные члены семей представителей этого поколения привержены православной вере. 2 группа — Z поколение: школьники, 150 чел. — 53% девушек и 47% юношей в возрасте от 14 до 17 лет, их отдельные члены семьи — приверженцы православной веры. Исследование проводилось в г. Ростове-на-Дону. Для рандомизации выборки применялся метод урны. В урне были карточки с номерами и пустышки. Выбор карточки определял участие в исследовании.

Методы исследования. Методика измерения типов ментальности (МИТМ) [14]; методика измерения ценностей через страхи [15]; методика «Вера в заговоры» [14]; авторская шкала ранжирования объектов веры; анкета выявления степени религиозности [44].

Обработка данных. Применялся пакет статистических программ SPSS 20.0. Использовались критерий различий Манна-Уитни, критерий Фишера, критерий Уилкоксона, эксплораторный факторный анализ.

Методика измерения типов ментальности состоит из 30 незаконченных предложений, объединенных по 5 выска-

зываний в шести блоках. Каждый блок соответствует определенной шкале: «архетипы», «образ мира», «образ жизни», «стиль мышления», «отношения», «взаимодействия». Предназначение данной методики — в определении принадлежности личности к одному из четырех типов ментальности, выделяемых автором: традиционный, инновационный, переходный, постинновационный [14]. Традиционная ментальность включает ценности горизонтального коллективизма и предполагает следование традициям, более дружественные отношения между людьми, которые ориентированы на коллективные цели. Инновационная ментальность основана на ценностях вертикального индивидуализма, предполагает более закрытые отношения между людьми, активную позицию в жизни, рациональность, ориентацию на личные достижения. Переходная ментальность основана на ценностях вертикального коллективизма, на более жесткой иерархии в отношениях. Постинновационная ментальность основана на ценностях стабильности и горизонтального индивидуализма. Методика валидирована в 2010 г. [15].

Методика измерения ценностей через страхи. Согласно нашим исследованиям, возникновение страха — ответная реакция на угрозу значимым для человека ценностям. В основу разработанной нами методики ценностных измерений страхов положено исследование значимости для личности угроз таким категориям, как: «Я», «Другие», «Природа», «Культура», «Технологии», «Мистическое». Методика состоит из двух частей. В первой предлагается проранжировать ценности по степени значимости для испытуемого. Во второй — оценить наличие у индивида актуальных страхов, представленных в таблице. Обработка осуществляется путем подсчета средних

значений по предпочитаемым ценностям и выраженным страхам.

Методика «Вера в заговор» содержит 11 утверждений, каждое из которых соотносится с верой в определенный вид заговора: общественный, политический, государственный, фармацевтический, продуктовый заговоры, вера в тайную деятельность, тайные организации, клонов, пришельцев, глобальность, конец света. Респондентам следует оценить степень своего согласия с предлагаемыми утверждениями по прилагаемой шкале оценки. Методика валидизирована в 2017 г. [13].

Шкала ранжирования объектов веры позволяет оценить направленность веры различных групп людей. Испытуемым предлагаются 17 категорий различных феноменов и явлений: Бог, чудеса, рай, Иисус, ангелы, существование души после смерти, воскрешение Иисуса, ад, непорочное зачатие, дьявол, дарвиновская теория эволюции, привидения, креационизм, НЛО, астрология, колдовство, ре-

инкарнация. По каждой из приведенных категорий респонденты должны указать, верят ли они в нее или нет.

Анкета выявления степени религиозности включает три вопроса: «Считаете ли Вы себя религиозным или духовным?»; «Насколько важна религия, духовность или вера в Вашей жизни?»; «И если Вы религиозный, к какой религии Вы принадлежите?». Оценки от 0 до 10 баллов.

Результаты

Выявлено, что у представителей поколений Y и Z преобладает инновационная ментальность по сравнению с другими типами ментальности. Сравнение показателей представителей различных групп между собой показало, что в группе представителей поколения Z более выражены архетипы традиционной и переходной ментальности, а у представителей поколения Y – инновационной (табл. 1).

Таблица 1
Составляющие ментальности: средние значения и значимость их различий между поколениями

Составляющие ментальности	Типы ментальности							
	Традиционный		Инновационный		Переходный		Постинновационный	
	Тип поколения							
	Y	Z	Y	Z	Y	Z	Y	Z
	Средние баллы по группе							
Архетипы	1	6	6	2	4	6	4	2
Образ мира	3	3	11	10	3	1	3	4
Образ жизни	3	2	13	11	1	5	3	0
Стиль мышления	5	3	8	9	3	5	4	3
Отношения	6	6	5	4	6	2	3	8
Взаимодействия	5	2	10	1	3	4	1	3
M	4,33	3,33	8,50	5,67	3,67	3,67	3,17	4,00
SD	1,21	1,51	3,51	5,01	1,97	2,25	1,94	2,76
W – критерий Уил-коксона $p < 0,01^{**}$	0,90**		0,95**		0,85**		0,91**	

Ценностные основания религиозности мы определяли через иерархию ценностей поколений. В табл. 2 представлены результаты по измерению ценностей через страхи. Наше внимание сосредоточено на ценности «Мистического», которая непосредственно связана с верой.

Статистически значимыми различиями у двух поколений являются только отличия в отношении к ценности «Культуры» и к ценности «Мистического». Наибольшую значимость для представителей поколения Y представляют следующие ценности (в порядке убывания): «Природа», «Культура» и «Я»; наименьшую – «Технологии». Для представителей поколения Z более ценными были: «Я», «Природа», «Культура», в то время как «Мистическое» имеет меньшую ценность. Гипотеза H1 доказана.

Далее респондентам задавался вопрос: «Религия имеет свои истоки в природе или культуре?». Большинство в группе представителей Y поколения (80%) ответили, что в культуре. Большинство в группе представителей Z поколения (78%) ответили, что в природе.

Согласно полученным эмпирическим данным, в результате проведения методики «Вера в заговор» установлено, что представители поколения Y в большей степени верят в заговоры со стороны: фармацевтических компаний; политиков; тайных организаций; производителей продуктов питания. Специфика веры в заговоры представителей поколения Z состоит в их убеждении в ограниченности информационных потоков для широких кругов общественности. Статистически значимым различием между поколениями является вера в заговор фармацевтических компаний, политиков; тайные организации; продуктовый и информационный заговоры (табл. 3).

Как видно, представители поколения Y в наибольшей степени верят в фармацевтический, политический и продуктовый заговоры. Представители Z поколения – в информационный и продуктовый заговоры. Гипотеза H2 доказана.

Исследуя объекты веры, мы установили следующее (табл. 4).

Представители обоих поколений в наибольшей степени верят в чудеса,

Таблица 2

Ценности: средние значения и значимость их различий между поколениями

Виды ценностей	Тип поколения	M	SD	U – критерий Манна-Уитни
Ценность Я	Y	14,3	2,53	191,5
	Z	14,35	2,15	
Ценность других	Y	13,15	4,62	145,5
	Z	14,15	3,19	
Ценность природы	Y	14,75	1,58	172,0
	Z	14,25	2,14	
Ценность технологий	Y	11,15	2,68	174,5
	Z	11,55	2,78	
Ценность мистического	Y	12,70	3,11	99,5**
	Z	9,80	3,44	
Ценность культуры	Y	14,70	3,54	117,5*
	Z	12,75	2,75	

Примечание: * – $p \leq 0.05$, ** – $p \leq 0.01$.

Таблица 3

Вера в заговоры: средние значения и значимость их различий между поколениями

Вера в заговоры	Тип поколения	M	SD	W – критерий Уилкоксона
Информационный заговор	Y	49,5	31,36	0,95**
	Z	70,5	23,05	
Политический заговор	Y	70	15,4	0,85**
	Z	60	17,16	
Государственный заговор	Y	54	29,45	0,90
	Z	45,5	19,86	
Тайная деятельность	Y	62	26,07	0,93
	Z	34,5	21,87	
Тайные организации	Y	67,5	30,24	0,81**
	Z	46,5	14,24	
Фармацевтический заговор	Y	73,5	17,55	0,93**
	Z	58	20,15	
Продуктовый заговор	Y	67,5	24,68	0,93**
	Z	66,5	22,77	
Вера в клонов	Y	34	23,70	0,89
	Z	26,5	18,71	
Вера в пришельцев	Y	41	34,77	0,89
	Z	28	21,66	
Вера в глобальное потепление или глобальное похолодание	Y	37,5	24,89	0,94
	Z	35,5	19,04	
Вера в конец света	Y	19,5	22,58	0,81
	Z	27,5	15,85	

Примечание: ** – $p \leq 0.01$.

Бога, рай и жизнь после смерти; в наименьшей степени – в НЛО, привидения и колдовство.

Статистически значимые различия между поколениями наблюдаются в вере в следующие явления: Иисус, ангелы, воскрешение Иисуса, ад, дьявол, НЛО. При этом вера в Бога и в рай по частоте встречаемости у представителей обоих поколений статистически не различаются. Гипотеза H3 доказана.

Применение эксплораторного факторного анализа показало следующее. В группе представителей Y поколения четыре

фактора составили 82,25% дисперсии. 1-й фактор нагружен переменными: Бог (вес=0,91), Иисус (0,89), рай (0,91), вера в ангелов (0,91), вера в дьявола (0,91), бес-смертные души (0,91). Фактор полностью отражает содержание библейской истории. 2-й фактор представлен переменными: вера в государственный (0,78), информационный (0,74) и политический (0,66) заговоры, а также ценность «Природы» (-0,32) и недоверие к государственности при значимости природных богатств страны. 3-й фактор: вера в клонов (0,68) и пришельцев (0,74), вера в тайные организации (0,66) и

Таблица 4

Объекты веры: средние значения и значимость их различий между поколениями

Объекты веры	Тип поколения				Ф-критерий Фишера
	Y		Z		
	N	Доля, %	N	Доля, %	
Бог	17	85	14	70	1,13
Чудеса	18	90	18	90	0**
Рай	17	85	14	70	1,13
Иисус	16	80	11	55	1,72**
Ангелы	17	85	11	55	2,13*
Существование души после смерти	17	85	14	70	1,13
Воскрешение Иисуса	16	80	9	45	2,35**
Ад	15	75	9	45	1,97**
Непорочное зачатие	14	70	10	50	1,30
Дьявол	17	85	12	60	1,81**
Дарвиновская теория эволюции	15	75	11	52	1,33
Привидения	13	65	9	42	1,27
Креационизм	13	65	9	45	1,27
НЛО	14	70	8	40	1,93*
Астрология	14	70	9	45	1,61
Колдовство	13	65	8	40	1,60
Рейнкарнация	14	70	10	50	1,30

Примечание: * – $p \leq 0.05$, ** – $p \leq 0.01$.

тайную деятельность (0,65), ценность «Я» (0,57). 4-й фактор: переходный архетип (0,71), ценности «Природы» (0,63), «Культуры» (0,64) и «Мистического» (0,60).

В группе Z поколения четыре фактора составили 80,65% дисперсии. 1-й фактор нагружен следующими переменными: Иисус (0,84), Бог (0,72), рай (0,72), ангелы (0,82), воскрешение Иисуса (0,75), ад (0,67). Фактор по некоторым позициям совпадает с содержанием 1-го фактора группы «Информационного» поколения – основные позиции религиозного учения. 2-й фактор: ценности «Культуры» (0,81), «Других» (0,80), «Технологий» (0,72), «Природы» (0,71), «Мистического» (0,66). Данный фактор отражает ценностные основания мировоззрения представителей поколения Z. 3-й фак-

тор включил переменные: колдовство (0,80), астрологию (0,74) и дарвиновское учение об эволюции (0,74). Фактор объединил несовместимые вещи, что может указывать на неустойчивость в данных вопросах. 4-й фактор объединил веру в клонов (0,82) и пришельцев (0,77), в государственный заговор (0,65) в сочетании с переходными архетипами (0,63).

Исследование самооценки религиозности выявило следующее. На вопрос «Считаете ли Вы себя религиозным?» лишь 10% представителей поколения Y ответили утвердительно, остальные респонденты этой поколенческой группы давали такие ответы: «Я равнодушна, просто отношусь нейтрально»; «Нет, я не считаю себя религиозным человеком»; «У меня верующая семья, но это не мое»; «Я считаю, что вера

для «слабых» людей» и т.д. По сравнению с представителями поколения Z, которые в 60% случаев ответили «да», представители поколения Y, по их мнению, являются менее религиозными.

На вопрос «Считаете ли Вы себя духовным?» 40% представителей поколения Y поколения ответили «да»: *«Духовность и вера максимально важна в моей жизни, без нее меня бы просто не было»; «Вера иногда облегчает жизнь, духовность наполняет человеческую жизнь»* и т.д. На тот же вопрос утвердительно ответили 60% представителей поколения Z.

Исходя из представленных результатов, можно констатировать, что представители поколения Z более религиозны: *«Религия дает силу и уверенность», «Без религии общество погибнет», «Религия укрепляет семью»*. Встречались и такие высказывания: *«Религию каждый понимает по-своему», «Я не могу сказать, что я религиозна, но считаю, что каждый во что-то верит. Я верю во вселенную, ее законы»; «Я являюсь верующим человеком. Бог играет большую роль в моей жизни»; «Меня крестили в детстве, но я занимаю нейтральную позицию между православием и атеизмом»; «Считаю, что религия дает некую надежду и не дает отчаяться»; «Мне кажется, что религиозные люди куда счастливее атеистов»* и т.д. Таким образом, гипотеза H4 не подтвердилась.

Обсуждение результатов

Архетипы — структурирующий элемент религиозного феномена [8; 38; 50]. Мы обнаружили, что архетипы респондентов находятся в традиционной, переходной и инновационной ментальности, что может свидетельствовать о том, что религиозность у них неустойчива. Это может быть связано с тем, что инновационная менталь-

ность преобладает в обеих группах, выражаясь в большей свободе, нестабильности, что свидетельствует о неопределенности в отношении восприятия веры.

В исследовании выявлено, что большинство респондентов малорелигиозны, но считают себя духовными людьми. Это расходится с результатами исследования Р.В. Худ, С.Б. Свенсон, в котором показано, что меньшинство молодых людей из различных стран идентифицирует себя как духовных, но не религиозных [36]. В нашем исследовании признаваемая респондентами духовность сочетается с такими ценностями, как «Культура», «Природа», «Я», что сопоставимо с исследованиями Г. Кожухарь, А. Белоусова, М.А. Хачатрян [25; 41].

В работе Е.С. Элбакян отмечено, что около трети опрошенных (случайная выборка населения городов России) считают себя верующими и заявляют о своей принадлежности к традиционным религиозным направлениям России либо сообщают о своей внеконфессиональной религиозности [27]. С.С. Малявина пишет о наличии эклектичной религиозности современной молодежи Северного Кавказа [11]. Наш результат показал наличие противоречивых тенденций в проявлениях религиозности представителей поколений Y и Z г. Ростова-на-Дону.

Проводимые в мире исследования показали, что больше всего религиозных/духовных респондентов было зафиксировано в Аргентине, Мальте, США и Индии. В Японии, Швеции, Франции и Норвегии эти показатели заметно ниже [44]. Наше исследование не является настолько масштабным, чтобы утверждать низкий уровень религиозности молодых людей в Российской Федерации. Однако репрезентативность нашей выборки позволяет нам сделать вывод на уровне региона — г. Ростова-на-Дону.

В исследовании И.А. Савченко, С.В. Устинкина установлено, что 80% студентов Нижегородской области не считают себя религиозными, поскольку быть религиозным не модно. При этом 41% респондентов уважительно относятся к христианству [18]. Этот результат сопоставим с нашими результатами, полученными на исследованиях студентов (представителей поколения Y) г. Ростова-на-Дону. При малой религиозности студенты и старшеклассники в нашем исследовании верили в объекты веры. Это сочетается с результатами другого исследования [20]. Для большинства православной молодежи религиозность является формальной, не оказывает глубокого влияния на их повседневное поведение [21]. В некоторых исследованиях выявлен территориальный фактор в проявлениях религиозности молодежи Северного Кавказа, подавляющее большинство опрошенных респондентов считают себя «верующими людьми» [10].

Ограничения исследования связаны с объемом и характером выборки.

Направления будущих исследований. В дальнейшем планируется исследовать внутреннюю и внешнюю религиозность представителей поколений различных конфессий.

Выводы

1. Сущность поколенческого подхода в рассмотрении религиозности и веры

молодежи заключается в том, что можно осмыслить возможность преемственности или прерывания религиозности и веры между поколениями.

2. Новым результатом является то, что по всем прогнозам у представителей «Нового» (Z) поколения хотя и проявилась инновационная ментальность, но архетипы находятся в традиции, что может являться основанием для предположения, что у них особое отношение к религии. Установлено, что у представителей «Нового» поколения в большей степени выражены религиозная вера, выбор в пользу духовности, а также вера в чудеса.

3. Ценностные основания религиозности и веры у представителей «Информационного» (Y) и «Нового» (Z) поколений совпадают по ценности «Природа», однако существуют отличия в значимости отдельных категорий ценностей «Мистическое» и «Культура».

4. Обнаружена слабая религиозность в обеих группах, при этом отдельные члены семей респондентов приверженцы православной веры. Установлены противоречие между верой в объекты веры (сильна), духовностью (приписывают себе) и религиозностью (отрицают) и расхождение в семейной структуре вероисповедания. Это может свидетельствовать о незрелой религиозности респондентов, при этом проявляется достаточная деструктивная вера в заговоры. Мы предполагаем, что религиозность переходит в иные формы, например, эклектичные.

Литература

1. *Бауман З.* Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 238 с.
2. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
3. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
4. *Василюк Ф.Е.* Переживание и молитва. Опыт общепсихологического исследования. М.: Смысл, 2005. 190 с.

5. Вебер М. Социология религии (Типы религии) // Вебер М. Избранное. Образ общества / пер. с нем. М.: Юрист, 1994. С. 78–308.
6. Вера. Этнос. Нация: Религиозный компонент этнического сознания / Ред. кол.: М.П. Мчедлов (отв. ред.), Ю.А. Гаврилов, В.В. Горбунов и др. М: Культурная революция, 2007. 368 с.
7. Генон Р. Очерки о традиции и метафизике. СПб.: Азбука, 2000. 317 с.
8. Джабраилова А.Ш. Архетипы в религии: функции и методы исследования // Политематический сетевой электронный научный журнал КубГАУ. 2017. Том 127. № 3. С. 996–1009. DOI:10.21515/1990-4665-127-071
9. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. Исследование человеческой природы / Пер. с англ. В.Г. Малахиейвой-Мирович, М.В. Шик, под ред. С.В. Лурье. М.: Академический проект, 2017. 415 с.
10. Магомедова М.З. Особенности религиозной идентификации мусульман Северного Кавказа // Религиоведение. 2020. № 2. С. 99–108. DOI:10.22250/2072-8662.2020.2.99-108
11. Малявина С.С. Религиозность личности: психологический анализ: монография. Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2019. 116 с.
12. Марцинковская Т.Д., Юрченко Н.И. Проблема совладания в транзитивном обществе // Психологические исследования. 2016. Том 9. № 49. С. 9. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 31.07.2020).
13. Обухова Л.Ф. Возрастная психология. М.: Изд-во ЮРАЙТ; МГППУ, 2011. 469 с.
14. Пищик В.И. Ментальность российских поколений южного региона // Историкогенез и современное состояние российского менталитета. Выпуск 2 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Е.Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 330–338.
15. Пищик В.И. Ценностные измерения поколений через актуализируемые страхи // Социальная психология и общество. 2019. Том 10. № 2. С. 67–81. DOI:10.17759/sps.2019100206
16. Радаев В.В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с.
17. Савченко И.А., Снегирева Л.А., Устинкин С.В. Трансформации молодежного религиозного сознания: тенденции и противоречия // Власть. 2017. Том 25. № 5. С. 29–35.
18. Савченко И.А., Устинкин С.В. Религия в восприятии современной молодежи: цифры и комментарии // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). Modern Research of Social Problems. 2016. Том 7. № 63. С. 232–263. DOI:10.12731/2218-7405-2016-7-232-263
19. Семенов В.Е. Молодежь создает вокруг себя мутную религиозную среду [Электронный ресурс] // ДелоРус в материалах «Русской народной линии». 11.03.2010. URL: http://www.delorus.com/good/index.php?ELEMENT_ID=3504 (дата обращения: 08.05.2020).
20. Субботский Е.В. Верую, потому что абсурдно: Магия религии // Психолог. 2015. № 6. С. 76–115. DOI:10.7256/2409-8701.2015.6.14239
21. Сушко В.А., Васенина И.В. Религиозность современной российской молодежи как фактор формирования семейных ценностей // Социодинамика. 2019. № 1. С. 122–137. DOI:10.25136/2409-7144.2019.1.28692
22. Титов Р.С. Концепция индивидуальной религиозности Г. Олпорта: понятие религиозных ориентаций // Культурно-историческая психология. 2013. Том 9. № 1. С. 2–12.
23. Узланер Д. Конец религии? История теории секуляризации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 240 с.
24. Федотова М.Г. Означивание социальной информации как фактор стабилизации транзитивных обществ Европы, Азии и Евразии: Монография. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2015. 140 с.
25. Хачатрян М.А. Ценности и атрибутивные процессы в социальном познании // Социальная психология и общество. 2014. Том 5. № 1. С. 84–97.
26. Шорохова В.А. Религиозная идентичность в зарубежных психологических исследованиях: теоретические модели и способы изучения // Социальная психология и общество. 2014. Том 5. № 4. С. 44–61.

27. *Элбакян Е.С.* Новые религиозные движения эпохи постмодерна: динамика организаций нью эйдж (на примере организации «Радастея») // Религиоведение. 2018. № 1. С. 36–51. DOI:10.22250/2072-8662.2018.1.36-51
28. *Яковлева М.Н.* Динамика ценностных ориентаций современной молодежи // Смыслы жизни российской интеллигенции / Под общей ред. Ж.Т. Тощенко. Редактор-составитель Д.Т. Цибикова. М.: РГГУ, 2018. С. 212–219.
29. *Allport G.W., Ross J.M.* Personal religious orientation and prejudice // Journal of Personality and Social Psychology. 1967. Vol. 5. P. 432–443. DOI:10.1037/h0021212
30. *Bauman Z.* 44 Letters from the Liquid Modern World. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity Press, 2010. 188 p.
31. *Berger P.* Reflections on the sociology of religion today // Sociology of Religion. 2001. Vol. 62. № 4. P. 443–454.
32. *Brambilla M., Assor A.* Chapter 6: Understanding the psychology of religion: the contribution of self-determination theory. The Science of Religion, Spirituality, and Existentialism. 2020. P. 83–90. DOI:10.1016/B978-0-12-817204-9.00007-X
33. *Cottingham J.* Philosophy of Religion: Towards a More Humane Approach (Cambridge Studies in Religion, Philosophy, and Society). Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 1–24 DOI:10.1017/CBO9781139094627
34. *Donelson E.* Psychology of religion and adolescents in the United States: past to present // Journal of Adolescence. 1999. Vol. 22. № 2. P. 187–204. DOI:10.1006/jado.1999.0212
35. *Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M.* Cultures and Organizations: Software of the Mind (Rev. 3rd ed.). New York: McGraw-Hill, 2010. 576 p. For translations see www.geerthofstede.nl
36. *Hood R.W., Swanson S.B.* Psychology of Religion. Reference Module in Neuroscience and Biobehavioral Psychology. 2018. P. 201–208 DOI:10.1016/B978-0-12-809324-5.21942-1
37. *Johnstone B., Cohen D.* Chapter 6: Faith Traditions, Spiritual Transcendence, and Selflessness. Neuroscience, Selflessness, and Spiritual Experience. 2019. P. 109–129. DOI:10.1016/B978-0-08-102218-4.00006-7
38. *Kidd M.A.* Archetypes, Stereotypes and Media Representation in a Multi-cultural Society // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2016. Vol. 236. P. 25–28. DOI:10.1016/j.sbspro.2016.12.007
39. *Kirchmaier I., Prüfer J., Trautmann S.T.* Religion, moral attitudes and economic behavior // Journal of Economic Behavior & Organization. 2018. Vol. 148. P. 282–300. DOI:10.1016/j.jebo.2018.02.022
40. *Kosher H., Ben-Arieh A.* Religion and subjective well-being among children: A comparison of six religion groups // Children and Youth Services Review. 2017. Vol. 80. P. 63–77. DOI:10.1016/j.childyouth.2017.06.049
41. *Kozhukhar G., Belousova A.* How value orientations of students can predict the characteristics of their social cognition? Conference name: 9th International Conference on Education and New Learning Technologies. 3–5 July, Barcelona, Spain. 2017. P. 5791–5796. DOI:10.21125/edulearn.2017.2311
42. *Laeheem K.* Causal relationships between religion factors influencing ethical behavior among youth in the three southern border provinces of Thailand // Children and Youth Services Review. 2020. Vol. 108. Article 104641. DOI:10.1016/j.childyouth.2019.104641
43. *Liquin E.G., Metz S.E., Lombrozo T.* Science demands explanation, religion tolerates mystery // Cognition. 2020. Vol. 204. Article 104398. DOI:10.1016/j.cognition.2020.104398
44. *Moons P., Luyckx K., Dezutter, Kovacs A.H.* et al. the International Society for Adult Congenital Heart Disease (ISACHD) Religion and spirituality as predictors of patient-reported outcomes in adults with congenital heart disease around the globe // International Journal of Cardiology. 2019. Vol. 274. P. 93–99. DOI:10.1016/j.ijcard.2018.07.103
45. *Noh Y.-E., Shahdan S.* A systematic review of religion/spirituality and sport: A psychological perspective // Psychology of Sport and Exercise. 2020. Vol. 46. Article 101603. DOI:10.1016/j.psychsport.2019.101603

46. Olenich T.S., Maslova Y.V., Klimenko T.M., Zakharova V.A., Astashova A.I. Eco-legal education and religious values: The opportunities of convergence // EKOLOJI. 2019. Vol. 28. № 107. P. 5045–5048.
47. Ponder L.S. Intergenerational and Personal Connectedness: Held Together in Christian Faith // Journal of Psychology and Theology. 2018. Vol. 46. № 2. P. 133–139. DOI:10.1177/0091647118767989
48. Rassadnev E.S. Spirituality as a basis for shaping and keeping national identity in contemporary globalized space // ASTRA SALVENSIS. 2018. Vol. 6. P. 433–442.
49. Rudenko A.M., Rodionova V.I., Stepanova V.N. Social fears in the context of security concern: Social and philosophical analysis // Advances in Intelligent Systems and Computing. 2019. Vol. 726. P. 1144–1155. DOI:10.1007/978-3-319-90835-9_129
50. Spineto N. The notion of archetype in Eliade's writings // Religion. 2008. Vol. 38(4). P. 366–374. DOI:10.1016/j.religion.2008.07.001
51. Triandis H.C. Collectivism and Individualism: Cultural and Psychological Concerns // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition). 2015. P. 206–210. DOI:10.1016/B978-0-08-097086-8.24008-7
52. Twenge J.M. iGen: Why today's super-connected kids are growing up less rebellious, more tolerant, less happy- and completely unprepared for adulthood and what that means for the rest of us. New York, NY: Atria Books, 2017. 352 p.
53. Watts F. Psychology, Religion, and Spirituality: Concepts and Applications (Cambridge Studies in Religion, Philosophy, and Society). Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 211 p. DOI:10.1017/9781107360549

References

1. Bauman Z. Tekuchaya sovremennost' [Fluid modernity]. Saint-Petersburg: Piter, 2008. 238 p. (In Russ.).
2. Bek U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu [Risk Society. On the way to another modernity]. Moscow: Progress-Tradition, 2000. 384 p. (In Russ.).
3. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: Medium, 1995. 323 p. (In Russ.).
4. Vasilyuk F.E. Perezhivaniye i molitva. Opyt obshchepsikhologicheskogo issledovaniya [Experience and prayer. Experience of general psychological research]. Moscow: Meaning, 2005. 190 p. (In Russ.).
5. Veber M. Sotsiologiya religii (Tipy religii) [Sociology of religion (Types of religion)]. Veber M. Izbrannoe. Obraz obshchestva [Favorites. The image of society]. Moscow: Lawyer, 1994, pp. 78–308. (In Russ.).
6. Vera. Etnos. Natsiya: Religiozniy komponent etnicheskogo soznaniya [Faith. Ethnos. Nation: Religious component of ethnic consciousness]. Moscow: Cultural revolution, 2007. 368 p. (In Russ.).
7. Genon R. Ocherki o traditsii i metafizike [Essays on tradition and metaphysics]. Saint Petersburg: Alphabet, 2000. 317 p. (In Russ.).
8. Dzhabrailova A.Sh. Arkhetipy v religii: funktsii i metody issledovaniya [Archetypes in religion: functions and methods of research]. *Politematicheskii setevoi elektronnyi nauchnyi zhurnal KubGAU = Polythematic network electronic scientific journal of KubSAU*, 2017. Vol. 127, no. 3, pp. 996–1009. DOI:10.21515/1990-4665-127-071 (In Russ.).
9. Dzheims U. Mnogoobrazie religioznogo opyta. Issledovaniye chelovecheskoi prirody [Diversity of Religious Experience. Study of human nature]. Moscow: Academic project, 2017. 415 p. (In Russ.).
10. Magomedova M.Z. Osobennosti religioznoi identifikatsii musul'man Severnogo Kavkaza [Features of the religious identification of Muslims of the North Caucasus]. *Religiovedenie = Religious Studies*, 2020, no. 2, pp. 99–108. DOI:10.22250/2072-8662.2020.2.99-108 (In Russ.).

11. Malyavina S.S. Religioznost' lichnosti: psikhologicheskii analiz [Religiosity of personality: psychological analysis]. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo instituta upravleniya, filiala RANKhiGS, 2019. 116 p. (In Russ.).
12. Martsinkovskaya T.D., Yurchenko N.I. Problema sovladaniya v tranzitivnom obshchestve [The problem of coping in a transitive society]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological research*, 2016. Vol. 9, no. 49, p. 9. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed 31.07.2020). (In Russ.).
13. Obukhova L.F. Vozrastnaya psikhologiya [Age psychology]. Moscow: YURAYT Publishing House; MSPPU, 2011. 460 p. (In Russ.).
14. Pishchik V.I. Mental'nost' rossiiskikh pokolenii yuzhnogo regiona [Mentality of Russian generations of the southern region]. Istoriogenez i sovremennoe sostoyanie rossiiskogo mentaliteta [Historiogenesis and the current state of the Russian mentality]. Moscow: Publishing house of the Russian Academy of Sciences, 2016. Issue 2, pp. 330–338. 454 p. (In Russ.).
15. Pishchik V.I. Tsennostnye izmereniya pokolenii cherez aktualiziruemye strakhi [Value measurements of generations through actualized fears]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2019. Vol. 10, no. 2, pp. 67–81. DOI:10.17759/sps.2019100206 (In Russ.).
16. Radaev V.V. Millenialy: Kak menyaetsya rossiiskoe obshchestvo [Millennials: How Russian society is changing]. Moscow: Higher school of Economics publishing house, 2019. 224 p. (In Russ.).
17. Savchenko I.A., Snegireva L.A., Ustinkin S.V. Transformatsii molodezhnogo religioznogo soznaniya: tendentsii i protivorechiya [Transformation of youth religious consciousness: tendencies and contradictions]. *Vlast' = Power*, 2017. Vol. 25, no. 5, pp. 29–35. (In Russ.).
18. Savchenko I.A., Ustinkin S.V. Religiya v vospriyatii sovremennoi molodezhi: tsifry i kommentarii [Religion in the perception of modern youth: figures and comments]. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem = Modern Research of Social Problems*, 2016. Vol. 7, no. 63, pp. 232–263. DOI:10.12731/2218-7405-2016-7-232-263 (In Russ.).
19. Semenov V.E. Molodezh' sozdaet vokrug sebya mutnuyu religioznuyu sredu [Youth creates a muddy religious environment around them]. *DeloRus v materialakh "Russkoi narodnoi linii" = DeloRus in the materials of the "Russian People's Line"*. 11.03.2010. URL: http://www.delorus.com/good/index.php?ELEMENT_ID=3504 (Accessed 08.05.2020). (In Russ.).
20. Subbotskii E.V. Veruyu, potomu chto absurdno: Magiya religii [Believe, because it is absurd: The magic of religion]. *Psikholog = Psychologist*, 2015, no. 6, pp. 76–115. DOI:10.7256/2409-8701.2015.6.14239 (In Russ.).
21. Sushko V.A., Vasenina I.V. Religioznost' sovremennoi rossiiskoi molodezhi kak faktor formirovaniya semeinykh tsennostei [Religiousness of modern Russian youth as a factor in the formation of family values]. *Sotsiodinamika = Sociodynamics*, 2019, no. 1, pp. 122–137. DOI:10.25136/2409-7144.2019.1.28692 (In Russ.).
22. Titov R.S. Kontseptsiya individual'noi religioznosti G. Olporta: ponyatie religioznykh orientatsii [The concept of individual religiosity by G. Allport: the concept of religious orientations]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2013. Vol. 9, no. 1, pp. 2–12. (In Russ.).
23. Uzlaner D. Konets religii? Istoriya teorii sekularizatsii [The End of Religion? History of the theory of secularization]. Moscow: Higher school of Economics publishing house, 2019. 240 p. (In Russ.).
24. Fedotova M.G. Oznachivanie sotsial'noi informatsii kak faktor stabilizatsii tranzitivnykh obshchestv Evropy, Azii i Evrazii [Significance of social information as a factor of stabilization of the transitional societies of Europe, Asia and Eurasia]. Omsk: Publishing house of Omsk state technical University, 2015. 140 p. (In Russ.).
25. Khachatryan M.A. Tsennosti i atributivnye protsessy v sotsial'nom poznanii [Values and attributive processes in social cognition]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2014. Vol. 5, no. 1, pp. 84–97. (In Russ.).
26. Shorokhova V.A. Religioznaya identichnost' v zarubezhnykh psikhologicheskikh issledovaniyakh: teoreticheskie modeli i sposoby izucheniya [Religious identity in foreign

- psychological research: theoretical models and methods of study]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* = *Social psychology and society*, 2014. Vol. 5, no. 4, pp. 44–61. (In Russ.).
27. Elbakyan E.S. Novye religioznye dvizheniya epokhi postmoderna: dinamika organizatsii n'yu eidzh (na primere organizatsii «Radasteya») [New religious movements of the postmodern era: the dynamics of new age organizations (on the example of the organization “Radasteya”)]. *Religiovedenie* = *Religious Studies*, 2018, no. 1, pp. 36–51. DOI:10.22250/2072-8662.2018.1.36-51 (In Russ.).
28. Yakovleva M.N. Dinamika tsennostnykh orientatsii sovremennoi molodezhi [Dynamics of value orientations of modern youth]. *Smysly zhizni rossiiskoi intelligentsii* [Meaning of life of the Russian intelligentsia]. Moscow: RSHU, 2018, pp. 212–219. (In Russ.).
29. Allport G.W., Ross J.M. Personal religious orientation and prejudice. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1967. Vol. 5, pp. 432–443. DOI:10.1037/h0021212
30. Bauman Z. *44 Letters from the Liquid Modern World*. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity Press, 2010. 188 p.
31. Berger P. Reflections on the sociology of religion today. *Sociology of Religion*, 2001. Vol. 62, no. 4, pp. 443–454.
32. Brambilla M., Assor A. Chapter 6: Understanding the psychology of religion: the contribution of self-determination theory. *The Science of Religion, Spirituality, and Existentialism*. 2020, pp. 83–90. DOI:10.1016/B978-0-12-817204-9.00007-X
33. Cottingham J. *Philosophy of Religion: Towards a More Humane Approach* (Cambridge Studies in Religion, Philosophy, and Society). Cambridge: Cambridge University Press, 2014, pp. 1–24. DOI:10.1017/CBO9781139094627
34. Donelson E. Psychology of religion and adolescents in the United States: past to present. *Journal of Adolescence*, 1999. Vol. 22, no. 2, pp. 187–204. DOI:10.1006/jado.1999.0212
35. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. *Cultures and Organizations: Software of the Mind* (Rev. 3rd ed.). New York: McGraw-Hill, 2010. 576 p. For translations see www.geerthofstede.nl
36. Hood R.W., Swanson S.B. Psychology of Religion. Reference Module in Neuroscience and Biobehavioral Psychology. 2018, pp. 201–208. DOI:10.1016/B978-0-12-809324-5.21942-1
37. Johnstone B., Cohen D. Chapter 6: Faith Traditions, Spiritual Transcendence, and Selflessness. *Neuroscience, Selflessness, and Spiritual Experience*. 2019, pp. 109–129. DOI:10.1016/B978-0-08-102218-4.00006-7
38. Kidd M.A. Archetypes, Stereotypes and Media Representation in a Multi-cultural Society. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2016. Vol. 236, pp. 25–28. DOI:10.1016/j.sbspro.2016.12.007
39. Kirchmaier I., Prüfer J., Trautmann S.T. Religion, moral attitudes and economic behavior. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 2018. Vol. 148, pp. 282–300. DOI:10.1016/j.jebo.2018.02.022
40. Kosher H., Ben-Arieh A. Religion and subjective well-being among children: A comparison of six religion groups. *Children and Youth Services Review*, 2017. Vol. 80, pp. 63–77. DOI:10.1016/j.childyouth.2017.06.049
41. Kozhukhar G., Belousova A. How value orientations of students can predict the characteristics of their social cognition? Conference name: 9th International Conference on Education and New Learning Technologies. 3–5 July, Barcelona, Spain. 2017, pp. 5791–5796. DOI:10.21125/edulearn.2017.2311
42. Laeheem K. Causal relationships between religion factors influencing ethical behavior among youth in the three southern border provinces of Thailand. *Children and Youth Services Review*, 2020. Vol. 108. Article 104641. DOI:10.1016/j.childyouth.2019.104641
43. Liquin E.G., Metz S.E., Lombrozo T. Science demands explanation, religion tolerates mystery. *Cognition*, 2020. Vol. 204. Article 104398. DOI:10.1016/j.cognition.2020.104398
44. Moons P., Luyckx K., Dezutter J., Kovacs A.H. et al. the International Society for Adult Congenital Heart Disease (ISACHD) Religion and spirituality as predictors of patient-reported

- outcomes in adults with congenital heart disease around the globe. *International Journal of Cardiology*, 2019. Vol. 274, pp. 93–99. DOI:10.1016/j.ijcard.2018.07.103
45. Noh Y.-E., Shahdan S. A systematic review of religion/spirituality and sport: A psychological perspective. *Psychology of Sport and Exercise*, 2020. Vol. 46. Article 101603. DOI:10.1016/j.psychsport.2019.101603
46. Olenich T.S., Maslova Y.V., Klimenko T.M., Zakharova V.A., Astashova A.I. Eco-legal education and religious values: The opportunities of convergence. *EKOLOJI*, 2019. Vol. 28, no. 107, pp. 5045–5048.
47. Ponder L.S. Intergenerational and Personal Connectedness: Held Together in Christian Faith. *Journal of Psychology and Theology*, 2018. Vol. 46, no. 2, pp. 133–139. DOI:10.1177/0091647118767989
48. Rassadnev E.S. Spirituality as a basis for shaping and keeping national identity in contemporary globalized space. *ASTRA SALVENSIS*, 2018. Vol. 6, pp. 433–442.
49. Rudenko A.M., Rodionova V.I., Stepanova V.N. Social fears in the context of security concern: Social and philosophical analysis. *Advances in Intelligent Systems and Computing*, 2019. Vol. 726, pp. 1144–1155. DOI:10.1007/978-3-319-90835-9_129
50. Spineto N. The notion of archetype in Eliade's writings. *Religion*, 2008. Vol. 38, no. 4, pp. 366–374. DOI:10.1016/j.religion.2008.07.001
51. Triandis H.C. Collectivism and Individualism: Cultural and Psychological Concerns. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences* (Second Edition), 2015, pp. 206–210. DOI:10.1016/B978-0-08-097086-8.24008-7
52. Twenge J.M. *iGen: Why today's super-connected kids are growing up less rebellious, more tolerant, less happy- and completely unprepared for adulthood and what that means for the rest of us*. New York, NY: Atria Books, 2017. 352 p.
53. Watts F. *Psychology, Religion, and Spirituality: Concepts and Applications* (Cambridge Studies in Religion, Philosophy, and Society). Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 211 p. DOI:10.1017/9781107360549

Информация об авторах

Пищик Влада Игоревна, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии образования и организационной психологии, ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» (ФГБОУ ВО ДГТУ); ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (ФГАОУ ВО ЮФУ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3909-3895>, e-mail: vladaph@yandex.ru

Лобачева Анастасия Олеговна, документовед кафедры социальной педагогики, ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» (ФГБОУ ВО ДГТУ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6582-9125>, e-mail: nastya.lobacheva.18@bk.ru

Information about the authors

Vlada I. Pishchik, Doctor of Psychology, Professor of the Department of Educational Psychology and Organizational Psychology, Don State Technical University; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3909-3895>, e-mail: vladaph@yandex.ru

Anastasia O. Lobacheva, Document Specialist of the Department of Social Pedagogy, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6582-9125>, e-mail: nastya.lobacheva.18@bk.ru

Получена 11.11.2020

Принята в печать 28.01.2022

Received 11.11.2020

Accepted 28.01.2022

Изменения жизнестойкости представителей разных поколений россиян в начале XXI века

Постникова М.И.

ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова» (ФГАОУ ВО САФУ им. М.В. Ломоносова), г. Архангельск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2546-8430>, e-mail: post-margarita@yandex.ru

Микляева А.В.

ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>, e-mail: a.miklyaeva@gmail.com

Сиврикова Н.В.

ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет» (ФГБОУ ВО ЮУрГГПУ), г. Челябинск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9757-8113>, e-mail: bobnv79@mail.ru

Регуш Л.А.

ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8023-3773>, e-mail: schuger@mail.ru

Цель. Изучение изменений в жизнестойкости жителей Северо-Запада России — представителей разных поколений в течение последнего десятилетия (2009–2019 гг.).

Контекст и актуальность. Современный социальный контекст (урбанизация, информатизация, пандемия и т.д.) актуализирует проблему поиска ресурсов, позволяющих человеку справляться с жизненными трудностями. Можно утверждать, что жителям мегаполисов присущи определенные качества, отличающие их от жителей региональных центров и небольших городов, которые являются средством адаптации к специфике агрессивной городской среды. Поэтому характеристика жизнестойкости как меры способности личности выдерживать стрессовую ситуацию, сохраняя внутреннюю сбалансированность, не снижая успешности деятельности, в разных условиях социализации (мегаполис/региональный центр) представляется нам вполне обоснованной. Изучение жизнестойкости в контексте поколенческой принадлежности позволяет определить реальные возможности представителей разных поколений справляться с жизненными трудностями.

Дизайн исследования. Исследование жизнестойкости поколений выполнено в 2009 и 2019 гг. с целью выявления изменений и региональной специфики. Описание изменений жизнестойкости представлено на примере мегаполиса и регионального центра Северо-Запада России.

Участники. В исследовании всего приняли участие 769 человек: жители мегаполиса (г. Санкт-Петербург) и областного центра (г. Архангельск). В 2009 году 362 человека, из них 40.6% — мужчины и 59.4% — женщины; возраст 19–69 лет. В 2019 году в исследовании приняли участие 407 человек, из них 34.6% — мужчины и 65.4% — женщины; возраст 27–82 года.

Методы (инструменты). Исследование проводилось с использованием теста жизнестойкости С. Мадди (S. Maddi) (адаптация Д.А. Леонтьева, Е.И. Расказовой, 2006). Статистическая

обработка результатов исследования осуществлялась с помощью пакета прикладных программ *Statistica 10.0*. Для оценки характера распределения данных использовались критерии Колмогорова-Смирнова и Шапиро-Уилка, метод описательных статистик ($M \pm S$).

Результаты. Зафиксированы достоверные изменения показателей жизнестойкости населения Северо-Запада России в течение последнего десятилетия. Установлено, что усиление жизнестойкости наблюдается у представителей послевоенного, советского и переходного поколений, при этом в выборке постсоветского поколения фиксируется снижение жизнестойкости. Различий в поколенческой динамике жизнестойкости жителей Санкт-Петербурга и Архангельска не выявлено.

Основные выводы. Полученные результаты позволяют признать поколенческую принадлежность в качестве одного из факторов, опосредующих динамику жизнестойкости на различных этапах жизненного пути человека.

Ключевые слова: жизнестойкость, поколения, изменения жизнестойкости, мегаполис, областной центр.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-28-00520.

Для цитаты: Постникова М.И., Микляева А.В., Сиврикова Н.В., Регуш Л.А. Изменения жизнестойкости представителей разных поколений россиян в начале XXI века // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 1. С. 87–103. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2022130106>

Changes in the Hardiness of Generations' Representatives of Russians at the Beginning of the XXI Century

Margarita I. Postnikova

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2546-8430>, e-mail: post-margarita@yandex.ru

Anastasia V. Miklyaeva

Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>, e-mail: a.miklyaeva@gmail.com

Nadezhda V. Sivrikova

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9757-8113>, e-mail: bobnv79@mail.ru

Ludmila A. Regush

Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8023-3773>, e-mail: schuger@mail.ru

Objective. The article presents the result of researching Hardiness of generations living in different regions of North-West Russia. The aim of the research is to identify changes in Hardiness of generations over the past decade.

Background. The modern social context (urbanization, informatization, pandemic, etc.) actualizes the problem of finding resources that allow a person to cope with life's difficulties. So it's safe to say that the residents of megapolis have certain qualities that distinguish them from the residents of regional centers and small cities, which are a means of adapting to the specifics of an aggressive urban environment. Therefore, the characteristics of hardiness, as the ability of the individual to withstand a stressful situation, while maintaining internal balance without compromising performance, in terms of socialization (metropolis/regional center) seems quite reasonable.

Study design. *The research of generations' hardiness in 2009 and in 2019 with the aim of identifying its changes and regional specificities was completed. The description of changes in hardiness is presented on the example of a megalopolis and a regional center of the North-West of Russia.*

Participants. *Sample: 769 people, including in 2009 – 362 people (40.6% of men, 59.4% of women) from 19 to 69 years old and in 2019 – 407 people (34.6% of men and 65.4% of women) from 27 to 82 years old.*

Measurements. *We studied values using the Russian version of Maddi's Hardiness Survey adapted by D.A. Leont'ev, E.I. Rasskazova (2006). Statistical processing of the research results was carried out with the help of Statistica 10.0 software package.*

Results. *A significant changes of the hardiness in the population of the North-West of Russia over the past decade has been recorded. The increased hardiness is observed in representatives of the Post-war, Soviet, and Transitional generations, while a decrease in hardiness is found in the sample of the Post-Soviet generation. There are no differences in the generational dynamics of the resilience of residents of St. Petersburg and Arkhangelsk.*

Conclusions. *Generational affiliation is one of the factors that mediate the dynamics of hardiness at various stages of a person's life path.*

Keywords: *hardiness, generations, changes of hardiness, hardiness of generations, metropolis, regional center.*

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 22-28-00520.

For citation: Postnikova M.I., Miklyaeva A.V., Sivrikova N.V., Regush L.A. Changes in the Hardiness of Generations' Representatives of Russians at the Beginning of the XXI Century. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 1, pp. 87–103. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2022130106> (In Russ.).

Введение

Задача повышения качества жизни в условиях экономической, политической и эпидемиологической нестабильности делает актуальным изучение субъективных параметров благополучия личности. На смену традиционной психологии приходит позитивная психология [23], в рамках которой акцент делается на изучении здоровой личности и ее внутренних ресурсах. В качестве ресурса преодоления стрессовых ситуаций, связанного с позитивным восприятием и оценкой проблемных ситуаций, в последнее время все чаще рассматривается жизнестойкость личности [6; 7; 14; 16; 18]. Она рассматривается как качество личности, снижающее негативные последствия стрессового события для физического и психического здоровья [28; 29].

Исследователи сходятся во мнении, что способность противостоять трудностям определяется тремя группами факторов: некоторые черты личности (индивидуальные ресурсы), факторы окружающей среды (семья и общественные ресурсы), а также поведенческие реакции (обращение за помощью к другим) [19; 26]. Эти факторы являются составными частями концепта, обозначаемого зарубежными исследователями термином «resilience» (упругость, эластичность). «Resilience» как психологический феномен переводится на русский язык как «жизнеспособность» [10]. Он по-разному трактуется в разных контекстах: семейном, организационном, общественном и культурном [11; 19]. Понятие «жизнеспособность» используется для объяснения явлений и процессов в разных науках, например, в философии

фии, социальных и поведенческих наук. В психологии используется еще одно понятие — «hardiness». Оно обозначает специфическую черту личности, отражающую способность человека преодолевать трудности и достигать поставленных целей [5]. Сравнение понятий «hardiness» и «resilience» позволяет сделать вывод о том, что они не являются синонимичными. Они лишь частично пересекаются в описании ряда внешних, физических, ситуативных характеристик. Термин «resilience» трактуется как способность восстановления физических и душевных сил за короткий промежуток времени, т.е. способность к восстановлению [5; 20; 27] и развитию, несмотря на неблагоприятные обстоятельства [10]. Жизнеспособность представляет собой «зонтичный» термин, который обозначает совокупность психологических ресурсов, отражающих сильные стороны человека. Термин «hardiness» касается внутренних ресурсов, связанных с особым восприятием кризисной ситуации, опосредующих воздействие стрессора [5; 8]. Исследователи, работающие в рамках концепции жизнестойкости как личностной характеристики [28] или характерологического сочетания [1], помогающего восстановлению после стресса (resilience), не считают данный феномен устойчивым ресурсом, который обеспечивает благоприятный исход в условиях стресса [2]. Поэтому С. Мадди и С. Кабб предложили концепцию жизнестойкости (hardiness) для обозначения особого набора черт личности, которые обеспечивают ее стрессоустойчивость [24; 25].

В концепции С. Мадди жизнестойкость представляет собой комплекс убеждений о себе, об окружающем мире, об отношениях с ним. Этот феномен включает в себя три автономных элемента: вовлеченность, контроль, принятие риска [24]. Жизнестойкость является за-

щитным механизмом, который запускается при столкновении с негативными жизненными событиями или неблагоприятными условиями жизни [29; 30].

За последние 30 лет зарубежными исследователями было показано, что жизнестойкость обеспечивает экзистенциальную смелость и мотивацию превращать стрессовые обстоятельства из потенциальных бедствий в возможности роста [25]. В отечественной науке большое внимание уделяется анализу жизнестойкости в контексте ценностей, смысложизненных ориентаций и духовных аспектов личности [5]. Такой подход позволяет обозначить социокультурный контекст формирования и развития жизнестойкости [17].

Несмотря на различия в подходах, зарубежные и отечественные исследователи обращаются к вопросу о взаимосвязи демографических характеристик и уровня жизнестойкости личности. Так, показано, что к числу факторов, опосредующих характеристики жизнестойкости личности, могут быть обоснованно отнесены возраст, социально-экономический статус и регион проживания.

С. Мадди с соавторами обнаружили, что уровень жизнестойкости положительно коррелирует с возрастом. Они отмечают, что у людей более юного возраста показатели жизнестойкости будут ниже, чем у взрослых [24]. Этот факт нашел подтверждение у российских исследователей [18]. Однако в исследованиях других российских психологов была установлена обратная тенденция: в возрасте до 31–35 лет показатели жизнестойкости оказались выше, чем в группах более старшего возраста. При этом не были установлены различия, связанные с полом респондентов [8]. С другой стороны, исследования жизнестойкости подростков показали ее тесные связи с полом и возрастом [22]. Зарубежные исследователи установили

связь жизнестойкости подростков с социальными условиями (включенность в различные социальные группы) [26]. Таким образом, в науке представлены противоречивые данные о связи жизнестойкости с возрастом и полом человека.

Существуют отдельные исследования, в которых изучаются особенности жизнестойкости у людей, связанные с местом их проживания, выявлены этнокультурные особенности в проявлении психологических характеристик жизнестойкости [15]. Этот вывод находит подтверждение в других исследованиях [7]. Некоторые авторы отмечают региональную специфику жизнестойкости [3]. Вместе с тем различия жизнестойкости людей, проживающих в разных регионах, фиксируются далеко не всегда [8]. В группах иранских и английских [21], а также российских и белорусских студентов [6] не было выявлено различий в уровне жизнестойкости. Тем самым можно утверждать, что вопрос о характере взаимосвязей жизнестойкости с регионом проживания, так же как и с возрастом, на сегодняшний день остается открытым, несмотря на исследовательский интерес к поиску социально-демографических факторов жизнестойкости личности.

Между тем в фокус исследовательского внимания в настоящее время практически не попадает еще одна значимая социально-демографическая характеристика, которая наряду с другими может оказывать существенное влияние на жизнестойкость личности — поколенческая принадлежность. Поколенческий подход позволяет, на наш взгляд, учесть социально-экономический контекст личностного функционирования.

Немногочисленные исследования поколенческой принадлежности как фактора, опосредующего жизнестойкость личности, демонстрируют данные, во многом противоречащие сведениям о

возрастной динамике жизнестойкости. Так, на материале российских исследований показано, что наиболее высокие показатели жизнестойкости демонстрируют люди, идентифицирующие себя со старшими поколениями (послевоенным и советским), тогда как наиболее низкие значения встречаются у людей, относящих себя к переходному поколению [16]. При этом различий в уровне значимых значениях жизнестойкости между переходным и постсоветским поколением не обнаружено [13]. На этом основании можно предположить, что поколенческая принадлежность может рассматриваться как самостоятельный фактор, опосредующий уровень жизнестойкости личности, или, учитывая установленное в предыдущих исследованиях совместное влияние факторов «место проживания» и «поколенческая идентификация» на уровень жизнестойкости [12; 28], вносит различный вклад в уровневые показатели жизнестойкости людей, проживающих в разных регионах, каждый из которых имеет ту или иную специфику социально-экономического, экологического и культурного развития.

Опираясь на авторский подход к определению понятия «поколение», мы выделяем следующие исходные положения и критерии дифференциации поколений: возраст/возрастной период, историческая эпоха (рождение человека и период становления его самосознания), социальная роль в семье (дети, внуки, правнуки, родители, прародители) и в обществе (дети, молодежь, зрелые, пожилые люди) [15]. Выделив на основе исторического анализа эпохальные периоды в истории России, которые повлияли на развитие самосознания людей и определили характеристику поколений, в соответствии с выбранными нами критериями дифференциации поколений, а также

учитывая среднюю продолжительность жизни человека в России, мы обозначили пять поколений, живущих в российском обществе людей: военное и послевоенное поколение, советское поколение, поколение переходного периода, постсоветское поколение, поколение «нового века».

Необходимо отметить, что исследования поколенческой принадлежности как фактора, определяющего формирование тех или иных особенностей личности, сталкиваются с существенной методологической трудностью, связанной с дифференциацией фактора поколенческой принадлежности и фактора возраста, которая затрудняет однозначную интерпретацию полученных результатов в терминах возрастных или же поколенческих различий. Одним из способов преодоления указанной методологической трудности является такой подход к организации исследования, когда контролируемые оказываются оба фактора: и возрастная, и поколенческая принадлежность респондентов. Учитывая, что, несмотря на закономерное изменение возрастных характеристик, человек остается представителем определенного поколения, такое исследование может быть реализовано с учетом возрастной динамики изучаемых показателей в границах одного поколения (методом продольных или поперечных срезов). Следует отметить, что исследователи пытаются интерпретировать обнаруженные между разными возрастными группами различия с позиции теории поколений. Но стоит признать, что возрастные и поколенческие группы, отчасти совпадая, могут существенно различаться, т.к. возраст и принадлежность к поколению не всегда тождественны [23].

Мы считаем, что возраст, наряду с историческим контекстом, определяющим основные характеристики поколения, социальной ролью представителей того или

иного поколения, является важным критерием дифференциации поколений [15]. Вместе с тем именно социально-культурный контекст позволяет разделять понятия «возраст» и «поколение». Это дает основания предполагать, что характеристика жизнестойкости представителей разных поколений будет иметь свою специфику, свою динамику, отличающуюся от возрастной динамики. Эта гипотеза нам представляется весьма интересной, требующей проверки. Опираясь на авторский подход к дифференциации поколений [15], мы провели исследование жизнестойкости представителей разных поколений в 2009 и 2019 гг. с целью выявления изменения ее показателей с учетом региональной специфики. К участию в исследовании привлекались респонденты, проживающие в двух городах. Для получения наиболее объективной характеристики жизнестойкости жителей региона были выбраны города из разных групп классификации городов России — город-миллионник и крупный город [9].

В ходе исследования решались следующие исследовательские вопросы: какова общая характеристика изменений показателей жизнестойкости населения Северо-Запада России в течение последнего десятилетия? Каковы изменения показателей жизнестойкости отдельно для мегаполиса (на примере Санкт-Петербурга) и города областного значения (Архангельск)? Какова специфика изменений показателей жизнестойкости в разных поколенческих группах? Чем отличаются изменения в показателях жизнестойкости представителей разных поколений в мегаполисе и городе областного значения?

Методы

В исследовании приняли участие 769 человек, в том числе 362 человека,

опрошенных в 2009 году (147 мужчин и 215 женщин в возрасте 19–69 лет), и 407 человек, принявших участие в исследовании в 2019 году (141 мужчина и 266 женщин в возрасте 27–82 года). Подробная характеристика выборки приведена в табл. 1. Исследование проводилось с помощью Теста жизнестойкости С. Мадди (S. Maddi) в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой [8]. Статистическая обработка результатов исследования осуществлялась с помощью пакета прикладных программ Statistica 10.0. Для оценки характера распределения данных использовались критерии Колмогорова-Смирнова и Шапиро-Уилка. Критерий Колмогорова-Смирнова позволил признать нормальным распределение признаков по выборке в целом и по всем 16 подвыборкам. Этот вывод был подтвержден и данными, полученными с помощью критерия Шапиро-Уилка, за исключением суммарных показателей

жизнестойкости в выборках переходного поколения петербуржцев, принявших участие в исследовании в 2009 г. ($W=0,75$, $p<0,01$), а также показателя «принятие риска» в выборке послевоенного поколения архангелогородцев, обследованных в 2019 г. ($W=0,86$, $p<0,01$). В совокупности эти результаты позволили нам применить расчет первичных описательных статистик ($M\pm S$), а также дисперсионный анализ данных (F).

Результаты

Анализ результатов свидетельствует об изменениях жизнестойкости населения Северо-Запада России в течение последнего десятилетия (табл. 2). Показатели существенно выросли. Наиболее очевидный рост наблюдается по параметрам «вовлеченность» и «контроль».

Таблица 1

Характеристика выборки

Поколения	Исследование 2009 года (чел.)		Исследование 2019 года (чел.)	
	Санкт-Петербург	Архангельск	Санкт-Петербург	Архангельск
Постсоветское поколение	48	41	61	44
Переходное поколение	35	37	61	45
Советское поколение	63	34	60	41
Послевоенное поколение	56	42	60	41

Таблица 2

Изменения показателей жизнестойкости населения Северо-Запада России в 2009–2019 гг.

Параметры анализа	2009 г. ($M\pm S$)	2019 г. ($M\pm S$)	F
Вовлеченность	34,42±7,63	36,98±9,08	10,31***
Контроль	27,91±8,19	29,45±8,32	17,76***
Принятие риска	15,18±5,30	16,55±6,86	6,71**
Жизнестойкость (суммарная)	77,50±18,83	82,06±20,49	9,48**

Примечания: ** – $p\leq 0,01$; *** – $p\leq 0,001$.

Таблица 3

Изменение показателей жизнестойкости представителей различных поколений в Санкт-Петербурге и Архангельске в 2009–2019 гг.

Выборка		Вовлеченность (M±S)	Контроль (M±S)	Принятие риска (M±S)	Жизнестой- кость (суммар- ная) (M±S)
Город (год)	Поколение				
Архан- гельск (2009)	Послевоенное	33,36±7,09	23,81±7,75	11,85±4,36	69,01±17,39
	Советское	35,38±7,29	27,41±7,38	15,47±6,61	78,26±18,96
	Переходное	35,34±8,28	28,32±8,06	15,21±4,70	78,87±20,04
	Постсоветское	36,43±6,48	31,86±8,22	17,24±4,75	85,52±16,51
F		1,30	7,39**	9,01***	5,82***
Архан- гельск (2019)	Послевоенное	38,26±6,87	28,41±8,44	14,03±4,42	76,76±23,74
	Советское	39,61±8,41	28,95±8,44	15,29±5,81	83,85±20,21
	Переходное	39,76±6,64	31,83±7,55	17,50±4,51	89,09±16,69
	Постсоветское	34,64±10,21	28,95±9,17	17,45±5,65	81,05±22,78
F		3,73**	1,50	4,60**	2,65*
Санкт- Петербург (2009)	Послевоенное	32,61±8,94	26,32±8,82	14,19±4,27	73,13±19,81
	Советское	32,39±7,23	26,14±7,94	13,80±4,90	72,33±17,42
	Переходное	36,57±6,34	29,26±6,20	16,26±3,62	82,09±13,40
	Постсоветское	35,47±7,72	31,31±7,53	18,22±6,85	85,00±19,47
F		3,44**	5,30***	8,52***	6,47***
Санкт- Петербург (2019)	Послевоенное	36,28±10,69	27,67±7,95	13,47±4,89	77,42±18,86
	Советское	38,67±7,66	29,62±6,80	16,67±4,86	84,83±16,00
	Переходное	38,42±7,61	32,40±8,27	18,91±4,63	88,93±18,56
	Постсоветское	31,68±10,67	27,73±9,02	16,74±5,12	75,02±22,87
F		7,73***	4,60**	6,21***	6,86***

Примечания: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,001$.

При этом в Архангельске рост показателей жизнестойкости и ее отдельных компонентов более выражен, чем в Санкт-Петербурге (табл. 3).

На основе анализа данных можно констатировать, что в 2009 году и в Архангельске, и в Санкт-Петербурге наиболее высокие значения жизнестойкости и ее отдельных компонентов наблюдались у представителей переходного и постсоветского поколений, наиболее низкие — у представителей послевоенного и советского поколений.

В 2019 году картина заметно изменилась: наиболее высокие значения компо-

нентов жизнестойкости и ее суммарного показателя наблюдаются у представителей советского и переходного поколений, в то время как для постсоветского поколения характерны наименьшие значения. При этом среди жителей Архангельска в последнее десятилетие наблюдается тенденция к сближению представителей разных поколений по показателям жизнестойкости, тогда как в Санкт-Петербурге межпоколенческие различия сохраняются. Однако, несмотря на различия в тенденциях, связанных с изменением показателей жизнестойкости у представителей разных поколений Архангельска и Санкт-

Петербурга, фактор места жительства для оценки межпоколенческой динамики жизнестойкости оказался незначимым.

Результаты дисперсионного анализа показывают, что обобщенные тенденции в изменении жизнестойкости и ее

отдельных показателей за последнее десятилетие в Санкт-Петербурге и Архангельске схожи (рис. 1–3).

Общая тенденция заключается в последовательном возрастании жизнестойкости представителей послевоенного и

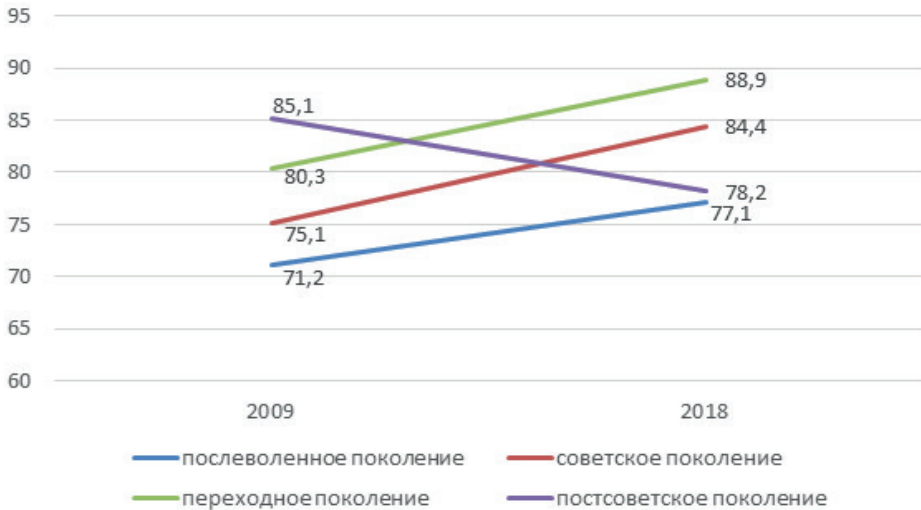

Рис. 1. Изменения суммарного показателя жизнестойкости: результаты дисперсионного анализа

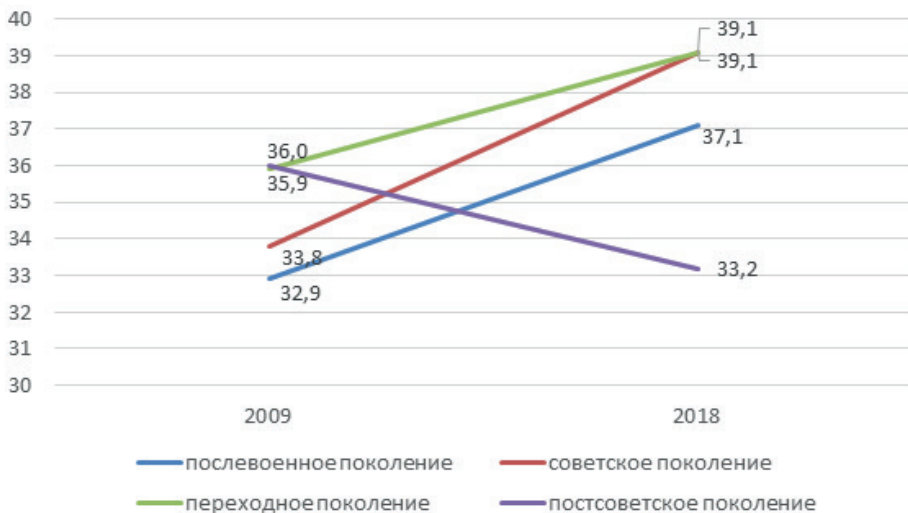

Рис. 2. Изменения показателя вовлеченности: результаты дисперсионного анализа

советского поколений на фоне очевидно-го снижения жизнестойкости постсоветского поколения. Аналогичная модель для показателя «принятие риска» оказалась статистически не значимой ($F=1,32$, $p=0,27$).

Обсуждение результатов

Характеризуя общую картину изменений показателей жизнестойкости населения Северо-Запада Российской Федерации в течение последнего десятилетия, мы можем констатировать, что жизнестойкость населения в этот период довольно существенно укрепилась. Учитывая имеющиеся в литературе сведения о том, что в уровневые показатели жизнестойкости, помимо прочих, вносит вклад фактор социально-экономического благополучия, можно предполагать, что обнаруженный рост показателей жизнестойкости и ее отдельных компонентов отражает общую тенденцию к стабилиза-

ции социально-экономической ситуации в период 2009–2019 гг. [4], которая нашла отражение в росте жизнестойких установок населения. Наиболее выраженная динамика наблюдается в отношении установок «вовлеченности» и «контроля», что может рассматриваться как усиление тенденции к принятию ответственности за события собственной жизни, снижение субъективного чувства беспомощности на фоне повышения позитивно эмоционально окрашенной включенности в события собственной жизни.

Более детальный анализ, проведенный для поиска ответа на второй исследовательский вопрос о различиях в изменениях показателей жизнестойкости жителей мегаполиса и города областного значения, позволил установить, что увеличение показателей жизнестойкости более ярко выражено в выборке архангелогородцев. Так, в выборках петербуржцев неизменными остались значения показателя «контроль», в то время как в выборках архангелогородцев этот показатель достоверно увели-

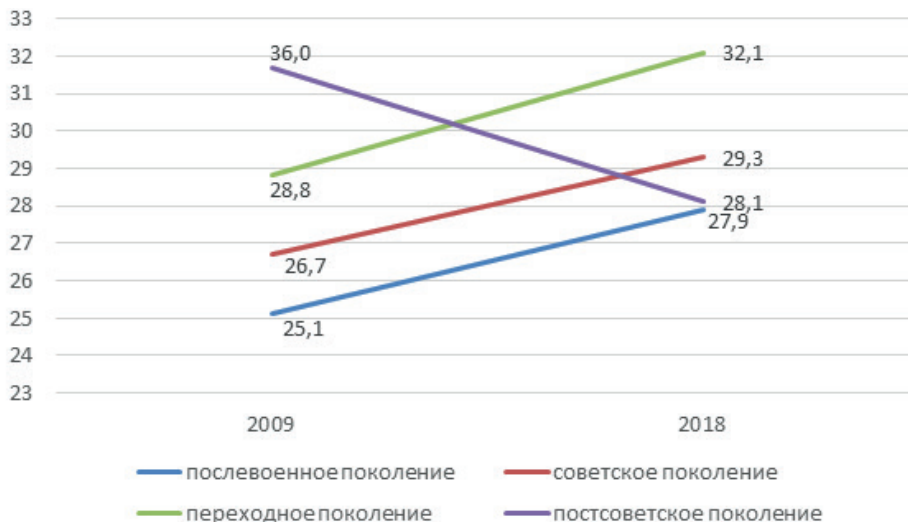

Рис. 3. Изменения показателя контроля: результаты дисперсионного анализа

чился. Кроме того, в выборке респондентов-жителей Архангельска зафиксирован более выраженный сдвиг по параметру «вовлеченность». Вероятно, эти различия отражают вариативность темпа социально-экономических изменений в мегаполисах и относительно небольших российских городах. Кроме того, эти различия могут объясняться и особенностями жизненного уклада в мегаполисе и городе областного значения, которые были описаны в нашем предыдущем исследовании [12]. Более интенсивная и насыщенная различными событиями жизнь мегаполиса, возможно, определяет несколько менее выраженные изменения показателей вовлеченности его жителей как своеобразную защитную реакцию на чрезмерную стимуляцию со стороны городской среды, чего не наблюдается в менее крупных городах. В пользу этой гипотезы говорят и отсутствие статистически значимых изменений в уровне значения показателя «контроль» в выборках петербуржцев, а также более высокие значения показателя «принятие риска» (в обоих срезах), что может интерпретироваться как отражение большей динамичности, изменчивости социальной среды мегаполиса, которая нашла отражение в выраженности соответствующих установок петербуржцев десятилетием ранее, чем в случае архангелогородцев десятилетием ранее.

Для ответа на третий и четвертый исследовательские вопросы были проанализированы изменения показателей жизнестойкости отдельно для каждой поколенческой выборки, принявшей участие в исследовании, с учетом города, в котором проживают респонденты. Было установлено, что в течение последнего десятилетия показатели жизнестойкости представителей послевоенного, советского и переходного поколений существенно возросли, тогда как аналогичные показатели в выборке представителей постсо-

ветского поколения продемонстрировали отрицательную динамику. Причем в обеих выборках наблюдаются сходные тенденции. Сопоставляя эти данные со сведениями о возрастной динамике жизнестойкости, мы можем констатировать, что в нашем исследовании в целом подтвердился факт существования противоречий между представлениями о том, как меняются уровневые показатели жизнестойкости с возрастом, и данными об уровне значения показателей жизнестойкости в выборках представителей разных поколений [13; 16].

Исходя из анализа предыдущих исследований, мы ожидали увидеть наиболее яркие положительные сдвиги в показателях жизнестойкости в выборке представителей постсоветского поколения и одновременно предполагали некоторое снижение показателей жизнестойкости в выборке послевоенного поколения, сопряженное с процессами старения. Результаты 2019 года соответствуют ожидаемому соотношению уровневого показателей жизнестойкости. Однако данные исследования 2009 года демонстрируют иную закономерность: в диагностическом срезе десятилетней давности обнаруживается прямая отрицательная взаимосвязь между показателями жизнестойкости и возрастом респондентов [15], самые высокие уровневые значения жизнестойкости наблюдаются у представителей постсоветского поколения, которые на момент исследования еще не достигли этапа взрослости.

Обобщая эмпирические данные, можно предполагать, что изменение показателей жизнестойкости личности на различных этапах жизненного пути обусловлено не только закономерностями взросления и старения, но и поколенческой принадлежностью человека, которая, определяя условия социального ста-

новления личности в периоды, наиболее «сензитивные» для формирования жизнестойких установок (подростковый и юношеский возраст) [17], детерминирует различия в направленности и выраженности изменений уровней показателей жизнестойкости в различные периоды жизни. Показательно, что описанные тенденции оказались универсальными для жителей мегаполиса и города областного значения, что позволяет констатировать преимущественный вклад макросоциальных условий социализации (в сравнении с мезо- и микросоциальными) и с некоторой осторожностью предполагать, что выявленные закономерности могут быть использованы для понимания изменений показателей жизнестойкости поколений в других регионах России.

В заключение отметим, что наше исследование, безусловно, имеет несколько ограничений. Так, метод поперечных срезов, использованный для организации сбора эмпирических данных, несомненно, уступает по надежности лонгитюдному методу (в контексте решения задачи изучения изменений того или иного личностного свойства). Кроме того, данные, полученные в нашем исследовании, отражают динамику жизнестойкости представителей разных поколений в период последовательной стабилизации социально-экономической ситуации и не могут быть экстраполированы на другие социально-экономические контексты функционирования личности без специальной эмпирической проверки. Вместе с тем полученные нами эмпирические данные наглядно демонстрируют продуктивность поколенческого подхода к анализу динамики личностных ресурсов человека, в частности, жизнестойкости, который позволяет получить сведения, углубляющие и дополняющие понимание их закономерных изменений на протяжении жизненного пути личности в контексте

конкретных социально-экономических условий ее бытия.

Выводы

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы:

1) в течение последнего десятилетия жизнестойкость населения Северо-Запада России довольно существенно укрепилась, прежде всего, по параметрам «вовлеченности» и «контроля»;

2) рост показателей жизнестойкости более выражен в выборке архангелогородцев, прежде всего, за счет существенного увеличения показателей вовлеченности; показатели жизнестойкости жителей Санкт-Петербурга также демонстрируют тенденцию к укреплению, однако она выражена менее ярко;

3) наиболее значимое увеличение показателей жизнестойкости зафиксировано в выборках представителей послевоенного, советского и переходного поколений, тогда как аналогичные показатели в выборке представителей постсоветского поколения, напротив, характеризуются снижением, причем эта тенденция проявляется и в выборке Санкт-петербуржцев, и в выборке архангелогородцев;

4) зафиксированное сходство динамики показателей жизнестойкости представителей разных поколений в 2009–2019 гг. в выборках жителей Санкт-Петербурга и Архангельска, не дифференцированных по поколениям, в совокупности с данными о различии такой динамики для различных поколенческих групп позволяет признать поколенческую принадлежность одним из факторов, которые детерминируют характеристики жизнестойкости личности, определяя ее характеристики на различных этапах жизненного пути.

Литература

1. *Валиева Ф.И.* Резилиантность: подходы, модели, концепции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2014. № 1. С. 78–86.
2. *Валиева Ф.И.* Индивидуально-личностные предпосылки резильентного поведения // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. 2016. № 4. С. 97–101.
3. *Галай И.А., Лебедев А.В., Айтман Р.И.* Сравнительная характеристика личностного потенциала юношей вуза в крупном городе и районном центре // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2015. № 3(25). С. 94–101. DOI:10.15293/2226-3365.1503.09
4. *Грибберг Р.С.* Экономика современной России: состояние, проблемы, перспективы. Общие итоги системной трансформации // Век глобализации. 2015. № 1(15). С. 160–182.
5. *Закерничная Н.В.* Теоретическое осмысление понятия жизнестойкости в отечественных и зарубежных исследованиях // Ученые записки ЗабГУ. Серия: Педагогические науки. 2016. № 5. С. 61–65. DOI:10.21209/2542-0089-2016-11-5-61-66
6. *Леоненко Н.О., Лукашеня З.В., Осташева Е.И.* Психологические особенности жизнестойкости российских и белорусских студентов: ретроспективный анализ // Психология человека в образовании. 2020. Т. 2. № 4. С. 321–328. DOI:10.33910/2686-9527-2020-2-4-321-328
7. *Леоненко Н.О., Новаковски А.* Этнопсихологические особенности жизнестойкости российских и польских студентов // Гуманитарный вектор. 2014. № 1(41). С. 137–142.
8. *Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И.* Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.
9. *Манаева И.В.* Города России: классификация и типология // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16. № 7. С. 1235–1249. DOI:10.24891/ге.16.7.1235
10. *Махнач А.В.* Жизнеспособность человека как предмет изучения в психологической науке // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 4. С. 5–16. DOI:10.7868/S0205959217040
11. *Махнач А.В., Лактионова А.И.* Жизнеспособность семьи с позиции организационной теории А.А. Богданова // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 2. С. 41–55. DOI:10.17759/sps.2021120203
12. *Микляева А.В., Румянцева П.В.* Городская идентичность жителя современного мегаполиса. Ресурс личностного благополучия или зона повышенного риска? М.: Речь, 2011. 160 с.
13. *Одинцова М.А., Радчикова Н.П., Козырева Н.В., Кузьмина Е.И.* Сравнительный анализ личностных ресурсов переходного и нового поколений белорусов и россиян в новых культурно-исторических условиях // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 2. С. 47–66. DOI:10.17759/sps.2019100205
14. *Овчарова Р.В.* Методология исследования жизнестойкости личности // Вестник Курганского государственного университета. 2019. № 2(53). С. 59–65.
15. *Постникова М.И.* Психология отношений между поколениями в современной России: дисс. ... докт. психол. наук. СПб., 2011. 590 с.
16. *Сиврикова Н.В.* Особенности жизнестойкости людей, идентифицирующих себя с разными поколениями (на примере Уральского региона России) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2019. № 2. С. 240–256. DOI:10.25588/CSPU.2019.38.67.017
17. *Фоминова А.Н.* Жизнестойкость личности. Монография. М.: МПГУ; Прометей, 2012. 151 с.
18. *Шварева Е.В.* Жизнестойкость у подростков из разной образовательной среды // Наука и современность. 2010. № 6–1. С. 411–414.
19. *Vonanno G.A., Romero S.A., Klein S.I.* The temporal elements of psychological resilience: An integrative framework for the study of individuals, families, and communities // Psychological Inquiry. 2015. № 26. P. 139–169. DOI:10.1080/1047840X.2015.992677

20. Britt T.W., Shen W., Sinclair R.R., Grossman M.R., Klieger D.M. How much do we really know about employee resilience? // *Industrial and Organizational Psychology: Perspectives on Science and Practice*. 2016. Vol. 9. № 2. P. 378–404. DOI:10.1017/iop.2015.107
21. Yaprak P., Güçlü M.T., Durhan T.A. The Happiness, Hardiness, and Humor Styles of Students with a Bachelor's Degree in Sport Sciences // *Behav Sci (Basel)*. 2018. Vol. 8. № 9. P. 82. DOI:10.3390/bs8090082
22. Kuzmin M.Y., Konopak I.A. Distinctive features of adolescent hardiness in families of different composition // *Psychology in Russia: state of the art*. 2016. № 9(3). P. 95–102.
23. Lyons S.T., Schweitzer L., Urick M.J., Kuron L. A dynamic social-ecological model of generational identity in the workplace // *Journal of Intergenerational Relationships*. 2019. № 17(1). P. 1–24.
24. Maddi S.R., Khoshaba D.M., Harvey R.H., Fazel M., Resurreccion N. The personality construct of hardiness, V: relationships with the construction of existential meaning in life // *Journal of humanistic psychology*. 2011. № 51(3). P. 369–388.
25. Maddi S.R. Hardiness as a pathway to resilience under stress // *Routledge international handbook of psychosocial resilience*. U. Kumar. Oxford: ROUTLEDGE, 2017. P. 104–110.
26. Malkin V., Rogaleva L., Kim A., Khon N. The Hardiness of Adolescents in Various Social Groups // *Frontiers in Psychology*. 2019. № 10. P. 24–27. DOI:10.3389/fpsyg.2019.02427
27. Mao X., Lohe A.Y., Fung O.W.M., Hu F.X. What it takes to be resilient: The views of disaster healthcare rescuers // *International Journal of Disaster Risk Reduction*. 2019. № 36. Article 101112. DOI:10.1016/j.ijdr.2019.101112
28. Meulen E., Velden P.G., Settib I., Veldhoven M.J.P.M. Predictive value of psychological resilience for mental health disturbances: A three-wave prospective study among police officers // *Psychiatry Res*. 2018. № 260. P. 486–494. DOI:10.1016/j.psychres
29. Nordmo M., Olsen O.K., Hetland J. [et al.] It's been a hard day's night: A diary study on hardiness and reduced sleep quality among naval sailors // *Personality and Individual Differences*. 2019. Vol. 153. Article 109635. DOI:10.1016/j.paid.2019.109635
30. Rothschild-Varibrus V., Fritzsche L., Korzhenevskiy S. [et al.] Hardiness in aspects of suicidal prevention (Literature review) // *Ukrains'kyi Visnyk Psykhonevrolohi*. 2020. Vol. 28. № 1(102). P. 84–88. DOI:10.36927/20790325-V28-is1-2020-18

References

1. Valieva F.I. Reziliantnost': podkhody, modeli, kontseptsii [Resilience: theoretical Analysis of Approaches, Models and Theories]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12: Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika = Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2014, no. 1, pp. 78–86. (In Russ.).
2. Valieva F.I. Individual'no-lichnostnye predposylki rezil'entnogo povedeniya [Individual Prerequisites of resilient Behavior]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K.L. Khetagurova. Obshchestvennye nauki = Bulletin of the North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov*, 2016, no. 4, pp. 97–101. (In Russ.).
3. Galai I.A., Lebedev A.V., Aizman R.I. Sravnitel'naya kharakteristika lichnostnogo potentsiala yunoshei vuza v krupnom gorode i raionnom tsentre [Comparative Characteristics of personal potential of young men of University Students in the Major Town and district Centre]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Science for Education Today*, 2015, no. 3(25), pp. 94–101. DOI:10.15293/2226-3365.1503.09 (In Russ.).
4. Grinberg R.S. Ekonomika sovremennoi Rossii: sostoyanie, problemy, perspektivy. Obshchie itogi sistemnoi transformatsii [Economy of modern Russia: State, Issues, Prospects]. *Vek globalizatsii = Age of Globalization*, 2015, no. 1(15), pp.160–182. (In Russ.).
5. Zakernichnaya N.V. Teoreticheskoe osmyslenie ponyatiya zhiznestoikosti v otechestvennykh i zarubezhnykh issledovaniyakh [Theoretical Understanding of the Concept of Resistance in

- Domestic and Foreign Studies]. *Uchenye zapiski ZabGU. Seriya: Pedagogicheskie nauki = Scientific Notes of the Trans-Baikal State University*, 2016, no. 5, pp. 61–65. DOI:10.21209/2542-0089-2016-11-5-61-66 (In Russ.).
6. Leonenko N.O., Lukashenya Z.V., Ostasheva E.I. Psikhologicheskie osobennosti zhiznestoikosti rossiiskikh i belorusskikh studentov: retrospektivnyi analiz [Psychological characteristics of hardiness in Russian and Belarusian students: A retrospective analysis]. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii = Psychology of Education*, 2020. Vol. 2, no. 4, pp. 321–328. (In Russ.).
 7. Leonenko N.O., Novakovski A. Etnopsikhologicheskie osobennosti zhiznestoikosti rossiiskikh i pol'skikh studentov [Ethno-Psychological Features of Hardiness of the Russian and Polish Students]. *Gumanitarnyi vector = Humanities vector*, 2014, no. 1(41), pp. 137–142. DOI:10.33910/2686-9527-2020-2-4-321-328 (In Russ.).
 8. Leont'ev D.A., Rasskazova E.I. Test zhiznestoikosti [Test of Hardness]. Moscow: Smysl, 2006. 63 p. (In Russ.).
 9. Manaeva I.V. Goroda Rossii: klassifikatsiya i tipologiya [Cities and Towns of Russia: Classification and Typology]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika = Regional Economics: Theory and Practice*, 2018. Vol. 16, no. 7, pp. 1235–1249. DOI:10.24891/re.16.7.123 (In Russ.).
 10. Mahnach A.V. Zhiznesposobnost' cheloveka kak predmet izucheniya v psikhologicheskoi nauke [Human resilience as research object in psychology]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2017. Vol. 38, no. 4, pp. 5–16. DOI:10.7868/S0205959217040 (In Russ.).
 11. Mahnach A.V., Laktionova A.I. Zhiznesposobnost' sem'i s pozitsii organizatsionnoi teorii A.A. Bogdanova [Family Resilience from the Perspective of A.A. Bogdanov' Organizational Theory]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 2, pp. 41–55. DOI:10.17759/sps.2021120203 (In Russ.).
 12. Miklyaeva A.V., Rummyantseva P.V. Gorodskaya identichnost' zhitelya sovremennoogo megapolisa. Resurs lichnostnogo blagopoluchiya ili zona povyshennogo riska? [The urban identity of a resident of a modern metropolis. A resource for personal well-being or a high-risk area?]. Moscow: Rech', 2011. 160 p. (In Russ.).
 13. Odintsova M.A., Radchikova N.P., Kozyreva N.V., Kuz'mina E.I. Sravnitel'nyi analiz lichnostnykh resursov perekhodnogo i novogo pokolenii belorussov i rossiyan v novykh kul'turno-istoricheskikh usloviyakh [Comparative analysis of personal resources of belarusian and russian transitional and new generations in new cultural and historical conditions]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2019. Vol. 10, no. 2, pp. 47–66. DOI:10.17759/sps.2019100205 (In Russ.).
 14. Ovcharova R.V. Metodologiya issledovaniya zhiznestoikosti lichnosti [Research Methodology of Personality Hardiness]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Kurgan State University*, 2019, no. 2(53), pp. 59–65. (In Russ.).
 15. Postnikova M.I. Psikhologiya otnoshenii mezhdru pokoleniyami v sovremennoi Rossii. Diss. dokt. psikh. nauk. [Psychology of relations between generations in modern Russia. Dr. Sci. (Psychology) diss.]. Saint-Petersburg, 2011. 590 p. (In Russ.).
 16. Sivrikova N.V. Osobennosti zhiznestoikosti lyudei, identifitsiruyushchikh sebya s raznymi pokoleniyami (na primere Ural'skogo regiona Rossii) [Features of Hardiness of People, identifying itself with different Generations (on the Example of the Region of Russia)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 2019, no. 2, pp. 240–256. DOI:10.25588/CSPU.2019.38.67.017 (In Russ.).
 17. Fominova A.N. Zhiznestoikost' lichnosti. Monografiya [The Hardiness of Personality]. Moscow: MPGU Prometei, 2012. 151 p. (In Russ.).
 18. Shvareva E.V. Zhiznestoikost' u podrostkov iz raznoi obrazovatel'noi sredy [Resilience in adolescents from different educational environments]. *Nauka i sovremennost' = Science and Modernity*, 2010, no. 6–1, pp. 411–414. (In Russ.).

19. Bonanno G.A., Romero S.A., Klein S.I. The temporal elements of psychological resilience: An integrative framework for the study of individuals, families, and communities. *Psychological Inquiry*, 2015, no. 26, pp. 139–169. DOI:10.1080/1047840X.2015.992677
20. Britt T.W., Shen W., Sinclair R.R., Grossman M.R., Klieger D.M. How much do we really know about employee resilience? *Industrial and Organizational Psychology: Perspectives on Science and Practice*, 2016. Vol. 9, no. 2, pp. 378–404. DOI:10.1017/iop.2015.107
21. Yaprak P., Güçlü M.T., Durhan T.A. The Happiness, Hardiness, and Humor Styles of Students with a Bachelor's Degree in Sport Sciences. *Behav Sci (Basel)*, 2018. Vol. 8, no. 9, pp. 82. DOI:10.3390/bs8090082
22. Kuzmin M.Y., Konopak I.A. Distinctive features of adolescent hardiness in families of different composition. *Psychology in Russia: state of the art*, 2016, no. 9(3), pp. 95–102.
23. Lyons S.T., Schweitzer L., Urick M.J., Kuron L. A dynamic social-ecological model of generational identity in the workplace. *Journal of Intergenerational Relationships*, 2019, no. 17(1), pp. 1–24.
24. Maddi S.R., Khoshaba D.M., Harvey R.H., Fazel M., Resurreccion N. The personality construct of hardiness, V: relationships with the construction of existential meaning in life. *Journal of humanistic psychology*, 2011, no. 51(3), pp. 369–388.
25. Maddi S.R. Hardiness as a pathway to resilience under stress. *Routledge international handbook of psychosocial resilience*. U. Kumar. Oxford: ROUTLEDGE, 2017, pp. 104–110.
26. Malkin V., Rogaleva L., Kim A., Khon N. The Hardiness of Adolescents in Various Social Groups. *Frontiers in Psychology*, 2019, no. 10, pp. 24–27. DOI:10.3389/fpsyg.2019.02427
27. Mao X., Loke A.Y., Fung O.W.M., Hu F.X. What it takes to be resilient: The views of disaster healthcare rescuers. *International Journal of Disaster Risk Reduction*, 2019, no. 36, Article 101112. DOI:10.1016/j.ijdr.2019.101112
28. Meulen E., Velden P.G., Settib I., Veldhoven M.J.P.M. Predictive value of psychological resilience for mental health disturbances: A three-wave prospective study among police officers. *Psychiatry Res*, 2018, no. 260, pp. 486–494. DOI:10.1016/j.psychres
29. Nordmo M., Olsen O.K., Hetland J. [et al.] It's been a hard day's night: A diary study on hardiness and reduced sleep quality among naval sailors. *Personality and Individual Differences*, 2019. Vol. 153, Article 109635. DOI:10.1016/j.paid.2019.109635
30. Rothschild-Varibrus V., Fritzsche L., Korzhenevskiy S. [et al.] Hardiness in aspects of suicidal prevention (Literature review). *Ukrains'kyi Visnyk Psykhonevrolohiï*, 2020. Vol. 28, no. 1(102), pp. 84–88. DOI:10.36927/20790325-V28-is1-2020-18

Информация об авторах

Постшикова Маргарита Игоревна, доктор психологических наук, профессор кафедры педагогики, ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГАОУ ВО САФУ им. М.В. Ломоносова), г. Архангельск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2546-8430>, e-mail: post-margarita@yandex.ru

Микляева Анастасия Владимировна, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии человека, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>, e-mail: a.miklyaeva@gmail.com

Сиврикова Надежда Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет» (ФГБОУ ВО ЮУрГГПУ), г. Челябинск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9757-8113>, e-mail: bobnv79@mail.ru

Регуш Людмила Александровна, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии развития и образования, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8023-3773>, e-mail: schuger@mail.ru

Information about the authors

Margarita I. Postnikova, Doctor of Psychology, Professor of the Chair of Pedagogy, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2546-8430>, e-mail: post-margarita@yandex.ru

Anastasia V. Miklyaeva, Doctor of Psychology, Professor of the Chair «Human psychology», Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>, e-mail: a.miklyaeva@gmail.com

Nadezhda V. Sivrikova, PhD in Psychology, Associate Professor of the Chair of Social Work, Pedagogy and Psychology, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9757-8113>, e-mail: bobnv79@mail.ru

Ludmila A. Regush, Doctor of Psychology, Professor of the Chair «Psychology of Development and Education», Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8023-3773>, e-mail: schuger@mail.ru

Получена 08.02.2021

Received 08.02.2021

Принята в печать 28.01.2022

Accepted 28.01.2022

Профили политической идентичности россиян: роль моральных оснований, оправдания системы и сопротивления изменениям

Муминова А.М.

**ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1973-9414>, e-mail: amuminova@hse.ru**

Титов А.С.

**ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1280-954X>, e-mail: atitov@hse.ru**

Батхина А.А.

**ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0397-296X>, e-mail: batkhina.anastasia@gmail.com**

Григорьев Д.С.

**ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4511-7942>, e-mail: dgrigoryev@hse.ru**

Цель. Поиск профилей политической идентичности россиян относительно их отношения к консервативной повестке, основным идеологиям, политическим партиям и институтам, а также тестирование связи этих профилей с моральными основаниями и мотивацией оправдания системы и сопротивления изменениям, включая последующий анализ, показывающий, что среди участников является консолидирующим, а что разобщающим, и ключевые измерения, по которым проходит данный раскол.

Контекст и актуальность. Простой анализ отношения к отдельным политикам и политическим партиям и другим субъектам политики не позволяет понять относительно стабильные политические взгляды россиян. При этом идеологическая близость или разногласия не являются психологически случайными даже среди тех, кто слабо разбирается в политике. Всегда присутствуют некие преполитические психологические переменные, отражающие predisposition людей к принятию определенных явных идеологических предпочтений, отражающихся в конкретной конфигурации (профиле) политической идентичности.

Дизайн исследования. Использовался кросс-секционный одновыборочный корреляционный дизайн с использованием данных социально-психологического опроса. Применялся подход, ориентированный на человека, в форме анализа латентных профилей.

Участники. Участниками исследования 1 были 224 человека, а исследования 2 — 125 человек.

Инструменты. Методики, измеряющие моральные основания (Грэм и др., 2011), отношение к консервативной повестке (Эверетт, 2013), оправдание системы (Джост, 2015) и сопротивление изменениям (Вайт и др., 2020), а также термометр чувств (Конверс и др., 1980).

Результаты. Наибольшие различия между профилями политической идентичности россиян наблюдались по позитивному отношению к капитализму, свободному рынку и свободе слова, а также к президенту, патриотизму, монархии, военной и национальной безопасности. Эти различия были связаны с поддержкой текущего российского политического курса и проявлением к нему лояльности. Различия между профилями в большей мере относятся к спланированным моральным основаниям, в то время как идея справедливости была одинаково важна для россиян с любым из обнаруженных профилей.

Выводы. В психологическом плане ключевым компонентом политической идентичности россиян можно считать авторитарное подчинение. С другой стороны, политические взгляды дифференцирует выбор между запросом на безопасность («стабильность») или развитие (т.е. принятие рисков изменений ради будущего развития либо отказ от них в пользу безопасности, стабильности, предсказуемости текущего политического курса).

Ключевые слова: политическая идентичность, политические установки, политическая идеология, моральные основания, оправдание системы, сопротивление изменениям.

Финансирование. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитаты: Муминова А.М., Титов А.С., Батхина А.А., Григорьев Д.С. Профили политической идентичности россиян: роль моральных оснований, оправдания системы и сопротивления изменениям // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 1. С. 104–123. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2022130107>

Russian Political Identity Profiles: The Role of Moral Foundations, System Justification, and Resistance to Change

Azkhariya Muminova

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1973-9414>, e-mail: amuminova@hse.ru

Alexander Titov

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1280-954X>, e-mail: atitov@hse.ru

Anastasia Batkhina

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0397-296X>, e-mail: batkhina.anastasia@gmail.com

Dmitry Grigoryev

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4511-7942>, e-mail: dgrigoryev@hse.ru

Objectives. To extract profiles of Russian political identity in terms of attitude to the conservative agenda, main ideologies, political parties, and institutions among Russians, as well as to identify the connections of these profiles with moral foundations and motivation for system justification and resistance to change. Subsequent analysis showing what is consolidating and what is divisive among the participants, as well as the key dimensions along which this split takes place.

Background. *A simple analysis of attitudes towards individual politicians and political parties and other subjects of politics does not allow to understand the relatively stable political views of Russians. At the same time, ideological closeness or disagreement is not psychologically accidental, even among those who are poorly versed in politics. There are always some pre-political psychological variables that reflect the predisposition of people to accept certain explicit ideological preferences that are reflected in specific profiles of political identity.*

Study design. *Cross-sectional one-sample correlation design using data from socio-psychological survey. A person-centered approach was applied in the form of latent profile analysis.*

Participants. *There were 224 participants in study 1 and 125 participants in study 2.*

Measurements. *Moral foundations (Graham et al., 2011), attitude toward conservative agenda (Everett, 2013), system justification (Jost, 2015), resistance to change (White et al., 2020), feelings thermometer (Converse et al., 1980).*

Results. *The greatest differences between the profiles of the Russian political identity were observed in the positive attitude toward capitalism, free market, and freedom of speech, as well as toward the president, patriotism, monarchy, military and national security. These differences were related to support for the current Russian political course and the manifestation of loyalty to it. The differences between the profiles were more related to the binding moral foundations, while the idea of fairness was equally important for Russians with any of the profiles found.*

Conclusions. *Authoritarian submission can be considered a key psychological foundation of the Russian political identity. On the other hand, political views are differentiated by the choice between the demand for security (stabil'nost') or development (i.e., accepting the risks of changes for the future development, or abandoning them in favor of security, stability, predictability of the current political course).*

Keywords: *political identity, political attitudes, political ideology, moral foundations, system justification, resistance to change.*

Funding. The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program.

For citation: Muminova A., Titov A., Batkhina A., Grigoryev D. Russian Political Identity Profiles: The Role of Moral Foundations, System Justification, and Resistance to Change. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 1, pp. 104–123. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2022130107> (In Russ.).

Введение

Политические действия являются одним из основных способов социальных изменений, а готовность участвовать в таких действиях определяется оценкой текущей ситуации. Возникает вопрос о том, какие устойчивые убеждения predisполагают к подобным оценкам? В социальных науках в течение многих лет обсуждается, существует ли политическая идеология как единая, внутренне согласованная система установок и убеждений [31]. Учитывая, что идеологии, как и другие взгляды, обладают высокой сте-

пенью податливости, является разумным рассмотреть именно психологические характеристики политического мышления. В частности, провести различие между относительно стабильным идеологическим ядром, например, состоящим из сопротивления изменениям или принятия неравенства, и более идеологически второстепенными вопросами [9; 10].

Политическая идентичность в отечественной литературе понимается как одна из форм коллективной идентичности, на основе которой актуализируется отношение к «другому» в рамках измерений «свои-чужие» и «друзья-враги», а также

формируется отношение к политическим общностям и событиям, готовность принимать политические решения и проявлять политическую активность [3; 13]. Также отмечается, что основная часть отечественных исследований так или иначе анализирует и интерпретирует политическую идентичность с точки зрения социально-психологического подхода [3].

Сама по себе политическая идентичность предполагает под собой определенный набор взглядов и представлений о желаемой социальной системе, которые разделяются членами социальной группы [3]. Политическая идентичность на групповом уровне определяет различные аспекты общественной жизни и озабоченность различными темами, а также на индивидуальном уровне является важным фактором, имеющим последствия для оценок и поведения в политической сфере, от принятия политического курса до участия в акциях протеста. Кроме того, политическая идентичность выполняет некоторую когнитивную функцию, помогая людям интерпретировать информацию о социальной среде и формировать впечатление и суждения о социальных событиях и других людях. Это понимание политической идентичности в отечественной литературе во многом пересекается с тем, что понимается под функциями политической идеологии [32] и политической ориентации [9].

Политическая культура в России и западных странах, в которых и была проведена большая часть исследований политических установок и идентичности, отличается. За прошедшее столетие в России также произошло несколько стремительных и драматических полити-

ческих изменений, которые повлияли на содержание политических взглядов [35]. Кроме того, даже между постсоветскими странами наблюдаются отчетливые различия [38]. Большинство россиян мало участвуют в деятельности политических партий и поэтому плохо идентифицируют себя с ними. Например, репрезентативный опрос¹ показал, что 46% россиян не указали определенные политические взгляды [5]. При этом ряд исследований политической идентичности демонстрирует, что достаточно высокий процент россиян, в частности, молодежи, имеет диффузную, размытую политическую идентичность и низкий уровень политического интереса [13]. Механизмы партийной идентификации среди молодежи работают в основном на когнитивном, а не на поведенческом уровне [4]. Данные результаты отчасти поддерживает другое исследование, проведенное в нескольких субъектах Российской Федерации, которое также показало, что традиционные и консервативные политические ценности разделяет от 23% до 43% опрошенной молодежи в зависимости от региона [2].

Еще одна работа обозначила ряд парадоксов, характерных для политической идентичности и вовлеченности современных россиян: так, политическая пассивность сочетается с высоким уровнем интереса к политике, а высокая оценка демократии — с наличием авторитарных установок [11]. Самые последние данные во многом свидетельствуют о сохранении данных тенденций [14]. Таким образом, ни отношение к отдельным политикам, ни отношение к политическим партиям и пр. не позволяют понять относительно стабильные

¹ Данные из исследования, проведенного «Левада-Центр». С 05.09.2016 «Левада-Центр» включен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

политические взгляды россиян, в то время как самым надежным способом изучения здесь может быть как раз анализ общего отношения к политической власти или социальной иерархии [35].

Идеологическая близость или разногласия не являются психологически случайными даже среди тех, кто слабо разбирается в политике. Всегда присутствуют некие преполитические психологические переменные, отражающие предрасположенность людей к принятию определенных явных идеологических предпочтений [7]. Наиболее общими психологическими основами левых и правых политических взглядов, по крайней мере на Западе, являются упомянутые выше два взаимосвязанных аспекта: (1) эгалитаризм и антиэгалитаризм; (2) открытость и сопротивление изменениям [7; 9; 10]. После Французской революции, говоря упрощенно, консерваторы (правые) обычно сохраняли статус-кво и защищали иерархию и традиции, тогда как их оппоненты (левые) имели тенденцию продвигать социальные изменения в направлении социального, экономического и политического равенства.

Отношение к социальной иерархии и социальному равенству обсуждается главным образом в экономическом контексте справедливости общества, разделенного на богатых и бедных. В то же время необходимость подчинения власти или необходимость изменений проявляется в разных контекстах, от воспитания детей до формы политического правления. В политическом контексте роль государственного контроля в различных сферах является давней и широко распространенной темой в повестке этой проблематики [35]. Поскольку описанное здесь психологическое ядро может быть основано на мощных и относительно стабильных индивидуальных потребностях,

оно может сохраняться как глубинная личностная структура, но поверхностные проявления которой могут измениться в ходе социально-политических дебатов.

Особенности рассмотрения различий между консервативными (правыми) и либеральными (левыми) политическими взглядами для России ранее уже подробно разбирались в литературе [9; 10]. В целом, жители Западной Европы и США по сравнению с жителями Центральной и Восточной Европы различаются в связях консервативных ценностей и отнесения себя к приверженцам левых и правых взглядов. Консервативные ценности более характерны для правых в Западной Европе (так же в США [23]), в то время как в Центральной и Восточной Европе, наоборот, — для левых. Вместе с тем эти ценности сохранения отрицательно связаны с социальным эгалитаризмом в обоих регионах, тогда как только среди жителей Центральной и Восточной Европы они положительно связаны с экономическим эгалитаризмом [28].

В России в *социальном* плане различия во взглядах тех, кого можно назвать приверженцами консерватизма и либерализма, также довольно похожи на те, которые обнаруживаются на Западе. Однако в *экономической* сфере наблюдается некоторая инверсия: когда взгляды, более характерные для приверженцев консерватизма на Западе, более распространены среди тех, кого можно назвать приверженцами либерализма в России, а взгляды, более характерные для левых на Западе, — консерватизма в России. По всей видимости, в России для «консерваторов» экономические взгляды достались в наследство от советской идеологии, в то время как сегодняшний традиционализм (прежде всего религиозный) предлагает четкую позицию только по социальной повестке [9; 10; 19].

Учитывая эти особенности, на наш взгляд, необходимо сочетать рассмотрение спектра «консерватизм-либерализм» («правые»-«левые») в России с непосредственным анализом преполитических психологических переменных в аспекте: (1) эгалитаризм/антиэгалитаризм; (2) открытость/сопротивление изменениям. В современной политической и социальной психологии они хорошо описываются компонентами модели Дж. Даккита [22], а также моделью «консерватизм как мотивированное социальное познание» [31] и ее производной – теорией оправдания системы [32].

В рамках исследовательской программы Дж. Даккита и коллег объясняются политические разногласия, межгрупповая угроза, поддержка неравенства и конкуренции, а также межгрупповые предубеждения. Исследовательская программа Дж. Джоста и коллег тоже обращает внимание на схожий набор когнитивно-мотивационных процессов в ответ на стимулы среды, вызывающие страх, угрозу, потерю контроля и неопределенность. Обе программы обращаются к когнитивно-мотивационным процессам, но на разных уровнях. Если первая описывает поддержание идеологических установок, т.е. реализацию коалиционных аккомодаций к социальной среде, то вторая рассматривает уровень реализации индивидуальных адаптаций к социальной среде [19], поэтому обе исследовательские программы являются взаимодополняющими.

В России периодически проводились исследования в рамках исследовательской программы Дж. Даккита и коллег, однако широкого распространения это направление в отечественной психологии так и не получило, а некоторые имеющиеся результаты уже несколько устарели (например, отношение к Б. Ельцину и М. Горбачеву, учению марксизма-лени-

низма, советским ценностям и т.д.). Тем не менее все же было организовано несколько важных исследований социальных верований россиян. Например, чем сильнее россияне верят в справедливый мир, тем сильнее их национальная идентификация, а чем больше они идентифицируются с Россией, тем большей поддержки они ожидают от политического лидера и тем больше власти ему предоставляют [27]. Кроме того, чем сильнее россияне верят в справедливый мир и чем меньше они верят в опасный мир, тем выше их внутренняя и внешняя политическая самооффективность, которая, в свою очередь, предсказывает готовность участвовать в различных формах политических действий (как нормативных, так и ненормативных) [26]. Также вера россиян в справедливый мир положительно связана с патриотизмом и национализмом, при этом только патриотизм негативно связан с общим отношением к войне, которое, в свою очередь, предсказывает как позитивное отношение к военному вмешательству России в гражданскую войну в Сирии, так и негативное отношение к мирному участию России в этом конфликте [12]. Отдельные характеристики личности в целом также хорошо предсказывают отношение россиян к войне [8].

Что касается исследовательской программы Дж. Джоста и коллег, то мы обнаружили только одно недавнее исследование в России. Полученные данные поддержали выводы из модели «консерватизм как мотивированное социальное познание» и показали, что манипуляции с напоминанием о смерти вызывают более позитивное отношение к государственному контролю в России в шести сферах жизни (экономика, СМИ, политические партии, общественные организации, наука и образование) [35].

Программа исследования

В данной статье предпринята попытка дополнить существующие работы путем построения профилей политической идентичности россиян относительно их отношения к консервативной повестке, основным идеологиям, политическим партиям и институтам, а также выявить связи этих профилей с мотивацией оправдания системы и сопротивления изменениям. Кроме того, поскольку политика также является и моральной темой, это означает, что аксиологические принципы имеют важное значение, которое часто упускается из виду [24; 32; 37]. Поэтому в статье рассматривается связь профилей политической идентичности россиян с моральными основаниями, которые сами по себе тоже являются продуктом мотивированного социального познания и имеют мотивационные основы, служащие оправданию системы [39]. Таким образом, данная статья рассматривает соотношение конфигурации профилей политической идентичности россиян и различных аспектов их мотивации поддерживать статус-кво.

Наше исследование носит поисковый характер, мы используем так называемый *bottom-up approach* (или *data-driven approach*), который способен дополнять и корректировать конфирматорный подход (*top-down approach* или *theory-driven approach*) [30] в сочетании с ориентацией на человека (ОЧ, *person-oriented*), а не переменные (ОП, *variable-oriented*) [20]. Это позволяет обойти ранее высказанные ограничения касаясь рассмотрения спектра «консерватизм-либерализм» в России в рамках ОП [9]. Это обеспечивается тем, что моделированию подвергаются не переменные, как это делается в факторном анализе при ОП, а проводится комплексная группировка людей на основе их ответов по профилям с соот-

ветствующей конфигурацией политической идентичности. Таким образом, полученные результаты с использованием ОЧ будут дополнять, уточнять и расширять проведенные ранее исследования, которые занимались тестированием конкретных гипотез в России [6; 12; 16; 38].

Мы ожидали выделение как минимум двух профилей с систематическими различиями вокруг вопросов, которые сопряжены с поддержкой текущего политического курса и социально-экономической повестки, существующей в общественном дискурсе (т.е. противники или сторонники), которые могли бы быть соотнесены с консервативной и либеральной политической ориентацией в России. Анализ этих различий позволит пролить свет на вопрос, что является консолидирующим, а что разобщающим, а также ключевые измерения, по которым проходит данный раскол.

Исследование 1

Целью данного исследования является определение профилей политической идентичности россиян, охватывающей отношения к консервативной повестке, и их связи с моральными основаниями. Теория моральных оснований предлагает модель для понимания критериев моральной оценки различных событий и поступков [25]. Предполагается, что данная модель может быть полезна для конкретизации картины консерватизма [39].

Основываясь на исследованиях в рамках культурной антропологии и эволюционной психологии, авторы выделяют 5 культурно универсальных обобщенных моральных оснований [29]: *забота* определяется в качестве стремления защитить других (чаще всего уязвимых) от вреда; *лояльность* определяется как потребность

в принадлежности и поддержке определенной группы (например, семьи, нации), групповой сплоченности, в противоположность предательству; *справедливость* относится к следованию справедливому правосудию в соответствии с общими для всех правилами, в противоположность обману и исключительным правам; *уважение* относится к эволюционной потребности в социальной иерархии как к средству поддержания порядка в обществе и выражается в уважении авторитетных фигур, подчинении традициям и властям; *чистота* характеризуется стремлением избегать все неправильное, вредное и патологическое в социальном порядке, иметь возвышенную, менее плотскую жизнь.

Данные моральные основания можно сгруппировать в *индивидуализирующие* моральные основания заботы и справедливости (т.е. те, что основаны на благополучии и защите прав отдельного индивида), которые соотносятся с ориентацией на социальное доминирование в модели Дж. Даккита; и *сплывающие* моральные основания лояльности, уважения и чистоты, связанные с поддержанием групповых интересов и ценностей, которые соотносятся с авторитаризмом правого толка в модели Дж. Даккита [24]. Сплывающие моральные основания связаны с эпистемическими (и в меньшей степени экзистенциальным) мотивами уменьшения неопределенности и угрозы, а также оправдания системы [39]. Мы ожидали, что сплывающие моральные основания будут более важны для профилей с большей консервативной политической ориентацией.

Метод

Участники. Участниками исследования были 224 человека (женщин

35%) в возрасте от 16 до 67 лет ($M=28,8$, $SD=11,9$), 30% были православными, 39% имели законченное высшее образование, а 40% были студентами.

Процедура. Опрос был проведен в 2018 году. Анкета была представлена участникам на русском языке. Те пункты измерительных инструментов, которые ранее не были переведены на русский язык, были адаптированы при помощи метода обратного перевода и серии когнитивных интервью с применением техники «think-aloud» [41], а также с последующим статистическим анализом для определения надежности (внутренней согласованности) и факторной структуры [19].

Инструменты. *Моральные основания.* Тридцать пунктов в переводе Л. Боровой по 6-балльной шкале Ликерта (1=совсем не актуально/абсолютно не согласен, 6=очень актуально/абсолютно согласен) измеряли пять моральных оснований: забота ($\alpha=0,66$), справедливость ($\alpha=0,67$), лояльность ($\alpha=0,66$), уважение ($\alpha=0,70$), чистота ($\alpha=0,79$) [25].

Отношение к консервативной повестке. На основе шкалы социального и экономического консерватизма [23] участникам было предложено оценить набор пунктов, актуальных для консервативной повестки дня в России (например, традиционные ценности, военная и национальная безопасность, однополые браки и т.д.), их просили отметить степень, отражающую позитивное или негативное отношение по поводу каждого вопроса. Оценки близкие к 0 означали более негативное отношение, к 50 — нейтральное, а к 100 — более позитивное.

Анализ данных. С целью классификации участников по характеру их политической идентичности был проведен анализ латентных профилей (АЛП). Решение, определяющее выбор числа профилей, было принято на основе сочетания

нескольких показателей в соответствии с литературой [36]. Дальнейший анализ осуществлялся с помощью дисперсионного и корреляционного анализов.

Результаты

Трехклассовое решение оказалось оптимальным, поскольку оно соответствовало высоким значениям энтропии при значимых тестах отношения правдоподобия и адекватном минимальном числе участников каждого класса.

Результаты сравнения средних по профилям с помощью дисперсионного анализа изображены на рис. 1. Значимые различия ($p < .05$) показывали, что участ-

ников, включенных в Профиль 1 (П1; 37%), можно условно назвать традиционалистами (например, негативное отношение к однополым бракам и абортам, позитивное — к традиционным ценностям и многодетным семьям), а в Профиль 3 (П3; 48%) — их антагонистами. Профиль 2 (П2; 15%), с одной стороны, показывал схожесть с П1 (например, похожее более негативное отношение к однополым бракам и абортам), с другой стороны, с П3 (например, похожее более негативное отношение к патриотизму и традиционным ценностям), а также включал участников с более негативным отношением к капитализму, свободному рынку и бизнесу.

Различия в средних значениях моральных оснований по профилям изо-

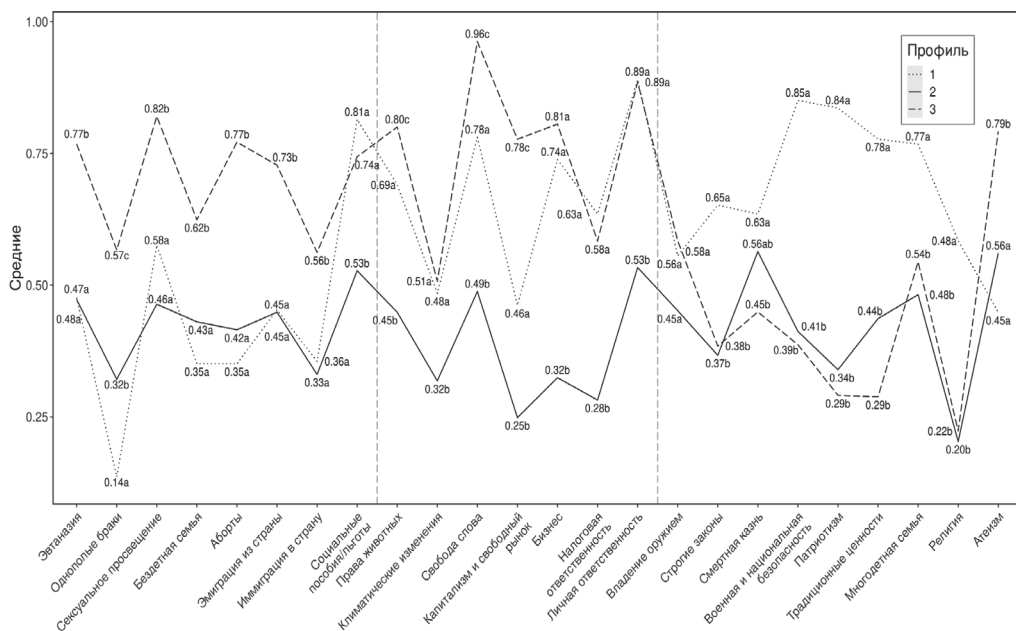

Рис. 1. Результаты сравнения средних значений оценок, связанных с отношением к консервативной повестке (N=224)

Примечание. Буквы а, б и с обозначают наличие или отсутствие статистически значимых различий между сравниваемыми профилями: одинаковые буквы – различий нет; разные буквы – значимое различие обнаружено.

бражены на рис. 2. Не было каких-либо свидетельств различий между профилями в Справедливости. Однако Уважение и Лояльность снижались от П1 к П3, Чистота и Забота были выше для П1 при одинаковом уровне для П2 и П3.

Обсуждение результатов

Итак, в анкетировании, проведенном в 2018 г., мы просили участников оценить отношение к консервативной повестке. Анализ показал, что на основании этих ответов об отношении можно выделить три профиля, которые различались взглядом на то, что исходя из содержания можно обозначить как: (1) эмансипативные ценности (отношение к абортам, однополым бракам, эвтаназии, мигрантам и т.д.); (2) ценности экономического развития (отношение к бизнесу, капитализму и свободному рынку, климатическим изменениям, свободе слова, личной ответственности и т.д.); (3) консервативные религиозные ценности (отношение к религии и атеизму, многодетным

семьям и традиционным ценностям) и (4) государственнические ценности (патриотизм, строгие законы, военная и национальная безопасность и т.д.). Наибольшие различия между профилями наблюдались по позитивному отношению к капитализму, свободному рынку и свободе слова ($P2 < P1 < P3$), а также к патриотизму, военной и национальной безопасности ($P2 = P3 < P1$). Общая тенденция сводится к тому, что для П1 («консерваторы») была характерна позитивная оценка государственных и религиозных ценностей, а для П3 («либералы») — ценностей экономического развития и эмансипации. Это довольно хорошо соответствует отличительным особенностям сторонников консерватизма и либерализма в России, которые были описаны ранее. П2 выделялся негативным отношением к ценностям экономического развития. Вероятно, этот профиль относится к участникам, которые, с одной стороны, не приемлют текущий курс, а с другой стороны, имеют антикапиталистический ресентимент, связанный с ностальгией по советскому

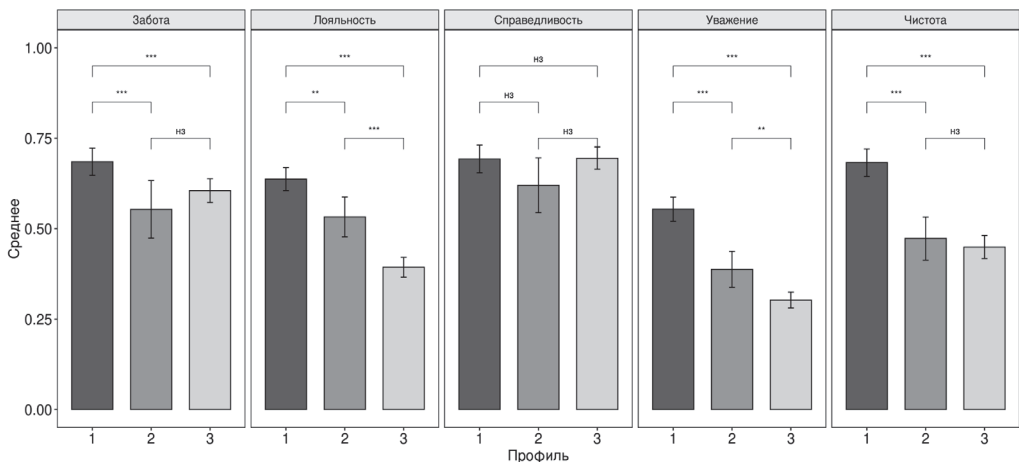

Рис. 2. Результаты сравнения средних значений оценок моральных оснований (N=224).
Примечание. НЗ $p > 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

прошлому, либо в целом с разочарованием современной капиталистической системой.

Различия между профилями в большей мере относятся к спланированным моральным основаниям, которые связаны с мотивацией для оправдания системы [39]. Именно они в России, как было показано, сопряжены с интересом к политике [16] и консерватизмом [18]. Уважение и Лояльность снижались от П1 к П3, а именно эти моральные основания являются основными аспектами компонента авторитаризма правого толка, который носит название «авторитарное подчинение». Интересно, что Справедливость была одинаково важна для участников, принадлежащих к любому из профилей. В целом, вероятно, что все эти различия относятся к патерналистическим установкам и сопротивлению изменениям вследствие общего избегания неопределенности и ответственности за свою жизнь.

Исследование 2

Целью данного исследования является определение профилей политической идентичности россиян, охватывающей отношения к ключевым идеологиям, политическим партиям и институтам, и их связи с сопротивлением изменениям и оправданием системы. В отличие от исследования 1, данное исследование более непосредственно оценивает мотивацию сохранения статуса-кво и отношение к изменениям, тем самым значительно дополняет и уточняет его результаты.

Теория оправдания системы основана на идее сознательной и неосознанной мотивации поддерживать социальные, экономические и политические институты и договоренности, которая связана со стремлением индивидов к защите и

поддержанию статуса-кво [33]. Эта мотивация сопряжена с удовлетворением эпистемологической потребности в избегании неопределенности, экзистенциальной потребности в безопасности и потребности к принадлежности [1]. Наиболее сильно оправдание системы выражено у людей, которые стремятся к предсказуемости, живя в системе, от которой сильно зависят. Теория также утверждает, что разрешение когнитивного диссонанса вследствие неблагоприятного положения групп посредством поддержания статуса-кво проще и эффективнее, чем изменение существующего порядка. Знакомые институты, механизмы, идеи и практики (статус-кво) воспринимаются как естественные и неизбежные, таким образом приобретая чувство легитимности.

Кроме того, сопротивление изменениям (уверенность, что социальная стабильность желательна, а радикальных изменений следует избегать) зачастую предполагает: предпочтение того, что уже существует (т.е. опора на традиции), и если изменения и должны произойти, то лучше, если они будут постепенными и органичными, а не быстрыми и кардинальными [40]. А как известно, люди с консервативной и люди с либеральной политической ориентацией по-разному относятся к медленным, постепенным и быстрым, а также кардинальным изменениям [9]. Мы ожидали, что сохранение статуса-кво и сопротивление изменениям будут более характерны для профилей с большей консервативной политической ориентацией.

Метод

Участники. Участниками исследования были 125 человек (женщин

70%) в возрасте от 16 до 63 лет ($M=29,6$, $SD=11,7$), 58% были православными, 59% имели законченное высшее образование, а 50% были студентами.

Процедура. Опрос был проведен в 2019 году. Процедура была аналогична исследованию 1.

Инструменты. *Оправдание системы.* Восемь пунктов по 7-балльной шкале Ликерта (1=*абсолютно не согласен*, 7=*абсолютно согласен*) измеряли оправдание системы ($\alpha=0,88$) [32]. Участников просили подумать о сегодняшней ситуации в России, примеры пунктов: «Проводимая в нашей стране политика служит улучшению нашей жизни», «В целом, российская политическая система работает так, как должна».

Сопrotивление изменениям. Десять пунктов по 7-балльной шкале Ликерта (1=*абсолютно не согласен*, 7=*абсолютно согласен*) измеряли два аспекта сопротивления изменениям: опора на традиции ($\alpha=0,78$) и потребность в постепенных изменениях ($\alpha=0,77$) [40]. Участников просили подумать об изменениях, которые сейчас происходят в России, примеры пунктов: «В целом, проверенные временем принципы жизни являются наиболее эффективными», «Медленные, постепенные изменения помогают избежать ошибок и катастроф».

Термометр чувств. Мы использовали 100-градусную шкалу термометра чувств (от 0 до 50=*холодное* [отношение]; 50=*нейтральное*; от 60 до 100=*теплое*) [20], чтобы оценить отношение к идеологиям (монархизм, патриотизм, социализм, феминизм, либерализм), политическим партиям (Единая Россия, КПРФ, ЛДПР) и институтам (президент, правительство, Госдума, РПЦ). В конце анкеты участникам задавался вопрос «Говоря в целом, Вы поддерживаете текущий курс, по которому идет Россия?» с бинарным

вариантом ответа (1=*да или скорее да*, 0=*нет или скорее нет*).

Анализ данных. Анализ был осуществлен с использованием набора из тех же методов и той же последовательности шагов, как и в исследовании 1.

Результаты

Двухклассовое решение оказалось оптимальным по совокупности показателей.

Результаты сравнения средних по профилям изображены на рис. 3. Значимые различия ($p<0,05$) показывали, что участники, включенные в П1 (38%), более позитивно относились к президенту, патриотизму и монархии, чем участники, включенные в П2 (62%). Не было никаких свидетельств значимых социодемографических различий между профилями.

Корреляционный анализ, изображенный на рис. 4, показал, что ответ «да» на вопрос о том, поддерживают ли участники текущий курс, по которому идет Россия, был более характерен для участников, включенных в П1 (значимая корреляция между ними была равна 0,24), а также он был сильно положительно связан с уровнем оправдания системы (0,63). У участников, включенных в П1, наблюдался больший фокус на персонафицированную власть (президент, монархизм), в то время как общая поддержка политического курса была связана также и с позитивным отношением к другим институтам (правительство, Госдума, РПЦ) и партиям (Единая Россия и ЛДПР). Не было найдено никаких свидетельств для связи сопротивления изменениям и профилями либо общей поддержкой текущего политического курса. Оправдание системы положительно коррелировало с позитивным от-

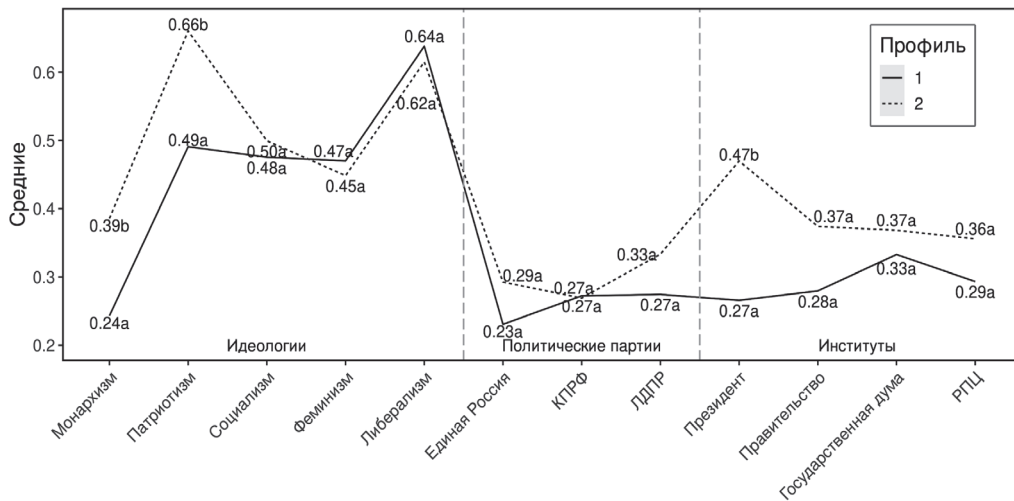

Рис. 3. Результаты сравнения средних значений оценок по термометру чувств (N=125)
 Примечание. Буквы а, в и с обозначают наличие или отсутствие статистически значимых различий между сравниваемыми профилями: одинаковые буквы – различий нет; разные буквы – значимое различие обнаружено.

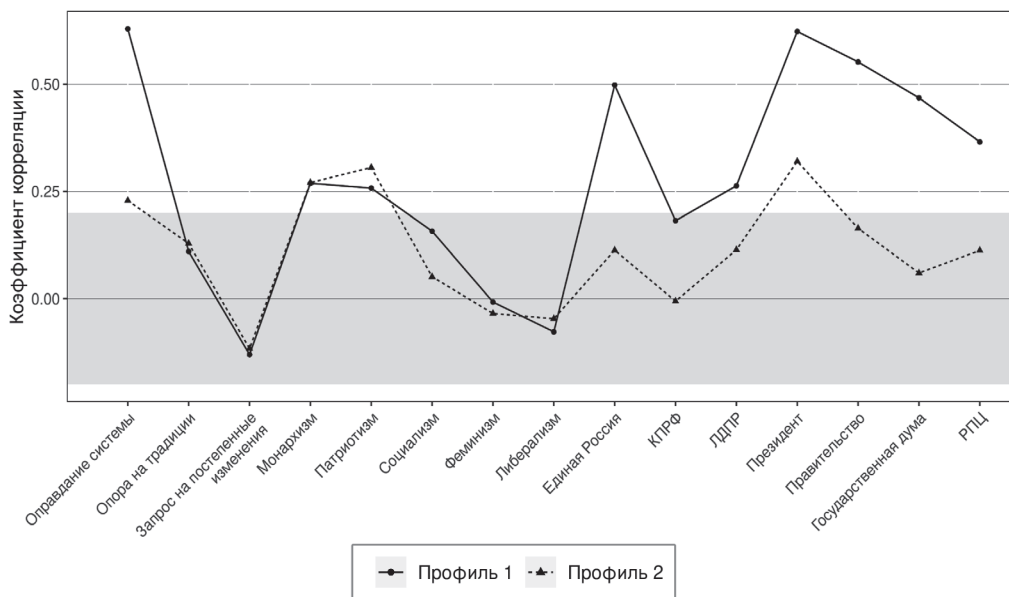

Рис. 4. Результаты корреляционного анализа фокальных переменных (N=125)
 Примечание. Серая заливка по обе стороны от нуля указывает на зону незначимых коэффициентов корреляции

ношением к монархизму, патриотизму и ко всем партиям и институтам (сильнее всего с отношением к президенту 0,64).

Обсуждение результатов

Итак, в анкетировании, проведенном в 2019 г., мы просили участников оценить отношение к идеологиям, политическим партиям и институтам. В конце анкеты им также задавался вопрос о поддержке политического курса со строгим бинарным вариантом ответа (да, или скорее да/нет, или скорее нет). Анализ показал, что на основании этих ответов об отношении можно выделить всего два профиля, которые различались только более позитивным отношением к президенту, патриотизму и монархии. Те респонденты, которые попали в этот профиль — условно, с запросом на сильного лидера-государственника, — в целом больше поддерживали проводимый курс, по которому идет Россия, и были склонны оправдывать текущее положение дел в стране. Они выступали за сохранение статуса-кво.

В целом, по всей видимости, содержательно П1 связан с П1 из исследования 1 («консерваторы»), а П2 — с П3 («либералы»). Профиль, похожий на П2 из исследования 1, мог быть не выделен по причине сочетания двух факторов: меньшей распространенности данного профиля (в исследовании 1 всего лишь 15% участников) и меньшего размера выборки исследования 2.

Кроме того, похоже, что отношение к президенту — это центральный узел в сети политической идентичности респондентов, на нем базируется все остальное: и отношение к партиям, и отношение к другим институтам [19]. Эти результаты перекликаются с исследованием коллективного нарциссизма и авторитарных

установок россиян, опубликованным недавно [6]. В этой связи интересно, что в концепции отношений «харизматический лидер-последователь» Дж. Поста важное место отводится как раз нарциссизму [34].

Заключение

По результатам двух исследований мы обнаружили, что различия между профилями в большей мере относятся к спланированным моральным основаниям, как известно, связанным с мотивацией для оправдания системы [39]. В то время как идея справедливости была одинаково важна для россиян с любым из обнаруженных профилей. Хотя в США либералы придают большее значение индивидуализирующим моральным основаниям, тогда как консерваторы придают одинаковое значение им всем [10].

С другой стороны, наибольшие различия между профилями политической идентичности россиян наблюдались по позитивному отношению к капитализму, свободному рынку и свободе слова, а также к президенту, патриотизму, монархии, военной и национальной безопасности. Эти различия были связаны с поддержкой текущего российского политического курса и проявлением к нему лояльности. Обнаруженные связи с моральными основаниями перекликаются с полученными в России ранее [16]. Это также поддерживает вывод, что именно спланированные, а не индивидуализирующие моральные основания являются основой социально-политических взглядов россиян. Кроме того, это соответствует различиям в политической ориентации «консерватизм-либерализм» относительно социальных и экономических взглядов в России.

Угрозы мотивируют россиян придерживаться авторитарных установок и по-

зитивно относиться к государственному контролю [6; 35]. По всей видимости, мотивация россиян зависит от принятия рисков изменений ради будущего развития либо отказа от них в пользу безопасности, стабильности, предсказуемости текущего политического курса.

Наши результаты имеют ограничение в плане обобщаемости, мы не можем сказать, в какой пропорции найденные паттерны распределены среди российского населения, какова его региональная, поколенческая, возрастная и др. социодемографическая специфика. Кроме того, хотя стоит ожидать воспроизводимость ключевых связей, сложно оценить устойчивость во времени некоторых из полученных результатов.

Тем не менее результаты наших двух исследований обнаружили некоторые важные аспекты профилей политической идентичности россиян, отражающие

социально-психологические различия между теми, кто поддерживает текущий политический курс, и их оппонентами (не так принципиально, например, они предпочли бы либо демократический путь развития, либо обращение к советскому прошлому и т.д.). По всей видимости, в психологическом плане ключевым компонентом политической идентичности россиян можно считать авторитарное подчинение. С другой стороны, политические взгляды дифференцирует выбор между запросом на безопасность («стабильность») или развитие.

Учитывая настоящие и ранее полученные результаты в России, на наш взгляд, наиболее перспективным направлением будущих исследований является продолжение изучения аспектов патерналистских установок и коллективного нарциссизма, а также их антецедентов.

Литература

1. Агадуллина Е.Р. [и др.]. Теория оправдания системы: новый взгляд на проблему неравенств // Современная зарубежная психология. 2021. № 1(10). С. 132–141.
2. Алексеев С.А., Гаязова Э.Б., Ильясова Ф.Ф. Политическая активность и политическая идентичность молодежи в современных условиях // Казанский педагогический журнал. 2017. № 5(124). С. 181–184.
3. Алибегиев Ш.А. Концептуализация понятия политической идентичности в контексте формирования цивилизационной идентичности России // Власть. 2016. № 11(24). С. 100–105.
4. Вицентий И.В. Политическая идентичность как фактор политической толерантности студенческой молодежи // Власть. 2016. № 2(10). С. 155–160.
5. Волков Д., Гончаров С. Сводный Аналитический Отчет. Демократия в России: установки населения. М.: Левада-Центр, 2015. 43 с.
6. Григорьев Д.С. От патриотизма к политическому тоталитаризму: роль коллективного нарциссизма // Национальный психологический журнал. 2020. № 4(40). С. 48–60.
7. Григорьев Д.С. Разработка короткой версии шкал из методики Дж. Даккита: авторитаризм правого толка, ориентация на социальное доминирование, вера в опасный и конкурентный мир // Национальный психологический журнал. 2017. № 4(28). С. 30–44.
8. Гулевич О.А., Неврюев А.Н. Личностные детерминанты отношения к войне как способу решения международных конфликтов // Вопросы психологии. 2016. № 3. С. 58–68.
9. Гулевич О.А. Психологический анализ политических ориентаций. Часть I. Определение, методы измерения и проблемы изучения // Психологический журнал. 2020. № 5(41). С. 18–24.

10. *Гулевич О.А.* Психологический анализ политических ориентаций. Часть II. Предикторы и последствия политических взглядов // Психологический журнал. 2021. № 1(42). С. 46–55.
11. *Иванова А.Е.* Политическая идентичность россиян: анализ парадоксальной динамики // Власть. 2009. № 2. С. 85–89.
12. *Неврюев А.Н., Гулевич О.А., Некрасова Е.* Вера в справедливый мир, гражданская идентичность и социальная установка по отношению к войне (на примере гражданской войны в Сирии) // Психологический журнал. 2018. Том 39. № 4. С. 17–26.
13. *Попова О.В.* Развитие исследований политической идентичности в отечественной политической науке // Политическая экспертиза. 2013. № 2(9). С. 205–219.
14. СоциоДиггер. Гражданский активизм [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 2021. № 8(2). 42 с. URL: https://profi.wciom.ru/fileadmin/file/nauka/podborka/rasshirennaya_podborka_dannyh_wciom_032021.pdf (дата обращения: 13.02.2022).
15. *Сычев О.А., Белоусов К.И., Протасова И.Н.* Ценностные и моральные основы социально-политических взглядов молодежи // Сибирский психологический журнал. 2019. № 73(21). С. 60–77.
16. *Сычев О.А., Протасова И.Н., Власов М.С.* Моральные основания и намерение участвовать в голосовании на выборах президента России // Социальная психология и общество. 2020. № 2(11). С. 38–53.
17. *Сычев О.А., Власов М.С., Протасова И.Н.* Моральные основания и консерватизм как основа политических взглядов и предпочтений молодежи // Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы общей и юридической психологии: образование, право и социальные практики» (г. Барнаул, 27-28 сентября 2018 г.) / Под ред. Е.С. Аничкина и др. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. С. 93–97.
18. American Social Attitudes Data Sourcebook, 1947-1978 / P.E. Converse, J.D. Dotson, W.J. Hoag, W.H. McGee. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981. 392 p.
19. *Batkina A., Grigoryev D.* Authoritarianism in modern Russia. Fifth Annual American Political Science Association Political Psychology Conference (Washington, DC, July 12-15 2019). Washington, DC: Georgetown University, 2019.
20. *Bergman L.R., Trost K.* The Person-Oriented Versus the Variable-Oriented Approach: Are They Complementary, Opposites, or Exploring Different Worlds? Merrill-Palmer Quarterly. 2006. № 3(52). P. 601–632.
21. *Converse P.E. et al.* American social attitudes data sourcebook, 1947-1978. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1980. 392 p.
22. *Duckitt J., Sibley C.G.* The Dual Process Motivational Model of Ideology and Prejudice // The Cambridge Handbook of the Psychology of Prejudice / Sibley C.G., Barlow F.K. (eds.). Cambridge University Press, 2017. P. 188–221.
23. *Everett J.A.C.* The 12 Item Social and Economic Conservatism Scale (SECS) // PLoS ONE. 2013. № 12(8). P. 1–11.
24. *Federico C.M. [et al.]* Mapping the Connections between Politics and Morality: The Multiple Sociopolitical Orientations Involved in Moral Intuition // Political Psychology. 2013. № 4(34). P. 589–610.
25. *Graham J. [et al.]* Mapping the moral domain // Journal of Personality and Social Psychology. 2011. № 2(101). P. 366–385.
26. *Gulevich O. [et al.]* How do social beliefs affect political action motivation? The cases of Russia and Ukraine // Group Processes & Intergroup Relations. 2017. № 3(20). P. 382–395.
27. *Gulevich O., Sarieva I.* Just world belief and the image of the perfect political leader: The role of national identification // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2015. Vol. 12. No. 3. P. 30–40.
28. *Hadarics M.* Conservation motivation, social equality and left-right ideological preferences in Western and Eastern Europe // Europe's Journal of Psychology. 2017. № 2(13). P. 336–351.

29. Haidt J., Joseph C. Intuitive ethics: How innately prepared intuitions generate culturally variable virtues // *Daedalus*. 2004. № 4(133). P. 55–66.
30. Jack R.E., Crivelli C., Wheatley T. Data-Driven Methods to Diversify Knowledge of Human Psychology // *Trends in Cognitive Sciences*. 2018. № 1(22). P. 1–5.
31. Jost J.T. [et al.]. Political conservatism as motivated social cognition // *Psychological Bulletin*. 2003. № 3(129). C. 339–375.
32. Jost J.T. [et al.]. Missing in (Collective) Action // *Current Directions in Psychological Science*. 2017. № 2(26). P. 99–108.
33. Jost J.T. Resistance to change: A social psychological perspective // *Social Research*. 2015. № 3(82). P. 607–636.
34. Post J.M. Narcissism and the Charismatic Leader-Follower Relationship // *Political Psychology*. 1986. № 4(7). P. 675–688.
35. Prusova I.S., Gulevich O.A. The effect of mortality salience on the attitudes toward state control: The case of Russia // *International Journal of Psychology*. 2019. № 2(55). P. 305–314.
36. Rindskopf D. Latent Class Analysis // *The Sage Handbook of Quantitative Methods in Psychology* / Millsap R.E., Maydeu-Olivares A. (eds). Sage Publications Ltd., 2009. P. 199–216.
37. Sabucedo J.M. [et al.]. Axiological-Identitary Collective Action Model (AICAM): A new integrative perspective in the analysis of protest // *PLOS ONE*. 2019. № 6(14). P. 1–17.
38. Sarieva I. How to measure perceived political efficacy? A three-component scale. *Psychology* // *Journal of the Higher School of Economics*. 2018. Vol. 15. No. 3. P. 477–490.
39. Strupp-Levitsky M. [et al.]. Moral “foundations” as the product of motivated social cognition: Empathy and other psychological underpinnings of ideological divergence in “individualizing” and “binding” concerns // *PLOS ONE*. 2020. № 11(15). C. 1–19.
40. White K.R.G. [et al.]. The Resistance to Change-Beliefs Scale: Validation of a New Measure of Conservative Ideology // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2020. № 1(46). P. 20–35.
41. Willis G.B. Cognitive interviewing: a tool for improving questionnaire design. Thousand Oaks: Sage Publ, 2005. 335 p.

References

1. Agadullina E.R. [et al.]. Teoriya opravdaniya sistemy: novyi vzglyad na problemu neravenstv [System Justification theory: a new perspective on the problem of inequality]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Modern Foreign Psychology*, 2021, no. 1(10), pp. 132–141. DOI:10.17759/jmfp.2021100113 (In Russ.).
2. Alekseev S.A., Gayazova E.B., Il'yasova F.F. Politicheskaya aktivnost' i politicheskaya identichnost' molodezhi v sovremennykh usloviyakh [Political activity and political identity of the youth in modern conditions]. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal = Kazan Pedagogical Journal*, 2017. Vol. 124, no. 5, pp. 181–184. (In Russ.).
3. Alibegilov Sh.A. Kontseptualizatsiya ponyatiya politicheskoi identichnosti v kontekste formirovaniya tsivilizatsionnoi identichnosti Rossii [The concept of the concept of political identity in the context of the formation of civilizational identity in Russia]. *Vlast' = Power*, 2016. Vol. 24, no. 11, pp. 100–105. (In Russ.).
4. Vitsentii I.V. Politicheskaya identichnost' kak faktor politicheskoi tolerantnosti studencheskoi molodezhi [Political identity as a factor of political tolerance of student youth]. *Vlast' = Power*, 2016. Vol. 10, no. 2, pp. 155–160. (In Russ.).
5. Volkov D., Goncharov S. Svodnyi Analiticheskii Otchet. Demokratiya v Rossii: ustanovki naseleniya [Consolidated Analytical Report. Democracy in Russia: attitudes of the population]. Moscow: Levada-Tsentr, 2015. 43 p. (In Russ.).
6. Grigoryev D.S. Ot patriotizma k politicheskomu totalitarizmu: rol' kollektivnogo nartsissizma [From Patriotism to Political Totalitarianism: The Role of Collective Narcissism]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2020. Vol. 40, no. 4, pp. 48–60. (In Russ.).

7. Grigoryev D.S. Razrabotka korotkoi versii shkal iz metodiki Dzh. Dakkita: avtoritarizm pravogo tolka, orientatsiya na sotsial'noe dominirovanie, vera v opasnyi i konkurentnyi mir [Development of a short version of the dual process model scales: right-wing authoritarianism, social dominance orientation, dangerous and competitive worldviews]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2017. Vol. 28, no. 4, pp. 30–44. (In Russ.).
8. Gulevich O.A., Nevryuev A.N. Lichnostnye determinanty otnosheniya k voine kak sposobu resheniya mezhdunarodnykh konfliktov [Personal determinants of attitudes towards war as a way to resolve international conflicts]. *Voprosy psikhologii = Psychology Issues*, 2016, no. 3, pp. 58–68. (In Russ.).
9. Gulevich O.A. Psikhologicheskii analiz politicheskikh orientatsii. Chast' I. Opredelenie, metody izmereniya i problemy izucheniya [Psychological analysis of political orientations. Part I. Definition, methods and problems of study]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2020. Vol. 41, no. 5, pp. 18–24. (In Russ.).
10. Gulevich O.A. Psikhologicheskii analiz politicheskikh orientatsii. Chast' II. Prediktory i posledstviya politicheskikh vzglyadov [Psychological analysis of political orientations. Part II: Predictors and consequences of political views]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2021. Vol. 42, no. 1, pp. 46–55. (In Russ.).
11. Ivanova A.E. Politicheskaya identichnost' rossiyan: analiz paradoksal'noi dinamiki [Political Identity of Russians: Analysis of Paradoxical Dynamics]. *Vlast' = Power*, 2009, no. 2, pp. 85–89. (In Russ.).
12. Nevryuev A.N., Gulevich O.A., Nekrasova E. Vera v spravedlivyi mir, grazhdanskaya identichnost' i sotsial'naya ustanovka po otnosheniyu k voine (na primere grazhdanskoi voiny v Cirii) [Belief in a just world, civic identity and social attitude towards war (on the example of the civil war in Syria)]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*, 2018. Vol. 39, no. 4, pp. 17–26. (In Russ.).
13. Popova O.V. Razvitie issledovaniy politicheskoi identichnosti v otechestvennoi politicheskoi nauke [Development of studies of political identity in Russian political sciences]. *Politicheskaya ekspertiza = Political expertise*, 2013. Vol. 9, no. 2, pp. 205–219. (In Russ.).
14. SotsioDigger. Grazhdanskii aktivizm [Elektronnyi resurs] [Civil activism]. VTSIOM, 2021. Vol. 2, no. 8(2). 42 p. URL: https://profi.wciom.ru/fileadmin/file/nauka/podborka/rasshirennaya_podborka_dannyh_wciom_032021.pdf (Accessed: 13.02.2022). (In Russ.).
15. Sychev O.A., Belousov K.I., Protasova I.N. Tsennostnye i moral'nye osnovy sotsial'no-politicheskikh vzglyadov molodezhi [Value and moral foundations of the socio-political views of youth]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Psychological Journal*, 2019. Vol. 21, no. 73, pp. 60–77. (In Russ.).
16. Sychev O.A., Protasova I.N., Vlasov M.S. Moral'nye osnovaniya i namerenie uchastvovat' v golosovanii na vyborah prezidenta Rossii [Moral Foundations and Intention to Vote on Presidential Elections in Russia]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 2, pp. 38–53. (In Russ.).
17. Sychev O.A., Vlasov M.S., Protasova I.N. Moral'nye osnovaniya i konservatizm kak osnova politicheskikh vzglyadov i predpochtenii molodezhi [Moral foundations and conservatism as the basis of political views and preferences of young people]. In E.S. Anichkina et al. (eds) *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Aktual'nye voprosy obshchei i yuridicheskoi psikhologii: obrazovanie, pravo i sotsial'nye praktiki"* (g. Barnaul, 27-28 sentyabrya 2018 g.) [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Actual problems of general and legal psychology: education, law and social practices"]. Barnaul: Publ. Alt. un-ta, 2018, pp. 93–97. (In Russ.).
18. American Social Attitudes Data Sourcebook, 1947-1978 / P.E. Converse, J.D. Dotson, W.J. Hoag, W.H. McGee. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981. 392 p.
19. Batkhina A., Grigoryev D. Authoritarianism in modern Russia. Fifth Annual American Political Science Association Political Psychology Conference (Washington, DC, July 12-15 2019). Washington, DC: Georgetown University, 2019.

20. Bergman L.R., Trost K. The Person-Oriented Versus the Variable-Oriented Approach: Are They Complementary, Opposites, or Exploring Different Worlds? *Merrill-Palmer Quarterly*, 2006. Vol. 52, no. 3, pp. 601–632.
21. Converse P.E. [et al.]. *American social attitudes data sourcebook, 1947-1978*. Cambridge, MA.: Harvard University Press, 1980. 392 p.
22. Duckitt J., Sibley C.G. The Dual Process Motivational Model of Ideology and Prejudice. In C.G. Sibley, F.K. Barlow (eds.). *The Cambridge Handbook of the Psychology of Prejudice*. Cambridge University Press, 2017, pp. 188–221.
23. Everett J.A.C. The 12 Item Social and Economic Conservatism Scale (SECS). *PLoS ONE*, 2013, no. 12(8), pp. 1–11.
24. Federico C.M. [et al.]. Mapping the Connections between Politics and Morality: The Multiple Sociopolitical Orientation Involved in Moral Intuition. *Political Psychology*, 2013. Vol. 34, no. 4, pp. 589–610.
25. Graham J. [et al.]. Mapping the moral domain. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2011. Vol. 101, no. 2, pp. 366–385.
26. Gulevich O. [et al.]. How do social beliefs affect political action motivation? The cases of Russia and Ukraine. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2017. Vol. 20, no. 3, pp. 382–395.
27. Gulevich O., Sarieva I. Just world belief and the image of the perfect political leader: The role of national identification. *Psychology Journal of the Higher School of Economics*, 2015. Vol. 12, no. 3, pp. 30–40.
28. Hadarics M. Conservation motivation, social equality and left-right ideological preferences in Western and Eastern Europe. *Europe's Journal of Psychology*, 2017. Vol. 13, no. 2, pp. 336–351.
29. Haidt J., Joseph C. Intuitive ethics: How innately prepared intuitions generate culturally variable virtues. *Daedalus*, 2004. Vol. 133, no. 4, pp. 55–66.
30. Jack R.E., Crivelli C., Wheatley T. Data-Driven Methods to Diversify Knowledge of Human Psychology. *Trends in Cognitive Sciences*, 2018. Vol. 22, no. 1, pp. 1–5.
31. Jost J.T. [et al.]. Political conservatism as motivated social cognition. *Psychological Bulletin*, 2003. Vol. 129, no. 3, pp. 339–375.
32. Jost J.T. [et al.]. Missing in (Collective) Action. *Current Directions in Psychological Science*, 2017. Vol. 26, no. 2, pp. 99–108.
33. Jost J.T. Resistance to change: A social psychological perspective. *Social Research*, 2015. Vol. 82, no. 3, pp. 607–636.
34. Post J.M. Narcissism and the Charismatic Leader-Follower Relationship. *Political Psychology*, 1986. Vol. 7, no. 4, pp. 675–688.
35. Prusova I.S., Gulevich O.A. The effect of mortality salience on the attitudes toward state control: The case of Russia. *International Journal of Psychology*, 2019. Vol. 55, no. 2, pp. 305–314.
36. Rindskopf D. Latent Class Analysis. In Millsap R.E., Maydeu-Olivares A. (eds). *The Sage Handbook of Quantitative Methods in Psychology*. Sage Publications Ltd., 2009, pp. 199–216.
37. Sabucedo J.M. [et al.]. Axiological-Identitary Collective Action Model (AICAM): A new integrative perspective in the analysis of protest. *PLOS ONE*, 2019. Vol. 14, no. 6, pp. 1–17.
38. Sarieva I. How to measure perceived political efficacy? A three-component scale. *Psychology Journal of the Higher School of Economics*, 2018. Vol. 15, no. 3, pp. 477–490.
39. Strupp-Levitsky M. [et al.]. Moral “foundations” as the product of motivated social cognition: Empathy and other psychological underpinnings of ideological divergence in “individualizing” and “binding” concerns. *PLOS ONE*, 2020. Vol. 15, no. 11, pp. 1–19.
40. White K.R.G. [et al.]. The Resistance to Change-Beliefs Scale: Validation of a New Measure of Conservative Ideology. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2020. Vol. 46, no. 1, pp. 20–35.

41. Willis G.B. Cognitive interviewing: a tool for improving questionnaire design. Thousand Oaks: Sage Publ, 2005. 335 p.

Информация об авторах

Муминова Азхария Мухамадовна, студентка магистратуры, стажер-исследователь, Центр социокультурных исследований, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1973-9414>, e-mail: amuminova@hse.ru

Титов Александр Сергеевич, аспирант, стажер-исследователь, Центр социокультурных исследований, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1280-954X>, e-mail: atitov@hse.ru

Баткина Анастасия Александровна, кандидат психологических наук, академический директор, Аспирантская школа по психологии, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0397-296X>, e-mail: batkhina.anastasia@gmail.com

Григорьев Дмитрий Сергеевич, кандидат психологических наук, научный сотрудник, Центр социокультурных исследований, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4511-7942>, e-mail: dgrigoryev@hse.ru

Information about the authors

Azkhariya Muminova, Master student, Intern-Researcher, Center for Sociocultural Research, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1973-9414>, e-mail: amuminova@hse.ru

Alexander Titov, PhD student, Intern-Researcher, Center for Sociocultural Research, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1280-954X>, e-mail: atitov@hse.ru

Anastasia Batkhina, PhD in Psychology, Academic Director, Doctoral School of Psychology, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0397-296X>, e-mail: batkhina.anastasia@gmail.com

Dmitry Grigoryev, PhD in Psychology, Research Fellow, Center of Socio-Cultural Research, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4511-7942>, e-mail: dgrigoryev@hse.ru

Получена 23.07.2021

Received 23.07.2021

Принята в печать 28.01.2022

Accepted 28.01.2022

Роль ценностей в приверженности молодежи различным видам социальной активности

Шамионов Р.М.

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (ФГБОУ ВО СГУ),

г. Саратов, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8358-597X>, e-mail: shamionov@mail.ru

Бочарова Е.Е.

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (ФГБОУ ВО СГУ),

г. Саратов, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7814-1581>, e-mail: bocharova-e@mail.ru

Невский Е.В.

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (ФГБОУ ВО СГУ),

г. Саратов, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6785-827X>, e-mail: nevskye00@gmail.com

Цель. Выявить роль ценностей в приверженности различным видам социальной активности.

Контекст и актуальность. Социальная активность молодежи является драйвером развития общества. Она содержит весьма различные инициативы – от гражданских, политических и экономических до субкультурных и радикально-протестных. Важнейшей задачей является изучение ценностных факторов приверженности личности к различным формам активности. Такое научное знание позволит установить особенности ценностной регуляции активности.

Дизайн исследования. Изучалась связь между ценностями и приверженностью к различным видам социальной активности. Наличие и характер взаимосвязи зафиксированы посредством корреляционного и регрессионного анализов.

Участники. 500 жителей России (средний возраст 21,6; 35,5% мужчин, 64,5% женщин).

Методы (инструменты). Анкета, включающая 18 вопросов-шкал, содержательно описывающих формы социальной активности (Шамионов Р.М. и др.), с последующей факторизацией полученных данных, на основе которой выведены «новые» переменные гражданской, протестной, интернет-сетевой и досуговой активности; «Портретный ценностный опросник» Ш. Шварца (PVQ-R2) с фиксацией 19 базовых ценностей.

Результаты. Различные формы социальной активности молодежи образуют 4 укрупненные группы (вида) на основании факторного анализа: гражданская, протестная, досуговая и интернет-сетевая. Наиболее выражены приверженность молодежи к досуговой и интернет-сетевой активности. Взаимосвязи видов активности и ценностей охватывают все секторы кругового мотивационного континуума ценностей Ш. Шварца. Ценности объясняют от 22% до 8% дисперсии разных видов социальной активности.

Основные выводы. Наиболее важными прогностическими ценностями являются ценности традиций и заботы о природе при низкой выраженности ценности общественной безопасности (гражданская активность); универсализма-заботы, власти при низкой выраженности ценностей безопасности общественной и благожелательности-заботы (протестная

активность); ценность стимуляции, традиции и благожелательности-заботы (досуговая); ценности самостоятельность-поступки, власть-ресурсы при низкой выраженности традиций (интернет-сетевая).

Ключевые слова: личность, социальная активность, формы, виды активности, ценности, ценности личностного фокуса, ценности социального фокуса.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 18-18-00298.

Для цитаты: Шамионов Р.М., Бочарова Е.Е., Невский Е.В. Роль ценностей в приверженности молодежи различным видам социальной активности // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 1. С. 124–141. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2022130108>

The Role of Values in the Commitment of Young People to Various Types of Social Activity

Rail M. Shamionov

Saratov State University (SSU), Saratov, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8358-597X>, e-mail: shamionov@mail.ru

Elena E. Bocharova

Saratov State University (SSU), Saratov, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7814-1581>, e-mail: bocharova-e@mail.ru

Egor V. Nevsky

Saratov State University (SSU), Saratov, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6785-827X>, e-mail: nevskye00@gmail.com

Objective. *To identify the role of values in commitment to various types of social activity.*

Background. *The social activity of young people is the driver of the development of society. It contains very different initiatives – ranging from civil, political and economic to subcultural and radical protest. The most important task is to study the value factors of a person's commitment to various forms of activity. Such scientific knowledge will allow us to establish the features of the value regulation of activity.*

Study design. *The relationship between values and commitment to various forms of social activity. The presence and peculiarities of the relationship were recorded through correlation and regression analyses.*

Participants. *500 residents of Russia (average age $M=21,6$; 35,5% men, 64,5% women).*

Measurements. *A questionnaire was applied, including 18 scale questions, meaningfully describing the forms of social activity (Shamionov R.M., & et al.), followed by factorization of the data obtained, on the basis of which “new” variables of civil, protest, Internet-network and leisure activity were derived; “Portrait value questionnaire” Sh. Schwartz (PVQ-R2) with fixation of 19 basic values.*

Results. *Various forms of social activity of young people form 4 enlarged groups (types) based on factor analysis: civil, protest, leisure and Internet network. The commitment of young people to leisure and Internet network activity is most pronounced. The interrelationships of types of activity and values cover all sectors of the circular motivational continuum of values. Schwartz. Values explain from 22% to 8% of the variance of different types of social activity.*

Conclusions. *The most important prognostic values are the values of traditions and care for nature with low expression of the value of public safety (civic activity); universalism-care, power with low*

expression of the values of public safety and benevolence-care (protest activity); the value of stimulation, tradition and benevolence-care (leisure); values of independence-actions, power-resources with low expression of traditions (Internet-network).

Keywords: *personality, social activity, forms, types of activity, values, values of personal focus, values of social focus.*

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 18-18-00298.

For citation: Shamionov R.M., Bocharova E.E., Nevsky E.V. The Role of Values in the Commitment of Young People to Various Types of Social Activity. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 1, pp. 124–141. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2022130108> (In Russ.).

Введение

В условиях реформирования современного российского общества пристальное внимание ученых и практиков сосредоточено на изучении социальной активности, факторов и механизмов ее актуализации. Объяснением тому является признание социальной активности личности (группы) в качестве значимого ресурса не только личного [1; 2; 15], но и социального развития [3; 16; 21]. Особая роль в этом отводится молодежи как наиболее динамичной, творческой и активной части населения. Благодаря этим характеристикам она может стать проводником передовых идей развития общества или разрушительных для общественной стабильности и безопасности действий. Поэтому в раскрытии психологического ресурса социальной активности особое значение приобретает ценностная сфера личности (группы) как предельно обобщенный социальный опыт, «приобретаемый» в процессе социального онтогенеза [3; 16; 21; 30]. Ценности являются регуляторами социального поведения. Их качественное своеобразие, изменения являются основаниями социальной активности личности. Поэтому актуальными становятся исследования специфики ценностной детерминации тех или иных видов активности. Такое научное знание позволит выяснить ха-

актер ценностной регуляции активности и прогнозировать ее изменения.

Отметим, что ценности, определяющие ведущую направленность личности, раскрывают систему актуализации ее социальной активности. Признаем, что доминирующие ценности, их конфигурация определяют «смысловое поле» приложения социальной активности личности [13], реализация которой происходит в процессе социальных взаимодействий и направлена на самоизменение и преобразование действительности в соответствии с собственными потребностями и требованиями общества [22].

В большинстве случаев направленность современных исследований связана с изучением ценностной обусловленности наиболее типичных для определенного возраста форм взаимодействия человека с миром в контексте пространства социального бытия [3; 20; 22]; наиболее типичных для человека форм активности в контексте ее (ценностной) субъективной иерархии [4; 8; 16]; конкретной формы активности субъекта релевантной ей деятельности [2; 7; 8; 9; 29]. Полагаем, что объяснительный потенциал ценностной детерминации социальной активности личности определяется тем, что ценности, характеризующиеся как трансситуативные цели, различающиеся по значимости и выступающие в качестве руководящих прин-

ципов в жизни людей [25], являются предикторами креативности и творческой продуктивности [32; 34] преобразования действительности в разных практиках социального бытия.

Важным обстоятельством социальной активности является ее множественный характер, сочетание различных ее форм придает значительную сложность реализуемой активности. Это сочетание образует виды активности, объединяющие различные ее формы по принципу совместной изменчивости, т.е. связанные друг с другом, в результате чего повышение или снижение приверженности к одним ведет к повышению или снижению приверженности к другим формам. Поэтому изучение ценностных факторов приверженности молодежи к различным видам (сочетанным формам) социальной активности позволит выяснить внутренние мотивационные характеристики, особенности ценностной регуляции активности и наметить ряд мер по вовлечению молодежи в различные формы гражданского участия, творчества и просоциальной активности.

Цель исследования заключается в выявлении ценностных факторов приверженности молодежи различным видам социальной активности.

Задачи исследования:

1. Выявить основные виды социальной активности молодежи, организованные по принципу совместной изменчивости ее форм на основе факторного анализа.

2. Провести корреляционный анализ приверженности к различным видам социальной активности и ценностей.

3. На основе регрессионного анализа выявить основные ценностные предикторы приверженности различным видам социальной активности.

В исследовании протестированы следующие гипотезы:

H1. Формы социальной активности образуют отдельные неравновесные виды, которые можно вывести путем факторизации.

H2. Разные виды социальной активности связаны с разными ценностями, относящимися к определенным областям.

H3. Ценности играют значимую роль в активности молодежи и в различной степени объясняют вариации видов активности.

Метод

Выборку исследования составили 500 жителей России в возрасте 16–35 лет ($M=21,6$; $SD=5,6$) — 35,5% мужчин, 64,5% женщин, проживающих в селе — 11,2%, малом городе — 25,7%, большом городе — 57,9%, мегаполисе — 5,2%. Выборка формировалась простым рандомизированным способом.

Методики. Для реализации цели исследования применена анкета, включающая 12 вопросов-шкал, содержащих описывающих формы социальной активности (альтруистическая, досуговая, социально-политическая, интернет-сетевая, гражданская, социально-экономическая, образовательно-развивающая, духовная, религиозная, протестная, радикально-протестная, субкультурная) [23], перечень которых уточнен и дополнен этими же авторами для проведения последующих исследований 6 шкалами (спортивно-оздоровительная, культурно-массовая, семейно-бытовая, экологическая, интернет-поисковая, профессиональная). Респондентам предлагалось оценить свою активность по 5-балльной шкале Лайкерта (от 1 — «практически никогда» до 5 — «постоянно»).

Примеры содержания пунктов:

1) Интернет-поисковая активность (поиск новостной информации, познавательной информации, поиск аналитической информации на актуальные темы, поиск единомышленников для общения, виртуальные экскурсии и др.).

2) Экологическая активность (действия, направленные на сохранение природы, бережное пользование биоресурсами (например, водой), отказ от загрязняющих природу продуктов промышленности (например, пластиковых пакетов) и др.).

Проведенный психометрический анализ показал, что интегральная шкала активности приемлемо согласована при удалении пункта Альфа Кронбаха=0.82-0.84.

Для изучения выраженности индивидуальных ценностей применен «Портретный ценностный опросник» Ш. Шварца (PVQ-R2) [24], основанный на его уточненной теории базовых индивидуальных ценностей. Методика позволяет зафиксировать оценки значимости 19 базовых ценностей и включает 57 утверждений — портретных описаний (например, «Для него важно расширять свой кругозор»), степень сходства каждого из которых с собственными чертами респонденту предлагалось оценить по 6-балльной шкале (от «совсем не похож на меня» до «очень похож на меня»). Респонденты также указывали возраст и пол, место проживания.

Опрос респондентов проводился в режиме онлайн с использованием Google-форм, без контакта с интервьюером. Среднее время заполнения опросника составило 30 минут. Исследование было анонимным и добровольным.

Первичные данные исследования обрабатывались посредством процедур математической статистики: описательная статистика; сравнительный анализ (t-критерий Стьюдента); корреляционный анализ (r-Pearson); факторный

анализ с использованием процедуры Varimax (по методу главных компонент), позволяющий классифицировать отдельные формы социальной активности в группы (факторы), которые интерпретируются как причина совместной изменчивости (корреляции) групп переменных [14, с. 270]; множественный регрессионный анализ (шаговый метод), с помощью которого установлен удельный вес, «вклад» независимых переменных (ценностей) в дисперсию зависимой переменной (видов социальной активности) [14, с. 242]. Статистическая обработка осуществлялась с применением статистического программного комплекса IBM SPSS Statistics + PS IMAGO PRO.

Результаты

Факторизация переменных социальной активности с использованием процедуры варимакс-вращения (varimax-raw) позволила выделить новые переменные (латентные факторы), характеризующие различные виды (укрупненные группы форм) активности: гражданскую ($\alpha=0,79$), протестную ($\alpha=0,79$), досуговую ($\alpha=0,62$), интернет-сетевую ($\alpha=0,70$). Четырехфакторное решение является наиболее оптимальным, охватывает 60,9% общей дисперсии (табл. 1).

Первый фактор «Гражданская активность» (информативность — 21,4%) имеет наиболее высокую корреляцию с такими референтными переменными, как альтруистическая деятельность, религиозная активность, образовательно-развивающая активность, социально-политическая активность, экологическая активность. *Второй фактор* «Протестная активность» (16,1% объясненной дисперсии) отличается взаимосвязью переменных: радикально-протестная активность, суб-

Таблица 1

Факторная структура взаимосвязей переменных социальной активности

Переменные	Факторы			
	1	2	3	4
Гражданская активность	0,76			
Альтруистическая деятельность	0,73			
Социально-политическая активность	0,67			
Религиозная активность	0,63			
Образовательно-развивающая активность	0,62			
Экологическая активность	0,59			
Радикально-протестная активность		0,85		
Протестная активность		0,84		
Субкультурная активность		0,78		
Досуговая активность			0,74	
Спортивно-оздоровительная активность			0,74	
Семейно-бытовая активность			0,50	
Культурно-массовая активность			0,48	
Интернет-поисковая активность				0,87
Интернет-сетевая активность				0,80
Дисперсия, %	21,4	16,1	11,9	11,5

Примечание: 1 – фактор «Гражданская активность», 2 – фактор «Протестная активность», 3 – фактор «Досуговая активность», 4 – фактор «Интернет-сетевая активность».

культурная и социально-политическая активность. *Третий фактор* «Досуговая активность» (11,9%) представлен взаимосвязью таких референтных переменных, как спортивно-оздоровительная активность, семейно-бытовая и культурно-массовая активность. *Четвертый фактор* обозначен нами «Интернет-сетевая активность» (информативность – 11,5%) в соответствии с общим содержанием всех референтных переменных: интернет-сетевая и интернет-поисковая активность.

Согласно *описательной статистике*, соотношение выраженности параметров различных видов социальной активности свидетельствует о наибольшей выраженности досуговой, интернет-сетевой (табл. 2), что в целом характеризует предпочтения респондентов в инициации своей деятельности. Статистическая оценка различий

(по t-критерию Стьюдента) выраженности параметров социальной активности свидетельствует о паритетной выраженности досуговой и интернет-сетевой активности ($t=0,19$ при $p>0,05$), тогда как гражданская ($t_{г-п}=20,3$; $t_{г-д}=28,9$; $t_{г-и}=19,7$ при $p<0,001$) и протестная ($t_{п-д}=38,9$; $t_{п-и}=38,3$; $t_{п-г}=20,3$ при $p<0,001$) виды активности выражены в меньшей степени.

Результаты корреляционного анализа (r-Pearson) свидетельствуют о наличии 38 достоверно значимых взаимосвязей ценностей и видов социальной активности (табл. 2), что соответствует 50,0% от общего количества взаимосвязей исследуемых параметров.

Наибольшее количество достоверно значимых взаимосвязей (12 связей/31,6% от общего количества взаимосвязей) обнаружено между параметрами досу-

Первичные статистики и корреляции ценностей и видов активности

Показатели/описательные статистики/корреляции	М	SD	Гра	Пра	ДосА	ИнтА
Гражданская активность	2,39	0,81	1,00	0,50**	0,48**	0,21**
Протестная активность	1,66	0,81	0,50**	1,00	0,013**	0,17**
Досуговая активность	3,47	0,78	0,48**	0,13**	1,00	0,31**
Интернет-сетевая активность	3,48	1,12	0,21**	0,17**	0,31**	1,00
Самостоятельность-Мысли	4,71	0,87	-0,03	-0,18**	0,17**	0,16**
Самостоятельность-Поступки	4,82	0,87	0,01	-0,13**	0,21**	0,18**
Стимуляция	4,14	0,80	0,11*	0,00	0,23**	0,13**
Гедонизм	4,55	0,88	-0,08	-0,12*	0,18**	0,18**
Достижение	4,47	0,87	0,04	-0,06	0,19**	0,18**
Власть-Доминирование	3,36	1,05	0,04	0,18**	0,03	0,12*
Власть-Ресурсы	3,60	1,02	-0,06	0,07	0,09	0,17**
Репутация	4,48	0,96	0,02	-0,08	0,08	0,13**
Безопасность-Личная	4,59	0,87	0,10*	-0,10*	0,12**	0,05
Безопасность-Общественная	4,63	0,96	0,05	-0,19**	0,15**	0,04
Традиция	3,69	1,16	0,38**	-0,01	0,21**	-0,09
Конформизм-Правила	3,89	1,00	0,18**	-0,05	0,05	-0,09
Конформизм-Межличностный	3,95	1,06	0,15**	0,01	-0,01	-0,04
Скромность	3,74	0,90	0,20**	0,05	0,03	-0,05
Универсализм-Забота о других	4,17	1,00	0,32**	-0,01	0,14**	0,05
Универсализм-Забота о природе	4,61	0,93	0,12*	-0,06	0,09	0,05
Универсализм-Толерантность	4,38	0,95	0,14**	-0,03	0,12*	0,08
Благожелательность-Забота	4,91	0,90	0,09	-0,18**	0,20**	0,07
Благожелательность-Чувство долга	4,82	0,89	0,06	-0,15**	0,19**	0,14**

Примечание: М – среднее значение, SD – стандартное отклонение; * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$.

говой активности и ценностями: Самостоятельность-Мысли; Самостоятельность-Поступки; Стимуляция; Гедонизм; Достижение; Безопасность-Личная; Безопасность-Общественная; Традиция; Универсализм-Забота о других; Универсализм-Толерантность; Благожелательность-Забота; Благожелательность-Чувство долга.

Обнаружено 9 достоверно значимых взаимосвязей (23,7% от общего количества взаимосвязей) между параметрами интернет-сетевой активности и ценностями: Самостоятельность-Мысли; Самостоятель-

ность-Поступки; Стимуляция; Гедонизм; Достижение; Власть-Доминирование; Власть-Ресурсы; Репутация; Благожелательность-Чувство долга.

Между параметрами гражданской активности и ценностями обнаружено 9 достоверно значимых взаимосвязей (23,7% от общего количества взаимосвязей): Стимуляция; личностный фокус Безопасность-Личная; Традиция; Конформизм-Правила; Конформизм-Межличностный; Скромность; Универсализм-Забота о других; Универсализм-Забота о природе; Универсализм-Толерантность.

Достоверно значимые взаимосвязи (8 связей/21,05% от общего количества) обнаружены между параметрами протестной активности и ценностями: Самостоятельность-Мысли (связь отрицательная); Самостоятельность-Поступки (отрицательная связь); Гедонизм (связь отрицательная); Власть-Доминирование; Безопасность-Личная (связь отрицательная); Безопасность-Общественная (связь отрицательная); Универсализм-Забота о других; Благожелательность-Забота (связь отрицательная); Благожелательность-Чув-

ство долга (связь отрицательная). Обращает внимание факт наличия 7 отрицательных взаимосвязей из зафиксированных 8 связей.

Обилие корреляционных связей между выраженностью показателей видов (укрупненных групп форм) социальной активности и ценностей свидетельствует о прогностической перспективности регрессионного анализа.

В результате регрессионного анализа выявлены ценности, обуславливающие вариации показателей разных видов социальной активности.

Таблица 3

Итоговая регрессионная модель ценностной детерминации видов социальной активности

Ценности	Бета	t	p	ΔR^2
Гражданская активность				
Традиция	0,34	7,05	0,001	0,15
Универсализм-Забота о природе	0,31	5,73	0,001	0,04
Безопасность-Общественная	-0,19	-3,77	0,01	0,03
F=36,58, p<0,001, R ² =0,22				
Протестная активность				
Благожелательность-Забота	-0,19	-3,43	0,01	0,04
Власть-Доминирование	0,22	4,44	0,001	0,04
Безопасность-Общественная	-0,27	-3,99	0,01	0,01
Универсализм-Забота о других	0,16	2,29	0,05	0,02
Универсализм-Забота о природе	0,13	2,18	0,05	0,01
F=10,54, p<0,001, R ² =0,12				
Досуговая активность				
Стимуляция	0,22	4,42	0,001	0,09
Традиция	0,16	3,12	0,01	0,03
Благожелательность-Забота	0,13	2,54	0,01	0,02
F=20,46, p<0,001, R ² =0,14				
Интернет-сетевая активность				
Самостоятельность-Поступки	0,22	4,52	0,001	0,05
Власть-Ресурсы	0,13	2,64	0,01	0,02
Традиция	-0,12	-2,35	0,05	0,01
F=11,87, P<0,001, R ² =0,08				

Примечание: β – стандартизированный коэффициент регрессии; t-value – критерий, основанный на t распределении Стьюдента; p – уровень значимости; R² – коэффициент детерминации; F – критерий Фишера (оценка значимости модели регрессии в целом).

Из табл. 3 видно, что 22% вариаций *гражданской активности* объясняются ценностями Традиции, Универсализм-Забота о других (положительно) и Безопасность-Общественная (отрицательно). Ряд ценностей (Универсализм-Забота, Безопасность-Общественная (отрицательно) и Власть-Доминирование, Универсализм-Забота о природе, Универсализм-Забота о других (положительно)) объясняют 12% вариаций *протестной активности*. В соответствии с полученными данными, 14% вариаций *досуговой активности* объясняются ценностями Стимуляция, Традиции, Благожелательность-Забота. Небольшое количество вариаций (8%) *интернет-сетевой активности* объясняется значимостью ценностей Самостоятельность-Поступки, Власть-Ресурсы, Традиции.

Обсуждение результатов

Данные факторного анализа позволили выделить 4 упорядоченных множества переменных по степени выраженности их преимуществ, оценивающие приверженность к гражданской, досуговой, интернет-сетевой и протестной активности и включающие констелляцию переменных разных форм социальной активности. При этом изменчивость выраженности хотя бы одной из переменных предпочитаемых форм активности может приводить к порождению разнонаправленных эффектов их проявления и расширению пространства инициатив [1]. Так, к примеру, согласно данным табл. 1, гражданскую активность можно рассматривать как констелляцию множества переменных активности, направленных на реализацию гражданского участия, включая образовательную, социально-политическую, религиозную,

альтруистическую, экологическую. Наличие в этом факторе образовательной и религиозной активности вовсе неслучайно, поскольку образование нацелено на воспитание/формирование/усвоение гражданской позиции и гражданской активности, а религиозная активность предполагает элементы гражданского участия, поскольку в соответствии с ее канонами предписано помогать нуждающимся, заботиться о природе и, кроме того, она становится институтом гражданского общества, а религиозность связана с гражданской идентичностью [32]. Иначе говоря, реализация социальной активности может осуществляться в полинаправленных формах [22].

Заметим, что возможное объяснение приверженности молодых людей к реализации *гражданской, досуговой, интернет-сетевой и протестной* социальной активности связано с процессуальными и результативными «эффектами» личностного и социального самоопределения молодых людей [23] в сферах деятельности, отличающихся субъективной значимостью [2; 6; 25].

Согласно данным корреляционного анализа, в реализации *гражданской активности* молодые люди в большей мере ориентированы на ценности личностного фокуса, содержание которых характеризуется принятием идей инновационного развития общества, но также демонстрируют при этом приверженность ценностям социального фокуса — ценности Традиции, обеспечивающей преемственность сохранения исторически оправдавших себя социокультурных достижений человечества, и ценности Безопасности, обеспечивающей социально-нормативную регуляцию активности. Ориентация на ценности социального фокуса (Универсализм: Забота о других, Забота о природе; Толерантность) в реализации

гражданских инициатив свидетельствует о стремлении к преодолению личных интересов ради Других, к безопасности общества в целом, а также о готовности к «согласованному» социальному взаимодействию с Другими. Эти данные вполне согласуются с исследованиями, в которых показано, что соотношение ценностей Стимуляция и Традиции, скорее всего, не есть противопоставление, а есть выражение «ценностной преемственности прошлого-настоящего-будущего» или «позитивная взаимозависимость» в терминологии М. Рохан (M.J. Rohan) [30]. Полагаем, что подобное соотношение ценностей личностной и социальной ориентации свидетельствует о том, что гражданская активность молодежи реализуется на основе творческого «воспроизведения», усвоенного в процессе социализации социального опыта, норм, ценностей. В ряде работ отечественных исследователей [3; 12; 15; 20 и др.] неоднократно было отмечено, что воспроизведение усвоенного содержания социального опыта, ценностей и норм предполагает активность личности в их преобразовании и реализации, что приводит не только к «обогащению» ее системы социальных связей и отношений, но и к ее продвижению на новую ступень социального развития.

Ценностным основанием реализации *интернет-сетевой активности* выступают ценности преимущественно личностного фокуса, содержание которых выражается в стремлении принятия перемен и проявления свободы творчества (Самостоятельность: Мысли, Поступки; Стимуляция), достижения успеха в соответствии с социальными стандартами (нормами), признания (Достижение; Власть: Доминирование, Ресурсы; Репутация) и эмоциональной насыщенности своей жизни, удовольствия (Гедонизм).

Заметим, что констелляция ценностей личностного фокуса (Самоутверждение) может быть контекстуально обусловлена культурно-исторической ценностью российского общества — «Забота о ближнем» [28]. В ряде работ современных ученых [10; 18] зафиксирован рост ценности блогов «Самоутверждение» и «Открытость к изменениям» в прямой взаимосвязи с активностью использования интернета, характеризующего, прежде всего, интернет-активность россиян, нежели представителей западноевропейских стран [18], спецификация которых находит выражение в большей мере в просоциальных формах интернет-активности, чем в повседневной жизни вне Сети [10; 31].

Примечательно, что в реализации *досуговой активности* молодые люди ориентированы и на ценности личностного фокуса, содержание которых выражается в стремлении проявления свободы творчества, позитивных переживаний, к реализации своего потенциала и признанию своих достижений (Самостоятельность: Мысли, Поступки; Стимуляция; Гедонизм; Достижение), не исключая при этом ценность просоциальных форм досуга и самоограничения (Безопасность: Личная; Общественная; Традиция; Универсализм: Забота о других; Толерантность; Благожелательность: Забота; Чувство долга). По мнению некоторых авторов [7; 8; 21], предпочтение досуговой активности во многом определяется возможностью самореализации без ущерба собственной безопасности, а также семьи и ближайшего окружения. При этом авторы исследований отмечают заинтересованность студенческой молодежи в реализации досуговой деятельности развлекательного характера, чем «созидательной» (рукоделие и творчество).

Протестная активность является наиболее противоречивой с точки зре-

ния ценностной детерминации: имеется взаимосвязь с ценностями личностного фокуса (Власть-Доминирование (положительно), Самостоятельность-Мысли, Самостоятельность-Поступки, Гедонизм (отрицательно) и социального фокуса (Безопасность: Личная, Безопасность Общественная; Благожелательность-Забота, Чувство долга; Универсализм-Забота о других — отрицательно). Инициацию деятельности, направленной на преобразование общества и выражение своей и коллективной гражданской позиции по вопросам общественной жизни, можно наблюдать в случае приверженности ценностям Самоутверждения, содержание которых описывается исследователями как стремление к личному успеху и доминированию, пренебрегая зачастую интересами Других [24; 34]. В ряде работ отечественных [4; 9; 11; 15; 17; 27 и др.] и зарубежных [26; 29 и др.] исследователей показано, что люди, отличающиеся стремлением к власти, особое значение придают самопрезентации в поисках подтверждения окружающими собственного Я, вероятно, выражением которой и является протестная активность. Вполне очевидно, что актуализация протестной активности молодых людей в большей мере обусловлена эгоистическими побуждениями.

Однако обращает внимание и тот факт, что ценности Самоутверждение vs Самопреодоление, Сохранение [24] находятся на противоположных полюсах континуума ценностей, и весьма вероятно, что одновременная активизация конфликтующих ценностей специфицирует их связи с протестной активностью. Можно полагать, что инициация протестной активности обусловлена ценностями личностного фокуса, а ее регламентация — ценностями социального фокуса.

Согласно данным регрессионного анализа, в предикции *гражданской активно-*

сти обнаружены противоположно направленные векторы ценностей социального фокуса: Традиции, Универсализм-Забота о других и Общественная безопасность. Несмотря на, казалось бы, просоциальность гражданской активности, ценность общественной безопасности в регрессионной модели имеет отрицательное значение. Это значит, что значимость общественной безопасности подрывает гражданскую активность. Возможно, в этом и заключается риск гражданской активности, в рамках которой ценность общественной безопасности не является приоритетной.

В предикции *протестной активности* зафиксирована дифференциация функционального проявления ценностей личностного и социального фокуса. Предикторами актуализации протестных инициатив выступают ценности личностного фокуса (Власть-Доминирование) и социального фокуса (Универсализм: Забота о других, Забота о природе). Предикторами ограничения протестной активности выступают ценности социального фокуса (Благожелательность-Забота, Общественная безопасность). Не вызывает удивления наличие в регрессионной модели протестной активности отрицательных значений ценности Общественной безопасности и ценности Благожелательности-Заботы, сочетающихся с Универсализмом и ценностью Власти-Доминирования. Эти данные свидетельствуют в пользу того, что лица, приверженные к протестной активности, преследуют цели установления равенства и справедливости, власти как контроля над людьми, при этом ни безопасность общественная, ни благополучие общества значения не имеют. Исходя из результатов ранее проведенных исследований, гражданская идентичность, связанная с ценностью Общественной безопасности, является отрицательным предиктором протестной активности [9; 33].

В предикции *досуговой активности* зафиксированы ценности личностного фокуса (Стимуляция) и социального фокуса (Традиции, Благожелательность-Забота), свидетельствующие о стремлении к новизне, переменам, в то же время оставаясь в рамках традиций и стремления к благополучию референтных групп. Эти данные согласуются с исследованиями, в которых установлена связь нормативного социального поведения молодежи с ориентацией на ценности традиций [21; 23].

Наконец, небольшая доля дисперсии интернет-сетевой активности (8%) объясняется значимостью ценностей свободы собственных действий, власти как контроля за материальными и социальными ресурсами и низкой выраженностью ценностей традиции. Иначе говоря, в реализации интернет-сетевой активности молодые люди ориентированы на проявление конкурентоспособности в достижении существенных результатов, не пренебрегая при этом возможностями оказания влияния путем контроля над социальными или материальными ресурсами. Вместе с тем стремление к поддержке традиций — религиозных или семейных — снижает приверженность к данному виду активности. Полученные данные отчасти согласуются с результатами ряда исследований, в которых показано, что в традиции российской культуры состоятельность в большей степени связана с коллективистскими ценностями [5; 23], но при этом приверженность к интернет-сетевой активности отрицательно связана с гражданской идентичностью [21; 23; 28; 32; 33 и др.]. Поэтому неудивительно, что интернет-сетевая активность обусловлена ценностями личной свободы и отрицательно регулируется ценностями сохранения, ибо последние связаны с гражданской идентичностью.

Выводы

1. В результате факторного анализа выделены четыре вида (укрупненные группы форм) социальной активности, характеризующихся совместной изменчивостью ее форм: гражданская (альтруистическая деятельность, религиозная активность, образовательно-развивающая активность, социально-политическая активность, экологическая активность), протестная (радикально-протестная активность, субкультурная и социально-политическая активность), досуговая (спортивно-оздоровительная активность, семейно-бытовая и культурно-массовая активность) и интернет-сетевая (интернет-сетевая, интернет-поисковая) активность. Молодежь демонстрирует более высокий уровень приверженности досуговой и интернет-сетевой активности.

2. В результате корреляционного анализа переменных установлено, что различные виды социальной активности молодежи связаны с ценностями, относящимися к разным мотивационным направлениям. Гражданская активность связана с ценностями социального фокуса (сохранения и самоопределения); интернет-сетевая активность — с ценностями личностного фокуса (открытости изменениям и самоутверждения); протестная активность — с *отрицательными полюсами* ценностей, относящихся к разным мотивационным областям по преимуществу личностного фокуса (самостоятельность, безопасность, благожелательность); досуговая активность связана с ценностями преимущественно социального фокуса и отчасти — личностного (открытости изменениям).

3. Роль ценностей в приверженности различным видам социальной активности неоднозначна. В результате регрессион-

ного анализа установлено, что ценностями объясняется от 8% до 22% дисперсии различных видов социальной активности молодежи. Наиболее важными прогностическими ценностями для гражданской активности являются ценности традиций и заботы о природе при низкой выраженности ценности общественной безопасности; для протестной активности — ценности равенства и справедливости, сохранения среды, власти при низкой выраженности ценностей безопасности общественной и благополучия группы; для досуговой активности — стремление к новизне (стимуляция), традициям и благополучию группы; для интернет-сетевой активности — ценности свободы собственных действий, власти как контроля за ресурсами при низкой выраженности ценности традиций.

Значение данного исследования для социальной практики заключается в возможности использования его результатов в реализации задач развития гражданского общества, формирования социальной ответственности личности в рамках реализации своей активности, а также риск-менеджмента социальной активности. Важным результатом стало установление видов активности, характеризующих ее полинаправленность. Ценностная детерминация этих видов позволяет понять основную их мотивационную направленность. Наличие дифференциации видов активности и ценностных детерминант свидетельствует о достаточно значимой поляризации молодежи. Требуются дальнейшие

исследования, направленные на оценку личностных эффектов самой социальной активности, когда она становится «социальной ситуацией развития и межличностной ситуацией развития» для личности [19]. Это требует оценки также характера идентификации с различными группами-субъектами социальной активности, а также конкретными личностями, реализующими ее. Кроме того, перспективы исследования связаны и с анализом социального доверия как значимого фактора приверженности различными видам активности. Особенно это может быть значимо для гражданской и социально-политической активности.

Ограничения исследования

Основным ограничением данного исследования является отсутствие данных о субъективных причинах, ситуативных мотивах приверженности или отказа от конкретных форм социальной активности. Вместе с тем соотношение приверженности к активности с ценностями позволяет выяснить значимые цели, обладающие мотивационной силой [13], объясняющие вариации определенных форм активности. Ограничением исследования является также качество выборки и невысокая доля жителей мегаполисов, что ограничивает применимость некоторых результатов (например, относительно возможно более сильной роли ценностей универсализма).

Литература

1. *Абульханова-Славская К.А.* Типология активности личности // Психол. журн. 1985. Т. 6. № 5. С. 3—18.
2. *Арендачук И.В.* Субъектно-деятельностные детерминанты образовательно-развивающей активности учащейся молодежи // Образование и саморазвитие. 2020. Т. 15. № 2. С. 103—119. DOI:10.26907/esd15.2.09

3. Балабанова Е.С. Социально-психологический подход к исследованию социальной активности молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 3. С. 210–223. DOI:10.17805/zpu.2018.3.19
4. Баранова Г.В. Специфика социально-политической активности в социально-экономической сфере общественной жизни // Социальная политика и социальное партнерство. 2020. № 6. С. 32–39. DOI:10.33920/pol-01-2006-04
5. Бочарова Е.Е. Регулятивные и мировоззренческие факторы различных форм социальной активности молодежи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7. Вып. 4. С. 333–345. DOI:10.18500/2304-9790-2018-7-4-333-345
6. Бочарова Е.Е. Типичные сферы проявления социальной активности современной молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 3. С. 359–376. DOI:10.22363/2313-1683-2019-16-3-359-376
7. Ваганова А.Р. Предпочитаемые формы досуга студенческой молодежи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2017. Т. 6. Вып. 2(22). С. 164–167. DOI:10.18500/2304-9790-2017-6-2-164-167
8. Воробьева А.Е., Акбаров А.А. Личностные факторы досуговой активности молодежи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 1. С. 55–64. DOI:10.18384/2310-7235-2020-1-55-64
9. Гусейнов А.Ш., Рябикина З.И., Фоменко Г.Ю., Шиповская В.В. Феномен протестной активности личности: субъектно-бытийная интерпретация // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 4. С. 78–96. DOI:10.21702/rpj.2017.4.4
10. Ефремова М.В., Бульцева М.А. Взаимосвязь индивидуальных ценностей и просоциального поведения в онлайн- и офлайн-контекстах // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 1. С. 107–126. DOI:10.17759/sps.2020110107
11. Кленова М.А. Протестная активность и ее психологическое содержание в контексте социально-политической активности молодежи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т. 8. Вып. 4. С. 362–367. DOI:10.18500/2304-9790-2019-8-4-362-367
12. Куррейченко А.Б., Моисеев А.С. Анализ значимости сфер жизни и направлений жизнедеятельности представителей современного городского среднего класса // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 4. С. 204–209.
13. Леонтьев Д.А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1996. № 4. С. 35–44.
14. Наследов А. IBM SPSS Statistics 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных. СПб: Питер, 2013. 416 с.
15. Попова С.Ю., Селезнева А.В. Социальная активность молодежи: состояние проблемы и перспективы развития // Образование личности. 2018. № 2. С. 96–103.
16. Сохадзе К.Г. Социальная активность российской молодежи: масштабы и факторы сдерживания // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2017. Т. 17. № 3. С. 348–363. DOI:10.22363/231322722017173348363
17. Селезнева А.В., Зиненко В.Е. Политическая активность российской молодежи: современные тенденции развития // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 18.02.2021).
18. Татарко А.Н., Миронова А.А., Макласова Е.В. Индивидуальные ценности и активность использования интернета: сопоставление России и Европейских стран // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 4. С. 77–95. DOI:10.17759/sps.2019100406
19. Толстых Н.Н. Социальная психология развития: интеграция идей Л.С. Выготского и А.В. Петровского // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 1. С. 25–34. DOI:10.17759/chp.2020160103

20. Хрипкова Д.В., Начкебия М.С., Реутова М.Н., Хрипков К.А. Ценностные основания гражданской активности: социологический анализ // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6. № 4. С. 55–68. DOI:10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-4
21. Федотова В.А. Ценности россиян в контексте возрастных различий // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 1. С. 78–86. DOI:10.17072/2078-7898/2017-1-78-86
22. Шамионов Р.М. Социальная активность личности и группы: определение, структура и механизмы // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 4. С. 379–394. DOI:10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394
23. Шамионов Р.М., Григорьева М.В., Арендачук И.В., Бочарова Е.Е., Усова Н.В., Кленова М.А., Шаров А.А., Заграничный А.И. Психология социальной активности. М.: Перо, 2020. 200 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44521792> (дата обращения: 18.02.2021).
24. Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 43–70.
25. Vocharova E.E. Typical dynamic peculiarities of the spheres of manifestation of social activity among student youth // Trends in the Development of Psycho-Pedagogical Education in the Conditions of Transitional Society (ICTDPP-2019). SHS Web of Conferences. 2019. Vol. 70. P. 08009. DOI:10.1051/shsconf/20197008009
26. Caprara G.V., Schwartz S., Capanna C., Vecchione M., Barbaranelli C. Personality and Politics: Values, Traits, and Political Choice // Political Psychology. 2006. No. 27. P. 1–28. DOI:10.1111/j.1467-9221.2006.00447.x
27. Klenova M.A. Social and political activity of youth: the content and social and psychological characteristics // SHS Web Conf. Trends in the Development of Psycho-Pedagogical Education in the Conditions of Transitional Society (ICTDPP-2019). 2019. Vol. 70. P. 06003. DOI:10.1051/shsconf/20197006003
28. Magun V., Rudnev M., Schmidt P. A Typology of European Values and Russians' Basic Human Values // Sociological Research. 2017. Vol. 56. No. 2. P. 149–180. DOI:10.1080/10610154.2017.1358029
29. Myszka-Strychalska L. Znaczenie poczucia sprawstwa w procesie aktywności i partycypacji społecznej młodzieży // Rocznik Pedagogiczny. 2020. No. 43. P. 37–61. DOI:10.2478/rp-2020-0003
30. Rohan M.J. A rose by any name? The values construct // Personality and Social Psychology Review. 2000. № 4. P. 255–277. DOI:10.1207/s15327957pspr0403_4
31. Sanderson R., McQuilkin J. Many kinds of kindness: the relationship between values and prosocial behaviour // Values and Behavior. Springer, Cham, 2017. P. 75–96.
32. Shamionov R.M. Socio-psychological factors of preferences regarding socio-economic and socio-political activity of the Russian provincial youth // Helix. 2019. Vol. 9(1). P. 4813–4817. DOI:10.29042/2019-4813-4817
33. Shamionov R.M. The Role of Civic Identity in the Preferences of Civil and Political Forms of Social Activity in Russian Youth // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 3. С. 459–472. DOI:10.22363/2313-1683-2020-17-3-459-472
34. Witte E.H., Stanciu A., Boehnke K. A new empirical approach to intercultural comparisons of value preferences based on Schwartz's theory // Frontiers in Psychology. 2020. Vol. 11. Article 1723. P. 1–18. DOI:10.3389/fpsyg.2020.01723

References

1. Abul'khanova-Slavskaya K.A. Tipologiya aktivnosti lichnosti [Typology of personality activity]. *Psichol. zhurn.*, 1985. Vol. 6, no 5. pp. 3–18.
2. Arendachuk I.V. Sub"ektno-deyatel'nostnye determinanty obrazovatel'no-razvivayushchei aktivnosti uchashcheisya molodezhi [Subject-activity determinants of educational and

- developmental activity of students]. *Obrazovanie i samorazvitie = Education and self-development*, 2020. Vol. 15, no 2, pp. 103–119. DOI:10.26907/esd15.2.09
3. Balabanova E.S. Sotsial'no-psikhologicheskii podkhod k issledovaniyu sotsial'noi aktivnosti molodezhi [Socio-psychological approach to the study of social activity of youth]. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*, 2018, no 3, pp. 210–223. DOI:10.17805/zpu.2018.3.19
 4. Baranova G.V. Spetsifika sotsial'no-politicheskoi aktivnosti v sotsial'no-ekonomicheskoi sfere obshchestvennoi zhizni [Specifics of socio-political activity in the socio-economic sphere of public life]. *Sotsial'naya politika i sotsial'noe partnerstvo = Social policy and social partnership*, 2020, no 6, pp. 32–39. DOI:10.33920/pol-01-2006-04
 5. Bocharova E.E. Regulyativnye i mirovozzrencheskie faktory razlichnykh form sotsial'noi aktivnosti molodezhi [Regulatory and ideological factors of various forms of social activity of youth]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya = Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2018. Vol. 7, no. 4, pp. 333–345. DOI:10.18500/2304-9790-2018-7-4-333-345
 6. Bocharova E.E. Tipichnye sfery proyavleniya sotsial'noi aktivnosti sovremennoi molodezhi [Typical spheres of manifestation of social activity of modern youth]. *Vestnik RUDN. Seriya: Psikhologiya i pedagogika = RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2019. Vol. 16, no. 3, pp. 359–376. DOI:10.22363/2313-1683-2019-16-3-359-376
 7. Vagapova A.R. Predpochitaemye formy dosuga studencheskoi molodezhi [Preferred forms of leisure for students]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya = Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2017. Vol. 6, no. 2(22), pp. 164–167. DOI:10.18500/2304-9790-2017-6-2-164-167
 8. Vorob'eva A.E., Akbarova A.A. Lichnostnye faktory dosugovoi aktivnosti molodezhi [Personal factors of leisure activity of youth]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki = Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Psychological Sciences*, 2020, no. 1, pp. 55–64. DOI:10.18384/2310-7235-2020-1-55-64
 9. Guseinov A.Sh., Ryabikina Z.I., Fomenko G.Yu., Shipovskaya V.V. Fenomen protestnoi aktivnosti lichnosti: sub"ektno-bytiinaya interpretatsiya [The phenomenon of protest activity of personality: subject-being interpretation]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal = Russian Psychological Journal*, 2017. Vol. 14, no. 4, pp. 78–96. DOI:10.21702/rpj.2017.4.4
 10. Efremova M.V., Bul'tseva M.A. Vzaimosvyaz' individual'nykh tsennostei i prosotsial'nogo povedeniya v onlain- i oflain-kontekstakh [Interrelation of individual values and prosocial behavior in online and offline contexts] *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2020. Vol. 11, no. 1, pp. 107–126. DOI:10.17759/sps.2020110107
 11. Klenova M.A. Protestnaya aktivnost' i ee psikhologicheskoe sodержanie v kontekste sotsial'no-politicheskoi aktivnosti molodezhi [Protest activity and its psychological content in the context of socio-political activity of youth]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya = Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2019. Vol. 8, no. 4, pp. 362–367. DOI:10.18500/2304-9790-2019-8-4-362-367
 12. Kupreichenko A.B., Moiseev A.S. Analiz znachimosti sfer zhizni i napravlenii zhiznedeyatel'nosti predstavitelei sovremennogo gorodskogo srednego klassa [Analysis of the significance of spheres of life and areas of activity of representatives of the modern urban middle class]. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*, 2010, no. 4, pp. 204–209.
 13. Leontev D.A. Ot sotsial'nykh tsennostei k lichnostnym: sotsiogenez i fenomenologiya tsennostnoi regulyatsii deyatelnosti [From social values to personal values: sociogenesis and phenomenology of value regulation of activity]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = Bulletin of the Moscow University. Series 14. Psychology*, 1996, no. 4, pp. 35–44.
 14. Nasledov A. IBM SPSS Statistics 20 i AMOS: professional'nyi statisticheskii analiz danykh [IBM SPSS Statistics 20 and AMOS: professional statistical analysis of data]. Saint-Petersberg: Piter, 2013. 416 p.

15. Popova S.Yu., Selezneva A.V. Sotsial'naya aktivnost' molodezhi: sostoyanie problemy i perspektivy razvitiya [Social activity of youth: the state of the problem and prospects of development]. *Obrazovanie lichnosti = Personality education*, 2018, no. 2, pp. 96–103.
16. Sokhadze K.G. Sotsial'naya aktivnost' rossiiskoi molodezhi: masshtaby i faktory sderzhivaniya [Social activity of Russian youth: scale and deterrence factors]. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya = RUDN Journal of Sociology*, 2017. Vol. 17, no. 3, pp. 348–363. DOI:10.22363/231322722017173348363
17. Selezneva A.V., Zinenko V.E. Politicheskaya aktivnost' rossiiskoi molodezhi: sovremennye tendentsii razvitiya [Political activity of Russian youth: modern development trends]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta = Bulletin of the Moscow State Regional University (electronic journal)*, 2020, no. 2. URL: www.evestnik-mgou.ru (Accessed 18.02.2021).
18. Tatarko A.N., Mironova A.A., Maklasova E.V. Individual'nye tsennosti i aktivnost' ispol'zovaniya interneta: sopostavlenie Rossii i Evropeiskikh stran [Individual values and Internet use activity: comparison of Russia and European countries]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and Society*, 2019. Vol. 10, no. 4, pp. 77–95. DOI:10.17759/sps.2019100406
19. Tolstykh N.N. Sotsial'naya psikhologiya razvitiya: integratsiya idei L.S. Vygotskogo i A.V. Petrovskogo [Social psychology of development: integration of the ideas of L.S. Vygotsky and A.V. Petrovsky]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural and historical psychology*, 2020. Vol. 16, no 1, pp. 25–34. DOI:10.17759/chp.2020160103
20. Khripkova D.V., Nachkebiya M.S., Reutova M.N., Khripkov K.A. Tsennostnye osnovaniya grazhdanskoi aktivnosti: sotsiologicheskii analiz [Value bases of civic activity: a sociological analysis]. *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie = Scientific result. Sociology and Management*, 2020. Vol. 6, no. 4, pp. 55–68. DOI:10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-4
21. Fedotova V.A. Tsennosti rossiyan v kontekste vozrastnykh razlichii [Values of Russians in the context of age differences]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya = Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*, 2017, no. 1, pp. 78–86. DOI:10.17072/2078-7898/2017-1-78-86
22. Shamionov R.M. Sotsial'naya aktivnost' lichnosti i gruppy: opredelenie, struktura i mekhanizmy [Social activity of an individual and a group: definition, structure and mechanisms]. *Vestnik RUDN. Seriya: Psikhologiya i pedagogika = RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2018. Vol. 15, no. 4, pp. 379–394. DOI:10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394
23. Shamionov R.M., Grigoryeva M.V., Arendachuk I.V., Bocharova E.E., Usova N.V., Klenova M.A., Sharov A.A., Zagranichnyi A.I. Psikhologiya sotsial'noi aktivnosti [Psychology of Personal Social Activity]. Moscow: Pero, 2020. 200 p. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44521792> (Accessed 18.02.2021).
24. Shvarts Sh., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. Utochnennaya teoriya bazovykh individual'nykh tsennostei: primeneniye v Rossii [Refined theory of basic individual values: application in Russia]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2012. Vol. 9, no. 1, pp. 43–70.
25. Bocharova E.E. Typical dynamic peculiarities of the spheres of manifestation of social activity among student youth. *Trends in the Development of Psycho-Pedagogical Education in the Conditions of Transitional Society (ICTDPP-2019)*. SHS Web of Conferences, 2019. Vol. 70, p. 08009. DOI:10.1051/shsconf/20197008009
26. Caprara G.V., Schwartz S., Capanna C., Vecchione M. & Barbaranelli C. Personality and Politics: Values, Traits, and Political Choice. *Political Psychology*, 2006, no. 27, pp. 1–28. DOI:10.1111/j.1467-9221.2006.00447.x
27. Klenova M.A. Social and political activity of youth: the content and social and psychological characteristics. *Trends in the Development of Psycho-Pedagogical Education in the Conditions of Transitional Society (ICTDPP-2019)*, SHS Web Conf. 2019. Vol. 70, p. 06003. DOI:10.1051/shsconf/20197006003

28. Magun V., Rudnev M., Schmidt P. A Typology of European Values and Russians' Basic Human Values. *Sociological Research*, 2017. Vol. 56, no. 2, pp. 149–180. DOI:10.1080/10610154.2017.1358029
29. Myszkka-Strychalska L. Znaczenie poczucia sprawstwa w procesie aktywności i partycypacji społecznej młodzieży. *Rocznik Pedagogiczny*, 2020, no. 43, pp. 37–61. DOI:10.2478/rp-2020-0003
30. Rohan M.J. A rose by any name? The values construct. *Personality and Social Psychology Review*, 2000, no. 4, pp. 255–277. DOI:10.1207/s15327957pspr0403_4
31. Sanderson R., McQuilkin J. Many kinds of kindness: the relationship between values and prosocial behavior. *Values and Behavior*. Springer, Cham, 2017, pp. 75–96.
32. Shamionov R.M. Socio-psychological factors of preferences regarding socio-economic and socio-political activity of the Russian provincial youth. *Helix*, 2019. Vol. 9, no. 1, pp. 4813–4817. DOI:10.29042/2019-4813-4817
33. Shamionov R.M. The Role of Civic Identity in the Preferences of Civil and Political Forms of Social Activity in Russian Youth. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2020. Vol. 17, no. 3, pp. 459–472. DOI:10.22363/2313-1683-2020-17-3-459-472
34. Witte E.H., Stanciu A., Boehnke K. A new empirical approach to intercultural comparisons of value preferences based on Schwartz's theory. *Frontiers in Psychology*, 2020. Vol. 11. Article 1723, pp. 1–18. DOI:10.3389/fpsyg.2020.01723

Информация об авторах

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (ФГБОУ ВО СГУ), г. Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8358-597X>, e-mail: shamionov@mail.ru

Боcharова Елена Евгеньевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии образования и развития, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (ФГБОУ ВО СГУ), г. Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7814-1581>, e-mail: bocharova-e@mail.ru

Неvский Егор Владимирович, лаборант-исследователь кафедры социальной психологии образования и развития, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (ФГБОУ ВО СГУ), г. Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6785-827X>, e-mail: nevskye00@gmail.com

Information about the authors

Rail M. Shamionov, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Social Psychology of Education and Development, Saratov State University (SSU), Saratov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8358-597X>, e-mail: shamionov@mail.ru

Elena E. Bocharova, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Social Psychology of Education and Development, Saratov State University (SSU), Saratov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7814-1581>, e-mail: bocharova-e@mail.ru

Egor V. Nevsky, researcher of the Department of Social Psychology of Education and Development, Saratov State University (SSU), Saratov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6785-827X>, e-mail: nevskye00@gmail.com

Получена 19.07.2021

Принята в печать 28.01.2022

Received 19.07.2021

Accepted 28.01.2022

Структура и мотивация социальной активности и ее соотношение с гражданским самосознанием молодежи

Григорьева М.В.

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»), г. Саратов, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2541-2186>, e-mail: grigoryevamv@mail.ru

Шаров А.А.

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»), г. Саратов, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0635-1413>, e-mail: sha555da@mail.ru

Заграничный А.И.

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»), г. Саратов, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1383-9430>, e-mail: zagr.93@inbox.ru

Цель. Изучение взаимосвязей форм социальной активности молодежи с феноменами гражданского самосознания, мотивации и социально-демографическими характеристиками.

Контекст и актуальность. Условия жизни и деятельности современной молодежи характеризуются многообразием социальной деятельности, возрастианием социальных контактов, в то же время трансформацией коммуникации, возрастанием количества ее виртуальных форм. Требуется научное осмысление и социально-психологический анализ структуры и мотивации социальной активности молодежи, ее соотношения с гражданским самосознанием.

Дизайн исследования. В работе изучались многочисленные взаимосвязи 18 форм социальной активности молодежи, предрасположенность к которым определялась самооценкой по авторским шкалам. Затем каждая форма социальной активности оценивалась респондентами на трех уровнях: 1) общения, обсуждения, организации; 2) индивидуальной реализации; 3) коллективного взаимодействия. Методом факторного анализа определялись и интерпретировались укрупненные группы социальной активности. Выявлялись мотивы социальной активности и проводился сравнительный анализ выраженности мотивов в группах мужчин и женщин. Взаимосвязи форм социальной активности молодежи и различных параметров гражданского самосознания, готовности к поддержке различных идей развития страны и региона проживания определялись корреляционным анализом. Все авторские шкалы прошли экспертную оценку социальными психологами и проверку на внутреннюю согласованность.

Участники. 764 респондента, средний возраст — 19,7 лет (64,5% женщин, 35,5% мужчин), 85% — не состоящих в браке. Проживающих в сельской местности — 6,1%, в малых городах — 19,3%, в больших городах (областных центрах) — 68,4% и 6,2% жителей мегаполиса. 77,7% имеют законченное среднее (школьное) образование, 7,6% — среднее профессиональное образование, 14,7% — высшее образование.

Методы (инструменты). Шкалы, направленные на измерение различных видов социальной активности (Р.М. Шамионов, М.В. Григорьева, И.В. Арендачук и др.). Авторские шкалы, направленные на изучение отдельных форм и уровней проявления социальной активности и выявление мотивации и гражданского самосознания молодежи.

Результаты. Структура социальной активности включает три уровня: 1) общения, обсуждения, организации; 2) индивидуальной реализации; 3) коллективного взаимодействия. На каждом из представленных уровней реализуются формы социальной активности, 18 наиболее важных из них — альтруистическая, досуговая, спортивно-оздоровительная, культурно-массовая, семейно-бытовая, экологическая, социально-политическая, интернет-сетевая, интернет-поисковая, гражданская, социально-экономическая, профессиональная, образовательно-развивающая, духовная, религиозная, протестная, радикально-протестная, субкультурная активность. В структуре социальной активности молодежи с учетом различных форм и уровней можно выделить 7 укрупненных групп, характеризующих виды социальной активности молодежи: 4 смешанных (Участие в коллективных субкультурно-протестных акциях, Обсуждение социально-политической и экономической активности для последующей индивидуальной реализации, Участие в коллективных экологическо-альтруистических акциях, Культурно-досуговая активность, связанная с индивидуальным образованием) и 3 однородных (Спортивно-оздоровительная, Семейно-бытовая и Религиозная). Среди мотивов социальной активности молодежи наиболее выражены мотивы познания нового и саморазвития. У женщин в большей степени, чем у мужчин, выражены мотивы уважения, любви и гармонии с другими. С увеличением возраста и уровня образования молодежи усиливается территориальная устойчивость как на уровне региона, так и на уровне страны.

Основные выводы. Различные формы социальной активности взаимосвязаны между собой, взаимодополняют и могут сочетаться и переходить друг в друга. Социальная активность молодежи положительно связана с гражданским самосознанием и региональной идентичностью. Среди мотивов социальной активности молодежи наиболее выражены мотивы познания нового и саморазвития.

Ключевые слова: социальная активность молодежи, структура, мотивация, гражданское самосознание.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 18-18-00298.

Для цитаты: Григорьева М.В., Шаров А.А., Заграничный А.И. Структура и мотивация социальной активности и ее соотношение с гражданским самосознанием молодежи // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 1. С. 142–158. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2022130109>

The Structure of Social Activity and its Correlation with the Civic Consciousness of Young People

Marina V. Grigoryeva

Saratov State University (SSU), Saratov, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2541-2186>, e-mail: grigoryevamv@mail.ru

Aleksei A. Sharov

Saratov State University (SSU), Saratov, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0635-1413>, e-mail: sha555da@mail.ru

Anton I. Zagranichniy

Saratov State University (SSU), Saratov, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1383-9430>, e-mail: zagr.93@inbox.ru

Objective. *Study of the relationship between the forms of social activity of young people with the phenomena of civic consciousness, motivation and socio-demographic characteristics.*

Background. *The living conditions and activities of modern youth are characterized by a variety of social activities, an increase in social contacts, at the same time, a transformation of communication, an increase in the number of its virtual forms. It requires scientific understanding and socio-psychological analysis of the structure and motivation of the social activity of young people, its relationship with civic consciousness.*

Study design. *The work studied the numerous interrelationships of 18 forms of social activity of young people, the predisposition to which was determined by self-esteem according to the author's scales. Then each form of social activity was assessed by the respondents at three levels: 1) communication, discussion, organization; 2) individual implementation; 3) collective interaction. The method of factor analysis was used to determine and interpret the enlarged groups of social activity. The motives of social activity were identified and a comparative analysis of the severity of motives in the groups of men and women was carried out. The relationship between the forms of social activity of young people and various parameters of civic consciousness and readiness to support various ideas for the development of the country and region of residence was determined by correlation analysis. All author's scales have been peer reviewed by social psychologists and tested for internal consistency.*

Participants. *764 respondents, average age 19.7 years (64.5% women, 35.5% men). 85% — unmarried, living in rural areas — 6.1%, in small towns — 19.3%, in large cities (regional centers) — 68.4% and 6.2% of megalopolis residents. 77.7% have completed secondary (school) education, 7.6% — secondary vocational education, 14.7% — higher education.*

Measurements. *Scales aimed at measuring various types of social activity (R.M. Shamionov, M.V. Grigoryeva, I.V. Arendachuk, etc.). Author's scales aimed at studying individual forms and levels of manifestation of social activity and identifying the motivation and civic consciousness of young people.*

Results. *The structure of social activity includes three levels: 1) communication, discussion, organization; 2) individual implementation; 3) collective interaction. At each of the presented levels, forms of social activity are realized, the most important of which are 18 — altruistic, leisure, sports and recreation, cultural, family and household, environmental, socio-political, Internet network, Internet search, civil, social economic, professional, educational and developmental, spiritual, religious, protest, radical protest, subcultural activity. In the structure of the social activity of young people, taking into account various forms and levels, 7 enlarged groups can be distinguished that characterize the types of social activity of young people: 4 mixed (Participation in collective subcultural protest actions, Discussion of socio-political and economic activity for subsequent individual implementation, Participation in collective environmental — altruistic actions, Cultural and leisure activities associated with individual education) and 3 homogeneous (Sports and recreational, Family and household and Religious). Among the motives of the social activity of young people, the motives for learning new things and self-development are most pronounced. Women, to a greater extent than men, express the motives of respect and love and harmony with others. With an increase in the age and educational level of young people, territorial stability increases, both at the regional and national levels.*

Conclusions. *Various forms of social activity are interconnected, complementary and can be combined and transformed into each other. Social activity of young people is positively associated with civic consciousness and regional identity. Among the motives of the social activity of young people, the most pronounced are the motives of learning new things and self-development.*

Keywords: *social activity of youth, structure, motivation, civic consciousness.*

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 18-18-00298.

For citation: Grigoryeva M.V., Sharov A.A., Zagranichnij A.I. The Structure of Social Activity and its Correlation with the Civic Consciousness of Young People. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 1, pp. 142–158. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130109> (In Russ.).

Введение

В настоящее время наблюдается рост числа исследований в рамках изучения психологических аспектов социальной активности молодежи. Актуальность изучения данного феномена обусловлена многообразием форм социальной деятельности, появлением различных их комбинаций, трансформацией коммуникации в плане применения информационно-коммуникативных средств в виртуальной среде и необходимостью научного осмысления и социально-психологического анализа феномена социальной активности, в частности, ее структуры и мотивации, а также соотношения с гражданским самосознанием молодежи.

Современными исследователями социальная активность понимается как сложный и многоаспектный системообразующий фактор, включающий в себя практически все проявления жизни в обществе [6; 10]. В понимании Р.М. Шамина, социальная активность — это не только факт проявления участия в различных сферах функционирующего социума и реализация социальных ролей, а, прежде всего, творческое, инициативное отношение к себе и различным сферам общественной жизни [13; 16]. Что касается обобщенного подхода к структуре социальной активности, то учеными выделяется несколько ее пластов: просоциальная [3; 4; 8; 9], девиантная [18; 19], реальная и виртуальная [2; 5; 20].

Совместно с другими исследователями нами были выделены 12 форм социальной активности (альтруистическая,

досуговая, социально-политическая, интернет-сетевая, гражданская, социально-экономическая, образовательно-развивающая, духовная, религиозная, протестная и радикально-протестная, субкультурная) [16], которые легли в основу ряда научных исследований: были выявлены деятельностные характеристики [1], социально-демографические [12] и ценностные [14] предикторы социальной активности молодежи, ее соотношение со склонностью к риску [15]. В дальнейшем количество шкал, измеряющих формы социальной активности молодежи, было увеличено до 18.

Полинаправленность и трансформация социальной активности молодежи в современных условиях жизнедеятельности и научный поиск психологических характеристик этой активности, влияние на ее структуру общественных эффектов обуславливают расширение границ исследований в рассматриваемом диапазоне.

Важным аспектом является изучение вопроса соотношения различных форм социальной активности с гражданским самосознанием молодежи, поскольку именно оно играет непосредственную роль в проявлении того или иного вида активности личности. Указанный тезис можно вычленить из подходов к определению гражданского самосознания. В широком смысле — это основа социального сознания, детерминирующая поведение индивида, а в узком — набор представлений личности о себе в контексте осознания прав и свобод, места в обществе, гражданского долга [7].

Цель настоящего исследования — анализ структуры социальной активно-

сти молодежи с учетом различных форм и трех уровней (организации социальной активности, преимущественно индивидуальной активности и коллективного взаимодействия) в соотношении с феноменами гражданского самосознания, мотивации и социально-демографическими характеристиками.

Метод

Выборку исследования составили 764 респондента, средний возраст — 19,7 лет (64,5% женщин), 85% — не состоящих в браке. Проживающих в сельской местности — 6,1%, в малых городах — 19,3%, в больших городах (областных центрах) — 68,4% и 6,2% жителей мегаполиса. 77,7% имеют законченное среднее (школьное) образование, 7,6% — среднее профессиональное образование, 14,7% — высшее образование.

Методы исследования. Шкалы, направленные на измерение различных видов социальной активности (Р.М. Шамионов, М.В. Григорьева, И.В. Арндачук и др.). Заявленные шкалы демонстрируют адекватный уровень надежности: α Cronbach=0,68-0,74; χ^2 Friedman=1306,3, $p < 0,001$ [12].

В аспекте нашего исследования необходим более дифференцированный подход к выделению подвидов социальной активности. Для достижения заявленной цели был разработан диагностический комплекс (М.В. Григорьева, А.А. Шаров, А.И. Заграничный).

Первая часть включала в себя вопросы, касающиеся изучения отдельных форм и уровней проявления социальной активности молодежи. Авторская позиция такова, что каждая из форм социальной активности личности может реализовываться на трех уровнях: обсуждения

с другими и организации активности; индивидуальной активности с учетом социальных норм и правил; коллективной активности. Обозначенные шкалы продемонстрировали приемлемый уровень надежности: α Cronbach=0,71-0,79.

Вторая часть включала шкалы, направленные на выявление мотивации социальной активности и гражданского самосознания в аспекте готовности к поддержке различных идей, касающихся развития страны и региона проживания. Обозначенные шкалы продемонстрировали приемлемый уровень надежности: α Cronbach=0,75-0,81. Все авторские шкалы прошли экспертное оценивание социальными психологами (5 человек).

Вопросы, касающиеся оценки гражданского самосознания, были составлены на основе переменных и их показателей, предложенных в работе по исследованию социально-психологического капитала А.Н. Татарко [11].

Описательные статистики, корреляционный и факторный анализы проводились с помощью статистического пакета SPSS 26.0.

Результаты

В результате корреляционного анализа были выявлены взаимосвязи между формами активности личности, характеризующими общую структуру социальной активности. Наиболее связанными с другими формами социальной активности являются альтруистическая, спортивно-оздоровительная, культурно-массовая, гражданская, социально-экономическая, профессиональная, образовательно-развивающая и духовная формы социальной активности молодежи (18 взаимосвязей из 18 возможных). Эти формы социальной

активности являются системообразующими, их выраженность способствует укреплению общей структуры социальной активности личности. В меньшей степени с остальными формами социальной активности связаны досуговая и интернет-поисковая формы (13 взаимосвязей из 18 возможных). Их реализация является относительно самостоятельной и в меньшей степени поддерживает общую социальную активность молодежи.

Возраст молодежи значимо положительно связан с такими формами социальной активности, как профессиональная ($r=0,19$ при $p<0,01$), социально-политическая ($r=0,11$ при $p<0,01$), гражданская ($r=0,09$ при $p<0,01$), и отрицательно – с интернет-сетевой активностью ($r=-0,09$ при $p<0,01$). Видно, что с увеличением возраста молодежь в большей степени обращает внимание на

просоциальные формы активности в реальной среде.

Каждая из форм социальной активности личности может реализовываться на трех уровнях: обсуждения с другими и организации активности; индивидуальной активности с учетом социальных норм и правил; коллективной активности. Рассмотрим структуру социальной активности личности с учетом этих уровней, где элементами структуры являются представленные выше формы активности. Поскольку 18 форм социальной активности могут реализовываться на каждом из трех выделенных уровней, в результате корреляционного анализа была получена матрица интеркорреляций 54 на 54, включающая большое количество взаимосвязей. Это потребовало снижение размерности и проведение факторного анализа, результаты которого представлены в табл. 1.

Таблица 1

Показатели факторной модели социальной активности молодежи

Формы и уровни социальной активности	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5	Фактор 6	Фактор 7
Субкультурная ИР	0,83	-	-	-	-	-	-
Субкультурная КВ	0,82	-	-	-	-	-	-
Протестная КВ	0,69	-	-	-	-	-	-
Субкультурная МО	0,62	-	-	-	-	-	-
Протестная ИР	0,62	-	-	-	-	-	-
Социально-политическая КВ	0,57	-	-	-	-	-	-
Гражданская ИР	0,56	-	-	-	-	-	-
Гражданская КВ	0,49	-	-	-	-	-	-
Экономическая КВ	0,41	-	-	-	-	-	-
Социально-политическая МО	-	0,77	-	-	-	-	-
Гражданская МО	-	0,74	-	-	-	-	-
Экономическая МО	-	0,69	-	-	-	-	-
Протестная МО	-	0,65	-	-	-	-	-
Социально-политическая ИР	-	0,59	-	-	-	-	-
Экологическая ИР	-	-	0,79	-	-	-	-
Экологическая КВ	-	-	0,79	-	-	-	-

Формы и уровни социальной активности	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5	Фактор 6	Фактор 7
Экологическая МО	-	-	0,73	-	-	-	-
Альтруистическая КВ	-	-	0,60	-	-	-	-
Альтруистическая МО	-	-	0,57	-	-	-	-
Образовательная КВ	-	-	0,46	-	-	-	-
Альтруистическая ИР	-	-	0,46	-	-	-	-
Культурно-массовая КВ	-	-	0,39	-	-	-	-
Досуговая МО	-	-	-	0,76	-	-	-
Культурно-массовая МО	-	-	-	0,75	-	-	-
Культурно-массовая ИР	-	-	-	0,63	-	-	-
Образовательно-развивающая МО	-	-	-	0,61	-	-	-
Досуговая КВ	-	-	-	0,59	-	-	-
Образовательно-развивающая ИР	-	-	-	0,57	-	-	-
Досуговая ИР	-	-	-	0,47	-	-	-
Спортивно-оздоровительная МО	-	-	-	-	0,80	-	-
Спортивно-оздоровительная ИР	-	-	-	-	0,75	-	-
Спортивно-оздоровительная КВ	-	-	-	-	0,75	-	-
Семейно-бытовая ИР	-	-	-	-	-	0,74	-
Семейно-бытовая КВ	-	-	-	-	-	0,70	-
Семейно-бытовая МО	-	-	-	-	-	0,58	-
Религиозная МО	-	-	-	-	-	-	0,70
Религиозная ИР	-	-	-	-	-	-	0,68
Религиозная КВ	-	-	-	-	-	-	0,54

Условные обозначения: МО – уровень межличностного общения и обсуждения, ИР – индивидуальная реализация, КВ – коллективное взаимодействие.

В результате факторного анализа методом главных компонент с последующим варимакс вращением (вращение сошлось за 8 итераций) с нормализацией Кайзера получено 7 факторов, объясняющих 61% дисперсии. Каждый фактор характеризует укрупненную группу элементов структуры социальной активности молодежи.

Рассмотрим мотивы социальной активности молодежи в зависимости от пола. Респондентам был предложен на-

бор мотивов социальной активности, который соотносится с уровнями мотивов А. Маслоу: обеспеченности едой и жильем (I); уверенности и успешности (II); принятия другими (III); уважения и любви (IV); поиска нового (V); гармонии с другими (VI); саморазвития и самореализации (VII). Для выявления значимости различий в двух выборках, разделенных по половому признаку, использовался t-критерий Стьюдента (проверка на нормальность распределения

по всем шкалам показала приемлемый результат: $-0,5 < A_s < 0,5$; $-2,5 < E_x < 2,5$). Результаты расчета статистических критериев представлены в табл. 2.

Из табл. 2 видно, что для молодежи в большей степени важны такие мотивы социальной активности, как мотивы саморазвития и самореализации (4,53 для женщин и 4,31 для мужчин). По всей видимости, социальная активность выступает одним из важных средств развития личности. Немаловажны также мотивы поиска нового (4,49 для женщин и 4,28 для мужчин). Очевидно, многообразие форм социальной активности позволяет молодежи удовлетворять потребность в необходимой новой информации для последующего анализа и ориентации своего поведения в обществе. Сравнительный анализ показал, что для женщин в большей степени, чем для мужчин, важны такие мотивы, как «Уважение и любовь» (1,96 при $p < 0,05$) и «Гармония с другими» (1,96 при $p < 0,05$), что свидетельствует об ориентации девушек в процессе социальной активности на позитивный социальный отклик со стороны окружающих.

Далее рассмотрим взаимосвязи форм социальной активности молодежи с фе-

номенами гражданского самосознания и готовности к поддержке различных идей, касающихся развития страны и региона проживания. В качестве параметров гражданского самосознания и готовности к поддержке различных идей развития страны и региона проживания респондентам было предложено 12 оценочных шкал, характеризующих респондентов с позиции патриотического и гражданского самосознания, их региональной и национальной идентичности. Объединим параметры гражданского самосознания и готовности к поддержке различных идей развития страны и региона проживания в 4 группы:

1 группа «Патриотическое самосознание» включает в себя шкалы, характеризующие респондента с точки зрения гражданской идентичности (предпочтение гражданства своей страны); принадлежности к своему государству; гордости своей страной; важности принадлежности к своему государству.

2 группа «Гражданское самосознание» включает в себя заинтересованность развитием государства; готовность к деятельности, нацеленной на развитие государства.

3 группа «Региональная идентичность» включает в себя постоянное про-

Таблица 2
Сравнительный анализ мотивов социальной активности молодежи в зависимости от пола (max 5 баллов)

Группы	Стат. показатели	Мотивы социальной активности						
		I	II	III	IV	V	VI	VII
Жен.	Средн.	3,59	3,42	3,58	3,79	4,49	4,06	4,53
	Станд. откл.	1,21	1,23	1,25	1,15	0,78	1,08	0,79
Муж.	Средн.	3,47	3,26	3,32	3,05	4,28	3,36	4,31
	Станд. откл.							
	t-Стьюдента	0,07	0,09	0,11	1,96*	0,10	1,96*	0,10
Вся выборка	Средн.	3,54	3,36	3,49	3,65	4,41	3,88	4,45
	Станд. откл.	1,21	1,24	1,26	1,17	0,83	1,15	0,86

Примечание: * – уровень значимости $p < 0,05$.

живание в своем регионе; региональную идентичность; территориальную устойчивость с точки зрения региона проживания; связь с регионом проживания.

4 группа «Региональное самосознание» включает в себя заинтересованность развитием региона проживания; готовность к деятельности, нацеленной на его развитие.

Далее выделим наиболее значимые формы социальной активности для каждой группы. Критерий определения зна-

чимости — количество взаимосвязей форм социальной активности с показателями гражданского и регионального самосознания: 48–72 — значимая форма; 24–47 — среднезначимая; 0–23 — малозначимая. Интервал 24 определялся, исходя из равномерного деления максимально возможного количества взаимосвязей на три.

Очевидно, что мировоззрение тесно связано с социально-демографическими характеристиками личности, влияющими на жизненный опыт, на основе ко-

Таблица 3

Значимость форм социальной активности молодежи для гражданского и регионального самосознания

Формы социальной активности молодежи	Отношение к стране и региону проживания			
	Патриотическое самосознание	Гражданское самосознание	Региональная идентичность	Региональное самосознание
Альтруистическая активность	з	з	з	з
Досуговая активность	с.з	з	м	з
Спортивно-оздоровительная активность	з	з	с.з	з
Культурно-массовая активность	з	з	с.з	з
Семейно-бытовая активность	з	з	з	з
Экологическая активность	з	з	з	з
Социально-политическая активность	с.з	з	с.з	з
Интернет-сетевая активность	м	з	м	з
Интернет-поисковая активность	м	з	м	з
Гражданская активность	з	з	з	з
Социально-экономическая активность	м	с.з	м	с.з
Профессиональная активность	с.з	з	м	з
Образовательно-развивающая активность	з	з	м	з
Духовная активность	с.з	з	м	з
Религиозная активность	з	с.з	з	з
Протестная активность	м	с.з	с.з	с.з
Радикально-протестная активность	м	с.з	м	с.з
Субкультурная активность	м	м	м	м

Условные обозначения: з. — значимая форма; с.з. — среднезначимая; м. — малозначимая.

того и складывается мировоззрение. Были получены следующие значимые корреляционные взаимосвязи. Возраст респондентов имеет прямую значимую связь с предпочтением российского гражданства ($r=0,134$ при $p<0,01$), ощущением принадлежности к России ($r=0,77$ при $p<0,05$), оценкой постоянства проживания в регионе ($r=0,103$ при $p<0,01$), оценкой региональной идентичности ($r=0,93$ при $p<0,01$), территориальной устойчивостью с точки зрения региона проживания ($r=0,83$ при $p<0,05$). Уровень образования имеет прямую значимую связь с такими параметрами, как предпочтение российского гражданства ($r=0,91$ при $p<0,05$) и территориальная устойчивость с точки зрения региона проживания ($r=0,95$ при $p<0,01$). Место жительства и уровень благосостояния молодежи не имеют значимых взаимосвязей ни с одним из параметров гражданского самосознания и готовности к поддержке различных идей развития страны и региона проживания.

Обсуждение результатов

Положительные взаимосвязи возраста молодежи с профессиональной, социально-политической, гражданской активностью можно объяснить тем, что именно в этом возрасте происходит процесс освоения профессии, идет активное участие в политической жизни, вырабатывается и выражается активная гражданская позиция по различным аспектам жизни социума. Что касается отрицательной взаимосвязи возраста и интернет-сетевой активности, то можно предположить, что с взрослением активность в виртуальной среде становится более целенаправленной и избирательной, чем, например, в детском и подростковом воз-

расте, когда идет активное освоение виртуального пространства и знакомство с различными видами контента.

Проведенный факторный анализ позволил выделить семь факторов, каждый из которых характеризует укрупненную группу элементов структуры социальной активности молодежи. В первый фактор вошли 9 форм социальной активности. Субкультурная на всех трех уровнях реализации, протестная и гражданская на уровне коллективного взаимодействия и индивидуальной реализации, а также социально-политическая и экономическая на уровне коллективного взаимодействия. Эту группу элементов структуры можно интерпретировать как «Участие в коллективных субкультурно-протестных акциях». Участие в деятельности объединений субкультурной направленности, скорее всего, связано с выражением гражданской позиции в экономическом и социально-политическом контекстах, а также протестных настроений. Во второй фактор вошли 5 форм социальной активности: социально-политическая, гражданская, экономическая и протестная на уровне межличностного общения и обсуждения, социально-политическая на уровне индивидуальной реализации. Эту группу элементов структуры можно интерпретировать как «Обсуждение социально-политической и экономической активности для последующей индивидуальной реализации». В третий фактор вошли 8 форм социальной активности: экологическая и альтруистическая на всех уровнях, образовательно-развивающая и культурно-массовая на уровне коллективного взаимодействия. Эту группу элементов структуры можно интерпретировать как «Участие в коллективных экологическо-альтруистических акциях». В четвертый фактор вошли 7 форм социальной активности: досугово-

вая на всех уровнях, культурно-массовая и образовательно-развивающая на уровнях межличностного общения, обсуждения и индивидуальной реализации. Эту группу элементов структуры можно интерпретировать как «Культурно-досуговую активность, связанную с индивидуальным образованием». Различные рекреационные мероприятия (отдых на природе, хобби и т.д.) реализуются представителями молодого поколения с учетом культурно-массового оттенка. В пятый фактор вошли 3 формы социальной активности: спортивно-оздоровительная на всех уровнях. Эту группу элементов структуры можно интерпретировать как «Спортивно-оздоровительная активность». Данный компонент структуры социальной активности носит однородный характер по форме и уровням. По-видимому, это обусловлено трендом на здоровый образ жизни, физическое благополучие, необходимые молодежи в рамках ответной реакции на высокие жизненные темпы, стрессогенность. В шестой фактор также вошли 3 формы социальной активности: семейно-бытовая на всех уровнях. Эту группу элементов структуры можно интерпретировать как «Семейно-бытовая социальная активность». Представители молодежи взаимодействуют с родственниками, проводят время с семьей, решают и обсуждают бытовые вопросы. Рассмотренный компонент структуры социальной активности также носит однородный характер по форме и уровням. Можно предположить, что представители молодого поколения осознают ценность семьи и прилагают усилия для ее развития и укрепления как на индивидуальном, так и коллективном уровне. В седьмой фактор также вошли 3 формы социальной активности: религиозная на всех уровнях. Эту группу элементов структуры можно интерпретировать как «Религиозная активность».

Данная активность включает в себя посещение мечетей, храмов, общение на религиозные темы и т.д. Рассмотренный компонент структуры социальной активности также носит однородный характер по форме и уровням.

Полученные нами данные согласуются с результатами исследования Р.М. Шамяниной [12; 14] в аспекте того, что социальная активность может иметь как отдельные формы, так и являться полинаправленной и сочетаться, а также быть разноуровневой и избирательной.

Результат выявления значимости различий в двух выборках, разделенных по половому признаку, показывает, что для женщин в большей степени, чем для мужчин, важны мотивы уважения и любви, гармонии с другими (см. табл. 2). В целом для молодежи характерны в большей степени такие мотивы социальной активности, как поиск нового, саморазвитие и самореализация (см. табл. 2), что показывает важность социальной активности для развития личности.

Разделение форм социальной активности молодежи и групп параметров гражданского самосознания, готовности к поддержке различных идей развития страны и региона проживания по степени значимости показывает, что наиболее значимыми формами социальной активности для группы «Патриотическое самосознание» являются альтруистическая активность, спортивно-оздоровительная активность, культурно-массовая активность, семейно-бытовая активность, экологическая активность, гражданская активность, образовательно-развивающая активность, религиозная активность (см. табл. 3). Можно говорить о том, что у респондентов с высоким уровнем патриотического самосознания проявляются те формы социальной активности, которые

предполагают традиционные ценности, просоциальный характер, нацеленность на взаимопомощь, совместную деятельность и конструктивное развитие общества. Для группы «Гражданское самосознание» наиболее значимыми формами активности являются те формы, которые направлены на саморазвитие и конструктивное развитие общества.

Для группы «Региональная идентичность» наиболее значимыми формами активности выступают альтруистическая активность, семейно-бытовая активность, экологическая активность, гражданская активность и религиозная активность. Это свидетельствует о том, что респонденты с высоким уровнем региональной идентичности стремятся к проявлению тех форм активности, которые нацелены на преобразование бытовой составляющей действительности.

Можно резюмировать, что наиболее значимыми формами социальной активности у респондентов с высоким уровнем гражданского самосознания, готовности к поддержке различных идей развития страны и региона проживания являются альтруистическая активность, семейно-бытовая активность, экологическая активность, гражданская активность, поскольку данные формы активности имеют взаимосвязь с каждым параметром исследуемого феномена. Респонденты стремятся к помощи ближнему, выстраиванию семейных отношений и развитию среды с экологической и социальной точки зрения.

Более взрослые респонденты в меньшей степени стремятся к переезду из своего региона и своей страны, поскольку уровень социальной привязанности выше, а постоянное проживание в своем регионе и стране приводит к повышению региональной идентичности и ощущения принадлежности к определенной общности.

Взаимосвязь уровня образования, предпочтения российского гражданства и территориальной устойчивости с точки зрения региона можно объяснить тем, что чем выше уровень образования респондентов, тем больше информации они получают о своей стране и регионе, о возможностях и перспективах, существующих в месте их проживания. Это приводит к увеличению территориальной устойчивости с точки зрения проживания как на уровне страны, так и на уровне региона. Отсутствие взаимосвязи каких-либо параметров гражданского самосознания и готовности к поддержке различных идей развития страны и региона проживания с местом жительства отражает репрезентативность выборки и свидетельствует о том, что сформулированные ранее выводы характерны для респондентов вне зависимости от места их проживания. Отсутствие взаимосвязи между уровнем благосостояния и параметрами гражданского самосознания, готовности к поддержке различных идей развития страны и региона проживания показывает, что уровень гражданского самосознания, готовности к поддержке различных идей развития страны и региона проживания не связан с благосостоянием респондентов.

Заключение

Различные формы социальной активности взаимосвязаны между собой, взаимодополняют и могут сочетаться и переходить друг в друга. Положительно взаимосвязаны следующие формы социальной активности: альтруистическая и экологическая; спортивно-оздоровительная и культурно-массовая; культурно-массовая и образовательно-развивающая; гражданская и социаль-

но-политическая; социально-экономическая и профессиональная; духовная и образовательно-развивающая; социально-политическая и протестная; протестная и радикально протестная. Молодежный возраст положительно взаимосвязан с профессиональной, социально-политической, гражданской и отрицательно — с интернет-сетевой активностью.

В структуре социальной активности молодежи с учетом различных направлений и уровней можно выделить 7 укрупненных групп, характеризующих виды социальной активности молодежи: 4 смешанных (Участие в коллективных субкультурно-протестных акциях, Обсуждение социально-политической и экономической активности для последующей индивидуальной реализации, Участие в коллективных экологическо-альтруистических акциях, Культурно-досуговая активность, связанная с индивидуальным образованием) и 3 однородных (Спортивно-оздоровительная, Семейно-бытовая и Религиозная).

Женщины в большей степени, чем мужчины, склонны оценивать процесс и результат социальной активности с точки зрения социальных отношений. Об этом говорит большая значимость для женщин мотивов социального успеха.

Каждый из компонентов гражданского и регионального самосознания имеет набор наиболее значимых корреляционных связей, отражающий специфику социальной активности. Респонденты с высоким уровнем гражданского самосознания нацелены на просоциальную активность в наиболее традиционных формах, которая направлена на взаимопомощь, совместную деятельность и конструктивное развитие общества. Респонденты с высоким уровнем региональной идентичности нацелены на те формы активности, цель которых — преобразо-

вание бытовой составляющей действительности.

Анализ взаимосвязи феноменов гражданского самосознания с социально-демографическими характеристиками респондентов указывает на то, что с возрастом респонденты усиливают свою социальную привязанность, уровень ассимиляции и идентичности, что приводит к увеличению уровня территориальной устойчивости с точки зрения проживания как на уровне региона, так и на уровне страны. Более высокий уровень образования позволяет получать больше информации о возможностях и перспективах места проживания, что также приводит к увеличению уровня территориальной устойчивости на разных уровнях.

Ограничение результатов данного исследования связано с участием малочисленной группы молодежи, проживающей в сельской местности и мегаполисах, в основном в выборке представлены жители больших и малых городов России.

Полученные результаты могут быть использованы в работе с молодежью, для привлечения ее к прогрессивным преобразованиям общества и государства, могут быть основой молодежной политики и просоциальной работы в направлении формирования, развития и реализации идей, приводящих к повышению интенсивности и эффективности участия молодежи в развитии гражданского общества, своей страны и региона.

Перспективы дальнейших исследований могут быть связаны с изучением влияния социальной активности молодежи на бытийные и мировоззренческие установки, с определением степени радикализации социальной активности молодежи, изучением механизма поиска групп поддержки с использованием цифровых и традиционных средств, а также

с расширением выборки участников исследования за счет жителей сельской местности, мегаполисов, представителей этнических областей и округов России. Перспективным представляется анализ

социальной активности с точки зрения системно-диахронического подхода, позволяющего оценить траекторию и динамику социальной активности молодежи в разные временные отрезки.

Литература

1. *Арендацик И.В.* Деятельностные характеристики социальной активности молодежи разных возрастных групп // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2020. Т. 9. № 2. С. 148–161. DOI:10.18500/2304-9790-2020-9-2-148-161
2. *Белинская Е.П., Франтова Д.К.* Активность в виртуальном взаимодействии как фактор конструирования идентичности пользователями социальных сетей: межпоколенные различия // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2017. № 3. С. 22–37.
3. *Бикметова Т.И.* Волонтерство как способ реализации ценностных ориентаций молодежи // Вестник Нижегородской правовой академии. 2016. № 8. С. 11–12.
4. *Еремина Л.И.* Соотношение креативности и социальной активности студентов в социально-преобразующей деятельности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4. № 2. С. 155–159.
5. *Заграничный А.И.* Особенности проявления социальной активности молодежи в виртуальной и реальной средах // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 4. С. 95–98.
6. *Кленова М.А.* Проблемы и перспективы исследования социальной активности молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7. № 4. С. 319–325. DOI:10.18500/23049790-2018-7-4-319-325
7. *Коряковцева О.А., Бугайчук Т.В.* Развитие гражданского самосознания молодежи: от «активности духа» к «активности действий» // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 5. С. 27–32.
8. *Макарова С.П.* Читательская активность современной молодежи // Научная мысль. 2016. № 3. С. 33–35.
9. *Мартынова Т.Н., Яницкий М.С., Зеленин А.А., Пфетцер С.А.* Добровольческая деятельность как форма социальной и гражданской активности студенческой молодежи // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. № 1. С. 160–167.
10. *Ситаров В.А., Маралов В.Г.* Социальная активность личности (уровни, критерии, типы и пути ее развития) // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 4. С. 164–176.
11. *Татарко А.Н.* Индивидуальные ценности и социально-психологический капитал: кросскультурный анализ // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 9(2). С. 71–88.
12. *Усова Н.В.* Социально-демографические детерминанты направленности социальной активности современной молодежи // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2019. Т. 18. № 2. С. 15–22. DOI:10.17922/2071-2019-18-2-15-22
13. *Шамионов Р.М.* Соотношение социальной активности и удовлетворенности базовых психологических потребностей, субъективного благополучия и социальной фрустрированности молодежи // Сибирский психологический журнал. 2020. № 77. С. 176–195.
14. *Шамионов Р.М., Невский Е.В.* Специфика глазодвигательных реакций и ценностей как предикторов социальной активности студентов // Перспективы науки и образования. 2020. № 3. С. 294–307. DOI:10.32744/pse.2020.3.22

15. Шамионов Р.М. Социальная активность и склонность к риску студентов с автономным и зависимым типами субъектной регуляции // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 1. С. 94–112. DOI:10.17759/sps.2021120107
16. Шамионов Р.М. Социальная активность личности и группы: определение, структура и механизмы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 4. С. 379–394. DOI:10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394
17. Шамионов Р.М., Григорьева М.В., Арендачук И.В., Бочарова Е.Е., Усова Н.В., Кленова М.А., Шаров А.А., Заграничный А.И. Психология социальной активности молодежи. М.: Изд-во «Перо», 2020. 200 с.
18. Шаров А.А. Девиантная активность молодежи: особенности и механизм переноса из реальной среды в виртуальную // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2019. Т. 28. С. 103–109. DOI:10.26516/2304-1226.2019.28.103
19. Mishna F., Regehr C., Lacombe-Duncan A., Daciuk J., Fearing G., Van Wert M. Social media, cyber-aggression and student mental health on a university campus // Journal of Mental Health. 2018. Vol. 27. № 3. Jun. P. 222–229. DOI:10.1080/09638237.2018.1437607
20. Shiratuddin N., Hassan S., Mohd Sani M.A., Ahmad M.K., Khalid K.A., Abdull Rahman N.L., Ahmad N.S.Y. Media and youth participation in social and political activities: Development of a survey instrument and its critical findings // Pertanika Journal of Social Sciences and Humanities. 2017. Vol. 25. P. 1–19.

References

1. Arendachuk I.V. Deyatel'nostnye kharakteristiki sotsial'noi aktivnosti molodezhi raznykh vozrastnykh grupp [Activity characteristics of social activity of young people of different age groups]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya = News of Saratov University. New series. Series: Acmeology of Education. Developmental Psychology*, 2020. Vol. 9, no. 2, pp. 148–161. DOI:10.18500/2304-9790-2020-9-2-148-161 (In Russ.).
2. Belinskaya E.P., Frantova D.K. Aktivnost' v virtual'nom vzaimodeistvii kak faktor konstruirovaniya identichnosti pol'zovatelyami sotsial'nykh setei: mezhpokolennye razlichiya [Activity in virtual interaction as a factor in the design of identity by social network users: intergenerational differences]. *Vestnik RGGU. Seriya «Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie» = Bulletin of the RSUH. Series «Psychology. Pedagogy. Education»*, 2017, no. 3, pp. 22–37. (In Russ.).
3. Bikmetova T.I. Volonterstvo kak sposob realizatsii tsennostnykh orientatsii molodezhi [Volunteering as a way to realize youth value orientations]. *Vestnik Nizhegorodskoi pravovoi akademii = Bulletin of the Nizhny Novgorod Law Academy*, 2016, no. 8, pp. 11–12. (In Russ.).
4. Eremina L.I. Sootnoshenie kreativnosti i sotsial'noi aktivnosti studentov v sotsial'no-preobrazuyushchei deyatel'nosti [Ratio of creativity and social activity of students in socio-transformative activities]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya = News of Saratov University. New series. Series: Acmeology of Education. Developmental Psychology*, 2015. Vol. 4, no. 2, pp. 155–159. (In Russ.).
5. Zagranichnyi A.I. Osobennosti proyavleniya sotsial'noi aktivnosti molodezhi v virtual'noi i real'noi sredakh [Characteristics of social activity of young people in virtual and real environments]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: sociology, psychology, pedagogy*, 2019, no. 4, pp. 95–98. (In Russ.).
6. Klenova M.A. Problemy i perspektivy issledovaniya sotsial'noi aktivnosti molodezhi [Challenges and perspectives of research into youth social activity]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya = News of Saratov University. New series. Series: Acmeology of Education. Developmental Psychology*, 2018. Vol. 7, no. 4, pp. 319–325. DOI:10.18500/23049790-2018-7-4-319-325 (In Russ.).

7. Koryakovtseva O.A., Bugaichuk T.V. Razvitie grazhdanskogo samosoznaniya molodezhi: ot «aktivnosti dukha» k «aktivnosti deistvii» [Development of civic identity of youth: from «spirit activity» to «action activity»]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2016, no. 5, pp. 27–32. (In Russ.).
8. Makarova S.P. Chitatel'skaya aktivnost' sovremennoi molodezhi [Reading activity of modern youth]. *Nauchnaya mysl' = Scientific thought*, 2016, no. 3, pp. 33–35. (In Russ.).
9. Martynova T.N., Yanitskii M.S., Zelenin A.A., Pfttser S.A. Dobrovol'cheskaya deyatel'nost' kak forma sotsial'noi i grazhdanskoi aktivnosti studencheskoi molodezhi [Volunteerism as a form of social and civic engagement of student youth]. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom = Vocational education in Russia and abroad*, 2019, no. 1, pp. 160–167. (In Russ.).
10. Sitarov V.A., Maralov V.G. Sotsial'naya aktivnost' lichnosti (urovni, kriterii, tipy i puti ee razvitiya) [Social activity of the individual (levels, criteria, types and ways of its development)]. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Ability*, 2015, no. 4, pp. 164–176. (In Russ.).
11. Tatarko A.N. Individual'nye cennosti i social'no-psihologicheskij kapital: krosskul'turnyj analiz [Individual Values and Social Psychological Capital: A Cross-Cultural Analysis]. *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2012, no. 9, pp. 71–88. (In Russ.).
12. Usova N.V. Sotsial'no-demograficheskie determinanty napravlenosti sotsial'noi aktivnosti sovremennoi molodezhi [Socio-demographic determinants of the orientation of social activity of modern youth]. *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta = Scientific notes of the Russian State Social University*, 2019. Vol. 18, no. 2, pp. 15–22. DOI:10.17922/2071-2019-18-2-15-22 (In Russ.).
13. Shamionov R.M. Sootnoshenie sotsial'noi aktivnosti i udovletvorennosti bazovykh psikhologicheskikh potrebnosti, sub"ektivnogo blagopoluchiya i sotsial'noi frustrirovannosti molodezhi [Ratio of social activity to satisfaction of basic psychological needs, subjective well-being and social frustration of youth]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Psychological Journal*, 2020, no. 77, pp. 176–195. (In Russ.).
14. Shamionov R.M., Nevskii E.V. Spetsifika glazodvigatel'nykh reaktsii i tsennosti kak prediktorov sotsial'noi aktivnosti studentov [Specificity of oculomotor reactions and values as predictors of social activity of students]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Science and education perspectives*, 2020, no. 3, pp. 294–307. DOI:10.32744/pse.2020.3.22 (In Russ.).
15. Shamionov R.M. Sotsial'naya aktivnost' i sklonnost' k risku studentov s avtonomnym i zavisimym tipami sub"ektivnoi regulyatsii [Social activity and risk propensity of students with autonomous and dependent types of subject regulation]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2021. Vol. 12, no. 1, pp. 94–112. DOI:10.17759/sps.2021120107 (In Russ.).
16. Shamionov R.M. Sotsial'naya aktivnost' lichnosti i gruppy: opredelenie, struktura i mekhanizmy [Social activity of the individual and group: definition, structure and mechanisms]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy*, 2018. Vol. 15, no. 4, pp. 379–394. DOI:10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394 (In Russ.).
17. Shamionov R.M. [et al]. Psikhologiya sotsial'noi aktivnosti molodezhi [Psychology of social activity of youth]. Moscow: Publ. «Pero», 2020. 200 p. (In Russ.).
18. Sharov A.A. Deviantnaya aktivnost' molodezhi: osobennosti i mekhanizm perenosa iz real'noi sredy v virtual'nyu [Deviant Behavior of Young People: Some Aspects and Mechanism of Transfer from Real to Virtual Settings]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya = The Bulletin of Irkutsk State University. Series Psychology*, 2019. Vol. 28, pp. 103–109. DOI:10.26516/2304-1226.2019.28.103 (In Russ.).
19. Mishna F., Regehr C., Lacombe-Duncan A., Daciuk J., Fearing G., Van Wert M. Social media, cyber-aggression and student mental health on a university campus. *Journal of Mental Health*, 2018. Vol. 27, no. 3, pp. 222–229. DOI:10.1080/09638237.2018.1437607

20. Shiratuddin N., Hassan S., Mohd Sani M.A., Ahmad M.K., Khalid K.A., Abdull Rahman N.L., Ahmad N.S.Y. Media and youth participation in social and political activities: Development of a survey instrument and its critical findings. *Pertanika Journal of Social Sciences and Humanities*, 2017. Vol. 25, pp. 1–19.

Информация об авторах

Григорьева Марина Владимировна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогической психологии и психодиагностики, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»), г. Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2541-2186>, e-mail: grigoryevamv@mail.ru

Шаров Алексей Александрович, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогической психологии и психодиагностики, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»), г. Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0635-1413>, e-mail: sha555da@mail.ru

Заграничный Антон Игоревич, младший научный сотрудник кафедры социальной психологии образования и развития, аспирант кафедры педагогической психологии и психодиагностики, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»), г. Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1383-9430>, e-mail: zagr.93@inbox.ru

Information about the authors

Marina V. Grigoryeva, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Educational Psychology and Psychodiagnosics, Saratov State University (SSU), Saratov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2541-2186>, e-mail: grigoryevamv@mail.ru

Aleksei A. Sharov, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Educational Psychology and Psychodiagnosics, Saratov State University (SSU), Saratov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0635-1413>, e-mail: sha555da@mail.ru

Anton I. Zagrachniy, Junior Researcher of the Department of Social Psychology of Education and Development, Postgraduate Student of the Department of Pedagogical Psychology and Psychodiagnosics, Saratov State University (SSU), Saratov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1383-9430>, e-mail: zagr.93@inbox.ru

Получена 23.07.2021

Received 23.07.2021

Принята в печать 28.01.2022

Accepted 28.01.2022

Сценарии личной безопасности субъекта конфликтного взаимодействия

Тылец В.Г.

ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет» (ФГБОУ ВО МГЛУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5387-6570>, e-mail: tyletsvalery@yandex.ru

Краснянская Т.М.

АНО ВО «Московский гуманитарный университет» (АНО ВО МосГУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4572-6003>, e-mail: ktm8@yandex.ru

Иохвидов В.В.

ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт» (ГБОУ ВО СГПИ), г. Ессентуки, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2081-8005>, e-mail: vl наука@mail.ru

Цель. Установление потенциала рефлексивного отражения личной безопасности субъекта-ми в построении сценариев конфликтного взаимодействия.

Контекст и актуальность. Сохранение и распространение психологической практики конфликтного взаимодействия требует продолжения исследований, направленных на углубление понимания факторов его возникновения и динамического развития. Проведение работы в этом направлении авторами статьи увязывается с введением в исследовательское пространство конфликтологии категории личной безопасности. Соответствующий ей феномен, попадая в базовые слои потребностной сферы человека, приобретает управляющий статус для его активности, в том числе имеющей форму конфликтного взаимодействия.

Дизайн исследования. В работе продемонстрированы возможности построения сценариев личной безопасности субъектов конфликтного взаимодействия и выявление их различий в зависимости от содержания рефлексии. Процедуры сравнения количественного распределения различных типов сценариев безопасности проводились с использованием критерия ϕ^* (углового преобразования Фишера).

Участники. Российская выборка: 250 человек (52,0% девушек и 48,0% юношей) в возрасте от 18 до 21 года ($M=19,6$, $SD=19,5$).

Методы (инструменты). Основными выступили методы анализа продуктов деятельности и экспертной оценки, дополнительный – метод уточняющей беседы.

Результаты. Рефлексия личной безопасности влияет на количественные и качественные особенности взаимодействия субъектов конфликта. Объем и целевой полюс личной безопасности выступают частными параметрами рефлексии субъектами конфликтного взаимодействия и определяют сценарий его построения.

Основные выводы. Построение сценариев конфликтного взаимодействия с учетом особенностей рефлексии личной безопасности его субъектами дает новое видение процессов инициации, планирования, развития и прекращения конфликта. Сценарии конфликтного взаимодействия обнаруживают ресурсные приоритеты вовлеченных в него субъектов как продуктивную зону приложения усилий в интересах его преодоления.

Ключевые слова: конфликтное взаимодействие, субъект, рефлексия, ресурс, личная безопасность, сценарий конфликтного взаимодействия.

Для цитаты: Тылец В.Г., Краснянская Т.М., Иохвидов В.В. Сценарии личной безопасности субъекта конфликтного взаимодействия // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 1. С. 159–173. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130110>

Personal Security Scenarios of Subject of Conflict Interaction

Valery G. Tylets

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5387-6570>, e-mail: tyletsvalery@yandex.ru

Tatyana M. Krasnyanskaya

Moscow University for the Humanities, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4572-6003>, e-mail: ktm8@yandex.ru

Vladimir V. Iokhvidov

Stavropol State Pedagogical Institute, Yessentuki, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2081-8005>, e-mail: vl nauka@mail.ru

Objective. *Establishing the potential of reflexive image of personal security by subjects in the construction of scenarios of their conflict interaction.*

Background. *The preservation and dissemination of the psychological practice of conflict interaction require further research aimed at improving the understanding of the factors of its occurrence and dynamic development. The authors of the article link their work in this direction with the introduction of the category of personal security into the research space of conflictology. The corresponding phenomenon, falling into the basic layers of the human need sphere, acquires a controlling status for its activity, including that in the form of conflict interaction.*

Study design. *The paper demonstrates the possibility of constructing scenarios of personal security of subjects of conflict interaction and identifying their differences depending on the content of reflection. Procedures for comparing the quantitative distribution of different types of security scenarios were performed using the criterion φ^* (Fisher's angular transformation).*

Participants. *Russian sample: 250 people (52.0% of girls and 48.0% of boys) aged 18 to 21 years ($M=19.6$, $SD=19.5$).*

Measurements. *The main methods were the analysis of products and expert evaluation, the additional method was the clarifying conversation.*

Results. *The reflection on personal security affects the quantitative and qualitative features of the interaction of conflict subjects. The scope and target pole of personal security are private parameters of reflection by subjects of conflict interaction and determine the scenario of its construction.*

Conclusions. *The construction of scenarios of conflict interaction, taking into account the peculiarities of personal security reflection by its subjects, gives a new vision of the processes of initiation, planning, development and termination of the conflict. Scenarios of conflict interaction reveal the resource priorities of the subjects involved in it as a productive zone for applying efforts in the interests of overcoming it.*

Keywords: *conflict interaction, subject, reflection, resource, personal security, conflict interaction scenario.*

For citation: Tylets V.G., Krasnyanskaya T.M., Iokhvidov V.V. Personal Security Scenarios of Subject of Conflict Interaction. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 1, pp. 159–173. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2022130110> (In Russ.).

Введение

На сегодняшний день конфликт рассматривается в качестве неотъемлемой составляющей социального и индивидуального существования. Многоаспектные исследования, проведенные в научных традициях философии, социологии, психологии, экономики, политологии, позволили обозначить методологические и теоретические основы конфликтологии как дисциплины, изучающей широкий круг вопросов, связанных с возникновением, протеканием, прекращением и профилактикой разного рода конфликтов [6; 14; 16]. Концептуально осмысленные эмпирические факты, механизмы и закономерности конфликтного взаимодействия способствовали построению эффективных подходов к поддержке решения возникающих в связи с ним прикладных запросов [20; 21]. Однако конфликты не исчезают, а проникают в новые ранее не свойственные человеку сферы взаимодействия, устанавливают ассоциации с неявными для него комплексами потребностей, приобретают мнимо условный характер, скрытые и искаженные формы и т.д. Это делает их неочевидными, глубоко латентными, слабо визуализируемыми, а значит, в целом трудно контролируемыми. При этом множественные трансформации, вызванные в том числе перемещениями конфликтов в зону виртуальности, не меняют их сущностную природу, в силу чего они сохраняют, а в ряде случаев и усиливают свою разрушительность как на уровне индивидов, их групп, так и на уровне организаций, разного рода общностей. Усиление разрушительности конфликтов свидетельствует о необходимости интенсификации процессов в соответствующем исследовательском сегменте на новом уровне сложности с учетом текущих реалий. Совершенствование техник рабо-

ты с конфликтами требует дальнейшего углубления понимания механизмов их продуцирования и развития, возможно, с привлечением ранее не учитываемых обстоятельств [1; 15; 19]. Перспективным в этой связи представляется введение в обозначенное проблемное пространство концепта безопасности.

Категория безопасности, актуализируемая при характеристике практически всех явлений и процессов, на текущий период порождения знания прочно вошла в сферу исследовательских интересов ряда научных дисциплин (политических, экономических, правовых, психологических, педагогических). В зависимости от выбранного поискового ракурса она привлекается для анализа в качестве условия, признака, параметра существования некоторого объекта или составляет самостоятельный предмет изучения как особое проявление действительности [8]. Субъектная локализация допускает ее категоризацию в качестве личной безопасности. Соответственно, под личной безопасностью понимается безопасность, рефлекслируемая субъектом в отношении себя. Специфика понимания данного феномена детерминируется позицией, занимаемой к нему наблюдателем: для оценки извне достаточна констатация факта и условий сохранности субъекта; рассмотрение изнутри связано с установлением сложных комплексов причинно-следственных связей и разрывов в ресурсном, аксиологическом, конативном и темпоральном измерении бытийного пространства субъекта. В первом случае личная безопасность обычно раскрывается как защищенность субъекта, во втором случае, наряду с текущей защищенностью, учитывается перспектива воспроизводства его благополучия. Содержательно наиболее близким к конфликтологической

проблематике выступает сложившаяся в дисциплинах психологического цикла практика обращения к безопасности как реальности, присущей отдельным индивидам, их группам и общностям, т.е. активно действующим системам, состояние внутренних функций которых является идентификационно решающим для принятия в отношении них атрибутирования [4; 10]. С этой точки зрения, абстрагируясь от частных особенностей конкретных систем, безопасность может трактоваться как особая проекция ситуационно-средовых условий и факторов на внутреннюю структуру систем, обеспечивающая переживание ими защищенности и возможности воспроизводства не снижающегося развития в интересах достижения некоторой приоритетной для них цели [9]. Попадание безопасности в базовые слои потребностного блока рассматриваемых систем определяет управляющий статус безопасности в построении их активности, в том числе имеющей форму конфликтного взаимодействия. В полной мере сказанное относится к личной безопасности как частному проявлению безопасности.

Между тем, такой статус до сих пор не привел к введению безопасности в соответствующее тематическое пространство в качестве полноценного предмета исследований. Она продолжает лишь подразумеваться самоочевидной причиной поведения человека или некоторой группы людей в периоды зарождения, генезиса и локализации конфликтов. Сам же феномен безопасности в его проекциях на функции, вовлеченные в конфликтный процесс, не детализируется и прицельно не рассматривается, что образует некоторые пробелы понимания конфликтной детерминации и динамики определяемого ею взаимодействия. Из всего спектра возможных направлений разработ-

ки обозначенной проблемной области нашей целью выступило изучение на основе квазиэксперимента ресурсного потенциала рефлексивного отражения личной безопасности субъектами в построении сценариев конфликтного взаимодействия. Здесь и далее под сценариями в самом общем виде рассматривалось описание ожидаемого после возникновения конфликтного взаимодействия сочетания его логически увязанных, согласованных элементов, ведущих к его завершению. Исследовательской гипотезой выступило предположение о возможности использования особенностей рефлексивного отражения субъектами личной безопасности для дифференциации сценариев их взаимодействия в конфликте. Такое предположение базировалось о ранее сделанных выводах о значимости осмысления особенностей субъектов экстремальных ситуаций [18]. Объектом исследования явилось рефлексивное отражение личной безопасности субъектами конфликтного взаимодействия, его предметом — сценарии взаимодействия в конфликте субъектов рефлексии личной безопасности. Задачами исследования выступили: введение трактовки ресурсного потенциала субъекта конфликтного взаимодействия, обоснование ведущей роли в нем рефлексивного отражения субъектами личной безопасности и демонстрация возможности использования полученных результатов для построения сценариев конфликтного взаимодействия.

Уточним, что в статье нами использовалось понятие «конфликтное взаимодействие», под которым понималась часть феномена конфликта, а именно — взаимодействие между людьми в конфликтной ситуации на фоне переживания последними негативных эмоций в отношении друг друга. Кроме того, при

описании результатов исследования привлекались с общенаучной интерпретацией понятия «стратегия» и «тактика»: стратегия — обобщенный план или набор целей, тактика — часть стратегии, представленная конкретными шагами или действиями, которые используются для ее реализации.

Метод

Схема проведения исследования.

В качестве основного при сборе информации выступил метод анализа продуктов деятельности. Респондентам предлагалось написать эссе «Я в конфликте». Перед его написанием давалась следующая инструкция: «Составьте описание наиболее типичной для Вас ситуации возникновения и развития конфликтного взаимодействия. Особое внимание уделите анализу причин предпринимаемых в нем шагов, своих и оппонента». Первичный анализ текстов состоял в изучении оценок поведения каждого из участников диады конфликтного взаимодействия.

Следующий этап сбора эмпирического материала основывался на методе экспертной оценки, в ходе которого перед специалистами была поставлена задача идентификации по текстовому материалу обозначенных сценариев конфликтного взаимодействия и соотнесения с ними привлекаемого субъектами ресурсного потенциала. Экспертами выступили профессиональные психологи (5 человек, стаж от 10 до 20 лет), владеющие техникой контент-анализа и подготовкой по проблемам конфликтологии и безопасности. Экспертная оценка включала этапы индивидуальной и коллективной работы.

Процедуры сравнения количественного распределения различных типов сценариев безопасности проводились с

использованием критерия φ^* (углового преобразования Фишера).

Итоговый этап интерпретации состоял в теоретической реконструкции и содержательном описании сценариев конфликтного взаимодействия. Получение дополнительной и уточняющей информации, необходимой для представления их качественных особенностей, осуществлялось на основе метода беседы, непосредственно проводимой с обладателями конкретных типов сценариев. В качестве наиболее типичных выступали следующие вопросы субъектам: «Что для Вас важнее в конфликте — сохранение имеющегося или достижение нового? Важно ли долго продумывать очередной шаг в конфликте? Эффективнее быстро разобраться с конфликтом или постепенно приходить к его завершению? Долго ли Вы обычно предпочитаете конфликтовать?».

Выборка исследования. Российская выборка включала в себя 250 студентов филиала Ставропольского государственного педагогического института в г. Эссентуки (52,0% девушек и 48,0% юношей) в возрасте от 18 до 21 года ($M=19,6$ лет, $SD=1,5$).

Методы исследования. Метод анализа продуктов деятельности, метод экспертной оценки, метод беседы.

Результаты

Первичный анализ текстов эссе состоял в изучении оценок поведения каждого из участников диады конфликтного взаимодействия. Он показал, что рефлексия личной безопасности, представленная в конфликте вниманием к своему физическому и психическому благополучию, к мере воплощения собственных интересов, является необходимым элементом принятия решений на всех эта-

пах построения конфликтного взаимодействия. Установлено, что рефлексия личной безопасности, среди прочих параметров, включает учет субъектами диады объема (достаточный, недостаточный) и целевого полюса (защищенность, развитие) безопасности вне зависимости от активности или пассивности роли, исполняемой ими в конфликте. Их сочетание реконструирует вариабельность сценариев конфликтного взаимодействия субъектов по рефлексии ими личной безопасности. Уточняя ранее введенную трактовку, отметим, что далее сценарии конфликтного взаимодействия описывались как сочетание приоритетных для сторон возможного конфликтного взаимодействия полюсов личной безопасности, определяющего некоторый характер его протекания и исхода.

Введение обозначений параметров (О+ — достаточный, О- — недостаточный объем, З — защищенность, Р — развитие как целевые ориентиры субъекта) и перебор их возможных сочетаний для участников конфликтного взаимодействия позволили обозначить его сценарный ряд в следующем виде: 1) О+З — О+З, 2) О+Р — О+Р, 3) О-З — О-З, 4) О-Р — О-Р, 5) О+З — О-З, 6) О+Р — О-Р, 7) О+З — О-Р, 8) О+Р — О-З.

Анализ текстов эссе на выявление объема и целевого ориентира безопас-

ности, обозначенных респондентами, проводился индивидуально каждым экспертом на основе метода понимания изложенного в работах содержания. Этап индивидуальной работы ориентировал каждого эксперта на начальную группировку респондентов по ведущему типу сценария безопасности. Инструкция: «Ознакомьтесь с текстами эссе. Ориентируясь на их смысловые элементы, определите полюсы безопасности, обозначенные каждым автором (О+ — достаточный, О- — недостаточный объем, З — защищенность, Р — развитие как целевые ориентиры субъекта), и на их основе — представленный в эссе сценарий конфликтного взаимодействия: 1) О+З — О+З, 2) О+Р — О+Р, 3) О-З — О-З, 4) О-Р — О-Р, 5) О+З — О-З, 6) О+Р — О-Р, 7) О+З — О-Р, 8) О+Р — О-З». Стандартизация экспертных оценок на данном этапе работы обеспечивалась предоставлением специалистам ориентировочной таблицы (см. табл.).

За этапом индивидуальной работы проходил этап группового согласования, по итогам которого соответствующие параметры закреплялись по каждому тексту. Этап коллективной работы имел своей целью окончательную группировку респондентов по ведущему полюсу безопасности, содержательно уточненному в таблице. Инструкция: «Обрати-

Таблица

Соотношение смысловых элементов текста и полюсов безопасности

Полюс безопасности	Смысловые элементы текста
О+	Указание на эмоциональный подъем, воодушевление
О-	Указание на тревожность, разочарование, апатию
З	Указание на стремление отстоять в конфликте свое мнение, свою позицию, сохранить уважение окружающих
Р	Указание на свою заинтересованность в изменении по итогам конфликта оппонентом своей позиции, в продвижении своих интересов, в получении каких-либо преимуществ для себя

теть к каждому эссе. Согласуйте свою позицию относительно представленного в нем сценария конфликтного взаимодействия».

Выявление арсенала сценариев на материале выборки подтверждает, что рефлексивное отражение субъектами личной безопасности может использоваться для дифференциации особенностей их конфликтного взаимодействия.

Работа экспертов способствовала получению следующей убывающей ранговой последовательности субъектных приоритетов сценариев конфликтного взаимодействия: $O_+P - O_3$ (65, т.е. 26,0%); $O_+3 - O_3$ (53, т.е. 21,2%); $O_+P - O_+P$ (40, т.е. 16,0%); $O_3 - O_3$ (35, т.е. 14,0%); $O_+3 - O_+3$ (30, т.е. 12,0%); $O_+P - O_+P$ (15, т.е. 6,0%); $O_+3 - O_+P$ (8, т.е. 3,2%); $O_+P - O_+P$ (4, т.е. 1,6%).

Следующим шагом проведено статистическое сопоставление распределения частот различных групп сценариев конфликтного взаимодействия с H_0 «Доля сценариев с заявленным полюсом безопасности в группе 1 не больше, чем в группе 2» и H_1 «Доля сценариев с заявленным полюсом безопасности в группе 1 больше, чем в группе 2». Полученная последовательность иллюстрирует статистическую тенденцию, в соответствии с которой конфликтное взаимодействие чаще ($\varphi^*_{эмп}=1,817$, $\varphi^*_{,05}=1,64$, $\varphi^*_{,01}=2,31$, $p<,05$, H_0 отвергается, принимается H_1) возникает при несовпадении у его субъектов рефлексивного объема личной безопасности (сценарии $O_+P - O_3$; $O_+3 - O_3$; $O_+P - O_+P$; $O_+3 - O_+P$ составляют 56,4% от всего арсенала). Также установлено, что рефлексия субъектом объема личной безопасности специализирует выбор им стратегии построения конфликтного взаимодействия: рефлексия их достаточности (сценарии $O_+P - O_3$, $O_+P - O_+P$ и $O_+P - O_+P$ составляют

48,0% в противовес сценариям $O_+3 - O_3$, $O_+3 - O_+3$ и $O_+3 - O_+P$, составляющим 36,4%) статистически значимо ($\varphi^*_{эмп}=1,669$, $\varphi^*_{,05}=1,64$, $\varphi^*_{,01}=2,31$, $p<,05$, H_0 отвергается, принимается H_1) определяет выбор им развивающейся стратегии, а недостаточности (сценарии $O_+P - O_3$, $O_+3 - O_3$ и $O_3 - O_3$ составляют 61,2% в противовес сценариям $O_+P - O_+P$, $O_+3 - O_+P$ и $O_+P - O_+P$, составляющим 10,8% всего арсенала) – защитной стратегии построения конфликтного взаимодействия ($\varphi^*_{эмп}=7,969$, $\varphi^*_{,05}=1,64$, $\varphi^*_{,01}=2,31$, $p<,01$, H_0 отвергается, принимается H_1).

Содержательный анализ текстов эссе показал, что различия рефлексивного отражения личной безопасности в конфликтном взаимодействии определяют темпоральные особенности его протекания и приоритетные поведенческие стратегии его субъектов.

Сценарий $O_+3 - O_+3$ представлен стратегией двусторонней экономии энергии, сочетающейся с осознанием достаточности своего ресурсного потенциала. Присущая по сценарию рефлексия личной безопасности участниками диалогической пары обеспечивает вялотекущее развитие конфликта с их участием, характеризующееся тщательным продумыванием предпринимаемых шагов. Вместе с тем уверенность в своей безопасности может приводить к использованию в отношении противника приемов, предполагающих нанесение серьезного ущерба. Равенство исходных ресурсных позиций по данному сценарию предопределяет длительность конфликтного взаимодействия.

Сценарий $O_+P - O_+P$ основан на стратегии максимального расширения своего жизненного потенциала на фоне субъектной рефлексии исходной обеспеченности высокого уровня личной безопасности. Данному случаю соответ-

ствуется реализация наиболее динамичного и напряженного из всех возможных разновидностей конфликтного взаимодействия. Обе стороны, переживая высокий уровень безопасности, открыты для привлечения широкого арсенала средств решения своих задач и мобильной перестройки позиций конфликтного взаимодействия. Однако равенство исходных ресурсных позиций, как и в первом случае, может явиться причиной достаточной длительности выстраиваемого противостояния.

Сценарий $O_3 - O_3$ характеризуется направленностью сторон на защиту имеющегося (минимального) уровня ресурсного потенциала при рефлексии отсутствия личной безопасности. Сценарий данного типа реализуется в случае неизбежности для субъектов вхождения в конфликтное взаимодействие. Высокая ресурсная истощенность сторон диалогической пары делает для каждой из них актуальной стратегию минимизации конфликтного взаимодействия, делающую его «вялотекущим» и пролонгированным вплоть до затухания или изменения ресурсных характеристик сторон.

Сценарий $O_P - O_P$ предполагает стратегию ресурсного захвата на фоне рефлексии участниками конфликтного взаимодействия отсутствия личной безопасности. Предопределенная сценарием нацеленность субъектов на расширение объемов своей безопасности сталкивается с низкой ресурсной обеспеченностью обеих сторон взаимодействия, существенно ограничивающей их конфликтную активность. Такая ситуация с высокой вероятностью провоцирует выбор скрытых средств воздействия на противника, позволяющих достичь желаемые результаты без открытого столкновения с расходом значительных энергетических ресурсов. Дефицит исходных

ресурсов обеих сторон определяет предпочтение ими стратегии проведения быстротечного конфликтного взаимодействия с использованием неожиданных, энергосберегающих, но эффективных приемов.

Сценарий $O_+3 - O_3$ построен на неравноценности ресурсной базы субъектов конфликтного взаимодействия при совпадении их стратегической направленности на защиту имеющегося состояния своей безопасности. При данном сценарии сторона конфликта, переживающая достаточность уровня личной безопасности, может позволить себе использование более ресурсоемких средств защиты, чем вторая сторона диалогической пары. Ей также может принадлежать большая инициатива построения конфликтного взаимодействия. Оппонент склонен предпочитать стратегию минимизации открытого противодействия с использованием энергосберегающих приемов. Ориентация обеих сторон диалогической пары на защиту достигнутого ими благополучия повышает вероятность затяжного конфликта.

Сценарий $O_+P - O_P$ сочетает захватнические стратегии субъектов с разным базовым ресурсным потенциалом. Сторона, рефлексировавшая достаточные объемы личной безопасности, в большей степени предрасположена к привлечению масштабных средств воздействия на противника, позволяющих получить максимальную удовлетворенность в своей победе. Сторона, переживающая дефицит личной безопасности, в большей мере склонна добиться ее прироста путем минимизации своих энергозатрат, т.е. избегая открытых столкновений и сокращая длительность самого конфликтного взаимодействия. Конфликт по такому сценарию может быть достаточно краткосрочным.

Сценарий $O_+Z - O_P$ предполагает полное противопоставление сторон конфликта по их исходным ресурсам и конечным целям взаимодействия, которое можно рассматривать как несимметричное в силу неадекватности сочетания источниковой и целевой составляющих реализуемых ими стратегий. При этом сторона рефлексии достаточных объемов безопасности реализует тактику ее защиты, а сторона рефлексии отсутствия личной безопасности — тактику ее расширения. Значительность ресурсов безопасности может выступить основой для реализации продуманной и подкрепленной необходимыми средствами защиты, а рефлексия дефицитарности личной безопасности — спровоцировать многочисленные, но неуверенные атаки. Данная ситуация способна превратить конфликтное взаимодействие в пролонгированное во времени противостояние с мощной защитой первой стороны и слабым, а потому безуспешным, нападением второй стороны.

Сценарий $O_+P - O_Z$ содержит полное противопоставление сторон конфликта по их исходным ресурсам и конечным целям взаимодействия, однако его характеристики делают взаимодействие сторон более скоротечным. Сочетание субъектной рефлексии ресурсной обеспеченности и ориентации на развитие является предпосылкой построения энергичной, с использованием разнообразных средств наступательной тактики, а отсутствие ресурсов и субъектная ориентация на защиту — уязвимой выжидательной позиции. В данном случае сторона рефлексии высокого уровня личной безопасности имеет высокие шансы реализовать свою направленность на развитие посредством «силовой» победы над защищающейся стороной, обладающей минимальными ресурсами безопасности.

Обсуждение результатов

Полученные результаты показали возможность использования рефлексии личной безопасности для построения сценарного разнообразия конфликтного взаимодействия, а также влияние ее особенностей на реализуемый в конфликте сценарий. Отталкиваясь от них, мы можем сделать новые для рассматриваемой проблемной области выводы, согласно которым рефлексия субъектом личной безопасности обеспечивает достаточную динамичность конфликтного взаимодействия, детерминированную непостоянством факторов, релевантных безопасности, и качества технической стороны приобретения ими ресурсности. Соответственно, продуктивные с точки зрения накопления ресурсного потенциала периоды могут сменяться периодами падения личностного потенциала, вплоть до критического уровня. О падении ресурсного потенциала субъекта в ходе конфликтного взаимодействия свидетельствуют когнитивные — перцептивные и интеллектуальные (снижение интенсивности познавательных процессов), эмоциональные (преобладание астенических эмоций над стеническими эмоциями, появление отрицательных сдвигов в настроении), личностные (падение уверенности в себе, в своих способностях) нарушения [2; 5; 7; 11]. Субъект переживает рост утомляемости в сочетании с развитием фрустрационных тенденций. На поведенческом уровне способны проявиться неоправданное удлинение сроков принятия решений, потеря быстроты реакции на изменение ситуации конфликтного взаимодействия, возрастание числа ошибочных действий. В целом, изменение ресурсной базы на основе рефлексии личной безопасности задает индивидуальную специфичность

поведенческих потенциалов субъектов конфликтного взаимодействия [3; 12].

Динамичность, в целом присущая ресурсному потенциалу субъекта конфликтного взаимодействия, усиливается неустойчивостью, заложенной в природе самого феномена личной безопасности. Принципиальная оппозиционность образующих ее начал, защищенности и стремления к развитию как отказу от защищенности предполагает непрерывный, преимущественно интуитивный, поиск оптимального соотношения между ними через периодический отказ от одного в пользу другого [13]. Соблюдение или несоблюдение данного динамического оптимума является предпосылкой субъектной рефлексии некоторого уровня личной безопасности, что рассматривается немаловажным для организации субъектом конфликтного взаимодействия.

Ресурсный потенциал субъектного отражения личной безопасности наделяется нами наибольшей значимостью на достаточно взаимосвязанных друг с другом этапах принятия решения о вхождении в ситуацию конфликта и постановки цели его завершения, т.к. он определяет исходную стратегию организации конфликтного взаимодействия. Интуитивно или осознанно реализуемая рефлексия субъективной достаточности объема личной безопасности обычно детерминирует согласие на участие в конфликтном взаимодействии (в качестве инициатора или ответной стороны), его недостаточности — не приводит к однозначному отказу от него. Во втором случае решающую роль играет постановка цели конфликтного взаимодействия: даже при недостаточности исходного уровня безопасности ориентация на итоговое приращение объемов личной безопасности может выступить основанием для участия в конфликте. Неоднозначные для сторон конфликта ре-

зультаты рефлексивного отражения личной безопасности могут использоваться для реконструкции сценариев реализуемого в нем взаимодействия [17].

Факторы, релевантные ресурсному потенциалу субъекта, поддаются характеристике на основе содержательных и инструментальных свойств: первые объясняют потенциальную ресурсность для субъекта некоторого класса ситуаций или условий, вторые — обозначают техническую возможность рефлексивного отражения факторов как составляющих ресурсного потенциала субъекта. К инструментальным свойствам фактора могут относиться, например, его доступность рефлексивному отражению субъекта, смысловая когерентность создаваемого образа уже оформившимся личностным смыслам субъекта.

Для ситуации конфликтного взаимодействия ресурсная содержательность фактора определяется его предрасположенностью обеспечивать решение задач, актуальных для субъекта в текущий и постконфликтный период. В массив таких факторов могут входить, например, опыт конфликтного взаимодействия с оппонентом, наличие группы сочувствующих, владение конфликтообразующей тематикой, заинтересованность в определенном исходе конфликта, т.к. дают субъекту преимущества психологической поддержки завершения конфликта в свою пользу. Сопоставление ресурсоёмких факторов конфликтного взаимодействия позволяет сделать вывод, согласно которому личная безопасность обладает наибольшей ресурсной содержательностью, что позволяет причислить ее к приоритетному фактору создания ресурсного потенциала. Следует признать, что вне зависимости от осознания субъектом ресурсной значимости и целевой приоритетности личной безопасности,

она существенна для выстраиваемого им конфликтного взаимодействия. Вместе с тем не каждый потенциально ресурсный фактор способен продуктивно участвовать в создании ресурсного потенциала субъекта конфликтного взаимодействия. Его субъектное отражение, вероятно, должно дополняться наделением достаточным для конфликтной ситуации энергосмысловым началом, определяющим ресурсоемкость для субъекта получаемого феномена, — особыми установками, ценностями, убеждениями и т.д. относительно существенной значимости конкретного фактора для преодоления возникших трудностей взаимодействия.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило возможность использования рефлексивного отражения субъектами личной безопасности для изучения сценарного разнообразия их конфликтного взаимодействия. Было эмпирически доказано влияние рефлексии личной безопасности на количественные и качественные особенности взаимодействия субъектов конфликта. Признавая, что объем и целевой полюс личной безопасности являются частными параметрами рефлексии субъектами конфликтного взаимодействия, мы продемонстрировали их значимость для понимания динамичности этого взаимодействия.

Полученные материалы показали, что построение сценариев конфликтного взаимодействия на основе оценки рефлексии ее субъектами личной безопасности позволяет выявить их ресурсные приоритеты. В связи с этим требуют отдельного изучения возможные трансформации потенциальных ресурсов субъектов в ходе активной реализации конфликта, как в пользу их усиления, так и в пользу ослабления на всей траектории выстраиваемого взаимодействия.

В заключение статьи подчеркнем перспективность введения категории личной безопасности в исследовательское пространство конфликтологической проблематики при рассмотрении вопросов управления конфликтным взаимодействием субъектов на этапах его подготовки, реализации и завершения. Ее использование способно обеспечить построение новых интерпретационных конструкций в отношении процессов инициации, планирования, динамического развития, затухания, локализации и прекращения конфликта. Наибольшими возможностями такого рода, с нашей точки зрения, обладает субъектная проекция личной безопасности, позволяющая увидеть новые причинные основания специфики конфликтного взаимодействия субъектов различных ситуаций и использовать достигнутое понимание для повышения продуктивности его регулирования.

Литература

1. Гагай В.В. Зависимость способов поведения старших дошкольников в конфликтной ситуации от типа привязанности к матери // Национальное здоровье. 2020. № 3. С. 70—73.
2. Голубь О.В., Тарасова Е.В. Проявление ценностно-смысловых конструктов личности в конфликтной ситуации // Вестник Российского университета дружбы народов. 2012. № 3. С. 78—82.
3. Демиденко Н.Н., Абросова Т.М. Стратегии поведения в конфликтных ситуациях студентов вуза с различной направленностью личности // Вестник Тверского государственного университета. 2009. № 6. С. 10—27.

4. *Дресвянникова Е.А.* Антиконтрафликтный потенциал — основа безопасности профессионального коллектива ГИБДД МВД России // Вестник Научного центра безопасности жизнедеятельности. 2017. № 3. С. 101–110.
5. *Жирарде М., Гришина Н.В.* Психологические особенности отношения к конфликтам // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ. 2014. Т. 2. С. 109–114.
6. *Калел М., Темиргазина З.К., Абзуддинова Г.К.* Конфликтные ситуации между взрослыми и детьми // Педагогический вестник Казахстана. 2020. № 1. С. 45–54.
7. *Кашапов М.М., Пошехонова Ю.В.* Когнитивные характеристики педагогов в условиях конфликтного взаимодействия с детьми // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. 2017. № 29. С. 98–105.
8. *Краснянская Т.М., Тылец В.Г.* Психологическая безопасность в системе факторов санаторно-курортного оздоровления // Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры. 2017. № 4. С. 26–30. DOI:10.17116/kurort201794426-30
9. *Краснянская Т.М., Тылец В.Г.* Ресурсы психологической безопасности личности в зависимости от трудового статуса пенсионера // Успехи геронтологии. 2018. Т. 31. № 1. С. 39–45.
10. *Кудака М.А., Маралов В.Г., Нуртаев Е.Р.* Отношение к опасностям казахских и российских студентов // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 3. С. 156–173.
11. *Куулар Ш.В., Будук-оол Л.К.* Психофизиологические особенности студентов с разным типом стратегии поведения в конфликтных ситуациях // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. № 5. С. 67–80.
12. *Лымарь Н.Г.* Психологические средства разрешения межличностного конфликта: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Новосибирск, 2008. 20 с.
13. *Молокоедов А.В., Слободчиков И.М., Франц С.В.* Безопасность личности: комплексный анализ [Электронный ресурс]. ООО «Левь», 2017. URL: <https://litportal.ru/avtory/andrey-molokoedov/kniga-bezopasnost-lichnosti-kompleksnyy-analiz-805756.html> (дата обращения: 02.10.2020).
14. *Оболонский Ю.В.* Феномен аутсорсинга в Российской Федерации как психологический инструмент в управлении конфликтами на предприятиях реального сектора // Живая психология. 2020. № 4. С. 19–29.
15. *Смирнова Ю.С., Довгилевич А.Е.* Взаимосвязь когнитивной гибкости и типов реагирования на конфликт старших школьников и студентов // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2020. № 3. С. 53–59.
16. *Степанова О.С., Николаева А.А.* Исследование характера конфликтов между родителями и педагогами в образовательной организации // Педагогика и просвещение. 2020. № 4. С. 1–17.
17. *Стоянова И.Я., Смирнова Н.С.* Предикторы психологической безопасности у пациентов депрессивного спектра // Медицинская психология в России. 2018. Т. 10. № 1(48). С. 6.
18. *Тылец В.Г., Краснянская Т.М.* Психологические особенности представлений любителей произведений фантастического и детективного жанров о субъекте безопасности // Экспериментальная психология. 2020. Том 13. № 3. С. 180–193. DOI:10.17759/expsy.2020130314
19. *Улыбина Е.В., Филиппова А.Е.* Вклад социальных верований и ситуативных факторов в поддержку намерения одной из сторон защищать свои интересы в организационном вертикальном конфликте // Организационная психология. 2020. № 2. С. 58–74.
20. *Хусаинова С.В., Галимов Р.Р.* Доминирующие стратегии поведения курсантов при разрешении конфликтных ситуаций в учебно-профессиональной деятельности // Гуманитарные науки. 2020. № 3. С. 158–162.

21. Шевцова Ю.В., Плотнова С.В., Козловская Е.Ю. Роль коммуникативной компетенции врача в организации эффективного взаимодействия с пациентом и в разрешении и предотвращении конфликтных ситуаций // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. № 1. С. 399–403.

References

1. Gagai V.V. Zavisimost' sposobov povedeniya starshikh doshkol'nikov v konfliktnoi situatsii ot tipa privyazannosti k materi [Dependence of the ways of behavior of senior preschoolers in a conflict situation on the type of attachment to the mother]. *Natsional'noe zdorov'e = National Health*, 2020, no. 3, pp. 70–73. (In Russ.).
2. Golub' O.V., Tarasova E.V. Proyavlenie tsennostno-smyslovykh konstruktov lichnosti v konfliktnoi situatsii [Manifestation of value-semantic constructs of the individual in a conflict situation]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby = Bulletin of the peoples' friendship University of Russia*, 2012, no. 3, pp. 78–82. (In Russ.).
3. Demidenko N.N., Abrosova T.M. Strategii povedeniya v konfliktnykh situatsiyakh studentov vuza s razlichnoi napravlennoy lichnosti [Strategies of behavior in conflict situations of University students with different personality orientations]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tver state University*, 2009, no. 6, pp. 10–27. (In Russ.).
4. Dresvyannikova E.A. Antikonfliktnyi potentsial – osnova bezopasnosti professional'nogo kollektiva GIBDD MVD [Anti-conflict potential-the basis of security of the professional staff of the traffic police of the Ministry of internal Affairs of Russia]. *Vestnik Nauchnogo tsentra bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti = Bulletin of the Scientific center for life safety*, 2017, no. 3, pp. 101–110. (In Russ.).
5. Zhirarde M., Grishina N.V. Psikhologicheskie osobennosti otnosheniya k konfliktam [Psychological features of attitudes to conflicts]. *Nauchnye issledovaniya vypusknikov fakul'teta psikhologii SPbGU = Research of graduates of the faculty of psychology of St. Petersburg state University*, 2014. Vol. 2, pp. 109–114. (In Russ.).
6. Kalel M., Temirgazina Z.K., Abzuldinova G.K. Konfliktnye situatsii mezhd u vroslymi i det'mi [Conflict situations between adults and children]. *Pedagogicheskii vestnik Kazakhstana = Pedagogical Bulletin of Kazakhstan*, 2020, no. 1, pp. 45–54. (In Russ.).
7. Kashapov M.M., Poshekhonova Yu.V. Kognitivnye kharakteristiki pedagogov v usloviyakh konfliktного взаимодействия s det'mi [Cognitive characteristics of teachers in the context of conflict interaction with children]. *Vestnik Vladimirskego gosudarstvennogo universiteta imeni Aleksandra Grigor'evicha i Nikolaya Grigor'evicha Stoletovykh = Bulletin of the Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov Vladimir state University*, 2017, no. 29, pp. 98–105. (In Russ.).
8. Krasnyanskaya T.M., Tylets V.G. Psikhologicheskaya bezopasnost' v sisteme faktorov sanatorno-kurortnogo ozdorovleniya [Psychological safety in the system of factors of health resort improvement]. *Voprosy kurortologii, fizioterapii i lechebnoi fizicheskoi kul'tury = Questions of balneology, physiotherapy and therapeutic physical culture*, 2017, no. 4, pp. 26–30. DOI:10.17116/kurort201794426-30 (In Russ.).
9. Krasnyanskaya T.M., Tylets V.G. Resursy psikhologicheskoi bezopasnosti lichnosti v zavisimosti ot trudovogo statusa pensionera [Personal psychological security resources depending on the pensioner's employment status]. *Uspekhi gerontologii = Advances in gerontology*, 2018. Vol. 31, no. 1, pp. 39–45. (In Russ.).
10. Kudaka M.A., Maralov V.G., Nurtaev E.R. Otnoshenie k opasnostyam kazakhskikh i rossiiskikh studentov [Attitude to the dangers of Kazakh and Russian students]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta = Bulletin of the Moscow state regional University*, 2018, no. 3, pp. 156–173. (In Russ.).
11. Kuular Sh.V., Buduk-ool L.K. Psikhofiziologicheskie osobennosti studentov s raznym tipom strategii povedeniya v konfliktnykh situatsiyakh [Psychophysiological features of students with

- different types of behavior strategies in conflict situations]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Novosibirsk state pedagogical University*, 2017, no. 5, pp. 67–80. (In Russ.).
12. Lymar' N.G. Psikhologicheskie sredstva razresheniya mezhlichnostnogo konflikta. Avtopef. diss. kand. psikhol. nauk. [Psychological means of resolving interpersonal conflict. PhD (Psychology) Thesis]. Novosibirsk, 2008. 20 p. (In Russ.).
13. Molokoedov A.V., Slobodchikov I.M., Frants S.V. Bezopasnost' lichnosti: kompleksnyi analiz [Elektronnyi resurs] [Personal security: a comprehensive analysis]. «Lev LLC», 2017. URL: <https://litportal.ru/avtory/andrey-molokoedov/kniga-bezopasnost-lichnosti-kompleksnyy-analiz-805756.html> (Accessed 02.10.2020). (In Russ.).
14. Obolonskii Yu.V. Fenomen outsorsinga v Rossiiskoi Federatsii kak psikhologicheskii instrument v upravlenii konfliktami na predpriyatiyakh real'nogo sektora [The phenomenon of outsourcing in the Russian Federation as a psychological tool in conflict management at real sector enterprises]. *Zhivaya psikhologiya = Zhivaya psikhologiya*, 2020, no. 4, pp. 19–29. (In Russ.).
15. Smirnova Yu.S., Dovgilovich A.E. Vzaimosvyaz' kognitivnoi fleksibil'nosti i tipov reagirovaniya na konflikt starshikh shkol'nikov i studentov [Interrelation of cognitive flexibility and types of reaction to the conflict of senior schoolchildren and students]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya = Journal of the Belarusian State University. Philosophy. Psychology*, 2020, no. 3, pp. 53–59. (In Russ.).
16. Stepanova O.S., Nikolaeva A.A. Issledovanie kharaktera konfliktov mezhdu roditelyami i pedagogami v obrazovatel'noi organizatsii [Study of the nature of conflicts between parents and teachers in an educational organization]. *Pedagogika i prosveshchenie = Pedagogy and education*, 2020, no. 4, pp. 1–17.
17. Stoyanova I.Ya., Smirnova N.S. Prediktory psikhologicheskoi bezopasnosti u patsientov depressivnogo spektra [Predictors of psychological safety in patients with depressive spectrum]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii = Medical psychology in Russia*, 2018. Vol. 10, no. 1(48), p. 6. (In Russ.).
18. Tylets V.G., Krasnyanskaya T.M. Psikhologicheskie osobennosti predstavlenii lyubitelei proizvedenii fantasticheskogo i detektivnogo zhanrov o sub'ekte bezopasnosti [Psychological Peculiarities of Safety Concepts in Fans of Science Fiction and Detectives]. *Eksperimental'naya psikhologiya = Experimental Psychology (Russia)*, 2020. Vol. 13, no. 3, pp. 180–193. DOI:10.17759/exppsy.2020130314 (In Russ.).
19. Ulybina E.V., Filippova A.E. Vklad sotsial'nykh verovanii i situativnykh faktorov v podderzhku namereniya odnoi iz storon zashchishchat' svoi interesy v organizatsionnom vertikal'nom konflikte [The contribution of social beliefs and situational factors to support the intention of one of the parties to protect their interests in an organizational vertical conflict]. *Organizatsionnaya psikhologiya = Organizational Psychology*, 2020, no. 2, pp. 58–74. (In Russ.).
20. Khusainova S.V., Galimov R.R. Dominiruyushchie strategii povedeniya kursantov pri razreshenii konfliktnykh situatsii v uchebno-professional'noi deyatel'nosti [Dominating strategies of cadets' behavior in resolving conflict situations in educational and professional activities]. *Gumanitarnye nauki = Humanitarian science*, 2020, no. 3, pp. 158–162. (In Russ.).
21. Shevtsova Yu.V., Plotnova S.V., Kozlovskaya E.Yu. Rol' kommunikativnoi kompetentsii vracha v organizatsii effektivnogo vzaimodeistviya s patsientom i v razreshenii i predotvrashchenii konfliktnykh situatsii [The role of the doctor's communicative competence in the organization of effective interaction with the patient and in the resolution and prevention of conflict situations]. *Azimet nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya = Azimet of scientific research: Pedagogy and psychology*, 2020, no. 1, pp. 399–403. (In Russ.).

Информация об авторах

Тылец Валерий Геннадьевич, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры фонетики и грамматики французского языка, ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет» (ФГБОУ ВО МГЛУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5387-6570>, e-mail: tyletsvalery@yandex.ru

Краснянская Татьяна Максимовна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей, социальной психологии и истории психологии, АНО ВО «Московский гуманитарный университет» (АНО ВО МосГУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4572-6003>, e-mail: ktm8@yandex.ru

Иохвидов Владимир Вячеславович, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии, ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт» (ГБОУ ВО СГПИ), г. Ессентуки, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2081-8005>, e-mail: vl наука@mail.ru

Information about the authors

Valery G. Tylets, Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Phonetics and Grammar of the French Language, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5387-6570>, e-mail: tyletsvalery@yandex.ru

Tatyana M. Krasnyanskaya, Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of General, Social Psychology and History of Psychology, Moscow University for the Humanities, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4572-6003>, e-mail: ktm8@yandex.ru

Vladimir V. Iokhvidov, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology, Stavropol State Pedagogical Institute, Yessentuki, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2081-8005>, e-mail: vl наука@mail.ru

Получена 25.11.2020

Принята в печать 28.01.2022

Received 25.11.2020

Accepted 28.01.2022

Roles of Achievement, Impulse Control, Gender, and Democratic Parenting as Predictors of Friendship Quality Among Students

M. Yuksel Erdogdu

Istanbul Sabahattin Zaim University, Istanbul, Turkey

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6403-5630>, **e-mail:** myerdogdu@gmail.com

Objective. *This research aimed to explore the roles of achievement, impulse control, gender, and democratic parenting in predicting the students' friendship quality.*

Background. *The choice of friends of children, especially during their adolescence, greatly affects their social development. For this reason, determining the variables that affect adolescents' choice of friends and regulating their friendships are of great importance.*

Study design. *In determining the friendship quality of students, success impulse control, the effect of gender and the role of the democratic family and the order of importance were examined. For this purpose, descriptive statistics and Pearson's Product-Moment coefficient and stepwise regression analysis were used in the research.*

Participants. *The research was conducted with 589 students attending three different high schools in Küçükçekmece, İstanbul. Mean age of the students was 16.18 (SD=1,22) and their mean achievement was 74.25 (SD=3,42).*

Measurements. *In this study Barratt Impulsiveness Scale, Friendship Quality Scale, and Parenting Style Scale were utilized, and grade points of the students were taken from their school reports of the previous year for their achievement levels.*

Results. *According to the results, students' friendship quality scores were positively correlated with impulse control, achievement, democratic parenting style, and gender. The strongest predictors of friendship quality were democratic parenting styles, impulse control, achievement, and gender, respectively.*

Conclusions. *In this context, it has been revealed that the democratic family is an important factor in determining the friendship quality, and that families have important responsibilities in the choice of friends of their children.*

Keywords: *friendship quality, impulsiveness, democratic parenting style, achievement.*

For citation: Erdogdu M.Yu. Roles of Achievement, Impulse Control, Gender, and Democratic Parenting as Predictors of Friendship Quality Among Students. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 1, pp. 174–188. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130111>

Роль достижений, контроля импульсивности, гендерной принадлежности и демократического стиля воспитания как предикторов качества дружбы среди учащихся

Эрдогду М.Ю.

Стамбульский университет Сабахаттин Заим, Стамбул, Турция

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6403-5630>, **e-mail:** myerdogdu@gmail.com

Цель. Исследование направлено на изучение роли достижений, контроля импульсивности, гендерной принадлежности и демократического стиля воспитания в прогнозировании качества дружбы учащихся.

Контекст и актуальность. Выбор друзей детьми, особенно в подростковом возрасте, сильно влияет на их социальное развитие, поэтому выявление переменных, влияющих на выбор друзей подростками, и регулирование их дружеских отношений имеют большое значение.

Дизайн исследования. Для определения качества студенческой дружбы исследовались контроль импульсивности, успех, влияние гендерной принадлежности и роли демократичности семьи, а также порядок их значимости. Для анализа полученных данных были использованы коэффициент корреляции Пирсона и пошаговый регрессионный анализ.

Участники. Исследование было проведено с участием 589 учащихся трех средних школ в Куцукчекмедже, г. Стамбул. Средний возраст студентов составил 16,18 лет ($SD=1,22$), а их средняя успеваемость — 74,25 балла ($SD=3,42$).

Методы (инструменты). В исследовании использовались шкала импульсивности Барратта, шкала качества дружбы и шкала стиля воспитания, а оценки учащихся были взяты из их школьных отчетов за предыдущий год, чтобы оценить уровень достижений.

Результаты. Согласно полученным результатам, качественные показатели студенческой дружбы положительно коррелировали с контролем импульсивности, достижениями, демократическим стилем воспитания и гендерной принадлежностью учеников. Самыми сильными предикторами качества дружбы выступили демократический стиль воспитания, контроль импульсивности, достижения и гендерная принадлежность.

Основные выводы. В данном исследовании было выявлено, что демократический стиль воспитания является важным фактором, определяющим качество дружбы, и что семьи несут ответственность за выбор друзей своих детей.

Ключевые слова: качество дружбы, импульсивность, демократический стиль воспитания, достижения.

Для цитаты: Эрдогду М.Ю. Роль достижений, контроля импульсивности, гендерной принадлежности и демократического стиля воспитания как предикторов качества дружбы среди учащихся // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 1. С. 174—188. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130111>

Introduction

The friendship relations of children have a great contribution to the socialization process of human as a social being. Even though the socialization process starts with families, it falls short of producing functioning social individuals without the contribution of friendship. A child's friendship relations affect not only the socialization process but also the psychological attributes such as emotional and personality development. For this reason, friendship relationships have a very important place in a young person's life.

Friendship is a form of relationship in which parties are together of their own free

will, love and in order to meet social and emotional needs [20] and join mutual entertainment and interaction [34]. Friendship is the relationship between two or more people who protect and support each other [37] and can be reached when needed and are reliable [62]. This form of relationship usually develops informally. L. Steinberg [65] states that friend relations are built on intimacy, and involves an emotional link between two people. The sharing attributes inherent in friendships relationship contributes to satisfying socio-emotional needs and requirements of being intimate [28] and also to acquiring a sense of belonging to a group [52]. Friendship is also a process that

improves cooperation and support for each other among individuals [72]. Friendship is an important form of relationship especially for children in terms of developing a desire to get attention and to be respected among individuals [7]. While such relationships are perceived as positive in general, challenging factors such as getting into competition, establishing superiority, conflicting, and peer pressure can harm this process [7; 45]. Friendship quality is also defined as individuals helping other individuals voluntarily (pro-social behavior) without having any expectations [66], being close and loyal, and avoiding conflict whenever possible [6]. However, [8] define the quality of friendship as the qualities of the interactions between individuals, while [54] express the quality of friendship as friends accepting each other. According to [56], what defines intimacy and quality in friendship is to have cognitive maturity that requires looking at things from others' perspectives, to have emotional maturity that demands being competent in empathizing, and to have behavioral maturity that involves respecting others' thoughts and behaving accordingly.

The studies on friendship relations have examined a considerable number of intervening variables. The findings of these studies show that there is a linear relationship between friendship quality and success [79], ability [15], and school life quality [70]. They also show that those who fail to achieve impulse control are with deviant peer groups [29] and rejected by their peers [43], that boys participate in sports activities more than girls [46], that male adolescents have higher dependency on friends than girls [16]. Based on the findings of this research, the present study aims to reveal the relationships between the quality of friendship of adolescents and their achievement, impulse control, gender and family structures.

In this study, the first variable that is assumed to be related to friendship quality and is primarily considered is achievement. Achievement is defined as reaching the desired goal and gaining goals [2]. A relationship is expected between academic achievement and friendship since students show more respect to academically successful students, and try to cooperate with and develop intimacy with them. Studies have shown that there is a linear relationship between peer relationships and academic self-level, and that friendship relationships positively affect academic ability [41].

Another concept of which relationship with friendship quality was studied in the research is impulsiveness. It is observed that those with high friendship quality also have high adaptational and social acceptance levels [54], and those who have inadequate number of friends and lower-quality friendships are inclined to commit crime [61] and exhibit anti-social behaviors [39]. Similarly, research results show that individuals with higher-quality friendships do not behave impulsively. Impulsiveness is recognized as fast, inappropriate, involuntary reactions that usually have harmful outcomes [16; 64] and also addressed as the sum of actions taken consciously without any planning and regardless of their consequences [50]. Individuals who have difficulty establishing the impulse control are observed to take risks easily, be impatient, attempt to take pleasure [33], find it difficult to concentrate, and take actions by playing by ear [55]. It is observed that those who have difficulty in impulse control, experience intense interpersonal conflicts [11] and exhibit more aggressive behaviors [4]. Another important variable affecting friendship relation is gender. Differences are anticipated between genders in terms of friendship relations, choice of friends, and values attached to friendship. In this con-

text, it is assumed that gender factor plays a decisive role in identifying friendship relations; therefore, this factor was taken into consideration in this research. According to [9], gender is an important variable in determining the quality of friendship relationships. Studies show that girls value friendship more than boys [54], are more empathetic and compassionate [12], and are closer and more supportive [3]. Men, on the other hand, are more prone to competition and conflict [40].

The family environment where children's behaviors are shaped and where they learn to socialize, and acquire the skills related to life can also play a decisive role in their friendships. Parents' attitudes toward their child manifest themselves in different ways. In family environments with parents assuming democratic attitudes, emotional problems are solved successfully, and family members establish open, complementary and appropriate communications. Furthermore, roles within such families are usually distinct and family members support each other in delivering these roles. What is more, family members express their own positive or negative feelings explicitly, and parents take personal interest in their children's homework and activities [49; 78]. Democratic parents also attach importance to friendships of their children for their healthy emotional and personality development, guide them in their choice of friends [14; 72] and are aware of the importance of friendships in acquiring value judgments [48]. According to [25], the quality of intra-family communication affects the quality of the relationship between the adolescent's peers. Studies have also shown that children exposed to domestic violence experience more conflict with their friends [47], and that mothers' friendship relationships affect their children's friendship relations [30]. They also show that the quality of

communication between parents and their children plays a determining role in their children's friendship relationships [35].

Friendships are very important especially for adolescents' emotional and social development. In this context, it is important to take the necessary precautions by determining the friendship relationships of adolescents and the reasons that affect these relationships either positively or negatively. Several studies have so far examined the variables that affect friendship relations. However, the fact that the selected variables affecting the quality of friendship will be examined in order of importance makes this study different from the previous research. It is further assumed that the findings of this study will provide important data on how adults regulate their friendship relations. For these purposes, the present study aims to address the following research questions:

1. Is friendship quality correlated with impulse control, democratic parenting style, achievement, and gender?
2. What is the order of significance among impulse control, democratic parenting style, achievement, and gender in predicting the friendship quality?

Methods

Research Design. This research aimed to explore roles of impulse control, democratic parenting style, achievement, and gender which are thought to predict friendship quality. Hence, the research was conducted in the correlational model.

Population and Sample. The research population was all high school students in Küçükçekmece district of İstanbul province. With cluster sampling method, schools of lower, moderate and upper socio-economic levels were identified, and three schools were

randomly selected from each level. 589 students of these schools who volunteered for the research were included in the sample. 319 (54%) of the students are girls, and 270 (46%) are boys. Of the students, 126 (21%) were high school first-graders, 105 (18%) were second-graders, 216 (37%) were third-graders, and 142 (24%) were fourth-graders. Mean age of the students was 16.18, and their mean achievement was 74.25.

Measures. 1. Barratt Impulsiveness Scale (BIS-11): Short Form of Barratt Impulsiveness Scale (BIS-11-SF) was developed by Barratt (1959) to measure impulsiveness and adapted to Turkish by [68]. The five-point Likert scale is composed of 30 items and three subscales. These sub dimensions are; not planning, motor impulsivity, and impulsivity in attention. Lower scores mean higher impulse control. The correlations of the subscales with each other vary between 0,31 and 0,67. 15 items with the highest factor loading were selected from among the factor loadings achieved in the Turkish application of the scale. Next, the exploratory factor analysis was repeated on this 15-item form, the factor loadings were found to be within acceptable limits. According to the results of the exploratory factor analysis performed to determine the construct validity of the Barratt Impulsivity Scale, it was found that the factor loads varied between 0,52 and 0,71 for attention impulsivity, 0,34 and 0,72 for motor impulsivity, and 0,66 and 0,79 for not planning. Finally, internal consistency of the 15-item form and subscales was calculated, and Cronbach's Alphas were found to be 0,82 for the whole scale and to be ranging from 0,64 to 0,80 for the subscales. Scale's total scores were utilized in this research, and Cronbach's Alpha of the scale's total scores was calculated to be 0,78.

2. Friendship Quality Scale: This 21-item scale composed of 4 subscales was developed by [70]. Higher scores in the Likert

scale refer to higher friendship quality [1]. The scale was adapted into Turkish by [1]. Item analysis was conducted to determine the discrimination power of scale items. As a result of the analysis, it was seen that the corrected item total correlation coefficients of the scale ranged from 0,38 to 0,67. Confirmatory factor analysis showed fit indices of the scale to be on acceptable level ($\chi^2=374.29$, $sd=179$, $RMSEA=0,063$, $CFI=0,92$, $IFI=0,92$). Cronbach's Alphas of the subscales range from 0,75 to 0,82, and the internal consistency coefficient of the whole scale is 0,91. Item-total correlation coefficients of the scale vary between 0,38 and 0,67. Cronbach's Alpha of the scale's total scores were recalculated for this research and found to be 0,78.

3. Parenting Style Scale: The scale was developed by [38]. It is composed of three subscales, which are acceptance (democratic), control, and psychological autonomy, and 26 items [77]. The scale was adapted into Turkish by [77]. Reliability values of the test-retest performed on high school students were found to vary between 0,73 and 0,88, and the Cronbach's Alpha internal consistency coefficients vary between 0,66 and 0,79. For the validity study of the scale, exploratory factor analysis was performed and the variance explained by the first factor was 13,72, the variance explained by the second factor was 10,91, the variance explained by the third factor was 7,50, and the total variance of the scale was measured as 32,10. The factor loads of the acceptance (democratic) sub-dimension of the scale vary between 0,08 and 0,56, the factor loads of the control sub-dimension between 0,36 and 0,67, and the autonomy sub-dimension factor loads vary between 0,21 and 0,68. In this research, only the acceptance (democratic) subscale was used; therefore, its Cronbach's Alpha was recalculated for this research and found to be 0,82.

For achievement, grade points of the students were taken from their school reports of the previous year in the research, and a questionnaire form was created and applied by the researcher to explore participants' demographics.

Procedure and Data Analysis. Before collecting the research data, required ethical and procedural permissions were received from relevant bodies, and the students were informed of the purpose of the research. Then, the measures were applied to the volunteered students. The students were observed to complete the forms in 30 minutes on average. The application was performed with 600 students; since 11 students were found to give random answers, their forms were not included in the analysis.

Normality test was performed on the scores obtained from the measures, and skewness and kurtosis values were found to vary between -1,18 and -1,15 and 1,21 and -0,02 for the Barratt Impulsiveness Scale; between -0,19 and 1,32 and 1,00 and 0,59 for the Friendship Quality Scale; and between 0,32 and -1,00 and 0,87 and -0,91 for the Acceptance (Democratic) Subscale of the Parenting Style Scale, respectively. According to [67], if skewness and kurtosis values achieved in the test are between -1,50 and +1,50, the normality assumption is met. Pearson's Product-Moment Correlation Coefficient was utilized to explore the relationship between two variables. Stepwise regression analysis was performed to explore predictiveness levels of indepen-

dent variables used in the research on the dependent variable. In the research, the categorical variable of gender was included in the analysis after having been converted to a dummy variable produced in the amount one less than the number of levels by excluding one of the levels (female-male). In the stepwise regression analysis, variables significantly contributing to the prediction of friendship quality level were identified, and each variable's contribution to the explained total variance in the prediction of friendship quality was determined.

Results

This section addresses the descriptive statistics, correlation values, and stepwise regression analysis findings of the measures respectively. Descriptive statistics for the scores obtained in the Barratt Impulsiveness Scale (BIS-11-SF), Friendship Quality Scale (FQS) and Parenting (Democratic) Style Scale (PSS) are given in Table 1.

As seen in Table 1, mean and standard deviation values were calculated to be 42,64 and 6,25 for the Barratt Impulsiveness Scale (BIS-11-SF) scores; 64,36 and 9,43 for the Friendship Quality Scale (FQS) scores; and 21,36 and 4,20 for the Democratic subscale scores of the Parenting Style Scale (PSS), respectively. The correlation coefficients between the variables are given in Table 2.

According to Table 2, students' friendship quality scores were found positively

Table 1
Descriptive Statistics for The Scores Of Barratt Impulsiveness Scale (BIS-11-SF), Friendship Quality Scale (FQS) And Parenting (Democratic) Style Scale (PSS)

Measures	Number of items	Mean	Sd
BIS-11-SF	15	42,64	6,25
FQS	21	64,36	9,43
PSS	9	21,36	4,20

Table 2

Correlations Between the Variables in the Research

Variables	1	2	3	4	5
1. Friendship Quality	—				
2. Impulse Control	0,35**	—			
3. Democratic Parenting	0,67**	0,32**	—		
4. Achievement	0,52**	0,38**	0,56**	—	
5. Gender (female)	0,25**	0,19*	0,27**	0,30**	--

**p ≤ 0,01, * p ≤ 0,05

correlated with impulse control scores ($r=0,35$, $p<0,01$), democratic parenting scores ($r=0,67$, $p<0,01$), grade points ($r=0,52$, $p<0,01$), and gender ($r=0,25$, $p<0,01$). Students' impulse control scores were found positively correlated with democratic parenting scores ($r=0,32$, $p<0,01$), grade points ($r=0,38$, $p<0,01$), and gender ($r=0,19$, $p<0,05$). There were also positive correlations between democratic parenting scores and grade points ($r=0,58$, $p<0,01$), and gender ($r=0,27$, $p<0,01$) and between gender and grade points ($r=0,30$, $p<0,01$).

Stepwise regression analysis of the predictors of students' friendship quality levels is shown in Table 3.

The analysis was completed in four steps. Democratic parenting style with the greatest contribution to explained variance of friendship quality by 33% was included in the analysis in the first step. A positive significant relationship was observed between democratic parenting and friendship quality scores of the students. In other words, friendship quality increased as parents were perceived as more democratic. In the second step, impulse control scores

Table 3

Stepwise Regression Analysis of The Predictors of Friendship Quality Levels

Model	B	Std. Error	Beta	t	Sig.	R	R ²	ΔR ²	
1	(Constant)	1,80	0,49		3,68	0,00	0,57	0,32	0,33
	Democratic	0,22	0,02	0,57	11,95	0,00			
2	(Constant)	1,31	0,52		2,52	0,00	0,65	0,43	0,10
	Democratic	0,21	0,02	0,54	11,17	0,00			
	Impulse Control	0,11	0,04	0,13	2,75	0,01			
3	(Constant)	0,53	0,56		1,94	0,00	0,70	0,49	0,06
	Democratic	0,18	0,02	0,47	8,88	0,00			
	Impulse Control	0,09	0,04	0,13	2,07	0,01			
	Achievement	0,21	0,07	0,17	3,21	0,00			
4	(Constant)	0,42	0,46		2,35	0,00	0,71	0,51	0,02
	Democratic	0,10	0,32	0,43	7,54	0,01			
	Impulse Control	0,02	0,20	0,24	4,39	0,00			
	Achievement	0,11	0,08	0,15	3,68	0,03			
	Gender (female)	0,10	0,07	0,16	1,84	0,04			

with a contribution of 10% were included in the analysis, which increased the explained variance to 43%. A positive significant relationship was observed between impulse control and friendship quality scores of the students. That is, friendship quality increased as the students' impulse control increased. Contributing to the variance by 6%, grade points were included in the analysis in the third step, which increased the explained variance to 49%. A positive significant relationship was observed between students' grade points and friendship quality scores. As students' grade points increased, their friendship quality levels increased. In the final step, gender (female) variable with a contribution of 2% was included in the analysis, which increased the explained variance to 51%. A positive significant relationship was found between being a female and friendship quality scores. Accordingly, the girls were observed to have higher friendship quality levels than the boys.

Discussion

It was aimed with this research to explore the roles of impulse control, democratic parenting style, achievement, and gender as the predictors of friendship quality.

Results showed a positive significant relationship between impulse control and friendship quality. Given that impulsiveness is regarded as how individual acts indiscreetly [21] and exhibits angry and aggressive tendencies [5], it is not possible to expect those who act impulsively to establish healthy friendships. Considering that friendship quality means helping each other unselfishly and having the sense of solidarity and commitment, students who can establish impulse control are expected to build higher-quality friendships. It is ob-

served that adolescents who behave impulsively have deteriorated quality of life [50] and act inconsiderately within the group [13]. The study performed by [23] shows that those with impulsive behaviors pose important problems within the social circle. Furthermore, research findings showing that individuals with impulsive behaviors exhibit anti-social behaviors [44; 60] coincide with this finding of the research.

According to the research findings, adolescents whose parents had democratic style tended to establish higher-quality friendships. It is thought that such students establish friendships more consciously and selectively as their parents are supportive of their emotional and social development, contribute to their healthy development, respect their decisions and trust them. It is observed that students who describe their fathers as accepting and affectionate have more healthy peer relations [22]. Studies have shown that adolescents who perceive their parents as authoritarian experience afraid of social exclusion [24].

Results showed a positive significant relationship between students' grade points and friendship quality. It is thought that successful students have higher friendship quality as they are respected within the group, participate in group activities more and are willing to conduct successful activities with the group. Previous research has shown that successful and talented students have better friend relations [73] and students who receive social support from their friends and teachers are academically more successful [17; 42; 75].

A significant relationship was found between students' gender and friendships. Girls were observed to have more positive friendship quality than boys. In other words, girls attach more importance to friendship quality. For reasons such as reaching puberty earlier and sharing their

privacy with their same-sex friends more, one can think that girls care about friendship quality more than boys. G.B. Çevik [18] found boys to have more friends than girls while [69] concluded that girls regarded their relationships with their same-sex friends as more important compared to boys, and girls felt more connected to each other. In another study performed by [36], girls tended to go for older friends compared to boys, which shows that girls attach more importance to friendship quality.

In the analysis performed for the prediction of friendship quality, democratic parenting style was found to be the strongest predictor of friendship quality. Parents' sensitivity and concerns about their children's choice of friends especially during adolescence have been addressed several times to date. This research finding is important as it indicates how valuable parental behaviors are in children's choice of quality friends. In general, it is thought that children raised in democratic families choose higher-quality friends as democratic parents are role models for their children and a sense of warmth and trust is present in the family; in such an environment, young people can express their problems within the family and do believe that they can be understood within the family. Research has shown that adolescents whose family relations are based on respect and love acquire the sense of solidarity and have more healthy friendships [59] and children raised with a bond of trust within the family get into higher-quality friend groups and manage their friendships more successfully [58]. Parents' healthy communication and democratic styles in regard to their children's choice of friends define the quality of friendships and whether friend relations are successful and healthy [26].

The second strongest predictor of friendship was found to be impulse control

in the research. While impulsiveness is accepted as being partly positive, it is also described as a force that paves the way for negative behaviors such as aggression and perpetration especially among adolescents [74]. In addition, due to their inclination to achieve pleasure immediately and satisfy themselves, individuals with impulsive behaviors may exhibit risk-taking behaviors such as suicide [32] and problematic behaviors such as substance abuse [9; 51; 80]. In this sense, individuals with impulsive behaviors may exhibit behaviors which will cause emotional or physical troubles, which can lead to harmful habits such as substance abuse. Thus, it seems difficult for adolescents who fail at ensuring their impulse control to establish quality, coherent and successful friendships. [53] found adolescents with signs of impulsiveness to have problematic relationships and experience behavioral problems. [29] found individuals with impulsive behaviors to have deviant friends, and [57] concluded a negative relationship between the scores of impulsiveness behavior scale and positive social friends and behaviors scale.

The third strongest predictor of friendship was found to be achievement in the research. In other words, successful students had higher-quality friends. It is thought that achievement contributes to the formation of quality friendships since successful students are taken as examples in the classroom, are supported by teachers and other students, and there is an expectation of mutual help among students. According to [76], friendships are highly decisive in feeling competent and successful. In the research carried out by [31], students paid the most attention to properties such as achievement, being good and honest in their choice of friends. Accordingly, findings of previous research coincide with the results of the present research.

The fourth strongest predictor of friendship quality was found to be gender. Girls attached more importance to friendship quality than boys did. It is thought that girls care about friendship quality as they intensively desire to share their private lives with each other, they grow up under more pressure compared to boys in Turkey, and therefore, feel the urge to be understood. [27] found girls to attach more importance to sincerity, supportive behaviors and emotional behaviors in their friendships with each other.

Conclusion

Today, choice of friends especially during adolescence is a source of great concern for parents. Being the strongest predictor of friendship quality in the research, parents' democratic style is very important when raising their children. Thus, it is important for practitioners working with young people to raise awareness of parents about child rearing and to carry out awareness studies on the importance of democratic attitude and supportive communication in raising their children. It is necessary to identify young people who are insufficient

to provide impulse control, to reveal the causes of behavioral problems, and to provide the necessary psycho-social support. However, it is observed that academically unsuccessful young people are incompetent at establishing healthy friendships. Therefore, studies should be performed for teachers, parents and psychological counselors to explore the reasons for academic failures and to increase the self-confidence of young people about being successful. Friendship quality is of great importance in child's social development. It is therefore deemed important to conduct other studies in friendship quality. The research was performed in the correlational model. It is recommended to carry out qualitative research which will allow for in-depth examination of friendship quality and structural equation modeling studies which will explore the effect of multiple variables. Having determined the order of significant for variables related to friendship quality with a regression analysis is the strength of this research. However, the fact that it was conducted only with three schools in a limited area is one limitation of the research. Hence, it is recommended to take care to generalize these research results and carry out similar studies with different sample groups.

References

1. Akın A., Karduz D.Ö.F.F.A., Akın Ü. Arkadaşlık kalitesi ölçeği türkçe formunun geçerlik ve güvenilirliği [Elektronnyi resurs] [The validity and reliability of Turkish version of the friendship quality scale]. *Journal of Research in Education and Teaching*, 2014, no. 4, pp. 3–26. URL: <http://www.jret.org/FileUpload/ks281142/File/35.akin.pdf>
2. Balcı A. Açıklamalı eğitim yönetimi terimleri sözlüğü [Elektronnyi resurs] [Dictionary of explanatory educational management terms]. Ankara: Tek Ağaç., 2005. DOI:10.14527/9786053640745
3. Bank B.J., Hansford S.L. Gender and friendship: Why are men's best same-sex friendships less intimate and supportive? [Elektronnyi resurs]. *Personal Relationships*, 2000. Vol. 7, no. 1, pp. 63–78. DOI:10.1111/j.1475-6811.2000.tb00004.x
4. Berg J.M., Latzman R.D., Bliwise N.G., Lilienfeld S.O. Parsing the heterogeneity of impulsivity: A meta-analytic review of the behavioral implications of the UPPS for psychopathology [Elektronnyi resurs]. *Psychological Assessment*, 2015. Vol. 27, no. 4, pp. 1129. DOI:10.1037/pas0000111

5. Berman A.L., Jobes D.A., Silverman M.M. Adolescent suicide: Assessment and intervention. American Psychological Association, 2006. 464 p.
6. Berndt T.J. Friendship quality and social development. *Current Directions in Psychological Science*, 2002. Vol. 11, no. 1, pp. 7–10.
7. Berndt T.J. The Dark Side of Friendship: Questions about Negative Interactions between friends. 1999. 17 p.
8. Berndt T.J., Perry T.B. Children's perceptions of friendships as supportive relationships [Elektronnyi resurs]. *Developmental Psychology*, 1986. Vol. 22, no. 5, pp. 640. DOI:10.1037/0012-1649.22.5.640
9. Bernstein M.H., McSheffrey S.N., van den Berg J.J., Vela J.E., Stein L.A.R., Roberts M.B., Clarke J.G. The association between impulsivity and alcohol/drug use among prison inmates [Elektronnyi resurs]. *Addictive Behaviors*, 2015. Vol. 42, pp. 140–143. DOI:10.1016/j.addbeh.2014.11.016
10. Berscheid E., Reis N.T. Attraction and close friendship. In D. Gilbert., S.T. Fiske and G. Lindzey (Eds.). *The handbook of Social Psychology*, (4th ed.). New York: McGraw Hill, 1998. Vol. 2, pp. 193–281.
11. Bi B., Liu W., Zhou D., Fu X., Qin X., Wu J. Personality traits and suicide attempts with and without psychiatric disorders: analysis of impulsivity and neuroticism [Elektronnyi resurs]. *BMC Psychiatry*, 2017. Vol. 17, no. 1, pp. 294. DOI:10.1186/s12888-017-1453-5
12. Boling M.W., Barry C.M., Kotchick B.A., Lowry J. Relations among early adolescents' parent-adolescent attachment, perceived social competence, and friendship quality [Elektronnyi resurs]. *Psychological Reports*, 2011. Vol. 109, no. 3, pp. 819–841. DOI:10.2466/02.07.09.21.PR0.109.6.819-841
13. Braquehais M.D., Oquendo M.A., Baca-García E., Sher L. Is impulsivity a link between childhood abuse and suicide? [Elektronnyi resurs]. *Comprehensive Psychiatry*, 2010. Vol. 51, no. 2, pp. 121–129. DOI:10.1016/j.comppsy.2009.05.003
14. Brown B.B., Mounts N., Lamborn S.D., Steinberg L. Parenting practices and peer group affiliation in adolescence. *Child Development*, 1993. Vol. 64, no. 2, pp. 467–482.
15. Buhrmester D. Intimacy of friendship, interpersonal competence, and adjustment during preadolescence and adolescence. *Child Development*, 1990. Vol. 61, no. 4, pp. 1101–1111. DOI:10.1111/j.1467-8624.1990.tb02844.x
16. Chamberlain S.R., Sahakian B.J. The neuropsychiatry of impulsivity. *Current Opinion in Psychiatry*, 2007. Vol. 20, no. 3, pp. 255–261. DOI:10.1097/YCO.0b013e3280ba4989
17. Cutrona C.E., Cole V., Colangelo N., Assouline S.G., Russell D.W. Perceived parental social support and academic achievement: An attachment theory perspective [Elektronnyi resurs]. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1994. Vol. 66, no. 2, pp. 369. DOI:10.1037/0022-3514.66.2.369
18. Çevik G.B. Lise 3. Sınıf öğrencilerinin arkadaşlık ilişkileri ve benlik saygılarının bazı değişkenler açısından incelenmesi [Examination of friendships and self-esteem levels among high school third-grade students by certain variables. Unpublished Master's Thesis]. Çukurova Üniversitesi, 2007. 114 p.
19. Çevik G.B., Çelikkaleli Ö. Ergenlerin arkadaş bağlılığı ve internet bağımlılığının cinsiyet ebeveyn tutumu ve anne baba eğitim düzeylerine göre incelenmesi [Elektronnyi resurs] [Examination of friendship commitment and internet addiction among adolescents by gender, parenting style and parents' educational levels]. *Çukurova University Journal of Social Sciences*, 2010. Vol. 19, no. 3, pp. 225–240. URL: <https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/50626>
20. Demir M., Özdemir M. Friendship need satisfaction and happiness [Elektronnyi resurs]. *Journal of Happiness Studies*, 2010. Vol. 11, no. 2, pp. 243–259. DOI:10.1007/s10902-009-9138-5
21. Dickman S.J. Functional and dysfunctional impulsivity: personality and cognitive correlates [Elektronnyi resurs]. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1990. Vol. 58, no. 1, pp. 95. DOI:10.1037/0022-3514.58.1.95

22. Doğruyol S. Algılanan anne-baba tutumu ve ebeveyne bağlanma ile akran ilişkileri arasındaki ilişkide benlik saygısının aracılık rolü [Mediating Role of Self-Esteem in the Relationship between Perceived Parenting Style and Parental Attachment and Peer Relations. Postgraduate thesis]. Mersin University, 2018. 74 p.
23. Erel Ö., Gölge Z.B. Üniversite öğrencilerinde riskli davranışlar ile çocukluk çağı istismar, dürtüsellik ve riskli davranışlar arasındaki ilişki [Elektronnyi resurs]. [Relationship between risk-taking behaviors and childhood abuse, impulsiveness and risk-taking behaviors among undergraduates]. *Anatolian Journal of Psychiatry*, 2015. Vol. 16, no. 3, pp. 12–18. DOI:10.5455/apd.167082
24. Erkan Z. Ergenlerin sosyal kaygı düzeyler, ana-baba tutumları ve ailede görülen risk faktörler üzerine bir çalışma [A study on adolescents' social anxiety levels, parenting styles and risk factors observed in the family. Dr. Sci. Thesis]. Çukurova University, 2002. 147 p.
25. Ersanlı K. Davranışlarımız, gelişim ve öğrenme. Samsun: Eser Ofset Matbaacılık, 2005. 436 p.
26. Erwin P. Friendship and peer relations in children [Elektronnyi resurs]. John Wiley & Sons, 1993. URL: <https://psycnet.apa.org/record/1993-98164-000>
27. Fehimoğlu Sinan S. Benlik, batılılaşma, yakın arkadaşlık ilişkisi: ailesel benlik üzerine bir araştırma [Self, Westernization, close friendship: Research on familial self. Postgraduate thesis]. Boğaziçi Üniversitesi, 1998. 151 p.
28. Furman W., Buhrmester D. Children's perceptions of the personal relationships in their social networks [Elektronnyi resurs]. *Developmental Psychology*, 1985. Vol. 21(6), pp. 1016–1024. DOI:10.1037/0012-1649.21.6.1016
29. Galambos N.L., Maggs J.L. Out-of-school care of young adolescents and self-reported behavior [Elektronnyi resurs]. *Developmental Psychology*, 1991. Vol. 27, no. 4, pp. 644. DOI:10.1037/0012-1649.27.4.644
30. Glick G.C. Adolescent friendship quality and emotional adjustment: examining the role of mothers' own friendships. Dr. Sci. diss. University of Missouri–Columbia, 2011. 90 p.
31. Gündoğdu R. İlköğretim 3., 4. ve 5. Sınıf çocuklarının arkadaşlık konusundaki görüşleri ve arkadaşlık seçimlerini etkileyen etmenler [Factors affecting elementary school third-, fourth-, and fifth-grade students' opinions on friendship and their choice of friends. Postgraduate thesis]. Çukurova Üniversitesi, 2003. 162 p.
32. Gvion Y., Apter A. Suicide and suicidal behavior [Elektronnyi resurs]. *Public Health Reviews*, 2012. Vol. 34, no. 2. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/BF03391677.pdf>
33. Hollander E., Evers M. New developments in impulsivity. *The Lancet*, 2001. Vol. 358 (9286):949-50. DOI:10.1016/S0140-6736(01)06114-1
34. Howes C. Patterns of friendship [Elektronnyi resurs]. *Child Development*, 1983, pp. 1041–1053. DOI:10.2307/1129908
35. İnanç B.Y., Bilgin M., Atıcı M.K. Gelişim psikolojisi çocuk ergen gelişimi. Adana: Nobel Kitabevi, 2004. 293 p.
36. Kılıççı Y. Okulda ruh sağlığı [Mental health in school]. Ankara: Anı Yayıncılık, 2000. 246 p.
37. Kimmel D.C., Weiner I.B. Adolescence: A developmental transition [Elektronnyi resurs]. John Wiley & Sons Incorporated, 1995. URL: <https://www.freepsychotherapybooks.org/ebook/adolescence-a-developmental-transition/>
38. Lamborn S.D., Mounts N.S., Steinberg L., Dornbusch S.M. Patterns of competence and adjustment among adolescents from authoritative, authoritarian, indulgent, and neglectful families [Elektronnyi resurs]. *Child development*, 1991. Vol. 62, no. 5, pp. 1049–1065. DOI:10.1111/j.1467-8624.1991.tb01588.x
39. Lansford J.E., Criss M.M., Pettit G.S., Dodge K.A., Bates J.E. Friendship quality, peer group affiliation, and peer antisocial behavior as moderators of the link between negative parenting and adolescent externalizing behavior [Elektronnyi resurs]. *Journal of Research on Adolescence*, 2003. Vol. 13, no. 2, pp. 161–184. DOI:10.1111/1532-7795.1302002

40. Lee H., Munk T. Using regression discontinuity design for program evaluation. In *Proceedings of the 2008 Joint Statistical Meeting*, 2008, pp. 3–7. Alexandria (VA): American Statistical Association.
41. Lee S.Y. The effects of peers on the academic and creative talent development of a gifted adolescent male [Elektronnyi resurs]. *Journal of Secondary Gifted Education*, 2002. Vol. 14, no. 1, pp. 19–29. DOI:10.4219/jsge-2002-387
42. Legault L., Green-Demers I., Pelletier L. Why do high school students lack motivation in the classroom? Toward an understanding of academic amotivation and the role of social support [Elektronnyi resurs]. *Journal of Educational Psychology*, 2006. Vol. 98, no. 3, pp. 567. DOI:10.1037/0022-0663.98.3.567
43. Lengua L.J., Wolchik S.A., Sandler I.N., West S.G. The additive and interactive effects of parenting and temperament in predicting adjustment problems of children of divorce [Elektronnyi resurs]. *Journal of Clinical Child Psychology*, 2000. Vol. 29, no. 2, pp. 232–244. DOI:10.1207/S15374424jccp2902_9
44. Loney B.R., Frick P.J., Clements C.B., Ellis M.L., Kerlin K. Callous-unemotional traits, impulsivity, and emotional processing in adolescents with antisocial behavior problems [Elektronnyi resurs]. *Journal of Clinical Child and Adolescent Psychology*, 2003. Vol. 32, no. 1, pp. 66–80. DOI:10.1207/1537442036053307710.1207/15374420360533077
45. Marion D. Longitudinal change in friendship quality and adolescent adjustment. (Master's Thesis). Available from Proquest Dissertations and Theses database (No. 1452451), 2008. 79 p.
46. Mathur R., Berndt T.J. Relations of friends' activities to friendship quality [Elektronnyi resurs]. *The Journal of Early Adolescence*, 2006. Vol. 26, no. 3, pp. 365–388. DOI:10.1177/0272431606288553
47. McCloskey L.A., Stuewig J. The quality of peer relationships among children exposed to family violence [Elektronnyi resurs]. *Development and Psychopathology*, 2001. Vol. 13, no. 1, pp. 83–96. DOI:10.1017/s0954579401001067
48. McNelles L.R., Connolly J.A. Intimacy between adolescent friends: Age and gender differences in intimate affect and intimate behaviors [Elektronnyi resurs]. *Journal of Research on Adolescence*, 1999. Vol. 9, no. 2, pp. 143–159. DOI:10.1207/s15327795jra0902_2
49. Miller I.W., Ryan C.E., Keitner G.I., Bishop D.S., Epstein N.B. The McMaster approach to families: Theory, assessment, treatment and research [Elektronnyi resurs]. *Journal of Family Therapy*, 2000. Vol. 22, no. 2, pp. 168–189. DOI:10.1111/1467-6427.00145
50. Moeller F.G., Barratt E.S., Dougherty D.M., Schmitz J.M., Swann A.C. Psychiatric aspects of impulsivity [Elektronnyi resurs]. *American Journal of Psychiatry*, 2001. Vol. 158, no. 11, pp. 1783–1793. DOI:10.1176/appi.ajp.158.11.1783
51. Moreno M., Estevez A.F., Zaldivar F., Montes J.M.G., Gutiérrez-Ferre V.E., Esteban L., ... Flores P. Impulsivity differences in recreational cannabis users and binge drinkers in a university population [Elektronnyi resurs]. *Drug and Alcohol Dependence*, 2012. Vol. 124, no. 3, pp. 355–362. DOI:10.1016/j.drugalcdep.2012.02.011
52. Nadkarni A., Hofmann S.G. Why do people use Facebook? [Elektronnyi resurs]. *Personality and Individual Differences*, 2012. Vol. 52, no. 3, pp. 243–249. DOI:10.1016/j.paid.2011.11.007
53. Öner Ö., Ergüder T., Çakır B., Ergun U., Er ahin Y., Erol N., Özcebe H. Mental problems and impulsivity reported by adolescents: an epidemiological study [Elektronnyi resurs]. *Turkish Journal of Psychiatry*, 2013. Vol. 24, no. 1, pp. 35–43. URL: <http://turkpsikiyatri.com/Data/UnpublishedArticles/b92cy3.pdf>
54. Parker J.G., Asher S.R. Friendship and friendship quality in middle childhood: Links with peer group acceptance and feelings of loneliness and social dissatisfaction [Elektronnyi resurs]. *Developmental Psychology*, 1993. Vol. 29, no. 4, pp. 611. DOI:10.1037/0012-1649.29.4.611
55. Patton J.H., Stanford M.S., Barratt E.S. Factor structure of the Barratt impulsiveness scale [Elektronnyi resurs]. *Journal of Clinical Psychology*, 1995. Vol. 51, no. 6, pp. 768–774. DOI:10.1002/1097-4679(199511)51:6<768::AID-JCLP2270510607>3.0.CO;2-1

56. Paul E.L., White K.M. The development of intimate relationships in late adolescence [Elektronnyi resurs]. *Adolescence*, 1990. Vol. 25, no. 98, pp. 375. URL: <https://search.proquest.com/openview/6d3ff3c1b54e0bc395db25219b963905/1?pq-origsite=scholar&cbl=41539>
57. Pekel U.N., Sayıl M. Suça karışmış ergenlerde problem ve olumlu sosyal davranışlar: ergen, anne ve arkadaş özellikleriyle ilişkileri [Elektronnyi resurs] [Individual, maternal and peer characteristics in problematic and positive social behaviors among adolescents who are involved in crime: direct and mediating relationships]. *Turkish Journal of Psychiatry*, 2013. Vol. 28, no. 71, pp. 57–69. URL: https://www.tedu.edu.tr/sites/default/files/content_files/research_files/pekel_uludagli_sayil_2013_0.pdf
58. Puklek M. Adolescent individuation in relation to parents and friends: Age and gender differences [Elektronnyi resurs]. *European Journal of Developmental Psychology*, 2006. Vol. 3, no. 3, pp. 238–264. DOI:10.1080/17405620500463864
59. Repinski D.J., Zook J.M. Three measures of closeness in adolescents' relationships with parents and friends: Variations and developmental significance [Elektronnyi resurs]. *Personal Relationships*, 2005. Vol. 12, no. 1, pp. 79–102. DOI:10.1111/j.1350-4126.2005.00103.x
60. Romero E., Luengo M.A., Sobral J. Personality and antisocial behaviour: Study of temperamental dimensions [Elektronnyi resurs]. *Personality and Individual Differences*, 2001. Vol. 31, no. 3, pp. 329–348. DOI:10.1016/S0191-8869(00)00139-2
61. Salmivalli C., Isaacs J. Prospective relations among victimization, rejection, friendlessness, and children's self-and peer-perceptions [Elektronnyi resurs]. *Child Development*, 2005. Vol. 76, no. 6, pp. 1161–1171. DOI:10.1111/j.1467-8624.2005.00841.x-i1
62. Serrano R.G. Mexican-American adolescent self-disclosure in friendship formation. *Adolescence*, 1984. Vol. 19, no. 75, pp. 539–549.
63. Smith A.B., Inder P.M. Social interaction in same and cross gender preschool peer groups: A participant observation study [Elektronnyi resurs]. *Educational Psychology*, 1993. Vol. 13, no. 1, pp. 29–42. DOI:10.1080/0144341930130104
64. Stanford M.S., Anderson N.E., Lake S.L., Baldridge R.M. Pharmacologic treatment of impulsive aggression with antiepileptic drugs. *Current Treatment Options in Neurology*, 2009. Vol. 11, no. 5, pp. 383–390. DOI:10.1007/s11940-009-0043-3
65. Steinberg L. Cognitive and affective development in adolescence [Elektronnyi resurs]. *Trends in Cognitive Sciences*, 2005. Vol. 9, no. 2, pp. 69–74. DOI:10.1016/j.tics.2004.12.005
66. Swit C., McMaugh A. Relational aggression and prosocial behaviours in Australian preschool children [Elektronnyi resurs]. *Australasian Journal of Early Childhood*, 2012. Vol. 37, no. 3, pp. 30–34. DOI:10.1177/183693911203700305
67. Tabachnick B.G., Fidell L.S. Using multivariate statistics [Elektronnyi resurs]. Boston: Pearson, 2007. URL: <https://www.pearsonhighered.com/assets/preface/0/1/3/4/0134790545.pdf>
68. Tamam L., Güleç H., Karatas G. Barratt Dürtüsellik Ölçeği Kısa Formu (BIS-11-KF) Türkçe uyarılama çalışması [Elektronnyi resurs] [Short Form of Barratt Impulsiveness Scale (BIS-11-SF) Turkish Adaptation Study]. *Noro-Psikiyatri Arsivi*, 2013. Vol. 50, no. 2, pp. 130. DOI:10.4274/npa.y6296
69. Taysi E. Benlik saygısı, arkadaşlardan ve aileden sağlanan sosyal destek [Self-esteem, social support from friends and family. Dr. Sci. diss.]. Ankara University, 2000. 88 p.
70. Thien L.M., Razak N.A. Academic coping, friendship quality, and student engagement associated with student quality of school life: A partial least square analysis [Elektronnyi resurs]. *Social Indicators Research*, 2013. Vol. 112, no. 3, pp. 679–708. DOI:10.1007/s11205-012-0077-x
71. Thien L.M., Razak N.A., Jamil H. Friendship Quality Scale: Conceptualization, Development and Validation [Elektronnyi resurs]. *Australian Association for Research in Education (NJ1)*, 2012. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED542465.pdf>
72. Thompson M., Grace C.O., Cohen L.J. Best friends, worst enemies: Understanding the social lives of children, New York, NY: Ballantine, 2001. 164 p.

73. Updegraff K.A., Obeidallah D.A. Young adolescents' patterns of involvement with siblings and friends [Elektronnyi resurs]. *Social Development*, 1999. Vol. 8, no. 1, pp. 52–69. DOI:10.1111/1467-9507.00080
74. Verdejo-García A., Lawrence A.J., Clark L. Impulsivity as a vulnerability marker for substance-use disorders: review of findings from high-risk research, problem gamblers and genetic association studies [Elektronnyi resurs]. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 2008. Vol. 32, no. 4, pp. 777–810. DOI:10.1016/j.neubiorev.2007.11.003
75. Wentzel K.R. Social relationships and motivation in middle school: The role of parents, teachers, and peers [Elektronnyi resurs]. *Journal of Educational Psychology*, 1998. Vol. 90, no. 2, pp. 202. DOI:10.1037/0022-0663.90.2.202
76. Yang B., Clum G.A. Effects of early negative life experiences on cognitive functioning and risk for suicide: A review [Elektronnyi resurs]. *Clinical Psychology Review*, 1996. Vol. 16, no. 3, pp. 177–195. DOI:10.1016/S0272-7358(96)00004-9
77. Yılmaz A. Eşler arasındaki uyum ve çocuğun algıladığı anne-baba tutumu ile çocukların, ergenlerin ve gençlerin akademik başarıları ve benlik algıları arasındaki ilişkiler [Relationships between harmony between spouses and child's perceived parenting style and academic achievement and self-esteem of children, adolescents and young people]. [Unpublished Doctoral Dissertation]. Hacettepe University, 2000. 241 p.
78. Zeitlin M.F., Megawangi R., Kramer E.M., Colletta N.D., Babatunde E.D., Garman D. Strengthening the family: Implications for international development. Tokyo, Japan: United Nations University Press, 1995. 70 p.
79. Zhang A., Aasheim C. Academic success factors: An IT student perspective [Elektronnyi resurs]. *Journal of Information Technology Education: Research*, 2011. Vol. 10, no. 1, pp. 309–331. URL: <https://www.learntechlib.org/p/111524/>
80. Zincir S.B., Zincir N., Sünbül E.A., Kaymak E. Relationship between nicotine dependence and temperament and character traits in adults with cigarette smoking. *Journal of Mood Disorders*, 2012. Vol. 2, no. 4, pp. 160. DOI:10.5455/jmood.20121010061050

Information about the authors

M. Yuksel Erdogdu, Associate Professor, Istanbul Sabahattin Zaim University Guidance and Psychological Counseling, Istanbul, Turkey, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6403-5630>, e-mail: myerdogdu@gmail.com

Информация об авторах

Эрдогду М. Юксель, доцент, Стамбульский университет Сабахаттин Заим, Стамбул, Турция, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6403-5630>, e-mail: myerdogdu@gmail.com

Получена 12.04.2021

Received 12.04.2021

Принята в печать 28.01.2022

Accepted 28.01.2022

Вектор управления организационной культурой органов внутренних дел: психические состояния и «картина мира» сотрудников в динамике социальных страхов пандемии COVID-19

Ермолаев В.В.

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (ФГБОУ ВО МПГУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9206-9261>, e-mail: evv21@mail.ru

Воронцова Ю.

АО «НЕЙРОКОМ», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0363-5741>, e-mail: jl.voroncova@gmail.com

Четверикова А.И.

АО «Московская областная энергосетевая компания» (АО «Мособлэнерго»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1172-1041>, e-mail: alenachetverikova@yandex.ru

Насонова Д.К.

ООО «Поликонисус», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8989-0940>, e-mail: d.k.nasonova@gmail.com

Цель. Изучение вектора управления организационной культурой российских ОВД в период COVID-19.

Контекст и актуальность. Работа направлена на изучение вектора управления организационной культурой ОВД посредством формирования новых «картин мира» и психических состояний полицейских в результате социально-психологического воздействия информационных потоков о COVID-19. Полученные нами ранее результаты лонгитюдного исследования с 2011 по 2019 годы позволили утверждать, что вектор развития организационной культуры ОВД зависит от СМИ, способных создавать новые «картины мира» и влиять на формирование психических состояний полицейских, отличных от желаемых и провозглашенных руководством МВД при проведении реформирования ОВД в 2011 году. Полагаем, что масштаб этого социально-психологического феномена отчетливо проявился в период пандемии COVID-19 и тотальности соответствующего информационного воздействия СМИ, определяющего вектор управления организационной культурой ОВД.

Дизайн исследования. На фоне выявленной динамики социальных страхов, психических состояний и локуса контроля у полицейских за период 2020 и 2021 годы изучалась их «картина мира» при помощи многомерного факторного и кластерного анализа.

Участники. 335 полицейских, прошедших тестирование и в 2020 г., и в 2021 г. Из них 231 мужчина и 104 женщины в возрасте от 25 до 49 лет.

Методы (инструменты). Авторская анкета о степени вовлеченности в контент информационно-новостной ленты о COVID-19; опросники: «Социальные страхи» Л.Н. Грошевой, «Уровень субъективного контроля» Е.Ф. Бажина и др.; методика определения доминирующего состояния ДС-8 Л.В. Куликова; авторская модификация семантического дифференциала Ч. Осгуда.

Результаты. С момента начала COVID-19 к середине 2021 года у сотрудников ОВД выявлены тенденции снижения уровня субъективного контроля и интереса к содержанию новостей о

COVID-19 при динамике роста переживания социальных страхов и растущей неустойчивости психических состояний. В результате воздействия информации о COVID-19 в организационной культуре ОВД сформировано два типа сотрудников. Первый тип с доверительной «картиной мира», а второй — с угрожающей «картиной мира». Такая полярность «картин мира» у разных типов указывает на кризис функционирования организационной культуры ОВД.

Основные выводы. Длительное и интенсивное бесструктурное воздействие СМИ в контексте негативно окрашенной информации о COVID-19, проявляющееся в динамике роста социальных страхов и неоднородности «картин мира» полицейских, показывает, что руководство ОВД в полной мере не является субъектом изменения вектора управления организационной культурой.

Ключевые слова: COVID-19, информационное воздействие, организационная культура ОВД, динамика социальных страхов, «картина мира».

Для цитаты: Ермолаев В.В., Воронцова Ю., Четверикова А.И., Насонова Д.К. Вектор управления организационной культурой органов внутренних дел: психические состояния и «картина мира» сотрудников в динамике социальных страхов пандемии COVID-19 // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 1. С. 189–208. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130112>

The Vector of Managing the Organizational Culture of the Internal Affairs Bodies: Mental States and the “Picture of the World” of Employees in the Dynamics of Social Fears of the COVID-19 Pandemic

Viktor V. Ermolaev

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9206-9261>, e-mail: evv21@mail.ru

Julija Voroncova

JSC NEUROCOM, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0363-5741>, e-mail: jl.voroncova@gmail.com

Alena I. Chetverikova

JSC Moscow Regional Power Grid Company, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1172-1041>, e-mail: alenachetverikova@yandex.ru

Daria K. Nasonova

LLC «Polyconius», Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8989-0940>, e-mail: d.k.nasonova@gmail.com

Objective. Studying the vector of managing the organizational culture of the Russian internal affairs bodies during the COVID-19 period.

Background. The work is aimed at studying the vector of managing the organizational culture of the internal affairs bodies through the formation of new “pictures of the world” and mental states of police officers as a result of the socio-psychological impact of information flows about COVID-19. Our earlier results of a longitudinal study from 2011 to 2019 made it possible to assert that the vector of development of the organizational culture of the Internal Affairs Directorate depends on the media, capable of creating new “pictures of the world” and influencing the formation of mental states of police officers, which are different from those desired and proclaimed by the leadership of the Ministry of Internal Affairs when reforming the Internal Affairs Directorate in 2011. We believe that the scale of this socio-psychological phenomenon clearly manifested itself during the COVID-19 pandemic and the totality of

the corresponding informational influence of the media, which determines the vector of managing the organizational culture of the internal affairs bodies.

Study design. Against the background of the identified dynamics of social fears, mental states and the locus of control among police officers for the period of 2020 and 2021, their “picture of the world” was studied using multivariate factorial and cluster analysis.

Participants. 335 police officers tested in both 2020 and 2021. Of these, 231 are men and 104 are women, 25 to 49 years old.

Measurements. Author’s questionnaire on the degree of involvement in the content of the news and information tape about COVID-19; questionnaires: “Social fears” L.N. Grosheva; “The level of subjective control” by E.F. Bazhin and others; method for determining the dominant state of DS-8 L.V. Kulikova; author’s modification of C. Osgood’s semantic differential.

Results. From the beginning of COVID-19 to mid-2021, ATS officers showed tendencies of a decrease in the level of subjective control and interest in the content of news about COVID-19, with the dynamics of the growth of the experience of social fears and the growing instability of mental states. organizational culture of the Department of Internal Affairs formed two types of employees. The first type with a trustful “picture of the world”, and the second with a threatening “picture of the world”. This polarity of the “picture of the world” in different types indicates a crisis in the functioning of the organizational culture of the internal affairs bodies.

Conclusions. The long-term and intensive unstructured influence of the media in the context of negatively colored information about COVID-19, manifested in the dynamics of the growth of social fears and the heterogeneity of the policemen’s “picture of the world”, shows that the police department’s leadership is not fully the subject of changing the management vector of the organizational culture.

Keywords: COVID-19, information impact, organizational culture of internal affairs bodies, dynamics of social fears, “picture of the world”.

For citation: Ermolaev V.V., Voroncova J., Chetverikova A.I., Nasonova D.K. The Vector of Managing the Organizational Culture of the Internal Affairs Bodies: Mental States and the “Picture of the World” of Employees in the Dynamics of Social Fears of the COVID-19 Pandemic. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 1, pp. 189–208. DOI:<https://doi.org/10.17759/sp.s.2022130112> (In Russ.).

Введение

В данной работе затрагивается проблема изменения вектора развития российского общества, а именно — организационной культуры органов внутренних дел (далее — ОВД) как одного из основополагающих социальных институтов, связанная с длительным и системным социально-психологическим воздействием информационных потоков о COVID-19. Направленность изменений, состояние функционирования, потенциал развития, ослабление или усиление организационной культуры ОВД — это важнейший вопрос для государства, так как социальные институты принято харак-

теризовать как общепринятые правила социальных отношений и связей, ценности и моральные предписания, систему санкций и контроля, обеспечивающих задаваемые нормы поведения (Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Ч. Милс, Т. Веблен, М. Вебер, Т. Парсонс, Э. Гиденс, П. Бергер, Т. Лукман и др.), принудительно устанавливаемые правящей элитой.

Науке хорошо известно, что управление социальными институтами — процесс информационный, определяющий содержание и направленность социально-психологического воздействия, приводящего к количественным, качественным и структурным преобразованиям состояния психики, поведения и

образа мира как отдельного человека, так и социальных групп, и социальных систем. Поэтому организационная культура социального института представляет собой системное и управляемое информационное поле, включающее в себя доминирующее мировоззрение, идеологию, ценности, смыслы, убеждения, верования и установки, психическое состояние сотрудников, принятые организационные нормы отношений и поведения, которое представляет собой прогнозируемый сценарий его функционирования и развития, задаваемый субъектом организационной власти и способный трансформироваться посредством механизмов управления: целевого формирования «картин мира», образов добра и зла, уникальной символики, кадровой политики, традиций, обычаев, ритуалов и обрядов. По мнению Дж.М. Кейнса [12], неуправляемых информационных процессов не бывает. Управление — это всегда процесс целевого распространения информации реальным субъектом власти, контролирующим этот информационный ресурс.

Вектор функционирования и развития организационной культуры, как правило, определяется тем, как именно субъект управления представляет основу ее идеологии, мировоззрения, ценностей, установок и отношений и в какой мере обладает ресурсом власти — механизмами ее формирования и изменения. Под механизмами организационной культуры мы предлагаем понимать средства преобразования ранее известной информации, поддержания «достоверности» актуально необходимой или образования новой информации в целях обеспечения желаемого поведения сотрудников, а также поддержания или изменения существующего информационного поля организации — ее организационной культуры.

Теоретический анализ механизмов управления организационной культурой социальных институтов показывает, что в постиндустриальном обществе значительно возросла роль контроля и распространения информации, позволяющей элите транслировать желаемые образцы идеалов, ценностей и социального порядка, которые закрепляются институтами посредством номинальных средств легитимизации. Так, Э. Тоффлер [18, с. 143] указывает, что механизмы управления социальными институтами, свойственные индустриальному периоду, становятся менее эффективны. Вследствие этого он прогнозирует необходимость создания на основании контроля над информационными потоками некой «суперсимволической системы» управления, формируемой особой социальной группой — правящей элитой в своих корпоративных интересах. Д. Белл, М. Кастельс [9] и другие теоретики построения принципиально нового общественного устройства и культуры социальных институтов полагают, что эту задачу призваны решать информационные технологии, выступающие как механизмы управления организационной культурой.

По нашему мнению, одним из базовых механизмов построения такой «суперсимволической системы» управления в период продолжающейся пандемии COVID-19 выступает экспорт «картины мира» (образа мира) [13], который формирует информационное поле объекта воздействия — социальных институтов, определяя будущее мировоззрение, идеологию, ценности, установки, убеждения и специфические психические состояния их сотрудников. Глобальным информационным инструментом, позволяющим успешно формировать необходимые психические состояния и чувство сопричастности к внедряемой новой «кар-

тине мира», являются СМИ, которые тотально транслируют объекту воздействия нужные образы жизни и ролевые модели, позволяющие более или менее успешно адаптироваться к изменяемой в процессе COVID-19 социальной среде. В настоящее время информационные потоки СМИ способны как никогда ранее трансформировать образы организационной культуры социальных институтов, создавать новые привлекательные «картины мира», изменять ценностно-смысловое содержание образов добра и зла, активно внедрять через информационные ресурсы глобальные ценности и мировоззрение постиндустриального общества, даже несмотря на первоначальное расхождение ценностей и мировоззрения, ролевых и поведенческих моделей. Полагаем, что одна из особенностей данного социально-психологического феномена заключается в тотальности психологического воздействия и его масштабах, который необходимо рассматривать как глобальное информационное воздействие, определяющее вектор трансформации организационной культуры социальных институтов. Другая особенность заключается в том, что человек или социальная группа, попадая в активно воздействующее информационное поле, в той или иной мере принимает транслируемую «картину мира» [14], определяясь, какой образ прошлого и будущего своей страны, а также организации или семьи считать приемлемым. На этой мировоззренческой основе человек организует свое поведение, как ему кажется, без принуждения, основываясь на собственных ценностях и интересах. Однако это ментальное заблуждение. Мозг человека, воспринимая и обрабатывая информацию, получаемую сегодня в основном через СМИ, невольно подключается к навязываемой «картине

мира» и попадает в специфически организованное информационное поле, которое вызывает определенные эмоциональные реакции, психические состояния, трансформацию ценностей и установок, связанных с предъявляемым информационным контентом [2]. Информационное поле психически заразно и программирует поведение. При этом психика заражается не только при восприятии определенных образов, звуков, слов, символики, но и обладает особенностью самонастройки с ними в обход контроля сознания. Так, по данным современных филологических исследований, лексемы о COVID-19 все более становятся «частью новых составных прилагательных и выражают деление мира и времени на “до” и “после” [10, с. 56], формируя образ угрозы происходящего и влияя на менталитет современного человека и специфику коллективной психологии. Учеными отмечается, что одной из особенностей информационных потоков является способность формировать у социальных групп определенную «картину мира» [10]. По мнению М.А. Кормилицыной, такая способность находится в руках тех, кто управляет СМИ, определяет контент и направленность транслируемой информации. «Именно СМИ оказывают решающее влияние на формирование мировоззрения, взглядов, представлений, на мировосприятие, сознание и поведение членов общества» [14, с. 14].

Со времен «теории шприца» или «теории пули» Х. Блумера [21] науке достаточно известен описанный выше социально-психологический феномен — любая программа, сформированная в сознании, требует реализации. Поэтому человек ведет себя в соответствии с теми мировоззрением, ценностями, правилами и установками программы, которые «установил» автор «картины мира». Так, вос-

приятие зрительного ряда телеэкрана, монитора компьютера, смартфона или другого устройства, по мнению Л.П. Гримака, «требует непрерывного осознания визуального материала, порождаемые им ассоциативные образы требуют определенных интеллектуальных и эмоциональных усилий по их оценке и закреплению. Нервная система, будучи не в силах выдержать такой интенсивный процесс осознания, уже спустя 15–20 минут формирует защитную тормозную реакцию в виде гипноидного состояния, которое резко ограничивает восприятие и переработку информации, но усиливает процессы ее запечатления и программирования поведения» [3]. По утверждению Дж. Кейнса, повинуясь эффекту социального заражения, редко кто из людей способен сформировать собственную «картину мира». Как правило, в том или ином виде она будет заимствована в ходе социализации из перечня картин, представленных субъектом управления [12].

Таким образом, можно констатировать, что информация, транслируемая СМИ, выступает фактором социальных рисков. Согласно выявленному нами ранее высокому уровню социальных страхов у российских граждан при вовлеченности в контент информационно-новостной ленты о COVID-19 [26], а также отрицательной их динамики [5] мы задались целью рассмотреть, как эта динамика отражается на состоянии организационной культуры у одного из ключевых российских социальных институтов — ОВД, которое является ее основой. Вместе с тем заслуживает внимания социально-психологическое воздействие информационных потоков о COVID-19 в контексте изменения вектора управления организационной культурой ОВД посредством формирования новых «картин мира» и психических состояний сотрудников. Ре-

зультат его воздействия тем более важен в связи с тем, что среди основных целей реформирования ОВД в 2011 году было заявлено о восстановлении позитивного образа организационной культуры у сотрудников и граждан России; формировании в облике полицейского позитивных морально-нравственных профессиональных черт: уравновешенности, ответственности, смелости, доброжелательности, доверия окружающим и позитивности. Однако данные нашего лонгитюдного исследования свидетельствуют о том, что значимых различий между образами настоящего и будущего организационной культуры ОВД у полицейских в 2012 [7] и 2019 [6] гг. не выявлено. Результаты управления организационной культурой ОВД в послереформенный период указывают на недостижение заявленных целей. Это подтверждается тем, что образ организационной культуры ОВД у сотрудников и себя в ней все так же оставался слабо структурированным, нечетким и в значительной степени не однозначно позитивным. Полученные данные позволили нам утверждать, что организационная культура ОВД как никогда ранее зависима от СМИ, способных создавать новые «картины мира» и влиять на формирование установок и психических состояний полицейских. Полагаем, что масштаб этого социально-психологического феномена отчетливо проявился в период пандемии COVID-19 и тотальности информационного воздействия СМИ, определяющего вектор управления организационной культурой ОВД.

Метод

С целью изучения вектора управления организационной культурой ОВД в период COVID-19 мы выдвинули следующую

гипотезу: изменение психических состояний и «картины мира» полицейских в динамике социальных страхов пандемии COVID-19 определяет вектор бесструктурного управления организационной культурой ОВД. Объект — организационная культура ОВД. Предмет — вектор управления организационной культурой ОВД, трансформируемый посредством изменения психических состояний и «картины мира» сотрудников в динамике социальных страхов пандемии COVID-19.

Выборка. Исследование проводилось на протяжении 2020 и первой половины 2021 годов. Общая численность выборки — 335 сотрудников полиции в возрасте от 23 до 49 лет, прошедших тестирование дважды (в 2020 и 2021 гг.). Из них 231 мужчина и 104 женщины. Принимая во внимание глобальный характер распространения коронавирусной инфекции и информационного воздействия СМИ на все слои населения, гендерные и возрастные различия не учитывались. Психодиагностическая процедура проводилась дистанционно с применением Google форм, что позволило сформировать выборку, представляющую сотрудников полиции 5 управлений внутренних дел в субъектах Российской Федерации.

Методики исследования.

1. Авторская анкета о степени вовлеченности в контент информационно-новостной ленты о COVID-19 для изучения уровня заинтересованности информацией о COVID-19.

2. Опросник «Социальные страхи» Л.Н. Грошевой [4] для выявления социальных страхов.

3. Опросник «Уровень субъективного контроля» Е.Ф. Бажина и др. [1] для изучения направленности локуса контроля.

4. Методика определения доминирующего состояния ДС-8 Л.В. Куликова [15] для выявления психических состояний.

5. Авторская модификация семантического дифференциала Ч. Осгуда с целью выявления семантических пространств для изучения «картины мира» сотрудников.

Обработка эмпирических данных проводилась при помощи статистических методов исследования с применением t-критерия Стьюдента, факторного и кластерного анализов в программе SPSS Statistics 23.

Результаты

На первом этапе с целью выявления динамики в показателях социальных страхов при заинтересованности контентом новостной ленты о COVID-19 в период 2020-2021 гг. нами применялись опросник «Социальные страхи» и авторская анкета о степени вовлеченности в контент информационно-новостной ленты о COVID-19. В результате анализа данных были выявлены достоверные различия (при $p \leq 0,01$) по всем шкалам социальных страхов: страх неудачи и поражения ($t = -4,813$); страх непринятия и подавления ($t = -4,508$); страх потери ($t = -4,878$); страх самостоятельности ($t = -6,738$) и страх коммуникации ($t = -7,143$); а также по уровню заинтересованности новостной лентой о COVID-19 ($t = 6,681$). Результаты представлены на рис. 1.

Выявленные различия свидетельствуют о том, что к 2021 году продолжается тенденция роста социальных страхов полицейских, однако при снижении интереса к информации о COVID-19, транслируемой СМИ. Обнаруженная динамика снижения интереса подтверждает выдвинутые нами ранее предположения о возможном выходе на плато интереса к информации о COVID-19 у российских граждан, установленного к моменту пика второй волны [5].

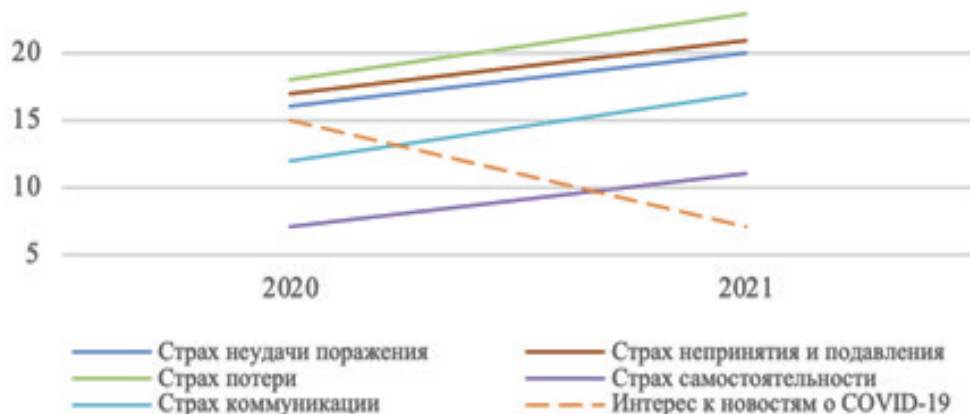

Рис. 1. Динамика социальных страхов и заинтересованности контентом информационно-новостной ленты о COVID-19 в период 2020 и 2021 гг.

Полученные результаты могут объясняться фактом заражения социальными страхами на этапе первой волны, когда основной детерминантой, актуализирующей массовое состояние страха, были новизна и неизвестность ситуации, подогревавшие интерес к информирующим о COVID-19 СМИ. Продолжающийся рост социальных страхов к 2021 году может объясняться «кумулятивным эффектом», который поддерживается продолжающейся неопределенностью ситуации и системно воздействующим информационным потоком новостей, характеризующимся тотальностью воздействия. При этом, с одной стороны, мы наблюдаем тенденцию снижения интереса к содержанию новостей о COVID-19, а с другой — рост социальных страхов, усиливающий у полицейских состояние напряжения в ожидании очередной угрозы.

В результате статистического анализа данных выявлена отрицательная динамика психических состояний (ДС-8) и уровня субъективного контроля (УСК) (рис. 2).

Согласно данным, представленным на рис. 2, различия (при $p \leq 0,01$) обнаружены среди показателей:

1) психических состояний по шкалам: Бо ($z=-4,456$); То ($t=5,322$); Ра ($t=3,771$); Сп ($t=4,81$); Ус ($t=4,475$); Уд ($t=4,051$).

2) уровня субъективного контроля по шкалам: Ио ($t=3,384$); Ип ($t=4,252$).

Выявленные различия свидетельствуют о том, что в условиях COVID-19 у полицейских к 2021 году наблюдается динамика роста неудовлетворенности собственной жизнью, снижения тонуса жизненных сил и веры в возможность достижения поставленных целей из-за нарастающего ожидания угрозы. Кроме того, выявлена тенденция в стремлении к социально одобряемому поведению при росте напряженности и эмоциональной неустойчивости на фоне преобладающего негативно окрашенного эмоционального тона. Вместе с тем при выявленной отрицательной динамике психического состояния сотрудников наблюдается рост желания делегировать ответственность за события собственной жизни как в личной, так и в профессиональной сферах.

Опираясь на полученные результаты, а также на результаты наших предыдущих исследований [5; 26], мы пред-

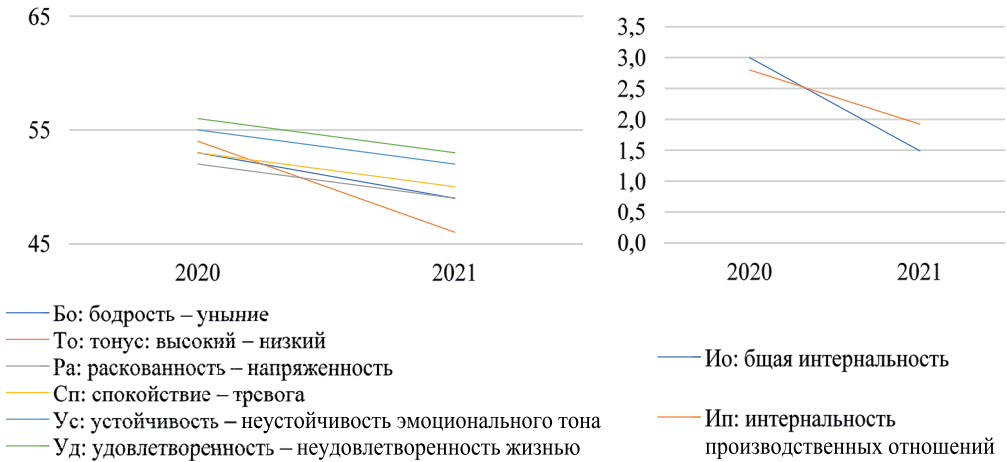

Рис. 2. Динамика психических состояний и направленности локуса контроля российских граждан в условиях COVID-19 на период 2020 и 2021 гг.

положили, что тенденции, связанные с COVID-19 и его последствиями, фактически разделившими жизнь на «до» и «после», должны изучаться в непосредственной взаимосвязи с актуальными «картинами мира» сотрудников ОВД.

С целью изучения «картины мира» полицейским предлагалось оценить мир, общение, себя и работоспособность во время COVID-19 по 9-ти семибально биполярно градуированным шкалам, противоположные полюса которых заданы посредством вербальных антонимов. Данные подверглись факторному анализу (рис. 3, табл. 1).

В результате факторного анализа было установлено, что восприятие мира связано с тремя факторами; восприятие общения и себя – с двумя факторами, восприятие работоспособности – также с двумя факторами. Общая дисперсия данных, описывающая факторы, составляет 60,83% для трех факторов восприятия мира; 49,06% – для двух факторов восприятия общения; 54,87% – для двух факторов восприятия «Я» и 59,79% –

для двух факторов восприятия работоспособности во время COVID-19.

В табл. 1 представлены связи шкал с каждым из рассматриваемых факторов (далее – Φ), нагрузка которых $>0,5$.

$\Phi 1$ (Мир: собственное значение 2,96; вес 20,76%) определяется положительными полюсами шкал 6 (упорядоченный), 7 (спокойный) и 9 (дружелюбный). Этот фактор можно обозначить как «упорядоченный–неупорядоченный».

$\Phi 2$ (Мир: собственное значение 1,45; вес 20,65%) определяется положительными полюсами шкал 3 (неизменный), 4 (безвольный) и 8 (пессимистичный). Этот фактор можно обозначить как «пессимистичный–оптимистичный».

$\Phi 3$ (Мир: собственное значение 1,06; вес 19,42%) определяется положительными полюсами шкал 1 (неуравновешенный) и 2 (энергичный). Данный фактор можно обозначить как «неустойчивый–устойчивый».

$\Phi 1$ (Общение: собственное значение 3,11; вес 20,76%) и **$\Phi 1$** («Я»: собственное значение 3,75; вес 29,69%) определяются

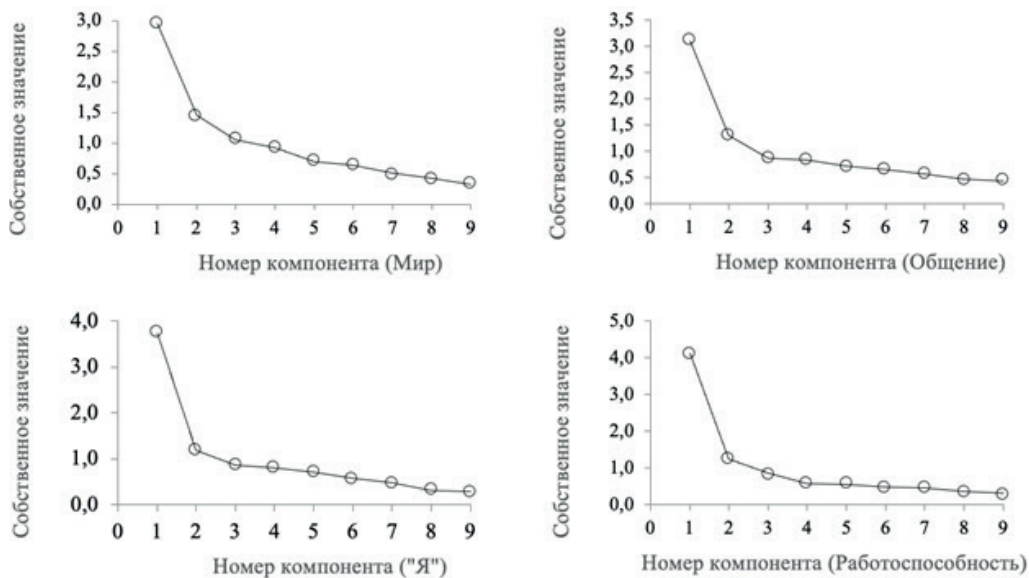

Рис. 3. Графики собственных значений факторов

положительными полюсами шкал 1 (неуравновешенный), 3 (неизменный), 4 (безвольный), 5 (неудовлетворительный), 8 (пессимистичный), которые можно описать как «безвольный—волевой».

Ф 2 (Общение: собственное значение 1,30; вес 22,55%) и **Ф 2** («Я»: собственное значение 1,19; вес 25,18%) определяются положительными полюсами шкал 2 (энергичный), 6 (упорядоченный), 7 (спокойный) и 9 (дружелюбный), которые можно обозначить как «энергичный—вялый».

Ф 1 (Работоспособность: собственное значение 4,13; вес 37,61%) определяется положительными полюсами шкал 1 (неуравновешенный), 3 (неизменный), 4 (безвольный), 5 (неудовлетворительный), 8 (пессимистичный) и отрицательным полюсом переменной 2 (вялый). Этот фактор можно обозначить как «фрустрированный—удовлетворенный».

Ф 2 (Работоспособность: собственное значение 1,25; вес 22,185%) определяется положительными полюсами шкал

6 (упорядоченный), 7 (спокойный) и 9 (дружелюбный). Этот фактор можно обозначить как «стабильно спокойный—тревожный».

Интересно, что выявленные факторы сгруппировались не по традиционно выделяемым критериям, а исключительно по полярности полюса предлагаемых шкал. Это позволило нам предположить, что длительность и интенсивность бесструктурного воздействия негативно окрашенной официальной и фейковой информации о COVID-19 не только влияют на психическое состояние населения [5; 20; 22; 23; 26; 30; 33; 34; 35], но и могут привести к неоднородному преобразованию «картины мира» среди полицейских, которое в итоге способствует кризису организационной культуры и задает изменение вектора ее управления.

С целью проверки выдвинутого предположения мы прибегли к кластерному анализу посредством разбиения показателей факторов восприятия мира, обще-

Таблица 1

**Факторная структура по 9 шкалам, метод главных компонент,
варимакс вращение (N=335)**

Факторы Шкалы	Мир			Общение		«Я»		Работоспособность	
	1	2	3	1	2	1	2	1	2
	Упорядоченный — неупорядоченный	Пессимистичный — оптимистичный	Неустойчивый — устойчивый	Безвольный — волевой	Энергичный — вялый	Безвольный — волевой	Энергичный — вялый	Фрустрированный — удовлетворенный	Спокойный — тревожный
Уравновешенный-неуравновешенный			0,70	0,64		0,62		0,61	
Вялый-энергичный			0,77		0,52		0,58	-0,60	
Развивающийся-неизменный		0,87		0,71		0,68		0,83	
Волевой-безвольный		0,65		0,66		0,73		0,78	
Удовлетворительный-неудовлетворительный				0,64		0,76		0,79	
Хаотичный-упорядоченный	0,79				0,82		0,76		0,80
Тревожный-спокойный	0,72				0,74		0,78		0,81
Оптимистичный-пессимистичный		0,62		0,70		0,71		0,72	
Враждебный-дружелюбный	0,62				0,60		0,71		0,52
Собственное значение фактора	2,96	1,45	1,06	3,11	1,30	3,75	1,19	4,13	1,23
% дисперсии, обусловленный факторами	20,76	20,65	19,42	26,51	22,55	29,69	25,18	37,61	22,18
Суммарный % дисперсии	60,83			49,06		54,87		59,79	

ния, себя и работоспособности на однородные в некотором смысле группы, для определения оптимального количества которых проводился иерархический кластерный анализ (рис. 4).

Согласно дендрограмме (рис. 4) для дальнейшего анализа мы определили 4 кластера. Однако после применения метода k-средних с целью выявления характеристик выделенных 4 кластеров вы-

яснилось, что число наблюдений в первом и четвертом кластерах крайне мало, а их средние — полярные относительно друг друга значения и достаточно близкие к значениям кластеров 2 и 3 (табл. 2). Очевидна тенденция к объединению наблюдений в два кластера при увеличении выборки. Таким образом, было принято решение о целесообразности выбора 2 кластеров для дальнейшего анализа.

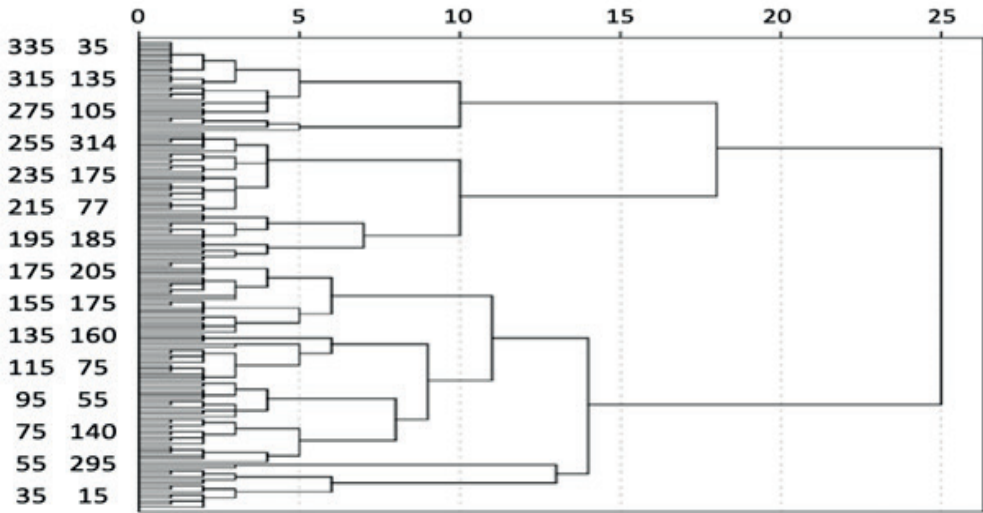

Рис. 4. Дендрограмма для 335 наблюдений (метод Уорда, квадрат евклидова расстояния)

Таблица 2

Результаты средних по факторам, связанным с восприятием мира, общения, себя и работоспособности во время COVID-19

Факторы		Кластер				Кластер	
		1	2	3	4	1	2
Мир	Упорядоченный—неупорядоченный	2,31	-0,29	0,18	-0,82	1,74	-0,06
	Пессимистичный—оптимистичный	0,31	0,31	-0,17	-2,19	0,34	0,06
	Неустойчивый—устойчивый	0,84	0,26	-0,31	0,13	0,84	-0,05
Общение	Безвольный—волевой	0,94	0,54	-0,42	-2,33	1,00	0,03
	Энергичный—вялый	1,41	-0,40	0,43	-2,12	1,18	0,01
«Я»	Безвольный—волевой	1,94	0,36	-0,36	-1,68	1,74	-0,02
	Энергичный—вялый	1,02	-0,46	0,49	-1,69	1,14	0,01
Работоспособность	Фрустрированный—удовлетворенный	1,14	0,44	-0,41	-1,36	1,33	-0,02
	Спокойный—тревожный	1,55	-0,39	0,35	-1,26	1,64	-0,04
Число наблюдений		16	160	151	8	131	204

Согласно данным, представленным в табл. 2, можно описать характеристики каждого кластера.

Кластер 1 позволяет выделить первый тип, в котором показатели всех фак-

торов восприятия мира, общения, «Я» и работоспособности соответствуют области значений отрицательного полюса. Мир во время COVID-19 данным типом воспринимается неупорядоченным, не-

устойчивым и пессимистичным; общение и «Я» — вялыми и безвольными; работоспособность — фрустрированной и тревожной. Таким образом, данный тип можно охарактеризовать как тип с угрожающей «картиной мира».

Кластер 2 позволяет выделить второй тип, в котором показатели всех факторов восприятия мира, общения, «Я» и работоспособности соответствуют области значений положительного полюса. Мир во время COVID-19 данным типом воспринимается упорядоченным, устойчивым и оптимистичным, общение и «Я» — энергичными и волевыми; работоспособность — спокойной и удовлетворенной. Таким образом, данный тип можно охарактеризовать как тип с доверительной «картиной мира».

Обсуждение результатов

Выявленные типы сотрудников полиции с полярными «картинами мира» (доверительной и угрожающей) свидетельствуют о четком их разделении в организационной культуре ОВД при воздействии информационных потоков СМИ о COVID-19. С одной стороны, подобная полярность «картин мира» полицейских указывает на кризис организационной культуры, а с другой — показывает, что руководство ОВД в полной мере не является субъектом изменения вектора управления организационной культурой.

Современная тенденция распространения информации о COVID-19 указывает на изменение вектора управления организационной культурой ОВД, определяемого «картинами мира» сотрудников в динамике их социальных страхов пандемии. Важнейшая роль в наблюдаемой динамике принадлежит системному использованию механизмов социаль-

но-психологического воздействия для внедрения в организационную культуру ОВД определенных представлений, ценностей, установок, норм и отношений, позволяющих достигнуть целей группового субъекта управления. Вместе с тем информационное воздействие на организационную культуру ОВД в силу его многовариантности и тотальности в том числе имеет признаки бесструктурного управления информационными потоками, которое реализуется посредством построения «картин мира» и их трансляции через различные СМИ (официально не объединенные одной структурой) для формирования необходимой социально-психологической атмосферы, влияющей на психическое состояние сотрудников. Позитивно или негативно окрашенная атмосфера, которая через транслируемые СМИ «картины мира», их символику, образы, слова, а также формируемые поведенческие реакции на них вызывает различные социально-психологические эффекты (подражание, заражение и др.), проявляется в тенденциях к изменению организационной культуры ОВД. Так, анализ новостной ленты о COVID-19 [11; 25; 32; 33] показывает, что поддержание социальных страхов [2; 8; 28; 31], а также внедрение в сознание сотрудников новых «картин мира», ранее воспринимавшихся в качестве деструктивных, предполагают обязательную «связку» некоторых ее негативных образов с прочно сформированными ранее положительными образами в их сознании. Возникающий при этом эффект замещения образов позволяет внедряемой «картине мира» беспрепятственно входить в сознание сотрудников и определять их стереотипы поведения в соответствии с целями субъекта управления.

Сила воздействия «картин мира» на основы организационной культуры ОВД

наглядно представляется на примере ее бесструктурного управления во время пандемии COVID-19. Правящая элита как групповой субъект бесструктурного управления использует СМИ в качестве механизма психологического воздействия, формирующего необходимые «картины мира». Системно создаваемое СМИ информационное поле как бы обволакивает психику человека, попадающего в него, вызывая определенные поведенческие реакции и в целом значительные изменения в организационной культуре ОВД — мировоззрении, представлениях, установках, ценностях, нормах, отношениях и психических состояниях.

Вектор такого изменения, по нашему мнению, зависит от целей субъекта управления. Так, системная трансляция негативных образов, экспертных мнений и прогнозов будущего в СМИ вызывает эффекты социального заражения и подражания на фоне усиления страха, подавления воли и растущего чувства беспомощности. Как известно, длительно испытываемое чувство беспомощности сопровождается не только падением силы духа сотрудников, готовности принимать ответственность в сложных ситуациях правоприменения, способности справиться с негативной информационной волной и адаптироваться к изменениям, но и снижением иммунитета [19].

Учитывая, что ситуация, связанная с COVID-19, уже длительное время характеризуется продолжающейся опасностью и неопределенностью сроков ее завершения, проблема оказания психологической помощи, прежде всего сотрудникам, обеспечивающим правопорядок и безопасность государства, приобретает особую остроту.

Исследования показывают, что продолжающийся новостной поток о пандемии провоцирует дестабилизацию эмоциональ-

ного фона и рост психического напряжения полицейских, создавая условия для формирования состояния психической травматизации сотрудников ОВД [17]. Кроме того, влияние страха смерти, неконтролируемой угрозы за соблюдение групповых норм, по мнению Т.А. Нестика [16], будет способствовать снижению институционального доверия и росту социального пессимизма, проявляя долгосрочный эффект даже после снятия ограничительных мер и снижения роста заболеваемости COVID-19. В этом контексте вызывают интерес не только формы оказания помощи сотрудникам по устранению психологических последствий пандемии и проведения для этого необходимых мероприятий, но и выявление тенденций, а также возможных угроз для развития организационной культуры социальных институтов при воздействии на них непрерывающегося, специфически окрашенного информационного потока [11; 25; 27; 32; 33], который усиливает социальные страхи COVID-19 [2; 8; 24; 28; 31].

Проблему усугубляют тотальность и объем информации о массовости и масштабе последствий заражения COVID-19, которые формируют «картину мира» социальной катастрофы в настоящем и будущем. Вместе с тем даже во время ведения войн такая информация максимально нивелировалась государственными структурами управления для поддержания психических ресурсов народа, помогающих справиться с жизненно травмирующей ситуацией и развить потенциал сопротивления ей. В числе механизмов, направленных на формирование таких ресурсов, как раз и выступают атрибуты организационной культуры социальных институтов — идеология, мировоззрение, ценности, убеждения и установки, а также сказания, былины, истории о героях, националь-

ные традиции, обряды, ритуалы и иные практики обучения и психологической настройки для преодоления трудностей. При этом для человека особенно важно наличие референтной группы или субъекта, поддерживающего и ободряющего его во время социального кризиса. Рассматриваемые в этом контексте атрибуты организационной культуры играют важнейшую роль в искомой поддержке твердости духа сотрудников перед лицом возникшей опасности, формировании позитивной групповой атмосферы и развитии чувства ответственности за преодоление социальных страхов.

Однако, когда на уровне субъекта управления через СМИ транслируется информация, преимущественно вызывающая негативные психические состояния, мы можем прогнозировать кризис организационной культуры социальных институтов, который проявляется в процессе так называемого ее «размораживания» [29] — изменения ценностей, норм, отношений, установок и «картин мира» сотрудников. Угроза современного процесса «размораживания», проявляющегося в нагнетании социальных страхов СМИ, заключается в том, что вектор организационного изменения субъектом управления не декларируется и слабо осознается сотрудниками. Процесс идет латентно, постепенно набирая силу. При этом, учитывая выявленную тенденцию к снижению у полицейских чувства ответственности за основные события их жизни, на фоне растущих социальных страхов и резкого разделения сотрудников на два типа (с позитивной и негативной «картиной мира») мы можем утверждать, что мировоззренческие и поведенческие модели полицейских, транслируемые и закладываемые СМИ в «картинах мира» о настоящем и будущем после пандемии COVID-19, могут представлять угрозу

для развития организационной культуры ОВД. Причины и следствия наметившегося вектора изменения общего дизайна организационной культуры являются вызовом к ее управлению и представляются перспективными для дальнейших исследований, в частности, исследования особенностей состояния организационной культуры ОВД.

Выводы

1. С момента начала COVID-19 к середине 2021 года у сотрудников ОВД выявлена тенденция снижения интереса к содержанию новостей о COVID-19 при динамике роста переживания социальных страхов, усиливающих у полицейских состояние напряжения в ожидании очередной угрозы.

2. Выявлена тенденция растущей неустойчивости психических состояний и снижения уровня субъективного контроля у сотрудников ОВД.

3. В результате воздействия информации о COVID-19 в организационной культуре ОВД сформировано два типа сотрудников: первый тип характеризуется доверительной «картиной мира», второй — угрожающей «картиной мира». Подобная полярность «картин мира» у сотрудников разных типов указывает на кризис функционирования организационной культуры ОВД.

4. Длительное и интенсивное бесструктурное воздействие СМИ в контексте негативно окрашенной информации о COVID-19, проявляющееся в динамике роста социальных страхов и неоднородности «картин мира» полицейских, показывает, что руководство ОВД в полной мере не является субъектом изменения вектора управления организационной культурой.

Литература

1. *Бажин Е.Ф., Гольякина Е.А., Эткин А.М.* Опросник уровня субъективного контроля (УСК). М.: Смысл, 1993. 16 с.
2. *Грибер Ю.А., Сухова Е.Е.* Цвет как инструмент управления эмоциями в публикациях о пандемии COVID-19 в русскоязычных онлайн-СМИ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 307–328. DOI:10.14515/monitoring.2020.6.1745
3. *Гримак Л.П.* Гипноз и телевидение (Истоки нашей страсти к телевидению) [Электронный ресурс] // Прикладная психология. 1999. № 1. URL: <http://dedovkgu.narod.ru/bib/grimak.htm> (дата обращения: 07.06.2021).
4. *Грошева Л.Н.* Социальные страхи и их преодоление у верующих и атеистов: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2004. 206 с.
5. Динамика социальных страхов у российских граждан в период первой и второй волны COVID-19 / В.В. Ермолаев, Ю. Воронцова, Д.К. Насонова, А.И. Четверикова // Национальный психологический журнал. 2021. № 1(41). С. 27–38. DOI:10.11621/prj.2021.0103
6. *Ермолаев В.В.* Динамика социальных представлений об организационной культуре органов внутренних дел как критерий ее управляемости // Сб. науч. стат. и матер. Всероссийской науч.-практ. конф. «Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики» (г. Санкт-Петербург, 30 октября 2020 г.). СПб: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. С. 161–165.
7. *Ермолаев В.В., Ротарь Д.А.* Образ организационной культуры реформируемых органов внутренних дел у граждан с разным уровнем доверия к полиции // Социальная психология и общество. 2012. № 4. С. 94–102.
8. *Ерофеева И.В.* Страх как атрибут рыночных СМИ: философия вопроса и психологические эффекты реализации // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2008. № 3(2). С. 298–305.
9. *Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 302–303.
10. *Катермина В.В., Яценко Е.А.* COVID-19 как лингвистическое явление (на материале текстов англоязычных СМИ) // Вестник ЧППУ им. И.Я. Яковлева. 2020. № 3(108). С. 51–58. DOI:10.37972/chgru.2020.108.3.007
11. *Квернадзе Э.* Эффекты и технологии социально-психологического воздействия СМИ на целевую аудиторию // Коммуникология: электронный научный журнал. 2019. Т. 4. № 1. С. 79–87.
12. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. М.: Изд-во Гелиос АРВ, 2011. 352 с.
13. *Колшановский Г.В.* Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. 107 с.
14. *Кормилицына М.А.* Качество передаваемой в печатных СМИ информации как фактор социальных рисков // Проблемы речевой коммуникации. 2012. Вып. 12. С. 13–25.
15. *Куликов Л.В.* Руководство к методикам диагностики психических состояний, чувств и психологической устойчивости личности. Описание методик, инструкции по применению. СПб.: СПбГУ, 2003. 81 с.
16. *Нестик Т.А.* Влияние пандемии COVID-19 на общество: социально-психологический анализ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 2(18). С. 47–83. DOI:10.38098/ipran.sep.2020.18.2.002
17. Психическая травматизация полицейских в период несения службы в чрезвычайной ситуации медико-биологического характера, обусловленной пандемией COVID-19 / В.А. Сидоренко, А.Г. Соловьев, Е.Г. Ичитовкина, С.В. Жернов // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2020. № 4. С. 105–113. DOI:10.25016/2541-7487-2020-0-4-27-113
18. *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 2004. 781 с.

19. Харди И. Врач, сестра, больной: психология работы с больными. Венгрия: Изд-во Академии наук Венгрии, 1998. 340 с.
20. *Abdullah I.* COVID-19: Threat and fear in Indonesia // Psychological trauma: theory, research, practice and policy. 2020. Vol. 12. № 5. P. 488–490.
21. *Blumer H.* Collective Behavior // New Outline of the Principles of Sociology. In Lee A.M. (ed.). New York: Barnes and Noble, 1951. P. 187–188.
22. *Brooks S.K., Webster R.K., Smith L.E., Woodland L., Wessely S., Greenberg N., Rubin G.J.* The psychological impact of quarantine and how to reduce it: Rapid review of the evidence // The Lancet. 2020. Vol. 395. № 10227. P. 912–920.
23. *Carrion-Alvarez D., Tijerina-Salina P.X.* Fake news in COVID-19: a perspective // Health Promot Perspect. 2020. № 10. P. 290–291.
24. *Depoux A., Martin S., Karafillakis E., Bsd R.P., Wilder-Smith A., Larson H.* The pandemic of social media panic travels faster than the COVID-19 outbreak [Электронный ресурс] // J Trav Med. 2020. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7107516/> (дата обращения: 07.06.2021).
25. *Dong M., Zheng J.* Letter to the editor: Headline stress disorder caused by Netnews during the outbreak of COVID-19 // Health Expectations. 2020. № 23. P. 259–260.
26. *Ermolaev V.V., Sorokoumova E.A., Voroncova J., Nasonova D.K., Chetverikova A.I.* Psychological features of social fears associated with the COVID-19 content of news feed in Russia // Eurasia J Biosci. 2020. № 14. P. 2403–2409.
27. *Golding M.A., Salisbury M.R., Reynolds K., Roos L.E., Protudjer J.L.P.* COVID-19-related media consumption and parental mental health // Canadian Journal of Behavioural Science / Revue canadienne des sciences du comportement. 2021. Vol. 53. № 3. P. 371–376. DOI:10.1037/cbs0000280
28. *Kilgo D.K., Yoo J., Johnson T.J.* Spreading Ebola panic: Newspaper and social media coverage of the 2014 Ebola Health Crisis // Health Commun. 2019. № 3. P. 811–817.
29. *Lewin K.* Field theory of social science: selected theoretical papers / Ed. by D. Cartwright. New York: Harper & Brothers, 1951. 346 p.
30. *Liang L., Ren H., Cao R., Hu Y., Qin Z., Li C., Mei S.* The effect of COVID-19 on youth mental health // Psychiatric quarterly. 2020. № 91. P. 841–852. DOI: 10.1007/s1126-020-09744-3
31. *Ng K.H., Kemp R.* Understanding and reducing the fear of COVID-19 // J. Zhejiang Univ. Sci. B. 2020. № 21(9). P. 752–754.
32. *Silva J.A.* Teixeira da. Corona exhaustion (CORONEX): COVID-19-induced exhaustion grinding down humanity [Электронный ресурс] // Current Research in Behavioral Sciences. 2021. № 2. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7836432/> (дата обращения: 07.06.2021).
33. *Taylor S., Landry C.A., Paluszek M.M., Fergus T.A., McKay D., Asmundson G.* COVID stress syndrome: concept, structure and correlates // Depress. Anxiety. 2020. № 37(8). P. 706–714. DOI:10.1002/da.23071
34. *Torales J., O'Higgins M., Castaldelli-Maia J.M., Ventriglio A.* The outbreak of COVID-19 coronavirus and its impact on global mental health // The International Journal of Social Psychiatry. 2020. Vol. 66. № 4. P. 317–320. DOI:10.1177/0020764020915212
35. *Wu L., Guo X., Shang Z., Sun Z., Jia Y., Sun L., Liu W.* China experience from COVID-19: Mental health in mandatory quarantine zones urgently requires intervention // Psychological trauma: theory, research, practice, and policy. 2020. № 12(S1). P. S3–S5. DOI:10.1037/tra0000609

References

1. Bazhin E.F., Golynkina E.A., Etkind A.M. Oprosnik urovnya sub'ektivnogo kontrolya (USK) [Questionnaire of the level of subjective control]. Moscow: Smysl, 1993. 16 p. (In Russ.).
2. Griber Yu.A., Sukhova E.E. Tsvet kak instrument upravleniya emotsiyami v publikatsiyakh o pandemii COVID-19 v russkoyazychnykh onlain-SMI [Color as a Tool for Managing Emotions

- in Publications about the COVID-19 Pandemic in Russian-language Online Media]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* = *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2020, no. 6, pp. 307–328. DOI:10.14515/monitoring.2020.6.1745 (In Russ.).
3. Grimak L.P. Gipnoz i televidenie (Istoki nashei strasti k televideniyu) [Elektronnyi resurs] [Hypnosis and television (The origins of our passion for television)]. *Prikladnaya psikhologiya* = *Applied Psychology*, 1991, no. 1. URL: <http://dedovkgu.narod.ru/bib/grimak.htm> (Accessed 07.06.2021). (In Russ.).
 4. Grosheva L.N. Sotsial'nye strakh i ikh preodolenie u veruyushchikh i ateistov: Diss. kand. psikhol. nauk. [Social fears and their overcoming in believers and atheists. PhD (Psychology) diss.]. Moscow, 2004. 206 p. (In Russ.).
 5. Ermolaev V.V., Voronova J., Nasonova D.K., Chetverikova A.I. Dinamika sotsial'nykh strakhov u rossiiskikh grazhdan v period pervoi i vtoroi volny [Dynamics of social fears of russian citizens during the first and second wave COVID-19]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* = *National Psychological Journal*, 2021, no. 1(41), pp. 27–38. DOI:10.11621/npj.2021.0103 (In Russ.).
 6. Ermolaev V.V. Dinamika sotsial'nykh predstavlenii ob organizatsionnoi kul'ture organov vnutrennikh del kak kriterii ee upravlyaemosti [Dynamics of social ideas about the organizational culture of internal affairs bodies as a criterion of its manageability]. *Sb. nauch. stat. i mater. Vserossiiskoi nauch.-prakt. konf. «Pedagogika i psikhologiya v deyatelnosti sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov: integratsiya teorii i praktiki» (g. Sankt-Peterburg, 30 oktyabrya 2020 g.)* [Collection of scientific articles and materials All-Russian Scientific and Practical Conference “Pedagogy and psychology in the activities of law Enforcement officers: integration of theory and practice”]. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2020, pp. 161–165. (In Russ.).
 7. Ermolaev V.V., Rotar D.A. Obraz organizatsionnoi kul'tury reformiruemyykh organov vnutrennikh del u grazhdan s raznym urovnem doveriya k politzii [Organisational culture in reformed bodies of internal affairs as perceived by citizens with various levels of trust in the police]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* = *Social psychology and Society*, 2012, no. 4, pp. 94–102. (In Russ.).
 8. Erofeeva I.V. Strakh kak atribut rynochnykh SMI: filosofiya voprosa i psikhologicheskie efekty realizatsii [Fear as an attribute of market means of mass communication: philosophy of the problem and psychological effects of realization]. *Vestnik SPbGU. Yazyk i literature* = *Bulletin of St. Petersburg State University. Language and literature*, 2008, no. 3(2), pp. 298–305. (In Russ.).
 9. Kastel's M. Informatsionnaya epokha. Ekonomika, obshchestvo i kul'tura [The Information age. Economy, society and Culture]. Moscow: Higher School of Economics Publ., 2000, pp. 302–303. (In Russ.).
 10. Katermina V.V., Yachenko E.A. COVID-19 kak lingvisticheskoe yavlenie (na materiale tekstov angloyazychnykh SMI) [COVID-19 as a linguistic phenomenon (based on english mass-media texts)]. *Vestnik ChGPU im. I.Ya. Yakovleva* = *Bulletin of the I.Ya. Yakovlev ChSPU*, 2020, no. 3, pp. 51–58. DOI:10.37972/chgpu.2020.108.3.007 (In Russ.).
 11. Kvernadze E. Effekty i tekhnologii sotsial'no-psikhologicheskogo vozdeistviya SMI na tselevuyu auditoriyu [Effects and technologies of social and psychological impact of mass media on the target audience]. *Kommunikologiya: elektronnyi nauchnyi zhurnal* = *Kommunikologiya: electronic scientific journal*, 2019, Vol. 4, no. 1, pp. 79–87. (In Russ.).
 12. Keins Dzh.M. Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg [General theory of employment, interest and money]. Moscow: Helios ARV Publ., 2011. 352 p. (In Russ.).
 13. Kolshanovskii G.V. Ob"ektivnaya kartina mira v poznanii i yazyke [Objective picture of the world in cognition and language]. Moscow: Nauka Publ., 1990. 107 p. (In Russ.).
 14. Kormilitsyna M.A. Kachestvo peredavaemoi v pechatnykh SMI informatsii kak faktor sotsial'nykh riskov [The quality of the transmitted information in the print media as a factor social

- risks]. *Problemy rechevoi kommunikatsii = Problems of speech communication*, 2012, Vol. 12, pp. 13–25. (In Russ.).
15. Kulikov L.V. Rukovodstvo k metodikam diagnostiki psikhicheskikh sostoyanii, chuvstv i psikhologicheskoi ustoichivosti lichnosti. Opisanie metodik, instruksii po primeneniyu [A guide to the methods of diagnosing mental states, feelings and psychological stability of the individual. Description of methods, instructions for use]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ., 2003. 81 p. (In Russ.).
16. Nestik T.A. Vliyanie pandemii COVID-19 na obshchestvo: sotsial'no-psikhologicheskii analiz [The impact of the COVID-19 pandemic on society: socio-psychological analysis]. *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya = Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*, 2020, Vol. 3, no. 2(18), pp. 47–83. DOI:10.38098/ipran.sep.2020.18.2.002 (In Russ.).
17. Sidorenko V.A., Solov'ev A.G., Ichitovkina E.G., Zhernov S.V. Psikhicheskaya travmatizatsiya politseiskikh v period neseniya sluzhby v chrezvychainoi situatsii mediko-biologicheskogo kharaktera, obuslovennoi pandemiei COVID-19 [Mental traumatization of police officers during service in a medical and biological emergency caused by the COVID-19 pandemic]. *Mediko-biologicheskie i sotsial'no-psikhologicheskie problemy bezopasnosti v chrezvychainykh situatsiyakh = Medical-biological and socio-psychological problems of safety in emergency situations*, 2020, no. 4, pp. 105–113. DOI:10.25016/2541-7487-2020-0-4-27-113 (In Russ.).
18. Toffler E. Tret'ya volna [The third wave]. Moscow: AST, 2004. 781 p. (In Russ.).
19. Hardi I. Vrach, sestra, bol'noj: Psihologija raboty s bol'nymi [Doctor, nurse, patient: The psychology of working with patients]. Hungary: Publishing House of the Hungarian Academy of Sciences Verlag der Ungarischen Akademie der Wissenschaften Editions de l'Academie Hongroise des sciences, 1998. 340 p. (In Russ.).
20. Abdullah I. COVID-19: Threat and fear in Indonesi. *Psychological trauma: theory, research, practice and policy*, 2020, Vol. 12, no. 5, pp. 488–490.
21. Blumer H. Collective Behavior. In Lee A.M. (ed.). *New Outline of the Principles of Sociology*. New York: Barnes and Noble, 1951, pp. 187–188.
22. Brooks S.K., Webster R.K., Smith L.E., Woodland L., Wessely S., Greenberg N., Rubin G.J. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: Rapid review of the evidence. *The Lancet*, 2020, Vol. 395, no. 10227, pp. 912–920.
23. Carrion-Alvarez D., Tijerina-Salina P.X. Fake news in COVID-19: a perspective. *Health Promot Perspect*, 2020, no. 10, pp. 290–291.
24. Depoux A., Martin S., Karafillakis E., Bsd R.P., Wilder-Smith A., Larson H. The pandemic of social media panic travels faster than the COVID-19 outbreak [Elektronnyi resurs]. *J Trav Med*, 2020. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7107516/> (Accessed 07.06.2021).
25. Dong M., Zheng J. Letter to the editor: Headline stress disorder caused by Netnews during the outbreak of COVID-19. *Health Expectations*, 2020, no. 23, pp. 259–260.
26. Ermolaev V.V., Sorokoumova E.A., Voroncova J., Nasonova D.K., Chetverikova A.I. Psychological features of social fears associated with the COVID-19 content of news feed in Russia. *Eurasia J Biosci*, 2020, no. 14, pp. 2403–2409.
27. Golding M.A., Salisbury M.R., Reynolds K., Roos L.E., Protudjer J.L.P. COVID-19-related media consumption and parental mental health. *Canadian Journal of Behavioural Science. Revue canadienne des sciences du comportement*, 2021, Vol. 53, no. 3, pp. 371–376. DOI:10.1037/cbs0000280
28. Kilgo D.K., Yoo J., Johnson T.J. Spreading Ebola panic: Newspaper and social media coverage of the 2014 Ebola Health Crisis. *Health Commun*, 2019, no. 3, pp. 811–817.
29. Lewin K. Field theory of social science: selected theoretical papers. Ed. by D. Cartwright. New York: Harper & Brothers, 1951. 346 p.
30. Liang L., Ren H., Cao R., Hu Y., Qin Z., Li C., Mei S. The effect of COVID-19 on youth mental health. *Psychiatric quarterly*, 2020, no 91, pp. 841–852. DOI: 10.1007/s11126-020-09744-3

31. Ng K.H., Kemp R. Understanding and reducing the fear of COVID-19. *J. Zhejiang Univ. Sci. B.*, 2020, no. 21(9), pp. 752–754.
32. Silva J.A. Teixeira da. Corona exhaustion (CORONEX): COVID-19-induced exhaustion grinding down humanity [Elektronnyi resurs]. *Current Research in Behavioral Sciences*, 2021, no. 2. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7836432/> (Accessed 07.06.2021).
33. Taylor S., Landry C.A., Paluszek M.M., Fergus T.A., McKay D., Asmundson G. COVID stress syndrome: concept, structure, and correlates. *Depress. Anxiety*, 2020, no. 37(8), pp. 706–714. DOI:10.1002/da.23071
34. Torales J., O'Higgins M., Castaldelli-Maia J.M., Ventriglio A. The outbreak of COVID-19 coronavirus and its impact on global mental health. *The International Journal of Social Psychiatry*, 2020, Vol. 66, no. 4, pp. 317–320. DOI:10.1177/0020764020915212
35. Wu L., Guo X., Shang Z., Sun Z., Jia Y., Sun L., Liu W. China experience from COVID-19: Mental health in mandatory quarantine zones urgently requires intervention. *Psychological trauma: theory, research, practice, and policy*, 2020, no. 12(S1), pp. S3–S5. DOI:10.1037/tra0000609

Информация об авторах

Ермолаев Виктор Владимирович, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии труда и психологического консультирования, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (ФГБОУ ВО МПГУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9206-9261>, e-mail: evv21@mail.ru

Воронцова Юлия, научный сотрудник отдела разработки методов диагностики функциональных состояний, АО «НЕЙПРОКОМ», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0363-5741>, e-mail: jl.voroncova@gmail.com

Четверикова Алена Ивановна, главный специалист Службы безопасности, АО «Московская областная энергосетевая компания» (АО «Мособлэнерго»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1172-1041>, e-mail: alenachetverikova@yandex.ru

Насонова Дария Камилевна, старший специалист-психофизиолог, ООО «Поликониус», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8989-0940>, e-mail: d.k.nasonova@gmail.com

Information about the authors

Viktor V. Ermolaev, PhD in Psychology, Associate Professor, Chair of Labor Psychology and Psychological Counseling, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9206-9261>, e-mail: evv21@mail.ru

Julija Voroncova, Researcher, Functional State Diagnostic Methods Development Department, JSC NEUROCOM, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0363-5741>, e-mail: jl.voroncova@gmail.com

Alena I. Chetverikova, Chief Specialist Security Service, JSC Moscow Regional Power Grid Company, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1172-1041>, e-mail: alenachetverikova@yandex.ru

Daria K. Nasonova, Senior Specialist Psychophysiologicalist, LLC «Polyconius», Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8989-0940>, e-mail: d.k.nasonova@gmail.com

Получена 18.06.2021

Received 18.06.2021

Принята в печать 28.01.2022

Accepted 28.01.2022

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА APPLIED RESEARCH AND PRACTICE

Доказательный подход в управлении: доказательный менеджмент и доказательная политика

Семья Г.В.

**ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Станилевский В.В.

**Американский Университет (American University),
г. Вашингтон, округ Колумбия, Соединенные Штаты Америки**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8808-7387>, e-mail: victor.stanilevskiy@gmail.com

Газарян А.А.

**ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9498-5757>, e-mail: zhivoy@yandex.ru

Некрасов А.С.

**ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1072-7986>, e-mail: nekrasov.x@gmail.ru

Цель. Обзор понятий «доказательный подход в управлении», «доказательный менеджмент» и «доказательная политика». Систематизация факторов, сдерживающих и способствующих распространению доказательных управленческих практик в социальной сфере. Определение приоритетных мер поддержки развития доказательного подхода в управлении социальной сферой.

Контекст и актуальность. Руководители в целом и в социальной сфере в частности сталкиваются с возрастающим уровнем неопределенности, при которой осложняется возможность давать надежные прогнозы и принимать решения с гарантией результата. Вместе с этим наблюдается системный кризис ресурсов, требующий выбор стратегий и тактик, которые обеспечивают наибольший уровень эффективности. Дополнительными вызовами становятся увеличивающаяся скорость операций и возникающая у руководителей потребность принимать быстрые управленческие решения. На этом фоне особое значение приобретает доказательный подход, который строится на идее о необходимости опираться на выводы исследований и экспертиз, предоставляя руководителям актуальные данные для выбора тех или иных направлений действия.

Используемая методология. Анализ научных и научно-практических источников.

Основные выводы. Доказательный подход в управлении представляет собой спектр практик разной строгости требований, объединенных императивом необходимости наличия научно обоснованных и экспертных данных для принятия решений. Доказательный менеджмент — процесс реализации доказательного подхода в рамках деятельности руководителей разного уровня,

а доказательная политика предполагает реализацию принципов доказательного подхода при принятии политических решений. При распространении доказательный подход в управлении сталкивается с целым рядом барьеров: ценностных, методологических, финансовых и других. Однако есть ряд условий, которые могут позитивно влиять на его продвижение в среде руководителей-практиков: вовлечение управленцев высшего звена, специализированное обучение, сближение практиков и исследователей, а также другие факторы. Критически важными остаются экономическая сторона исследований и их доступность.

Ключевые слова: *доказательный подход, доказательный менеджмент, доказательная политика.*

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации от 11.06.2021 № 073-00041-21-03 «Разработка методологических оснований для формирования единого национального подхода к определению социальных (в том числе образовательных) практик с доказанной эффективностью».

Для цитаты: Семья Г.В., Станилевский В.В., Газарян А.А., Некрасов А.С. Доказательный подход в управлении: доказательный менеджмент и доказательная политика // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 1. С. 209–223. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022000001>

Evidence-Based Approach in Management: Evidence-Based Management and Policy

Galina V. Semya

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, **e-mail:** gvsemia@yandex.ru

Viktor V. Stanilevsky

American University, Washington, DC, USA

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8808-7387>, **e-mail:** victor.stanilevskiy@gmail.com

Alexey A. Gazaryan

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9498-5757>, **e-mail:** zhivoy@yandex.ru

Andrey S. Nekrasov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1072-7986>, **e-mail:** nekrasov.x@gmail.ru

Objective. *Review of the concepts of “evidence-based approach in management”, “evidence-based management”, and “evidence-based policy”. Systematization of factors that inhibit and contribute to the dissemination of evidence-based management practices in the social sphere. Identification of priority measures to support the development of an evidence-based approach in the management in the social sphere.*

Background. *Executives in general, and also in the social sphere, are facing challenges of an increasing level of uncertainty, which brings difficulties to make reliable forecasts and make decisions with guaranteed results. At the same time, there is a systemic crisis of resources, requiring the choice of strategies and tactics that provide the highest level of performance. An additional challenge is the increasing amount of operations and the emerging need for managers to make quick management decisions. Against this background, the evidence-based approach acquires particular importance, based on the idea of the need to rely on the findings of research and expertise, providing managers with relevant data for choosing certain areas of action.*

Methodology. *Literature review.*

Conclusions. *The evidence-based approach in management is a range of practices with various severity of requirements, connected by the need for evidence-based and expert data for decision-making. Evidence-based management is a process of implementing an evidence-based approach within the framework of the activities of different level managers. Evidence-based policy is the implementation of evidence-based principles in making political decisions. Promotion of the evidence-based approach in management encounters several barriers such as assessment, used methodology, finance. However, some conditions can positively influence its promotion among practitioners: the involvement of senior managers, specialized training, the convergence of practitioners and researchers, and other factors. The funding of research and its accessibility remains critical.*

Keywords: *evidence-based approach, evidence-based management, evidence-based policy.*

Funding. The study was conducted within the framework of the state task of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 073-00041-21-03 dated 11.06.2021 «Development of methodological bases for the formation of a unified national approach to the definition of social (including educational) practices with proven effectiveness».

For citation: Semya G.V., Stanilevsky V.V., Gazaryan A.A., Nekrasov A.S. Evidence-Based Approach in Management: Evidence-Based Management and Policy. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 1, pp. 209–223. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022000001> (In Russ.).

Введение

На сегодняшний день парадигма доказательности в социальной сфере в глобальном смысле находится в процессе развития, в то время как в коммерческой среде, к примеру, вопросы оценки эффективности и принципов ее доказанности переживают очередные эволюционные метаморфозы. Социальные практики — более многослойная материя, включающая в себя целую совокупность знаний и опыта, на стыке которых и рождается доказательство эффективности работы в этом поле. Процесс становления доказательной парадигмы в социальной сфере носит диалектический характер, ядром которого является возникающая пропасть между наукой и практикой. В России обозначенный разрыв невероятно велик, имея под собой причины социального характера, экономического и даже политического. Мы по-прежнему можем наблюдать высокий уровень скепсиса практиков относительно проводимых в

той или иной области научных исследований, так же как и научные исследования, которые часто проводятся в отрыве от реальных практических ситуаций. Не случайно инструментарий, призванный помочь в преодолении сложившегося кризиса, родился на почве доказательной медицины, где практика, направленная на человека, на решение проблемы, невозможна без научно обоснованных доказательств того, что она (практика) эффективна в решении проблемы [20]. Проблемы, которые решаются в социальной сфере, нуждаются в решениях, эффективность которых имеет доказательную базу, — это соответствует тенденциям развития общества, экономики, экологии, если мы говорим о целях устойчивого развития, которые стали частью мировой политической и экономической повестки.

На сегодняшний день Правительством Российской Федерации поставлена следующая задача: «Создание реестра лучших практик, выявленных в ходе реализации

мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на основе выработанных единых критериев оценки» [4; 5]. После двух лет изучения зарубежных и отечественных практик и источников в качестве единых критериев был определен доказательный подход, внедрение которого началось в социальной сфере около десяти лет назад [1; 2]. Для отбора управленческих практик в созданный реестр ежегодно проводились всероссийские конкурсы. Экспертиза, основанная на Стандарте доказательности [4], позволяла из более чем 500 поданных на конкурс практик отобрать не более десяти, которые после размещения в Реестре для тиражирования практически оказались невостребованными. В результате анализа сложившейся ситуации была выявлена основная проблема — непонимание руководителями регионального уровня принципа доказательности в управлении и важности описания управленческой практики в терминах доказательного подхода, что делает возможным достижение запланированного результата при внедрении, а также позволяет существенно экономить финансовые ресурсы, выделяемые на социальную сферу. Таким образом, мы наблюдаем, что именно фигура руководителя в современных условиях становится ключевой в продвижении доказательного подхода на уровне принятия решений.

Обращаясь к научным теориям менеджмента, мы сможем проследить эволюцию управления как способа организации деятельности на протяжении нескольких тысяч лет, от «Кодекса Хаммурапи» до «Цехового менеджмента» Ф. Тейлора. Исследователи выделяют несколько революционных этапов в истории развития менеджмента, в каждом из которых были свои вызовы и предпосылки социального и экономического характера. На рубеже третьего десятилетия

XXI века одной из главных повесток для руководителей разного уровня (государственных, некоммерческих и бизнес-организаций) является курс на устойчивое развитие, дополнительно требующий от управленцев учета социальных и экологических последствий, оценку рисков и расчета соответствующих долгосрочных эффектов. Также стоит отметить увеличивающуюся скорость изменения мира в целом, что, в свою очередь, требует соответствующей гибкости и таких же быстрых решений, которые при этом будут отвечать всем требованиям эффективности. Обозначенная потребность все больше обращает внимание на необходимость принятия решений на основе научно обоснованных данных, тесного взаимодействия широкого спектра экспертов и т.д., в совокупности — принятие управленческих решений на основе доказательств.

Далее мы рассмотрим содержание ключевых понятий данного дискурса на основе анализа научных и научно-популярных источников, обобщим существующие барьеры и драйверы для распространений доказательного подхода в управлении.

Доказательные: подход, менеджмент, политика

Отправной точкой оформления доказательного подхода можно считать вопрос о качестве данных и их источниках, которые служат основаниями для принятия управленческого или профессионального решения. Что стоит за осуществляемым выбором? Интуиция, эмоции, личные предпочтения? Или рациональные модели, научные эмпирические исследования, мнения экспертов и клиентов? Доказательный подход предлагает критически взглянуть на эту дилемму и осуществить переход в сторону большей

обоснованности, повысить уровень доказательности реализуемых проектов, программ и стратегий.

По мнению Джеффри Пфеффера и Роберта Саттона, доказательный подход в управлении призван поменять то, как руководитель думает и действует. В базисе подхода лежит убеждение, что использование более глубокого логического метода, имеющих фактов и данных поможет управленцам намного лучше справляться со стоящими перед ними задачами [13].

Критически важным при этом становится не только научная природа имеющихся доказательств, но и их потенциал превратиться в реальные изменения, быть интегрированными, имплементированными в жизнь. При этом Дениз Руссо акцентирует дополнительное внимание и на том, что личный опыт, знания менеджеров тоже важны, хотя и не являются краеугольными [15].

В профессиональном сообществе уже можно наблюдать развитие мнений относительно качества доказательств в двух векторах [10]. Сторонники первого — более радикального — верят, что управление, основанное на доказательствах, возможно, но при наличии неуклонного следования определенным и строгим подходам Теоретики, придерживающиеся данной позиции, рекомендуют принимать решения, основываясь на результатах рандомизированных контролируемых исследований (сложный экспериментальный подход, но позволяющий уменьшить источники систематических ошибок и максимально повысить эффективность последующих решений).

Апологеты второй позиции — компромиссной — считают, что хороший подход к принятию решений заключается в использовании лучших доступных данных, принимая также в расчет профессиональную экспертизу специали-

стов. По их мнению, важно учитывать неизбежные в демократическом процессе принятия решений конфликты интересов, разнообразие мнений, уступки, различные ценности, идеологические и экономические факторы.

Интерпретация и понимание доказательного подхода зависит как от позиции авторов и руководителей, его практикующих, так и от сферы применения. В разнообразных источниках он определяется как «философский подход», «программа», «метод», «теория», «практический подход, включающий решения и руководства, полученные эмпирическим путем», а также «путь», «процесс» и даже «обучение длиной в жизнь» [11; 14].

Однако стоит отметить, что сквозной ценностью доказательного подхода вне зависимости от его вариации остается ориентация на постоянный поиск данных и их практическое использование, призванное повысить эффективность и результативность управления. В том или ином сочетании тремя основными источниками доказательств выступают: результаты научных исследований; выводы экспертов и практикующих специалистов; мнения и ценности клиентов, благополучателей, граждан.

Говоря о доказательном менеджменте, Киран Уолш и Томас Рэндалл предлагают рассматривать его как «инструмент перевода» принципов доказательного подхода в организационные практики. Таким образом, это процесс, когда руководители могут принимать решения, опираясь на выводы социальных наук, исследования и бизнес-информацию, уходя от личного опыта и несистематических знаний об управлении [16; 24].

В случаях, когда речь идет о принятии политических решений, мы говорим о «доказательной политике», использующей широкий спектр доказательной

базы и научно обоснованные факты для нормативно-правового регулирования, программ социально-экономического развития, разработки и реализации государственных и общественно-государственных стратегий и концепций. Стоит отметить, что применение доказательного подхода в политическом поле имеет свои отличия. Они связаны с более весомым влиянием на итоговые решения внутреннего и внешнего политического процесса, электоральных циклов, общественного мнения и настроений, позиций средств массовой информации. Данные обстоятельства делают реализацию доказательной политики более сложной и одновременно особенно ценной практикой.

Эрик Барендс, Дениз Руссов и Роб Б. Бринер предлагают следующую последовательность для доказательного процесса, который может быть применим к менеджменту в целом и к политическому управлению в частности [7]:

1. Запрашивание: постановка вопросов для нахождения решений практических вопросов и проблем.
2. Приобретение: систематический поиск и получение доказательств.
3. Оценка: критический анализ достоверности и актуальности доказательств.
4. Агрегирование: взвешивание и обобщение доказательств.
5. Применение: включение доказательств в процесс принятия решений.
6. Оценка результатов принятого решения для увеличения вероятности ожидаемого результата.

Барьеры распространения доказательного подхода в управлении

С самого начала своего распространения доказательный подход как в медици-

не, так и в других индустриях сталкивается с множеством трудностей и широкой критикой. Обобщая, можно выделить следующие группы барьеров на пути его практической реализации: ценностные; методологические; финансовые; временные; компетентностные; процессуальные; информационные; утилитарные.

Ценностные. Внедрение доказательного подхода в управлении всегда меняет расклад сил в организации, в которой он происходит. На смену интуиции, опыту, предыдущим и уже привычным способам принятия решений приходят научно обоснованные подходы. Как следствие, это вызывает отторжение у части сотрудников и руководителей [13].

Далеко не все из членов команд согласны с подобными нововведениями и разделяют принципы доказательности. Организационная культура, в которой с большей вероятностью приживется доказательный подход, должна быть ориентирована на саморазвитие, инновации и постоянное совершенствование. В контексте доказательной политики важно указать на тот факт, что ряд политических задач не связаны с логикой напрямую, а скорее имеют связь с эмоциями, и политики руководствуются больше ощущениями, мнениями избирателей и тем, что они привыкли думать и делать [10].

Методологические. При использовании доказательного подхода в менеджменте и политике может встречаться целый ряд несовершенств. Среди них — ненадлежащее оперирование статистическими данными, пренебрежение и нарушение стандартов исследовательских процедур, нарушение этических норм и требований конфиденциальности, нарушения законодательства в области авторского права и персональных данных. В том числе финансовые отношения между заказчиком исследования и

исполнителем могут влиять на полноту и критичность выводов, в частности, по причине заинтересованности в долгосрочных отношениях и продолжении контрактного сотрудничества.

Финансовые. Чем более высокий уровень доказательности мы требуем от результатов исследований, тем более дорогостоящими они становятся. При этом организации из любого сектора экономики не спешат выделять бюджетное обеспечение для сбора и обработки данных. В том числе и по причине отсутствия уверенности в ценности проводимых изысканий и существенности их влияния на конечный результат. Тем самым мы наблюдаем ситуацию, в которой доказательные практики требуют отдельных доказательств своей экономической целесообразности.

Временные. Как говорилось выше, главным вызовом для принятия управленческих решений на сегодняшний день является необходимость принимать эффективные решения в очень сжатые сроки. Разработка дизайна и проведение исследования могут занять от нескольких недель до нескольких лет (в зависимости от масштаба требуемых измерений). К сожалению, руководители часто не готовы ждать, когда исследовательская группа или научный центр проведут соответствующую работу и представят свои выводы, а данных, которые есть в наличии, может не хватать, чтобы считать их достаточными для решения управленческой задачи. В этой ситуации решение опирается на привычные получение экспертизы (обмен мнениями с коллегами, обращение к «лучшим практикам» других организаций) или личный опыт и знания людей, принимающих решения.

Информационные. Руководители часто не знают об исследованиях, которые кажутся важными ученым. Одна из при-

чин заключается в том, что они могут быть вполне успешны в своей профессии без этих знаний. Другая — нет каких-либо сертификационных требований, которые бы обязывали менеджеров интересоваться данной информацией [8]. В дополнение к этим причинам информационные ресурсы, содержащие соответствующие материалы, ориентированы скорее на исследователей, чем на практикующих управленцев, что только усиливает коммуникационный разрыв. И напротив, в профессиональных журналах для менеджеров редко встречаются публикации, которые кажутся актуальными ученым.

Компетентностные. Работа с научно обоснованными данными требует от руководителей дополнительной подготовки, чтобы понимать язык исследовательских отчетов и уметь использовать их для своей ежедневной работы. Однако крайне редко программы обучения руководителей включают в себя соответствующие модули, а сами менеджеры не считают эти навыки необходимыми [8].

Процессуальные. У руководителей также возникают сложности с доступом к релевантной научной базе по своей теме, необходимость использования внешних консультантов для обоснования решений и оценки имеющихся подходов. Менеджеры могут быть не вовлечены в исследовательский процесс и тем самым не могут оценить их результаты и значимость [16]. Внедрение доказательного подхода в управлении требует переборки порядка действий для ключевых процессов, что влечет за собой серьезные изменения в организационном дизайне, к которым организации не всегда готовы.

Утилитарные. Несоответствие прикладных запросов руководителей исследованиям, которые проводятся учеными (в широком смысле). Также можно констатировать, что иногда приводимые до-

казательства могут идти вразрез сложившейся практике, а выводы исследований быть абстрактны, неточны и противоречивы [22]. В то же время стоит отдельно отметить необходимость формализации результатов исследований для менеджеров (особенно менеджеров государственных организаций), исследования могут быть применимы в работе, но есть необходимость перевода этих знаний в нормативные акты и практику.

Драйверы развития доказательного подхода в управлении

Накопленный опыт организаций и отдельных руководителей, в том числе политиков, позволяет выделить способы и меры, обеспечивающие интеграцию доказательного подхода в управленческую действительность. Рассмотрим ключевые из них.

Позиция высшего руководства. Если речь идет о государственном или корпоративном управлении, критически важным условием, чтобы доказательный подход стал частью системы принятия решений, выступает приверженность его принципам у высшего руководства. Требуется его твердое решение внедрить доказательные практики, невзирая на неизбежные изменения [13]. Важно, чтобы внедрение проводилось планомерно, и высшие руководители были ему привержены.

Практико-ориентированный дизайн исследований. Исследования требуется делать более релевантными для выполнения практических управленческих задач [8]. Для этого необходимо обеспечивать тесный контакт исследователей и менеджеров, выступающих ко-дизайнерами исследований и заказчиками таковых. Они могут входить в исследовательские

группы или привлекаться для получения обратной связи об актуальности проводимых поисков на всех этапах исследовательского цикла.

Адаптировать доказательный подход. Каждая организация самобытна, имеет свою систему ценностей, архитектуру операционной деятельности и управления. Поэтому неверно воспринимать доказательный подход как ригидную, жестко стандартизированную сущность. Система доказательности, которую предполагается использовать, должна соответствовать и быть комплементарна конкретной организации, ошибочно копировать и применять успешные подходы других, не подготовив для этого почву [13].

Поиск новых путей получения доказательств. Во многих случаях данных крайне мало или практически нет, чтобы можно было использовать полноценно доказательный подход. В то же время привычные способы получения доказательств по тем или иным причинам также не могут быть применены. В этом случае важно использовать максимум доступной доказательной информации, расширять поиск, попутно используя новые источники и данные, как количественные, так и качественные [13].

Создание специализированных сетей и банков. Часть задач по определению тех решений, которые работают наиболее эффективно, может быть делегирована отдельным организациям и структурам, которые возьмут на себя задачи по систематизации исследований и информированию о доказательных практиках ключевых стейкхолдеров. Так, в мире существует опыт создания банков, реестров и сетей центров, обеспечивающих создание и инвентаризацию доказательств. Они позволяют повышать эффективность государственных и негосу-

дарственных услуг в социальной сфере, одновременно снижая дефицит средств на эти программы.

В качестве примера можно рассмотреть ключевые этапы цикла работы с доказательными сетями центров «Что работает» (What Works Network, WWN), которая была запущена в 2013 году в Великобритании (см. таблицу) [9]. В России на данный момент также происходят движения в этом направлении: Агентством стратегических инициатив создана платформа «Смартека» – реестр практик с доказанной эффективностью; Счетная палата Российской Федерации организует конкурс лучших практик в государственном секторе, реализуемых в доказательном ключе.

Внедрение принципов и кодексов доказательного подхода. Для продвижения среди руководителей и сотрудников организаций доказательного подхода рекомендуется использовать доступные и простые для запоминания инструкции и «своды правил». В качестве примера

приведем список из пяти принципов доказательного менеджмента для руководителей [21]:

1. Не бойся правды и создавай на рабочем месте атмосферу, поощряющую сотрудников говорить даже неприятную правду.

2. Основывая свои решения на фактах, на том, что есть, используй лучшие из имеющихся доказанных данных, чтобы действовать.

3. Относись к своей организации как к незаконченному продукту – приветствуй эксперименты и обучение в процессе деятельности.

4. Внимательно изучай то, что тебе предлагают, проверяй на риски и проблемы – даже лучшее лечение имеет свои побочные эффекты.

5. Не принимай решения, базируясь на своих неподтвержденных, но сильных «убеждениях», прошлом опыте или на опыте тех, кто «чего-то достиг».

Доказательное обучение и обучение доказательному подходу. Как отмечалось

Т а б л и ц а

Этапы создания доказательных практик сети «Что работает» (Великобритания)

Этап	Содержание
Производство первичных доказательств	Проведение и поддержка начальных этапов исследований, которые заполняют лакуны в доказательной базе
Синтез существующей доказательной базы	Определение и анализ существующих доказательных данных
Перевод доказательных данных	Производство данных и анализ эффективности применения рекомендуемых подходов, основанный на общем знаменателе. Предоставление результатов оценки в формате, который легко понимается, интерпретируется и внедряется в практику
Распространение доказательных данных	Публикация и распространение найденных решений/стратегий, адаптированных под конечного пользователя
Внедрение доказательных данных	Поддержка практиков и лиц, принимающих решения, в использовании найденных подходов
Оценка и улучшение практики	Поощрение практиков и лиц, принимающих решения, оценивать свои действия и внедрять практики

выше, существует дефицит квалификации руководителей в отношении доказательного менеджмента и политики. Сегодня многим недоступно представление о том, как их решения могут повлиять на их организации [24]. Поэтому на первый план выходит систематическое обучение теоретическим и прикладным аспектам доказательного подхода в управлении. Важно при этом добиться того, чтобы и сам образовательный процесс, методы и форматы преподавания были основаны на доказательствах, а не опирались исключительно на педагогическую традицию [17; 18].

Изменив систему образования, можно добиться того, что менеджеры будут не только заинтересованы во внедрении доказательного подхода, но также будут знать, где найти данные, и обладать достаточным опытом и навыками, чтобы их критически анализировать и применять на практике [21].

Сближение практического и научно-го сообществ. Ряд исследователей в области научного менеджмента отмечают важность преодоления барьеров между исследователями и руководителями, которые могли бы опираться на результаты исследований. По мнению Сары Райнс, в этом направлении могли бы быть сделаны следующие шаги:

— обучение исследователей говорить на языке, более близком и понятном для руководителей-практиков;

— следование за трендами (в актуальной для современных менеджеров области устойчивого развития, например), быстрая публикация и распространение идей;

— развитие неформализованных, «неакадемических» способов обмена информацией и ризалитами работы;

— вовлечение большего количества практиков в процесс высшего образования;

— организация регулярных совместных мероприятий, на которых встречались бы практики и исследователи;

— создание дополнительных стимулов для исследователей, готовых писать для практиков (гранты, конкурсы и т.д.) [17; 18].

Выводы

Доказательный подход в управлении представляет собой широкий спектр более и менее строгих вариаций по организации деятельности государственных, некоммерческих и бизнес-организаций, объединенных ключевой идеей о необходимости принятия решения на основе доказательств. Доказательный менеджмент представляет собой реализацию доказательного подхода в контексте деятельности руководителя, в то время как доказательная политика связана с принятием политических решений с опорой на научно обоснованные данные и экспертизу.

Существует целый комплекс барьеров на разных уровнях, сопровождающих распространение и внедрение доказательного подхода в управлении. Среди них есть ценностные, методологические, финансовые, временные и другие. Подход еще не принят большинством сообщества руководителей-практиков как эффективный и позволяющий добиться успеха и сам требует доказательств и подтверждений своей состоятельности.

Ускорить более широкое применение доказательного менеджмента и доказательной политики возможно через ряд условий-драйверов. Позитивно скажутся вовлечение высшего руководства организаций, программы профильного обучения, сближение исследователей и

практиков, создание сети центров и банков практик. Также позитивное влияние окажет создание доступных коммуникационных материалов, рассказывающих и продвигающих доказательный подход среди менеджеров.

Заключение

Философия и ценности доказательного подхода призывают к диалогу и взаимодействию очень широкий спектр заинтересованных сторон, экспертов, специалистов, часто находящихся, на первый взгляд, на противоположных полюсах. Принципы доказательного подхода должны стать инфраструктурой, способствующей объединению и совместному однонаправленному движению в сторону эффективного решения социальных проблем, эффективного государственного управления. Важно сказать о подходе как о среде, включающей всех стейкхолдеров: благополучателей, практиков, исследователей, представителей органов государственного управления, представителей институтов, оказывающих финансовую поддержку; среде, в которой есть пространство для любой точки зрения.

Востребованность доказательного подхода в перспективе будет только расти. Есть трудности, связанные с ресурсоемкостью внедрения и адаптации системы принятия решений, с применением подхода, есть также экономическая сторона вопроса. Но запрос на доказательств эффективности принятия решений — это новая реальность, которую необходимо принять. Сторонникам подхода предстоит разработать меры по оптимизации издержек, новые формы взаимодействия и сотрудничества, новые формы поиска и сбора данных, в частно-

сти, с помощью современных информационных технологий.

В «Диалогах» Платона собеседники, имея различные видения относительно тех или иных явлений, в диалоге стремились к поиску общей истины. Поиск эффективного решения в контексте доказательного подхода не только объединяет участников профессионального диалога, но и стимулирует запуск ряда процессов, а также формирует новую культуру взаимодействия, язык. У представителей научного сообщества появляется интерес представлять результаты исследований на доступном практикам языке, практики, в свою очередь, учатся применять результаты исследований, стремятся донести идеи актуальных и прикладных исследований в академическую среду. Продуктами междисциплинарного, межотраслевого взаимодействия в рамках подхода могут стать публикации, позитивно влияющие на развитие социальной практики, разработка методологических подходов и их внедрение в практическое поле, а также возможность тиражировать практики с доказанной эффективностью, создавая для этого реестры разного масштаба, вокруг которых естественным образом формируются соответствующие инфраструктура и профессиональные сообщества.

Доказательный подход в управлении будет более востребованным, если будет наиболее точно и оперативно отвечать на актуальные потребности своих основных целевых пользователей-руководителей. Только понимание их ежедневных запросов, содержания и природы решаемых ими задач, особенностей восприятия и мышления, освоенных дискурсов позволит имплементировать доказательные практики в реальность менеджмента в социальной сфере, политического и корпоративного управления.

Литература

1. Бусыгина Н.П., Подушкина Т.Г., Станилевский В.В. Доказательный подход в социальной сфере: основные понятия и принципы, история, перспективы [Электронный ресурс] // Социальные науки и детство. 2020. Том 1. № 1. С. 8–26. DOI:10.17759/ssc.2020010101
2. Бусыгина Н.П., Подушкина Т.Г., Фрейк Н.В. Реестры практик как механизм доказательной социальной политики в сфере защиты детства: анализ международного опыта [Электронный ресурс] // Социальные науки и детство. 2021. Том 2. № 1. С. 7–23. DOI:10.17759/ssc.2021020101
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 06.07.2018 № 1375-р (ред. от 23.11.2020) «Об утверждении плана основных мероприятий до 2020 года, проводимых в рамках Десятилетия детства» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. 2021. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_375249 (дата обращения: 27.10.2021).
4. Стандарт доказательности практик в сфере детства (Версия № 2.31.08.2018) [Электронный ресурс] // Ozenka.Info. 2021. URL: http://ozenka.info/about/dokazatelnyy_podhod/standart_dokazatelnosti_praktik/402_file_2.pdf (дата обращения: 27.11.2021).
5. Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2017 № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. 2021. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_375249 (дата обращения: 27.10.2021).
6. Bellamy J.L., Mullen E.J., Satterfield J.M., Newhouse R.P., Ferguson M., Brownson R.C., Spring B. Implementing evidence-based practice education in social work: A transdisciplinary approach // Research on Social Work Practice. 2013. Vol. 24. P. 426–436. DOI:10.1177/1049731513480528
7. Barends E., Rousseau D.M., Briner R.B. Evidence-Based Management: The Basic Principles. Amsterdam: Center for Evidence-Based Management, 2014. 20 p.
8. Cascio W.F. Evidence-Based Management and The Marketplace for Ideas // The Academy of Management Journal. 2007. Vol. 50. № 5. P. 1009–1012. DOI:10.5465/amj.2007.27151942
9. Gold J. What Works Network: Five Years On [Электронный ресурс] // GOV.UK. 2018. 37 p. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/677478/6.4154_What_works_report_Final.pdf (дата обращения: 12.11.2021).
10. Head B. Toward More “Evidence-Informed” Policy Making? // Public Administration Review. 2015. Vol. 76. № 3. P. 472–484. DOI:10.1111/puar.12475
11. Morago P. Evidence-based practice: from medicine to social work // European Journal of Social Work. 2006. Vol. 9. № 4. P. 461–477. DOI:10.1080/13691450600958510
12. Ogbonmaya I.N., Martin J., Walsh C.R. Using the California Evidence-Based Clearinghouse for Child Welfare as a Tool for Teaching Evidence-Based Practice // Journal of Social Work Education. 2018. Vol. 54. Sup. 1. P. 1–10. DOI:10.1080/10437797.2018.1434434
13. Pfeffer J., Sutton R.I. Hard Facts, Dangerous Half-Truths, and Total Nonsense Profiting from Evidence-Based Management // Strategy and Leadership. 2006. Vol. 34(2). P. 35–42. DOI:10.1108/10878570610652617
14. Rojas Y., Stenström N. The Effect of Organizational Factors on the Use of Evidence-based Practices among Middle Managers in Swedish Social Services // Human Service Organizations: Management, Leadership & Governance. 2019. Vol. 44. № 1. P. 32–46. DOI:10.1080/23303131.2019.1683667
15. Rousseau D.M. Is There Such a Thing as “Evidence-Based Management”? // Academy of Management Review. 2006. Vol. 31. № 2. P. 256–269. DOI:10.5465/amr.2006.20208679
16. Rundall T.G., Martelli P.F., Arroyo L., McCurdy R. The Informed Decisions Toolbox: Tools for Knowledge Transfer and Performance Improvement / Practitioner Application // Journal of Healthcare Management. 2007. Vol. 52. P. 325–341. DOI:10.1097/00115514-200709000-00009
17. Rynes S.L., Trank C.Q., Lawson A.M., Iliès R. Behavioral Coursework in Business Education: Growing Evidence of a Legitimacy Crisis // Academy of Management Learning & Education. 2003. Vol. 2. P. 269–283. DOI:10.5465/amle.2003.10932135

18. *Rynes S.L.* Editor's Afterword: Let's Create A Tipping Point: What Academics and Practitioners can do, Alone and Together // *Academy of Management Journal*. 2007. Vol. 50. № 5. P. 1046–1054. DOI:10.5465/amj.2007.27156169
19. *Saari L.M.* Bridging the Worlds // *Academy of Management Journal*. 2007. Vol. 50. № 5. P. 1043–1045. DOI:10.5465/amj.2007.27156088
20. *Sackett D.L., Richardson W.S., Rosenberg W., Haynes R.B.* Evidence-based medicine: How to practice and teach EBM. Evidence-based medicine // Edinburgh, Scotland: Churchill Livingstone. 1996. Vol. 312. P. 71–72.
21. *Sohrabi Z., Zarghi N.* Evidence-Based Management: An Overview // *Creative Education*. 2015. Vol. 6. P. 1776–1781. DOI:10.4236/ce.2015.616180
22. *Udo C., Forsman H., Jensfelt M., Flink M.* Research Use and Evidence-Based Practice Among Swedish Medical Social Workers: A Qualitative Study // *Clinical Social Work Journal*. 2019. Vol. 47. P. 258–265. DOI:10.1007/s10615-018-0653-x
23. *Van de Ven A.H., Johnson P.E.* Knowledge for Theory and Practice // *Academy of Management Review*. 2006. Vol. 31. № 4. P. 802–821. DOI:10.5465/amr.2006.22527385
24. *Walshe K., Rundall T.G.* Evidence-based Management: From Theory to Practice in Health Care // *The Milbank Quarterly*. 2001. Vol. 79. № 3. P. 429–457. DOI:10.1111/1468-0009.00214

References

1. Busygina N.P., Podushkina T.G., Stanilevskii V.V. Dokazatel'nyi podkhod v sotsial'noi sfere: osnovnye ponyatiya i printsipy, istoriya, perspektivy [Evidence-Based Approach in the Social Area: Basic Concepts and Guidelines, History, Prospects] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'nye nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*, 2020. Vol. 1, no. 1, pp. 8–26. DOI:10.17759/ssc.2020010101 (In Russ.).
2. Busygina N.P., Podushkina T.G., Freik N.V. Reestry praktik kak mekhanizm dokazatel'noi sotsial'noi politiki v sfere zashchity detstva: analiz mezhdunarodnogo opyta [Registers of Practices as an Evidence-Based Social Policy Mechanism for Child Welfare: An Analysis of International Experience] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'nye nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*, 2021. Vol. 2, no. 1, pp. 7–23. DOI:10.17759/ssc.2021020101 (In Russ.).
3. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 06.07.2018 N 1375-r (red. ot 23.11.2020) «Ob utverzhdenii plana osnovnykh meropriyatii do 2020 goda, provodimykh v ramkakh Desyatiletiya detstva» [Order of the Government of the Russian Federation dated 06.07.2018 N 1375-r (ed. dated 11/23/2020) “On approval of the plan of main activities until 2020, held within the framework of the Decade of Childhood”] [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tant Plyus*. 2021. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_375249 (Accessed 27.10.2021). (In Russ.).
4. Standart dokazatel'nosti praktik v sfere detstva (Versiya № 2. 31.08.2018) [Standard of evidence of practices in the field of childhood (Version No. 2. 31.08.2018)] [Elektronnyi resurs]. *Ozenka. Info*. 2021. URL: http://ozenka.info/about/dokazatelnyy_podhod/standart_dokazatelnosti_praktik/402_file_2.pdf (Accessed 27.11.2021). (In Russ.).
5. Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 29.05.2017 № 240 «Ob ob'yavlenii v Rossiiskoi Federatsii Desyatiletiya detstva» [Decree of the President of the Russian Federation No. 240 dated 29.05.2017 “On the announcement of the Decade of Childhood in the Russian Federation”] [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tant Plyus*. 2021. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_375249 (Accessed 27.10.2021). (In Russ.).
6. Bellamy J.L., Mullen E.J., Satterfield J.M., Newhouse R.P., Ferguson M., Brownson R.C., Spring B. Implementing evidence-based practice education in social work: A transdisciplinary approach. *Research on Social Work Practice*, 2013. Vol. 24, pp. 426–436. DOI:10.1177/1049731513480528
7. Barends E., Rousseau D.M., Briner R.B. Evidence-Based Management: The Basic Principles. Amsterdam: Center for Evidence-Based Management, 2014. 20 p.

8. Cascio W.F. Evidence-Based Management and The Marketplace for Ideas. *The Academy of Management Journal*, 2007. Vol. 50, no. 5, pp. 1009–1012. DOI:10.5465/amj.2007.27151942
9. Gold J. What Works Network: Five Years On [Elektronnyi resurs]. *GOV.UK*, 2018. 37 p. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/677478/6.4154_What_works_report_Final.pdf (Accessed 12.11.2021).
10. Head B. Toward More “Evidence-Informed” Policy Making? *Public Administration Review*, 2015. Vol. 76, no. 3, pp. 472–484. DOI:10.1111/puar.12475
11. Morago P. Evidence-based practice: from medicine to social work. *European Journal of Social Work*, 2006. Vol. 9, no. 4, pp. 461–477. DOI:10.1080/13691450600958510
12. Ogbonnaya I.N., Martin J., Walsh C.R. Using the California Evidence-Based Clearinghouse for Child Welfare as a Tool for Teaching Evidence-Based Practice. *Journal of Social Work Education*, 2018. Vol. 54, sup. 1, pp. 1–10. DOI:10.1080/10437797.2018.1434434
13. Pfeffer J., Sutton R.I. Hard Facts, Dangerous Half-Truths, and Total Nonsense Profiting from Evidence-Based Management. *Strategy and Leadership*, 2006. Vol. 34(2), pp. 35–42. DOI:10.1108/10878570610652617
14. Rojas Y., Stenstrom N. The Effect of Organizational Factors on the Use of Evidence-based Practices among Middle Managers in Swedish Social Services. *Human Service Organizations: Management, Leadership & Governance*, 2019. Vol. 44, no. 1, pp. 32–46. DOI:10.1080/23303131.2019.1683667
15. Rousseau D.M. Is There Such a Thing as “Evidence-Based Management”? *Academy of Management Review*, 2006. Vol. 31, no. 2, pp. 256–269. DOI:10.5465/amr.2006.20208679
16. Rundall T.G., Martelli P.F., Arroyo L., McCurdy R. The Informed Decisions Toolbox: Tools for Knowledge Transfer and Performance Improvement / Practitioner Application. *Journal of Healthcare Management*, 2007. Vol. 52, pp. 325–341. DOI:10.1097/00115514-200709000-00009
17. Rynes S.L., Trank C.Q., Lawson A.M., Ilies R. Behavioral Coursework in Business Education: Growing Evidence of a Legitimacy Crisis. *Academy of Management Learning & Education*, 2003. Vol. 2, pp. 269–283. DOI:10.5465/amle.2003.10932135
18. Rynes S.L. Editor’s Afterword: Let’s Create A Tipping Point: What Academics and Practitioners can do, Alone and Together. *Academy of Management Journal*, 2007. Vol. 50, no. 5, pp. 1046–1054. DOI:10.5465/amj.2007.27156169
19. Saari L.M. Bridging the Worlds. *Academy of Management Journal*, 2007. Vol. 50, no. 5, pp. 1043–1045. DOI:10.5465/amj.2007.27156088
20. Sackett D.L., Richardson W.S., Rosenberg W., Haynes R.B. Evidence-based medicine: How to practice and teach EBM. Evidence-based medicine. Edinburgh, Scotland: Churchill Livingstone, 1996. Vol. 312, pp. 71–72.
21. Sohrabi Z., Zarghi N. Evidence-Based Management: An Overview. *Creative Education*, 2015. Vol. 6, pp. 1776–1781. DOI:10.4236/ce.2015.616180
22. Udo C., Forsman H., Jensfelt M., Flink M. Research Use and Evidence-Based Practice Among Swedish Medical Social Workers: A Qualitative Study. *Clinical Social Work Journal*, 2019. Vol. 47, pp. 258–265. DOI:10.1007/s10615-018-0653-x
23. Van de Ven A.H., Johnson P.E. Knowledge for Theory and Practice. *Academy of Management Review*, 2006. Vol. 31, no. 4, pp. 802–821. DOI:10.5465/amr.2006.22527385
24. Walshe K., Rundall T.G. Evidence-based Management: From Theory to Practice in Health Care. *The Milbank Quarterly*, 2001. Vol. 79, no. 3, pp. 429–457. DOI:10.1111/1468-0009.00214

Информация об авторах

Семья Галина Владимировна, доктор психологических наук, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Станилевский Виктор Валерьевич, магистр международных отношений, Американский Университет (American University), г. Вашингтон, округ Колумбия, Соединенные Штаты Америки, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8808-7387>, e-mail: victor.stanilevskiy@gmail.com

Газарян Алексей Артурович, методолог Центра доказательного социального проектирования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9498-5757>, e-mail: zhivoy@yandex.ru

Некрасов Андрей Сергеевич, магистр психолого-педагогического образования, ведущий аналитик Центра доказательного социального проектирования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1072-7986>, e-mail: nekrasov.x@gmail.ru

Information about the authors

Galina V. Semya, Doctor of Psychology, Professor, Department Psychology of Education, Chair of Age Psychology Named after L.F. Obukhova, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Victor V. Stanilevsky, Master of Arts in International Affairs, American University, Washington, DC, USA, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8808-7387>, e-mail: victor.stanilevskiy@gmail.com

Alexey A. Gazaryan, Specialist of the Methodology of the Center for Evidence-based Social Design, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9498-5757>, e-mail: zhivoy@yandex.ru

Andrey S. Nekrasov, Master of Psychological and Pedagogical Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1072-7986>, e-mail: nekrasov.x@gmail.ru

Получена 29.11.2021

Принята в печать 28.01.2022

Received 29.11.2021

Accepted 28.01.2022

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ DISCUSSIONS AND DISPUTATIONS

Хронотоп человека без определенного места жительства

Толстых Н.Н.

**ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3999-4503>, e-mail: nnvt@list.ru

Обсуждается статья Ю.С. Витко и А.А. Лебедевой «Практики работы с бездомными: перспектива возвращения “невидимой” личности», опубликованная в № 4 за 2021 г. журнала «Социальная психология и общество». Приводятся аргументы в пользу более широкого взгляда на проблему хронотопа бездомных людей и возможных его трансформаций в процессе практической помощи таким людям. В частности, делается акцент на развитии определенным образом понимаемой пространственной (а не только темпоральной) стороны хронотопа.

Ключевые слова: *бездомный человек, индивидуальный хронотоп, пространственная и временная сторона хронотопа, помощь бездомным людям.*

Для цитаты: Толстых Н.Н. Хронотоп человека без определенного места жительства // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 1. С. 224–229. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130113>

Chronotope of a Person without a Fixed Place of Residence

Nataliia N. Tolstykh

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3999-4503>, e-mail: nnvt@list.ru

The article by Yu.S. Vitko and A.A. Lebedeva “Practices of working with the homeless: the prospect of the return of the “invisible” personality”, published in No. 4, 2021, of the journal “Social Psychology and Society”. Arguments are given in favor of a broader view of the problem of the chronotope of homeless people and its possible transformations in the process of practical assistance to such people. In particular, emphasis is placed on the development of not just temporal but also the spatial side (understood in a certain way) of the chronotope.

Keywords: *homeless person, individual chronotope, spatial and temporal side of the chronotope, help to homeless people.*

For citation: Tolstykh N.N. Chronotope of a Person without a Fixed Place of Residence. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 1, pp. 224–229. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130113> (In Russ.).

Эти заметки — реплика на статью Ю.С. Витко и А.А. Лебедевой «Практики работы с бездомными: перспектива возвращения “невидимой” личности», недавно опубликованную в журнале «Социальная психология и общество» [1]. Я оцениваю эту статью как важную не только потому, что она посвящена чрезвычайно острой социальной проблеме современного общества, но и потому, что она затрагивает ряд существенных, с моей точки зрения, психологических аспектов происходящей трансформации личности бездомного человека, равно как и перспектив позитивной реконструкции такой личности.

Одним из ключевых объяснительных понятий для авторов статьи является понятие хронотопа, точнее сказать, индивидуального (или персонального) хронотопа (а не хронотопа, скажем, культуры, возраста, художественного произведения и т.д.), что, правда, авторы специально не акцентируют.

Анализируя имеющиеся исследования проблем людей без определенного места жительства, Ю.С. Витко и А.А. Лебедева справедливо выделяют замеченную многими специалистами укороченность временной перспективы будущего, которая характерна для бездомных. Об отсутствии или значительном сокращении протяженности временной перспективы будущего говорят многие исследования, посвященные тем группам людей, в психическом и/или психологическом здоровье которых есть основания для сомнения (подростки с делинквентным поведением, люди, имеющие явные признаки депривационного синдрома и др. [4]). Чувство «укороченной временной перспективы» (УЖП) было в свое время включено в перечень диагностических симптомов посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) в аме-

риканском диагностическом стандарте *Diagnostical and Statistical Manual of Mental Disorders (DSM-III-R)* [7].

В меньшей мере исследователи обращают внимание на пространственную сторону хронотопа. Ю.С. Витко и А.А. Лебедева акцентируют в данном случае изменение отношения к дому, с чем, конечно, нельзя не согласиться. Но проблема сужения, обеднения пространственной составляющей хронотопа людей без определенного места жительства может и должна рассматриваться в более широком контексте. Мы в нашей работе, изучая становление индивидуального хронотопа в рамках концепции развития личности Л.И. Божович [5], в центре которой находится развитие мотивационно-потребностной сферы личности, и рассматривая вслед за Ж. Нюттеном [8] временную перспективу будущего как «пространство мотивации», в качестве пространственной стороны индивидуального хронотопа рассматривали содержательную сторону мотивов. В отличие от темпоральной (временной) стороны мотива, которая ментально «отвечает» на вопрос, когда ожидается (планируется, предполагается) его удовлетворение, содержательная, по сути дела, свидетельствует о том, с какими мотивационными объектами (по Ж. Нюттену) данный субъект связан в своей жизнедеятельности, какие предметы потребностей (по А.Н. Леонтьеву) для него важны в принципе, независимо от возможного времени их удовлетворения (или неудовлетворения).

Так понятая содержательная сторона хронотопа является не менее важным показателем психического и психологического здоровья. В свое время Г. Олпорт, обобщая «на свой лад» мнения влиятельных персонологов относительно ключевых параметров зрелости личности,

первым таким параметром назвал «расширение чувства Я». «Для зрелого человека, — пишет Г. Олпорт, — жизнь — это нечто гораздо большее, чем пища, питье, безопасность, спаривание. Жизнь больше всего того, что можно отнести к “редукции влечения”. Если у человека не развиваются сильные интересы “вне его” (но все еще являющиеся частью его), его жизнь ближе к животному, чем к человеческому уровню существования... Повернем вопрос иначе. Критерий зрелости, который мы сейчас исследуем, требует аутентичного участия человека в некоторых значимых сферах человеческих дел. Быть *участником* — не то же самое, что быть просто *активным*» [2, с. 336]. И чуть ниже: «Но если у нас не развились автономные интересы в каких-то из этих областей (Олпорт имеет в виду такие сферы человеческих интересов, как экономическая, образовательная, развлекательная, политическая, домашняя, религиозная. — *Н.Т.*), мы не можем, вероятно, квалифицировать нашу личность как зрелую» [2, с. 337].

Из сказанного как будто бы однозначно следует вывод о том, что, работая с бездомными людьми, разорвавшими практически все свои связи с внешним миром, выходящие за рамки связей, необходимых для удовлетворения примитивных витальных потребностей, ничего не планирующими и не ожидающими от будущей жизни, надо всеми способами стараться содействовать расширению их хронотопа — как временной, так и пространственной его составляющих. Однако специалистам, работающим с такими людьми, хорошо известно, что последние всячески сопротивляются такому расширению и обогащению хронотопа. Например, мало кто из них задерживается в предоставленном жилье, уходя опять и опять на улицу, они с полным безраз-

личием относятся к предоставленной им одежде и другим полезным для жизни предметам, не стремятся налаживать оборванные социальные связи, не хотят обсуждать жизненные планы и т.д. Почему? В этом важно разобраться.

Я вижу две основные причины.

Во-первых, это нежелание усложнять свою жизнь. Обычному человеку жизнь бездомного человека видится бесконечно сложной, тяжелой, даже невыносимой, но в психологическом плане такая жизнь, жизнь по принципу наименьшего действия, как раз легка. Приведу в этой связи любимую цитату из работы А.А. Ухтомского — ученого, подарившего нам сам термин «хронотоп»: «Высшие этажи (нервной системы. — *Н.Т.*), — пишет А.А. Ухтомский в работе 1927 года «Доминанта как фактор поведения», — эти наиболее дальнзоркие и наиболее ориентирующие нас в хронотопе органы, предвидят предстоящую реальность задолго, у больших людей они могут предвидеть в истории за сотни лет, ибо хронотоп гения чрезвычайно обширен, и именно гениальные деятели *в своем индивидуальном поведении для себя* чаще всего идут по пути наибольшего сопротивления, для того, впрочем, чтобы достичь намеченного предмета наилучшим способом и открыть другим это достижение с наименьшей затратой сил. Нервная система отнюдь не начинается с наименьшего действия как заданного даром, она приходит к нему как к достижению в конце. Наименьшее действие, когда оно задано с самого начала, приводит только к редукции и упадку; а когда оно достигается в конце, то только для того, чтобы началась новая текущая деятельность, новая задача, новая борьба с сопротивлениями. Все дело в том, насколько мощна та доминанта, которая владеет поведением, насколько она пре-

обладает над отрицательной тенденцией к покою, к самоудовлетворению, к подушке» [6, с. 81–82].

Тенденцию бездомного человека к покою, «к подушке», пусть и самой некомфортной с обычной точки зрения, преодолеть крайне сложно, потому что этому сопротивляются сами законы функционирования центральной нервной системы.

Во-вторых, жизнь в усеченном хронотопе дает обладателю такого хронотопа своеобразное и при этом сильное ощущение свободы. А оценивает ли кто-нибудь, как Г. Олпорт и иже с ним, твою личность как недостаточно зрелую, — какая разница? Человек, живущий «здесь и сейчас» (не этому ли учат многие современные психотерапевтические практики и не только?), не связанный с другими людьми и социальными институтами никакими обязательствами, обещаниями, обывательски не привязанный к месту, к вещам, оказывается обладателем вполне определенной системы ценностей, где верхнюю строчку занимает личная свобода. Да, скажем мы, это «свобода от», а не «свобода для», но этот аргумент для такого человека вряд ли прозвучит убедительно.

Такую систему отношений к действительности, пользуясь термином приверженцев концепции В.Н. Мясищева, можно назвать «патологически адаптивной». Она не только по-своему комфортна для человека, но и обладает определенной экзистенциальной привлекательностью, вне зависимости от того, насколько человек это осознает. Расстаться с ней трудно.

Вот почему, представляется мне, в благородном стремлении расширить, насытить содержанием хронотоп человека без определенного места жительства не следует забывать о более, возможно, глубоких основаниях его жизненной по-

зиции и принципах жизнедеятельности, включая и упомянутые А.А. Ухтомским законы функционирования центральной нервной системы.

Никакого иного способа реализации такого тезиса, иного способа возвращения «невидимой» личности, кроме создания, воссоздания, расширения социальных связей бездомного человека, я не вижу. Потому что такой способ — это обращение к сущности человека, каковая, по К. Марксу, — «совокупность всех общественных отношений». К. Маркса сегодня не слишком модно цитировать, но и спорить с ним в этом вопросе никто не берется.

Авторы статьи, о которой идет речь в этих заметках, несомненно, понимают важность трансформации и расширения совокупности социальных отношений человека, лишившегося крова. Этому даже отводится один из шести принципов работы с бездомными людьми, которые ими формулируются в итоге проведенного исследования — «принцип поддержки и организации социальных отношений». В частности, в нем речь идет о необходимости налаживания таких связей, как бездомный-бездомный, бездомный-волонтер, бездомный как источник социальной поддержки, что, конечно же, совершенно правильно. Но, замечу я, для авторов статьи этот принцип — далеко не самый первый, и читается он как далеко не самый важный. Вместе с тем, с моей точки зрения, реализация всех других сформулированных авторами принципов — принцип удержания активности на стороне субъекта, принцип усилия со стороны субъекта, принцип поддержания надситуативной активности, принцип опоры на личность, ее потенциал и возможности — если угодно, операционализация этих принципов возможны только с опорой на развитие

системы общественных отношений бездомного человека. В каком-то смысле можно сказать, что, только запечатлевшись в другом человеке (вспомним идею метандивидуальной репрезентации личности А.В. Петровского и В.А. Петровского — см., например, [3]), личность такого человека может стать видимой.

Иными словами, именно социально-психологические аспекты работы с людьми

без определенного места жительства представляются мне первостепенными, системообразующими. И я, будучи главным редактором журнала «Социальная психология и общество», могу только приветствовать публикацию в нем статьи, заставляющей в очередной раз вспомнить, что человек, как сказал еще Аристотель, по природе своей есть общественное животное.

Литература

1. *Витко Ю.С., Лебедева А.А.* Практики работы с бездомными: перспектива возвращения «невидимой» личности // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 4. С. 146–169. DOI:10.17759/sps.2021120409
2. *Олпорт Г.* Становление личности. М.: Смысл, 2002. 462 с.
3. *Петровский А.В., Петровский В.А.* Индивид и его потребность быть личностью // Вопросы философии. 1982. № 3. С. 44–53.
4. *Толстых Н.Н.* Временная перспектива и психическое здоровье // Руководство практического психолога. Психолог в школе: практ. пособие / под ред. И.В. Дубровиной. 2-е изд. испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2017. С. 130–137.
5. *Толстых Н.Н.* Хронотоп: культура и онтогенез. М.: Универсум, 2018. 292 с.
6. *Ухтомский А.А.* Избранные труды. Л.: Наука, 1978. 804 с.
7. American Psychiatric Association. Committee on Nomenclature and Statistics: Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, ed. 3, revised. Washington, DC: American Psychiatric Association, 1987.
8. *Nuttin J.* Motivation et Perspective d`Avenir. Louvain: Presses Universitaire de Louvain, 1980. 288 p.

References

1. Vitko Yu.S., Lebedeva A.A. Praktiki raboty s bezdomnymi: perspektiva vozvrashcheniya «nevidimoi» lichnosti [Practice with Homeless Persons: the Prospect of the “Invisible” Personality Return]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 4, pp. 146–169. DOI:10.17759/sps.2021120409 (In Russ.).
2. Olport G. Stanovlenie lichnosti [The formation of personality]. Moscow: Smysl, 2002. 462 p. (In Russ.).
3. Petrovskii A.V., Petrovskii V.A. Individ i ego potrebnost' byt' lichnost'yu [The individual and his need to be a person]. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*, 1982, no. 3, pp. 44–53. (In Russ.).
4. Tolstykh N.N. Vremennaya perspektiva i psikhicheskoe zdorov'e [Temporal perspective and mental health]. In Dubrovina I.V. (eds.). *Rukovodstvo prakticheskogo psikhologa. Psikholog v shkole: prakt. posobie* [Guide to a practical psychologist. Psychologist at school: pract. allowance]. 2-e izd. ispr. i dop. Moscow: Publ. Yurait, 2017, pp. 130–137. (In Russ.).
5. Tolstykh N.N. Khronotop: kul'tura i ontogenez [Chronotope: culture and ontogeny]. Moscow: Universum, 2018. 292 p. (In Russ.).
6. Ukhtomskii A.A. Izbrannye Trudy [Selected writings]. Leningrad: Nauka, 1978. 804 p. (In Russ.).

7. American Psychiatric Association. Committee on Nomenclature and Statistics: Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, ed. 3, revised. Washington, DC: American Psychiatric Association, 1987.
8. Nuttin J. Motivation et Perspective d`Avenir. Louvain: Presses Universitaire de Louvain, 1980. 288 p.

Информация об авторах

Толстых Наталия Николаевна, доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой социальной психологии развития, факультет социальной психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3999-4503>, e-mail: nnvt@list.ru

Information about the authors

Nataliia N. Tolstykh, Doctor of Psychology, Professor, Division Head of the Social Psychology of Development, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3999-4503>, e-mail: nnvt@list.ru

Получена 11.01.2022

Received 11.01.2022

Принята в печать 28.01.2022

Accepted 28.01.2022

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Бюро в России

127051 Москва, ул. Сретенка, 29, к. 207

Тел.: +7 (495) 608-16-27

+7 (495) 632-95-44

Факс +7 (495) 632-95-44

e-mail: spas2010@mgppu.ru

Редакционно-издательский отдел МГППУ

123390 Москва, Шелепихинская наб., 2А, к. 409

Тел. +7 (499) 244-07-06 (доб. 233)

e-mail: k-409rio@list.ru

Корректор *А.А. Буторина*

Компьютерная верстка: *М.А. Баскакова*

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

Russian office:

Sretenka st., 29, office 207

Moscow, Russia, 127051

Phone: +7(495) 608-16-27

+7(495) 632-95-44

fax: +7(495) 632-95-44

e-mail: spas2010@mgppu.ru

MSUPE Editorial and publishing department

123390, Moscow, Shelepikhinskaya nab., 2A, office 409

Tel.: +7(499) 244-07-06 (ext. 233)

e-mail: k-409rio@list.ru

Technical editor *А.А. Буторина*

Maker-up *М.А. Баскакова*